

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

К столетию выхода сборника
Д. К. Зеленина 1914 года

СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сборник Д. К. Зеленина

Пермь 2014

Отъ Сказочной Коммисіи.

Сказочная Коммисія, состоящая при Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, поставила себѣ цѣлью систематическое изданіе всего сказочнаго матеріала, поступившаго и продолжающаго поступать въ распоряженіе Географическаго Общества.

Въ настоящій сборникъ вошли сказки Уральско-Пермскаго края, записанныя въ 1908 году Членомъ Общества Д. К. Зеленинымъ. Сказочная Коммисія выражаетъ надежду, что появленіе этого сборника побудитъ мѣстныхъ любителей «живой старины» къ усиленному собиранію памятниковъ устнаго народнаго творчества вообще и старинныхъ народныхъ сказокъ въ особенности.

Присылка записей сказокъ въ Отделеніе Этнографіи теперь, когда начато, указанное выше изданіе, можетъ содѣйствовать Сказочной Коммисіи въ достиженіи поставленной ей Отдѣленіемъ задачи — привести въ извѣстность всѣ вообще русскія сказки, хранящіяся въ сокровищницѣ народной памяти.

К ЮБИЛЕЙНОЙ КНИГЕ «ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ»

Основной целью юбилейного издания, посвящённому 100-летию выхода в свет уникального сборника «Великорусские сказки Пермской губернии», показать богатейший сказочный пласт, который сберегался народами Урала.

А.С. Пушкин в 1824 году в своем письме из села Михайловского — сетовал и восхищался: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Особым мастерством обладали сказочники во время исполнения своих сказок, это был своеобразный театр одного актера, тем более что сказочник дополнял выразительность своего выступления еще и жестами.

Именно на эту театральную особенность сказителей, а не только на содержание сказок, обратил внимание замечательный русский собиратель сказок Дмитрий Константинович Зеленин. Действительный член Российского Географического Общества по отделению этнография, Д.К. Зеленин более всего известен своим знаменитым сборником народных сказок, «Великорусские сказки Пермской губернии» вышедшим отдельной книгой в 1914 году.

Появление «Великорусских сказок Пермской губернии» вызвало многочисленные положительные отклики в печати. В рецензии академика С.Ф. Ольденбурга, организатора и председателя Сказочной комиссии Российского Географического Общества, содержится высокая оценка труда Д.К. Зеленина: «Рассматриваемые нами тома великорусских сказок Пермской и Вятской губерний могут служить образчиком того, как комиссия поняла свою задачу. Она заключалась в первую очередь в том, чтобы систематически собрать, пока еще не поздно, всю русскую народную сказку, поскольку она еще сохранилась, и издать собранный материал соответствующим образом. Медлить с собиранием нельзя: Россия — последняя страна в Европе, кроме, может быть, балканских государств, где старая народная сказка еще не вымерла и не заменилась новыми формами словесности».

С. Ф. Ольденбург отметил, что особая ценность сборников Д.К. Зеленина обусловлена самой личностью ученого: «Среди современных собирателей русской народной сказки Д.К. Зеленину принадлежит, бесспорно, одно из ведущих мест: прекрасный знаток местных говоров, редкий знаток великорусского быта нашей деревни, опытный собиратель и разносторонний исследователь, он хорошо известен своими работами по русской этнографии. Тем ценнее и любопытнее его сборники сказок».

Успешная научная деятельность Д.К. Зеленина направленная на собирание ярких образцов русского фольклора была высоко отмечена — в 1912 году ему была вручена Большая золотая медаль Российского Географического Общества.

Д.К. Зеленин в предисловии к своему сборнику «Великорусские сказки Пермской губернии» писал: «В Екатеринбургском уезде записано теперь около ста (99) русских сказок, во всей же Пермской губернии — около двухсот русских сказок (196), не считая сказок башкирских, пермяцких и иных. Таким количеством записанных сказок могут похвалиться только весьма немногие великорусские губернии».

И в этом видимо, нет случайности. Действительно, именно здесь хранилась большое количество сказок в памяти народной. И это не удивляет нас. Территория Пермской губернии

стала своеобразным хранилищем народной фольклорной памяти, так как на Урал приезжали русские поселенцы из многих центральных и северных губерний Российской губернии.

Не случайно, Д.К. Зеленин обращает внимание на то, что «...по степени образования население Екатеринбургского уезда нисколько не уступает великорусским губерниям центрального промышленного округа — Владимирской, Ярославской и Московской, где народные сказки если и сохраняются еще теперь, так разве в самом ничтожном количестве. Очевидно, в Пермской губернии имеются какие-то особенные причины, которые способствовали лучшему бытованию здесь сказочной традиции».

Д.К. Зеленин особо подчёркивает, что уникальное географическое пространство под названием «Урал» не могло: «...не производить на обитающего тут человека впечатление чего-то таинственного, волшебного; все это должно было направлять воображение местного жителя в таинственный мир неведомого и чудесного, усиленно питать веру в близость этого чудесного и таинственного».

Тем самым Д.К. Зеленин свидетельствует, что именно неповторимый природный ландшафт способствовал возникновению у народов проживающих на Урале повышенный интерес к сказке, «так как сказка для местного жителя служит, в сущности, ответом воображения на пытливый вопрос о том, чем же и как живет этот дикий и угрюмо-безлюдный Урал».

Чтение пермских сказок погружает в стихию подлинной сказочной речи. Поражает своим разнообразием лексика, свобода в употреблении приставок (удумали, понапились-понаелись, просмешник, отдарки), суффиксов (топучее болото, настрелял дичятины, крикнул лакейкам, завели пировку, народу теснотилось, умственные зятевья, усастьи стражник). Какое чувство родного слова в этой лексической изобретательности (милыш, гулеван, богатирица, бабица), в этой синонимии: «Чудовище притащил ему воды и рукотер (утирку по нашему, или полотенце)»

Сборник «Великорусских сказок Пермской губернии» справедливо можно считать, по нашему мнению, одной из жемчужин русской народной словесности. Сказки Пермской губернии служат поразительным примером того, до какой высокой красоты может подняться народное творчество. Не будет преувеличением сказать, что такое произведение народного творчества в его удивительной гармонии и красоте составляет гордость русской народной сказки.

Прошло сто лет с тех пор, как российский читатель познакомился с дивным собранием пермских сказок, но интерес к необычному народному творчеству не прошёл. Юбилейное издание пермских сказок, предпринятое Эренбургом Б.А., в прекрасном художественном оформлении, тому чудесное подтверждение.

И как будут благодарны современные читатели собирателю уральских сказок Д.К. Зеленину, который записал и донес до нас в своей первозданности дивный мир сказки. Наравне с другими жанрами фольклора Д.К. Зеленин считал, что сказки «как произведение народного гения, они характеризуют наше народное мирозерцание, раскрывают душу народа».

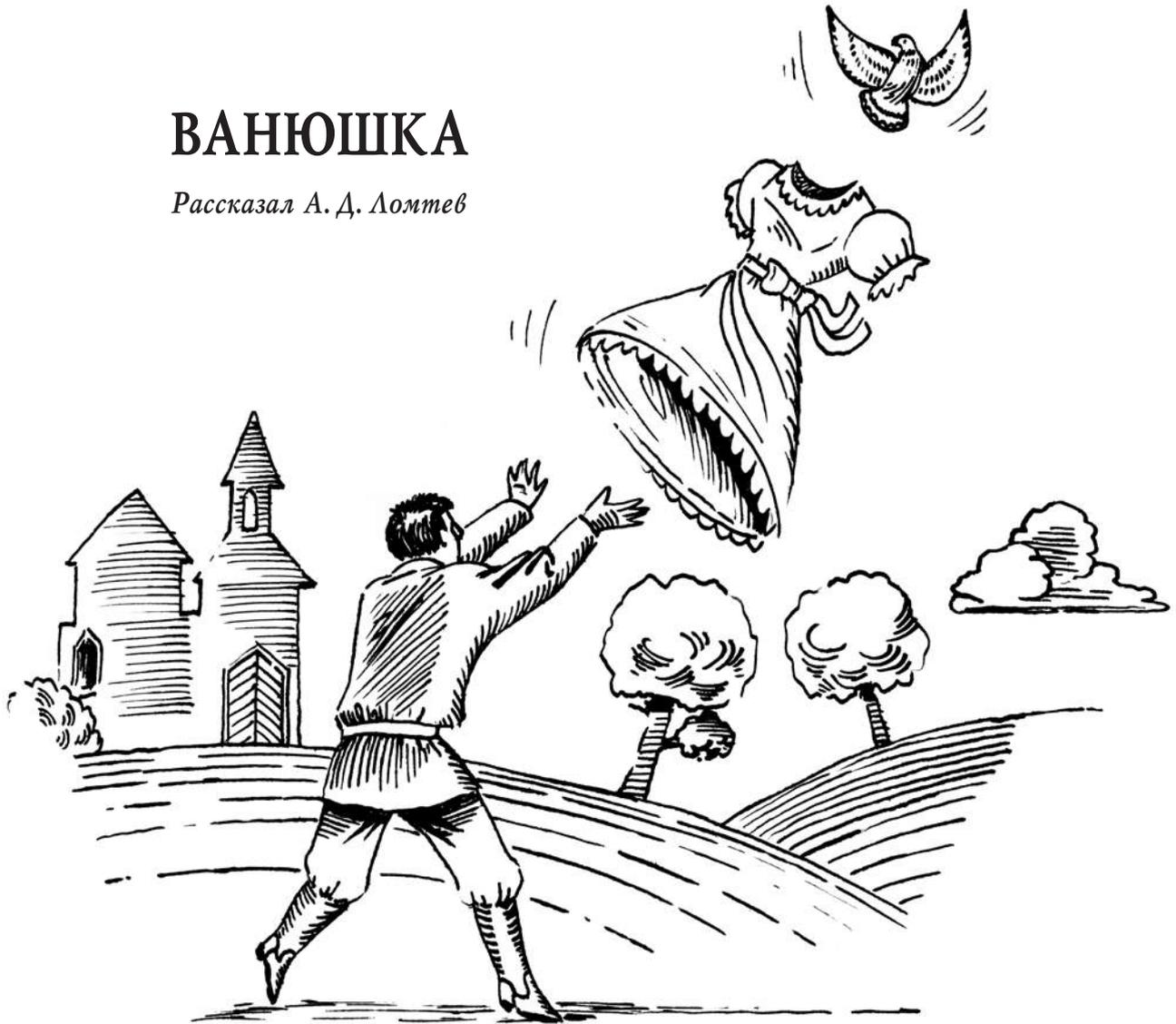
В пермских сказках отражено много правды об уральской старине. В их сказочной поэзии передаётся народный характер жителей Урала в прошедшие века, с его обычаями и понятиями окружающего мира.

Пермская сказка — это повествование о чём-то совершенно не возможном. Очень важная деталь — в сказке обязательно присутствует фантастическое, неправдоподобное: животные там разговаривают и часто помогают сказочному герою; обыкновенные на первый взгляд предметы оказываются волшебными и т.п. Недаром известная русская присказка гласит, что «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Без фантастики не бывает сказки, а нередко она еще и поучительна, и «добрые молодцы» действительно могут извлечь из нее для себя жизненный урок — урок нравственности, доброты, честности, ума и иной раз хитроумия, без которого, бывает, никак не выпутаться из беды.

Доцент ПГНИУ Николаев Ю.К.

ВАНЮШКА

Рассказал А. Д. Ломтев

Отец повел своего сына, Ванюшку, учить. Застала их дорогой буря-ненастье. Пошел дождь. Заблудились они. Пришли нечаянно к какому-то дому. — «Станем мы, тятка, к забору: не так будет нас дождем бить». А в этом доме живет старик — ему 500 годов. Услыхал этот голос. — «Кто тут около моего дома?» — «Мы с сыном». — «Ага! — сказал старик, — заходите в мой дом». Запустил их и спросил: «Куды вы пошли?» — «Своего сына учить». — «Отдай ты мне его на три года: я выучу его к худу и добру». — Согласился.

Ночь переночевали. Старик домашней начал его самовар ставить учить: налил воды и жару наклал. — «Ванюшка, тащи-ка из комнаты чего там есть на столе!» Натасил им всего — жареного и пареного. — «Добродетельной, видно, хозяин, хорошо нас накормил! Слушай его во всем!» — Проводил отца домой, хлеба ему на дорогу и всего положил.

Сын остается со стариком: живет год, живет и два, и третьего наполовину. — «Что ты меня не учишь никакому ремеслу? Это я и дома умею. Не будешь ты меня учить, я домой уйду; а если будешь учить, буду проживаться!» — Доверил ему старик от семи комнат ключики: «Ну, Ванюшка, к какому ремеслу заглянется тому и учишься!» Проводил старика, пошел по комнатам. В первую комнату зашел: денег медных навалена куча. Во вторую комнату Ванюшка перевалился: тут тоже серебра кучи — не меньше того, как и меди. — «Экой богатый старик!» В третью комнату зашел — тут серебра груды. В четвертую комнату зашел — тут бумажных денег поленицы. — «Ну, что мне ремесло! Если мне охапку денег даст старик, так тут мне никакого ремесла не нужно!» В пятую комнату зашел — тут наслаты ковры, драгоценными камнями убраны, висят скрипки и гитары. — «Экой старик забавник!» В шестую комнату зашел — наловлено всякого сословия разных птиц, поют разными голосами. Ванюшка подивился: «Надо же наловить!»

Ванюшка ходит день и два по этим комнатам. Старик сказал: «Что, Ванюшка, к какому ремеслу ты обучаешься?» — «А что мне, дедушка, ремесло! Если ты мне хорошую вязанку навяжешь денег — вот нам и не нужно ремесло!» — сказал Ванюшка на это. — «Обучайся к чему-нибудь, к ремеслу к какому-нибудь!» — «Ну, ладно!»

Старик ушел на охоту, а Ванюшка взял ключи, пошел по комнатам. Дошел до седьмой комнаты. Ах, дверь крепкая! До этой комнаты старик Ванюшку не допускает, а что-нибудь да там есть лучше! Увидел: на двери есть такой сучок. Взял он палочку-колотушечку, проколол этот сучок. Видит: в комнате сидят три девицы, вышивают ковры драгоценными камнями. Ванюшка крикнул. Девицы на это сказали: «Ванюшка, что ты к нам в гости не ходишь?» — «Я еще молод, до вашей комнаты мне дедушка ключики не дает». — «Ну, мы тебя научим». — «Научите!» — «Повечеру старик придет, ты ему подай бокальчик — и два, и до трех — старику!..»

Старик приходит повечеру. — «Ох, дедушка, ты кажный день ходишь, небось пристал?» — «Как же, Ванюшка, не пристал?» — Ванюшка подал ему стаканчик, и два, и до трех. — «Эх, ты как меня разогрел! Ты перетряси перину мягку, подушки пуховы; одеялом соболиным приодень меня!» — «Ладно, ладно, дедко, ложись!» Все ему исправил это. Лег он на левый бок. Ванюшка на него глядит, не спит. Переверотился на правый бок: на левом уху у него ключик от комнаты, у старика. Взял Ванюшка снял тихонько ключик, пошел к девкам в комнаты.

Доходит, отворил комнату; стал, никто с ним не говорит: онемел и стоит. Девицы сказали: «Что ты, Ванюшка? Али мы хороши?» — «Сколько ли у дедушки в комнатах хорошо, а вы мне показались еще лучше!» — «Ну, Ванюшка, поди же ты вот в эту комнату! В этой комнате есть комод. В этом комоду есть шкатулка; гляди: на верхней полочке ключик лежит. Отопри шкатулку: есть наши самосветные платья, тащи сюда!» — Ванюшка притащил платья, подает им. Они надели платья, взяли его под ташки и пошли кадселью плясать. — «Ванюшка, что мы — хороши?» — «Я на вас зрить не могу: вы настолько хороши!» — «Хотя мы и хороши, только ты и видел нас!» — Пали они на пол и сделались пчелами. Ванюшка их потерял. Сел на лавку, замахал руками, заботал ногами — задурел: не ладно, видит, сделал. Отворил двери, они потом улетели от него — вылетели из хоромов.

Проснулся старик, схватился за левое ухо: ключика нет. Взглянул на Ванюшку: «Сукин сын! Кто тебе дозволил с моего уха ключик взять?» — «Да кто дозволил? Я вчера тебя поил вином — обманывал! Кто позволил? Они же научили меня, суки!» — «Что ты наделал? Я теперь должен их три года собирать!» — «А что тебе делать? Собирай!» — «Ты теперь три года жил и еще три года живи!»

Старик отправился, Ванюшку оставил на три года дома. Старик приходит, приводит — через три года — всех трех девиц опять обратно. — «Вот прожил ты, Ванюшка, шесть годов у меня. Теперь ты в совершенных годах; я тебя женю теперь... А которую ты из них возьмешь?» — «Да хоть которую!» — «Да которую все-таки?» — «Да вот хоть эту же возьму!» —

«Нет, эту не бери, вот эту возьми!» — Отвел ему дом особенный. Всего в доме довольно: вам навеки не прожить, говорит, тут. Отдал ему шкатулку, сказал ему: «Не отворяй, не надевай на нее и платье!»

Прожили они неделю. Пошла она к обедне. Собралась в траурное платье, надела шаль черную пуховую на себя. — «Эка собралась я теперь как умоленная монашка! Кабы хороший муж, дал бы мне самосветное платье! Люди-то бы посмотрели: эх, скажут, у Ванюшки женщина-то хороша!» — Ванюшка вспомнил, что дедушка не велел; как полыснет ее, она и с копылков долой! — «Айда! Мне ладно, а люди что хошь говори!»

Неделя проходит, старик к ним приходит в гости. — «Что, Ванюшка, поживаешь?» — «Спасибо, дедушка, поживаю хорошо!» — «Теперь айда ко мне в гости: ко мне гости приедут». — Поблагодарил Ванюшка, сказал хозяйке: «Давай собирайся!» — «Сейчас айда-те: гости приехали!» Жена собралась в траурное платье, надела на себя черную пуховую шаль. — «Вот к дедушке приедут гости все из царского колена. Вот, кабы хорошей муж, надел бы на меня самосветное платье!..»

Забыл Ванюшка, вынул ключик, достал из шкатулки это платье. Надела она это платье скоро на себя; надела и поцеловала его. — «Ну, пойдем теперь!» — Вышли на улицу. Пала она на землю, и сделалась она голубем и улетела от него. Вот тебе и жена!

Тогда он воротился в комнату, сел на лавку, замахал руками, заботал ногами... Да хоть сколько маши, никто не уймет! Вышел Ванюшка на двор, набрал соломы охалку, напихал полную печь. Напихал и зажег. Накрошил он сухарей, наклал в котомку и пошел жену искать: не пойду, говорит, в гости к старику один. Шел день до вечера, зашел в топучее болото и огрыз до колена. Вышел на долину, сел на кочку, взял сухарик: сидит поедает с горя-то. «Жди, отец! Выучился Ванюшка! Сам не знаю, как выплестись отсюда! Сам не знаю, где живу!» Заплакал Ванюшка.

Соскочил Ванюшка, поглядел во все стороны — увидел в одной стороне огонь. — «Знать-то, жители живут!» Ванюшка пошел на этот на огонь. Приходит: стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается. — «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставила! — к лесу задом, ко мне передом!» Зашел в эту избушку, разулся, разделся, лег на печку и лежит по-домашнему. Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит, и лес трещит. Заходит в избу, разевает рот — хочет Ваню съесть эта Яга Ягишна. Ванюшка сказал: «Что ты, старая сука, делаешь? В прочих деревнях так ли делают старухи? А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты проживался?» Старуха одумалась: затопила баню, выпарила, накормила его. — «Где же ты проживался?» — «Я проживался шесть лет у дедушки в учениках: он поженил меня на малой дочери». — «Экой ты дурак! Ведь ты жил у брата у моего, а взял племянницу мою. И она вчера была у меня на совете. На что ты надел на нее самосветное платье? Она бы жила и жила у тебя, не надевал бы, говорит, на нее!» — «Ты уж теперь меня, тетюшка, научи, как к ней дойти?» — «Пойди, там еще есть у меня сестра, поближе к ней живет, там она тебя научит».

Дала ему подарок лепешку: «Будет лезть есть тебя, так ты ее в зубы тычь, этой лепешкой!» Дала ему еще воронью косточку; он ее в карман положил. Опять пошел в путь.

Шел день до вечера. Зашел в болото топучее — ночным бытом. Огряз до колена в болоте, вышел на долину, сел на кочку, вынул сухарик, сидит поедает. Соскочил на ноги. Увидел опять: огонек горит. «Знать-то, там тетка моя живет!» Пошел на огонек. Избушка стоит на козьих ножках, на бараньих рожках, повертывается. — «Избушка, будет култыхаться: время Ванюшке заходить». Зашел в избушку, по-домашнему разулся, разделся, лег на печку и лежит.

Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит — и лес трещит. Заходит в свою хату. Прибежала и лезет на него есть. — «Эх ты, старуха! В протчих деревнях так ли делают? Ты должна добром обходиться!» Тычет ей лепешкой в зубы. «Вот что ты делаешь! Ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клонит, где проживался?» Одумалась

старуха. «Ладно, от сестры ты гостинец принес, лепешку». Истопила баню, выпарила, накормила. — «А где же ты, милой друг, проживался?» — «Проживался я у дедушки шесть лет в учениках, он и поженил меня на малой дочери». — «Вот ты какой дурак! Ведь ты жил у брата у моего, а взял племянницу мою. Вчерась она у меня была на совете. Не надевал бы на нее самосветное платье — куда бы она не ушла от тебя!» — «Нельзя ли как, тетушка, через тебя доступить к ней?» Дала она ему в подарок жар-птицыну косточку. — «Есть там моя старшая сестра; та тебе обскажет: она близко около нее живет... Она очень злая; дам я тебе еще полотенце: как лезть на тебя будет, ты ей хлещи по глазам!»

Пошел он. Шел день до ночи, зашел в топучее болото и огрыз до колена. Вышел на долину, сел на кочку, есть захотел, взял сухарик, сидит поедает; съел сухарь, встал, поглядел во все стороны, увидал в одной стороне огонек. Пошел к огню. Избушка стоит на козьих рожках, на бараньих ножках, повертывается. — «Избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, к нам передом!» Заходит в избушку: никого нет, один фитилек горит.

Неоткуль взялась Яга Ягишна: бежит — и лес трещит; прибежала и лезет на него есть. Он полотенцем ей по глазам хлещет. — «Что ты, старая сука?.. Должна спросить: откудава ты и куда пошел? Вот как в протчих деревнях делают старухи-то: должна про меня баню истопить, выпарить!..» — «Ладно, ты принес от сестры полотенце: признаю я тебя знакомым». Истопила баню, выпарила, накормила. — «Где же ты, мой друг, проживался?» — «У дедушки шесть лет в учениках проживался, он и поженил меня на малой дочери. Она от меня улетела». — «Дурак ты, дурак! Вчерась она у меня на совете была. Не надевал бы на нее самосветное платье, куда бы она не ушла от тебя!» — «Научи-ка ты меня, тетушка, как доступить?» — «Ну, ладно, пойдем со мной, покажу я тебе ее дом».

Завела она его на гору. — «Видишь: вот в этой стороне вроде солнца огонь?» — «Вижу», — говорит. — «Это не вроде солнца огонь, а это ее дом: он весь на золоте, — говорит. — До него еще идти тебе 300 верст, до этого дома. Иди ко мне теперь, я тебя учить буду, как заходить к ней в дом... На, я тебе дам лепешку: у ней у ворот привязаны три льва, и они тебя так не пропустят. Ты разломи ее на три части, разбросай им. Они будут лепешку есть, ты проскочи во дворец. Стоят три дежурных у поратного крыльца — не будут тебя пущать. Ты на это не гляди: одного польсни, чтобы он с ног долой, и другой повалится, а третий скажет: проходи, проходи! Ты и пройди. Зайдешь в комнату, и в другую. В третьей комнате она сидит в хороших креслах таких. Ты не назови ее тогда женой: назови ее тогда государыней: она ведь царица, не простая! Пади перед ней на колени, скажи: «Государыня, дай мне три раза спрятаться: если я в три раза не упрячусь, тогда меня куда знаешь, туды и девай!»

Дала еще она ему щучью косточку и проводила. Ванюшка исполнил все, как ему было сказано; пришел к царице во дворец, пал на колени и просит ее: «Государыня, дай мне три раза спрятаться: если я в три раза не упрячусь, тогда меня куда знаешь, туды и девай!»

«Ох ты, Ванюшка, — сказала она, — где тебе спрятаться? Я тебя везде найду!» — «Ну, дозвоьте все-таки, государыня, спрятаться!» Она дозволила. Он вышел на лужочек. «Куда мне спрятаться? Сесть под куст, так она найдет!» Сунулся в карман. Попала перво-наперво ему воронья косточка, первой тетки. Бросил он эту косточку на лужок. Неоткуль взялся могутный ворон, взял его под шашки, за руки и затащил его в топучее болото; только одна голова осталась у него не спрятана. Ворон сел на голову, закрыл его — спрятал.

«Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркала: я буду Ваню искать!» Искала она его везде — по болотам, и по лесам, и по лугам, и в морской пучине: нет нигде его. Нашла его в топучем болоте: ворон сидит на голове на его. — «Ворон, вытащи Ванюшку, чтобы он был здесь!» Ворон выхватил его из болота, принес на море, курнул его — вымыл, принес на берег на лужок. Приходит Ванюшка. — «Что, Ванюшка, раз спрятался?» — «Спрятался». — «Ну, ступай, еще прячься раз!»

Ванюшка отправился, вышел на лужок, вынул жар-птицыну косточку, от другой тетки. Неоткуль взялась жар-птица, взяла его под ташки и унесла его под небеса, спрятала и дер-

жит его там под облачком. Время вышло. — «Слуги, подайте мне гадательную книжку и зеркала, я буду Ваню искать!» Начала она наводить по морям, по лесам, и по лугам — нет нигде. Навела она на небесную высоту и увидала его под облачком. — «Жар-птица, сыми его, не убей!» Жар-птица сняла его, поставила его как есть на ноги, на лужок. Заходит он к ней... — «Ступай, поди прячься в третий раз!»

Ванюшка отправился в третий раз. Вышел близ моря; хватился в карман, попалась ему щучья косточка. Бросил он ее на лужок. Неоткуль взялась могучая щука; взяла его заглотнула в рот и унесла в море, в морскую пучину, и стала — залезла под камень. Подали гадательную книжку и зеркала: начала Ванюшку искать — по небесной высоте наводит, по лесам, и по лугам, и по озерам; навела в море, в морскую пучину, и под камень... Только у ноги у одной палец не заглотнула щука: палец видать. Немного не запрятался Ванюшка. — «Слуги, подойдите, посмотрите: куда запрятался Ванюшка!» Слуги подбежали, посмеялись. — «Щука, представь мне на сухой берег его!» Тогда щука выпятилась из моря, выплюнула на сухой берег, всего измяла его.

Приходит Ванюшка во дворец, заплакал; увидала у ней служанка, сожалела его, что ему смерть. — «Постой, Ванюшка, милой друг, постой со мной, поговори! Я тебя научу. Проси у ней усердно, чтобы она тебе еще раз дала спрятаться! Я тебе куды велю спрятаться, так ей вовеки не найти. Если дозволит она тебе спрятаться, поди, со зла дверь запри, во вторую комнату войди, тут есть зеркала: меж зеркал ляг и лежи!» Приходит к ней, пал перед ней на коленки. — «Ну, что, Ванюшка, какую себе теперь смерть желаешь? На виселицу тебя или живого в могилу закопать?» — Он заплакал и говорит: «Государыня, дозвожь хоть мне еще раз спрятаться». — «Где тебе спрятаться? Я тебя везде найду!» Слуги и генералы его пожалели: «Государыня, пожалей его: дай еще раз ему спрятаться!» — Согласилась.

Ванюшка пошел от нее, со зла двери запер; во вторую комнату зашел, меж зеркалов пал и лежит. Прошло время. Начала она искать его везде — в море и в морской пучине, и по лесам, и по озерам, и по лугам, и в небесной высоте... Нигде не может найти. — «Вы меня, подлецы, довели до этого! Велели ему спрятаться!» Тогда бросила свои книги от себя, ходила-ходила по комнатам, потом села в стуле, повесила голову и сидит. Скричала: «Ванюшка! Где ты есть? Иди сюда! Станем жить вместе!» Ванюшка лежит и не отгаркивается. Во второй раз она взяла опять книги и зеркала, искала, искала... опять не могла нигде найти. Ей зеркало на зеркало никогда не навести. Побегала, побегала по комнатам. — «Эй, милой Ванюшка! Где ты? Иди сюда! Не будем с тобой ссориться, станем вместе жить с тобой!»

Он стал жить вместе с ней. Месяц прожил, послал письмо отцу: «Я живу теперь в таком-то царстве, владею царством. Если желаешь, приезжай ко мне на житье!» Отец пожелал к нему на житье.

МАРФА-ЦАРЕВНА И ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Аомтев

Жил-был мужичок. У него было три сына и три снохи. Одну сноху они недолюбливали. И этой снохе жить стало невозможно дома. Отправилась она в темные леса. Ей время то пришло — родить сына. Родился у ней сын в Урале. Родился и спрашивает ее: «Почему же ты не в жиле меня родила, а в темных лесах?» — Еще сын просить стал: «Нареки, мать, мне имя!» — Нарекла она ему имя Иваном.

Трои сутки тут пробыли, потом пошли в поход: «Не будем, мать, здесь жить: тут с голоду помрем». Нечаянно вышли с ним на трактовую дорогу. Пошли с ним дорогой: «Не сойдем мы с этой дороги в сторону — где-нибудь в селенье натакаемся». Дошли до такого рову: выходят на них три разбойника, нечестно его мать взяли за руку и ведут под этот мост. Сказал Ваня: «Неужели вам моя мать достойна? Повели вы ее под этот мост?» — Тогда они изматерили его, мальчика этого. Мальчик не сробел: схватил их всех троих, ударил голова об голову, и они остались тут.

Шли они дивно от этого места и увидели в стороне агромадный дом. Заходят в этот дом с матерью; в этом доме нашли белого хлеба там и вари. Наелись они хорошо тут. Ваня ходил по комнатам и слышит: человек стонет; а не знает, где Ваня нашел западенку, отворил: там гроб и в гробу человек стонет. — «Кто тут такой?» — «Ты меня вытащи из гробу — я буду тебя сохранять!»

На гробу были натянута три обруча железных. Нашел Ваня лом и сшиб эти обручи; скрыл крышку. Вылезает человек и раскрывает рот — хочет Ваню съесть. Ваня видит непорядки, взял его в охапку, опять положил в гроб и накрыл крышку — опять обратно. Принагнул коленку и натянул обручи: «Не мною положен, не мною и оставайся тут».

Пошел Ваня по комнате, увидел ружье и припасу, взял себе ружье. Матери своей говорит: «Я схожу по Уралу, не застрелю ли каку-нибудь себе дичьину». — Отправился. Матери сделалось тоскливо сидеть в комнате, захотела разгуляться. Пошла она к этим самым трем разбойникам — к этому мосту. Приходит к мосту. Действительно, они очуствовались, сидят все на жопах. Увидели женщину, не отпустили ее — увели в свой дом; а этот самый дом был их, разбойничий. Приходят, зарядили ружья и говорят: «Если придет твой сын, мы его застрелим, а тебя не отпустим». — «Дело ваше!» — Наджидают его. Сын пришел и глядел тайно в окно; они собираются его застрелить. Молодец рассмотрел. На том решился, что мать оставил тут, а им не показался — ушел от них.

Пошел по Уралу и натакался: стоит огромный дом. В этом дому никого нет. Походил по комнатам; в печь заглянул, видит: жаркого латка. Он и хлеба нашел, наелся как требно быть, зашел в особую комнату, лег на диван отдыхать. Не через много время Чудовище прилетел, ударился об порат и сделался молодцом. Заходит этот Чудовище в свою комнату, видит, что латка на боку и поедено все. — «Ишь, а кто меня огложал? Если б я того раба видал, я бы и самого его сожрал!» — Заходит в особую комнату, увидел Ваню, разевает рот — хочет Ваню съесть. Одумался Чудовище: «Что я буду его, сонного, есть? Разбудить надо, расспросить:

кто он такой, откуда есть? Из моих рук никуда не девается-де он». — Начал Ваню нечестно будить. Ваня сбросил глаза и говорит: «Дай мне воды и рукотер умыться: я умоюсь и тогда буду говорить». Чудовище притащил ему воды и рукотер. Сказал Ваня: «Вот что, хозяин, я Бога шибко не спознаю: родился в лесу, а молился пню; прими меня в дети». Чудовище сказал: «Как тебя зовут?» — «А меня, — говорит, — мать нарекла мне имя Иваном». — Согласился и принял его в дети.

Стал Ваня проживаться с ним. Поутру рано Ванюшка завтрак ему пригоношил: самоварчик и нажарил-напарил на него. Чудовище похвалил его: вот мне, знать, хорошая жизнь будет теперь - завтрак пригоношил про него. Позавтракал Чудовище, собрался как есть, размахал свои крылья и улетел с поратного крыльца.

Ваня посмотрел на его сборы: размахал свои руки, как Чудовище — хотел лететь — и пал на столб, расшибся весь. Повечеру прибывает отец, ударился об порат и сделался молодцом — как есть: кричал долго Ваню. Ваня нигде не оказывается, голосу не подает ему. Увидал Ваню на столбе; подходит Чудовище к нему: «Что ты, милый сын, так сидишь и голосу не подаешь?» — «Я по-твоему хотел лететь». — «Ну, прощу тебе первую вину; скоро тебя вылечу». — Сходил он в комнату и притащил бутылку зельев ему. Наливал он враз ему три стакана. Тогда он почувал в себе силу непомерную, Ваня: был силен, а еще втрое сильнее того стал. Натащил говядины на ужин, нажарили-напарили и самоварчик поставили.

Поутру изготовил ему завтрак: тот еще спит. Чудовище встает и хвалит сына: «Надеюсь я на тебя, сын; доверяю я тебе ото всех амбаров ключи; только я не позволяю тебе в одну конюшню ходить». — «Ну, когда не дозволяешь, так не пойду». — Наелся Чудовище, отправился неизвестно куда. Пошел Ваня по амбарам — глядеть, что есть у него. Доходит до этой конюшни: а что, две смерти не будет, одной не миную — давай зайду в эту конюшню. Отворил конюшню: стоит богатырский конь и на огненной доске, прикован кругом цепями этот конь. Сужалел Ваня коня. Конь ему и говорит: «Послушай, Иван крестьянский сын: если ты сорвешь с меня эти цепи, сведешь с каленой доски, тогда жив будешь из-за меня!» — Свел его с доски. — «Поставь меня в эту конюшню, тащи ушат белояровой пшеницы и ушат мне воды». «Ты ходи ко мне почаще, а своего отца спроси: когда он поедет за Марфой-царевной?» Тогда улещался Ваня около отца как можно лучше, ухаживал за ним и спрашивал его: «Когда же ты, тятя, поедешь — привезешь мне мать?» — Чудовище сказал: «Когда последний день я полечу, так тогда я тебе скажу».

На седьмой день отправился Чудовище, сказал: «Ты приготовь сегодня пищи побольше, да аккуратнее исправь, в оградке подмети: я тебе сегодня мать привезу!» — Проводил отца и побежал к коню, не стал и кушанье готовить. Приходит к коню и говорит: «Отец сегодня говорил, что привезет мне мать». Конь и говорит: «Я в тебе силы не уверился. Есть в таком-то амбаре стопудовая доска, столкнешь ли с места ты ее своей ногой?» — Ваня приходит, отворяет амбар, ногой своей пнул — доска полетела из стены в стену, забречела. Конь на это не уверяет. — «Можешь ли ты меня сшибчи своей рукой с ног долой?» — Ваня заходит с правого боку, польснул его своей рукой — он на три перевертышка перевернулся и на ноги стал. Конь похвалил за это: «Можешь ты на мне сидеть и можешь ты мною править. Поди же ты теперь вот в этот амбар: тут есть золото и серебро; мажь свои волосы золотом, а по локоть руки серебром», и у коня велел вымазать гривку золотом, а хвост серебром. Посылал его в запасной амбар взять богатырское седло, уздечку, стопудовую боевую палицу, перстень и перчатку. Тогда он собирался, сел на коня. Конь ему скричал: «Как можно крепче садись на мне теперь!» — Конь его бежал так: только три раза скакнул — и догнал этого Чудовища. Чудовище оглянулся и сказал: «Выкормил врага себе на шею». Ваня сказал: «Прощайся с белым светом — я кончу тебя, отца своего!» Польснул его боевой палицей и развалил его на три доли.

Конь сказал: «Смотри, Ваня, у Марфы-царевны-то завещанье: кто с верхнего этажу схватит ширинку — тот и ее жених будет». Пустился конь; прибегает в русское государство.

Конь взвился к балкону и выхватил ширинку с верхнего этажу. — «Хватай-лови!» — Такого молодца только и видели. Пустил коня в заповедные луга, себе сделал камышовый балаган.

У царя был семигодовалый бык, и было у него два зятя — он и велит им заколоть быка и сделать бал. Вывели быка семигодовалого, и эти зятевья не могут его удержать никак: больно силен он был. Ваня усмотрел, что они не могут его удержать, приходил к ним: «Братцы, что вы делаете? Али быка охота заколоть?» — «Да, заколоть; да мы его никак не можем свалить». — «Отдайте мне требушину и кишки, я вам пособлю за это». Ваня заходит сбоку, полыснул глаза — и глаза у него вылетели: успокоил его сразу; за хвост дернул — кожа долой; по брюху ударил — и кишки вылетели. Тогда выбрал требушину, взял кишки, вымыл как следует, надел на голову — образовалась шляпа у него, а кишками руки обмотал свои, чтобы не видно было серебро им.

Взял он лучок настрелял птицы много, Ваня; притаскивает к царю на кухню поварам: «Купите у меня дичятины; денег мне не надо, а мне дайте вина — ведра три водки, зелена вина я не пивал». Они сдвинулись, доложили царю. Царь приказал: «Выдать ему: что за обжора такой — выпьет ли, нет ли?» — Ваня выпил и попросился у них на печь отдохнуть. Они дозволили. Наехало много князьев и бояр и православного простонародия — жениха ждали. Марфа-царевна обносила водкой всякого — жениха нигде не оказалось. Она объяснила: «Вы приедьте завтра; завтра еще угошенье будет, больше сегодняшнего». Не прибудет ли жених завтра? — Повара тужат об этом деле: много склоти было, а жених не приехал. Ваня проснулся и говорит: «Не тужите, завтра он непременно прибудет». — «Как ты знаешь?» — «Он мне товарищ; я непременно ему скажу — он прибудет». — Тогда Марфа-царевна приходит на кухню, а этот самый Ваня отправился уже в свои луга. Тогда повара сказали: «Марфа-царевна, завтра жди непременно: жених прибудет к тебе». — «Почему вы знаете?» — «Был у нас стрелец — выпил три ведра водки у нас — и говорит, что прибудет: он мне товарищ», — говорит. — Тогда сказала Марфа-царевна: «Чудаки вы эдакие! Простой мужик никогда не выпьет столько вина; непременно это богатырь какой-нибудь был у нас».

Поутру они готовились. Народу много съезжается. А этот Ваня опять настрелял дичятины, принес на кухню и просит только одну четверть водки — для веселья. Четверть выпил и выходил во дворец прогуляться. Не идет в комнаты. Марфа-царевна по верхнему этажу всех князьев и бояр обнесла и выходила на двор тогда — подавала простонародию. Вышла из комнат. До него доходит и ему чару подает. И вот он бокал выпивает, а ширинкой Марфы-царевны уста вытирает. Тогда она его за ручку взяла, поздоровалась и в уста его поцеловала. Взяла его за ручку и вела в свои комнаты. Весь народ ахнул, что он не шибко в обряде; выбрала себе такого жениха нехорошего. — Царь его спрашивает: «А что, братец, из каких ты родов и как тебя зовут?» — «Я не знаю». — Сколько бы царь ни допытывался, он все говорит: «Я не знаю, как меня зовут». — Марфа-царевна и говорит: «Стало быть, он нашего языку не знает; а раз ширинка оказалась с ним — стало быть, он мой жених: я желаю сходить к венцу и обвенчаться с ним». Сходили к венцу, повенчались.

Царь приказал своей дочери: «Ты водкой обноси — будут вас с законным браком поздравлять! А его в комнате оставь, чтобы над ним не смеялись — что он не в обряде», — Марфа-царевна водкой обносила и орешками, а сама слезьми уливалась, что мужа с ней нету ей бедно: надо обем быть-то тут. Сметил царь: «Что ты так слезьми уливаешься?» — Та объяснила. Приказал царь обем подавать. Приходит она к своему мужу: «Вот что, Незнаюшка, мы пойдем со мной водкой обносить, а нас будут поздравлять с законным браком». — «Не хочу я водкой обносить! А ты мне самому закатай ведер 7 водки!» — Царь приказал выдать: что — выпьет ли, нет ли, на испытующу. Приносят. Ваня водку эту всю выпивает. Приказал ей: «Поставь в караул дежурного, чтобы кто пьяного меня не похитил!» — Поутру разъехались все князья и бояре, мир православный; никого не осталось.

Утром присылает письмо богатырь: «Если царь не вышлет за меня свою старшую дочь, тогда я все царство порешу и попелочки замету!» — Умные зятевья сошлись — два зятя —

и говорят: «Тятенька, давай нам силы и орудие! Мы поедем воевать, а жен не дадим!» Марфа-царевна объяснила Незнаюшке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует старшую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Он приказал: «Тащи мне четверть водки, с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски, конь его богатырский бежит — земля дрожит; в лево ушко залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедрам: конь его рассержается, по сырой земле расстиляется; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих свояков. — «Стойте, мерзавцы! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» — «Пристань за нас!» — «Что вы мне заплатите? Вырежьте мне из жопы по пряжке!.. Отправьтесь вы теперь домой, скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна. Богатырь отвечает: «Что ты, племянник! Брата моего порешил (Чудовище-то был брат ему) и меня хочешь, а я посильнее его!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! (Он себя зеленым еще зовет, молоденьким.) В поле съезжаются, родом не считаются! Давай побратуемся!» — Они на версту разъехались; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел на себя требушиную шапку и обмотал руки кишками — как прежде — и идет в царские покои. Встретила его Марфа-царевна. — «Выдай мне четверть водки! Я, — говорит пристал».

На другой день требует еще другой богатырь то же самое: если вторую дочь царь не выдаст, все царство порешу и попелочки замету! Зятьевья собирались на совет. Марфа-царевна объяснила Незнайке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует вторую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Приказал: «Тащи мне четверть водки с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит; прибежал, на коленки пал: «Что тебе угодно?» — В лево ушко залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Бил коня по бедрам: конь его рассержается, по сырой земле расстиляется; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих свояков: «Стой, мерзавцы! Ни взад, ни вперед вам дороги нету! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» «Пристань за нас!» — «По ремню из спины вырежьте!» — Вырезали, передали ему эти ремни. — «Отправляйтесь вы теперь домой; скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна: «Двух моих братьев убил и меня хочешь! А я посильнее их!» — «Черт силен, да воли нет! Видишь ты зелен виноград, да не знаешь, как его убрать; в поле съезжаются, родом не считаются! Давай побратуемся!» — Разъехались они на две версты; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел требушиную шапку и обмотал руки кишками; идет в царские палаты. Марфа-царевна встретила его. — «Выдай мне четверть водки! Я, говорит, пристал!»

Переночевал. Поутру требует богатырь его жену, Марфу-царевну. Умственные зятьевья сказали: «Тятенька, мы не пойдем! Лучше самое ее отправить, чем ей за дураком быть! Лучше будет она за богатырем!» — В слезах она попросилась у отца: «Позволь мне в последний раз проститься с Незнайкой!» — Приходит и плачет: «Ох ты, Незнаюшка, ничего не знаешь, ничего не ведаешь! Я пришла с тобой последний раз проститься: требует меня сильный могучий богатырь!» Он и говорит: «Тащи мне четверть водки, тогда я с тобой поговорю!» Принесла. Выпил и говорит: «Смотри, собирайся все-таки к богатырю! Выедешь в луга — есть налево камышовый балаган, дальше него не езд, а дожидайся меня у камышового балагана!» — Она хоть и собиралась — радовалась. А Ваня отправился в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски — конь его богатырский бежит — земля дрожит. В лево ушко залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спущал экого

молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет! Садился на коня. — «Ох, — говорит конь, — этот силен, тебе не устоять, против этого богатыря у тебя силы не хватит! Ну, да ладно, — говорит, — поедем к богатырю, попросим: не даст ли он тебе еще силы; если не даст, так скажи: не для-ради меня, а для-ради коня-веща. Меня», говорит,» зовут: «коня-веща». К старому хозяину он едит-то.

Живо садился, ехал. Приезжает; стоит в каменном столбу этот самый богатырь. Заявляется к нему, приходит в его лицо и говорит: «Здравствуй, господин богатырь!» — «Откуль ты, какой ешь?» — «Я к твоей милости: не дашь ли ты мне силы?» — «С какой я тебе напасти дам? Я тебя сроду еще не видал!» — «Не для-ради меня дай силы, а для-ради коня-веща!» — «А что ты — конь-веща? Али ты жив? Явись в мое лицо, поговори со мной!» — Конь подскакал и говорит: «Здравствуешь, мой старый хозяин!» — «Здравствуй, конь-веща! Где ты столь долгое время проживаешь?» — «Я проживался у такого Чудовища, какого теперь едем победить; твоего сына он победил, у Вани силы не больше, чем у твоего сына: он его порешит, если ты силы не прибавишь ему!» — «Спасибо, — сказал богатырь, — что ты мне сказал: сына моего победил... Дам ему силы!» — Нацедил из своих ребер бутылку крови, подает ему и говорит: «Если чуешь в себе силы много, оставь и мне, не все пей!» — Ваня выпил эту бутылку и почувал в себе силу непомерную. Нисколь богатырю не оставил.

Приезжает — Чудовище-то уже близ Марфы-царевны, к камышовому балагану приближается. Приостановил богатыря: «Стой, Чудовище! Не в свое место едешь ты!» — «Убил ты моих трех братьев — я посильнее их втрое!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! В поле съезжаются, родом не считаются — давай побратуемся!» — Разъехались они с ним на три версты. Польшнули один другого — оба по 12 часов мертвые лежали, без чувствия. А Марфа-царевна сидела—плакала. Незнайко наперед его встал и сдумал: у меня еще есть оборона — перстень и перчатка. Подошел к Чудовищу, перстень и перчатку наложил — его на три части разорвало.

Подъезжал к Марфе-царевне. — «Видела, какое побоище? Теперь ты можешь мною похвастаться дома. За свояков я заступился, а то бы всю силу они загубили и сами бы не живы были; на что бычишко семигодовалый, и того не могли заколоть они! Теперь я приду домой — ты мне водки ведер семь закати, когда я пушу коня в луга». — Ваня подъезжает к царскому двору, скричал очень громко: «Я Чудовище кончил, за Незнайку заступился!» Свояки признают его и говорят: «Этот богатырь и за нас заступился». Марфу-царевну встречают с веселым со звоном. Ваня пустил коня своего в заповедные луга, а сам надел требушиную шапку и идет в царский дом. Марфа-царевна встретила его и закатали ему ведер семь водки.

Царь распорядился завести пир на весь мир — что его дочери остались дома. Съехались народу много — князев, и бояр, и православного народу. Напились все; захвалились эти свояки: «Мы своих жен не отпустили, сами убили богатырей!» — Марфа-царевна не выдержала и сказала: «Нет, кабы мой муж не помог вам, вам бы не убить! На что бычишко семигодовалый — и того не могли заколоть!» — «Что ты нас конфузишь?» — «Мне муж сказал; у него есть от вас по взятке — по пряжке из жопы да по ремню из спины!» — «Давай веди его к нам, мы с ним поговорим!» — Марфа-царевна приходит: «Незнаюшка, я тобой похвасталась». — «Вовремя похвасталась! Тащи мне четверть водки — мне повеселее с ними поговорить!» — Снимает с себя требушиную шапку и сбросил себе с руки кишки — волосики оказались в чистом золоте, а по локоть руки в серебре. Приходит: «Здравствуйте, тятенька и маменька! И вы, своячки, здравствуйте!» — «Почему хвастается твоя жена, что ты взятки взял?» — «Да, взял! Вот у меня ремни из ваших спин и пряжки! Видели: на голове требушинная шапка? Это из вашего быка; я вам пособлял!» — «Не ложно ли вы показываете? Вы бы приехали на коне, тогда бы мы поверили!» — «Да вот через минуту на коне приеду!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит. — «Съездим! Только одна проформа!» В лево ушко

залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спушал экого молодца! Накладывает на него уздечку, 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедрам; конь его рассержается, по сырой земле расстилается; три скока скакнул — у царского дворца стал.

Подъезжает к царскому дворцу, скричал своих своячков: «Ну, своячки, как желаете — так братоваться или по-мужицки, пешком?» — Выходила вся свита, и дивились свояки, что, верно, он. — «Что мы будем с ним делать?» — Он слез с коня. — «Ну-ка, господа, вас двое, я один: давай, беритесь, берите меня!» — Они взяли его двое; он над ними подсмехался, все стоял. — «Что, братцы, разе так борются богатыри?» — И он их взял в охапку и резнул их; они не меньше 12-ти часов мертвыми лежали; откачивали их. — «Свой чин, — говорит, — пожалел, а то бы кишки из вас вылетели!»

Царь приказал считать его за старшего зятя и слушаться его.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Рассказал А. Д. Аомтев

Старик пошел стреляться. Ему в этот день ничего не удалось. Он домой пошел — птичка сидит несъедобная. — «А чем мне даром домой идти, дай я ее застрелю!» — Приносит домой; старуха ругать: «На что ты птицу такую застрелил, несъедобную?» — Старик птичку взял, на базар понес продавать. Купец видит, подгаркал к себе его, говорит: «Продай эту мне птичку!» — Потом рассмотрел купец: под правым крылом написано у этой птички: кто головку съест, так будет царем, а кто сердце вынет из нее и съест, тот будет князем. Купец ему сначала дает сто рублей за эту птичку. Старик думает, что над ним смеются. — «Ну, что же, купец, да ты делом давай! По крайней мере не смейся надо мною!» — Тот ему двести рублей. — «Да ты что надо мной смеешься? Ты делом давай!» — Купец и думает: «Что уж его обижать! Получи, — говорит, — старик, триста рублей!» А птичка всего с кулак. — «Ну, давай деньги!» — Получил двести рублей; у купца ста рублей не хватает. — «Погоди, я к другу в лавку схожу, займу». — Купец ушел, а старик домой убежал — чтобы не отобрал он двести рублей. Купец — как знать, он где живет — запер лавку, понес остальные деньги старику. Купец идет; старик испужался: «Куды, старуха, спрятаться?» — «Спрячься в голбец». — Старик сидит там, а купец приходит, Богу помолился, поздоровался: «Где, старуха, у тебя старичок?» — «Конечно, у него одно ремесло, пошел стреляться». — «Он недополучил от меня сто рублей. Как теперь?» — «Передай мне; я передам ему». — «Да ладно, не обмани, старуха!» — Передал старухе, ушел домой. Старуха говорит: «Ну, старый пес, вылезай!..» И сделались они рады этим деньгам.

А у купца жена худыми делами занималась (блядовала). Купец приносит повечеру эту птичку своей жене и говорит, что «прибери ее на место; когда я ее прикажу тебе зажарить, тогда ты мне ее зажарь!» — Поутру чаю напился купец, ушел в лавку торговать. Купец уходит, гулеван к ней приходит. Она для гулевана самоварчик поставила и говорит: «У меня есть такая птичка, — не угодно ли тебе ее зажарить?» — «Принеси, я погляжу эту птичку! Какая эта птичка?» — Гулеван рассмотрел под правым крылом надпись... Она живо повару передает: «Поскорее зажарь эту птичку!» Он живо очаг затопляет и птичку изготавливает — зажарил ее в масле очень хорошо. Стал повар на тарелку класть... А у купца было два сына. Большак и говорит: «Повар, — говорит, — дай мне эту птичку, я люблю головки есть!» А меньшей говорит: «Когда ему головку дал, дай мне сердце!» Детям и достается. Купчиха притащила ему эту самую птичку. Гулеван смотрит: сердца и головки нет. И говорит: «Что я люблю, а того нету!» Посылает купчиху повара спросить, кто это мог съесть эту штуку — головку и сердце? Купчиха спрашивает повара. — «Большой сын головку съел, а меньшей — сердце». — Купчиха гулевану обратилась и говорит: «Это мои дети съели».

Гулевая на то сказала: «Если ты зарежешь своих детей, зажаришь, то я до той степени стану тебя любить, что меры нет!» — Купчиха приходит к повару и говорит: «Не пожалей моих детей — зарежь и зажарь их!» — Повар начал точить ножи, а большак и говорит: «Это к чему ты, повар, нож точишь?» — «Мать приказала вас заколоть и изжарить». — «Чем нас колоть (за то ты будешь отвечать), мы уйдем и домой не придем!»

Они собрались очень скоро, оба отправились. Ушли очень далеко, а хлеба с собой мало взяли — обессилели. Приходят к такой горе. Большак и говорит: «Брат, залезем на эту

гору — не увидим ли где селения? Мы с тобой оголожали, есть нечего!» — Меньшой остался под горой, а большак залез на гору. И видит с горы большак такой город: много народу вышло на площадь. А в этом городе, значит, царь помер, и они царя выбирали. И они то удумали: поставили свечку — перед которым загорит свеча сама от себя, когда он подойдет, тот и будет царь. И сколько бы из них ни подходило, ни перед кем не горит. Из них один увидал такого человека на горе — и сдумали за ним ехать. Приезжают на гору. Мальчик стоит, поздоровался с мужичком. Мужичок говорит: «Поедем со мной!» — «Я голоден!» — Засовался в карман, нашел крендель, подал мальчику, посадил его и увез. Подвозит его; подходит он к этой свече — свеча перед ним загорела. Птичка-та доказывает. Они кричали все: «Ура! Быть тебе царем над нами!» — «Господа! Когда вы меня поставили царем, у меня брат есть, под горой стоит; съездите за ним! Он голоден». — Разыскали и его, привезли. Большак сказал: «Вот, — говорит, — брат, я теперь наступил царем, а тебе быть передо мной князем!»

И вот они пожили эдак года с два — и сделалось брату его еще недовольно, что князем быть. «Брат, — говорит, — пусти еще меня по белому свету погулять!» — «Неужели ты этим недоволен? Голоду разе не видал?» — Большак не мог его переспорить; приказал накласть ему сухарей в котомку — приготовить в отправку. Покуль приготовление было, он все шел; потом припасы вышли, он обессилел, сел под древо. А на этом древе ягоды хорошие. — «Дай-ка я с голоду закушу хоть ягод! Мне не лучше ли будет?» — Искусил нижнюю ягоду, вдруг он поглядел на себя — поседел, стариком стал. Съел он вторую — оказались у него горба и рога у лбу; подобие на дьявола похож. Свалился, лежит под этим деревом. И вдруг прилетают две птички, садятся на это древо. Одна птичка и говорит: «Вот ведь молодец, — говорит, — свалился! Если бы он знал достать верхнюю ягоду — он бы такой молодец стал, лучше старого!» — А другая и говорит: «Это ему еще недовольно; если бы он знал, подошел к ентому дубу; дуб этот сворачивается, — говорит, — а под дубом лежит чугунная плита, а под плитой ковер-самолет и золотая кисть; кистью этой он может орудовать уже все!» — Достал он верхнюю ягоду, съел — и стал молодец лучше старого: здрел бы, глядел, с очей не спущал. А птички улетели с древа.

Потом он пошел, начал сворачивать дуб. Своротил дуб, отворотил чугунную плиту — и действительно, достал ковер-самолет и золотую кисть. Разостлал ковер-самолет и сказал: «Лети, ковер-самолет, в то государство, где царь-девица живет!» Царством правит она сама, девица. — Прилетает в это государство. — «Ковер-самолет, остановись!» — Собрал его под пазуху и идет городом. Доходит до пятистенного домику, заходит в этот дом. Живет в этом доме одна старушка. Старушка все равно как ему мать родная показалась, увидела его — обрадовалась. — «Вижу я, что ты с голоду; остановись у меня, и пообедай, и ночку переночуй! Пущай у тебя ноги отдохнут!» — Ночь приходит. Ужином она его накормила. Он и разостлался на лавочку: одну половину ковра-самолета постлал под себя, а другу развесил.

Огни взяли люди в потемках — прибыла к ней, к старушке, царь-девица. — «Ах, бабушка, гость-от у тебя хороший! Поставь-ка мне свечу, я буду списывать ковер-самолет!» Срисовала этот ковер-самолет и говорит: «Ты, бабушка, на суточки еще его уговори! Я тебе втрое за это заплачу». — Переночевал ночку, Старуха утром приготовила ему завтрак хороший и говорит ему: «Ты, милый друг, поживи у меня! Пущай у тебя отдохнут ноги!» — «Я подождать — поживу! У меня платить тебе нечем, — сказал молодец, — бабушка!» — «Ну, я не нуждаюсь твоим деньгам, только ты поживи со мной — мне веселее!» — До вечера доживает. Старуха и говорит: «Батюшка, — говорит, — на которой спал половине ковра-самолета, ту развесь, а которая на стене была, на ту ляжь!» — Утром старуха опять ему завтрак изготовила, как трбно быть, накормила, и он день опять ходит. Вечером накормила и говорит: «Ты вот что, батюшка! Тебе на лавке тесно, ты на пол расстелись, по крайней мере, повертись и все!» — Как он разостлал, уснул — царь-девица прибыла к нему опять. — «Ах, — говорит, — я края списала, — говорит, — а середку не видала». — Она начала потихоньку

его содвигать и содвигать и содвинула его с ковра-самолета, молодца этого. Царь-девица взяла завернула тогда этот ковер-самолет, вышла на крыльцо, стала на него и говорит: «Ковер-самолет, лети прямо в мои палаты!»

Поутру молодец проснулся, хватился: под ним ковра-самолета нет! И сел он на лавку, повесил голову. Старуха идет с улицы, увидала, что он кручинный. — «Что ты, батюшка, невеселый?» — «В чужом месте я обокраден!.. Ну, бабушка, мне теперь рассчитаться нечем! Прощай!» — «Ну, ступай, дитяtko, куды знаешь теперь!»

«Что делать? Когда она меня этак обызьянила, мне надо воротиться к этому дереву!» — Пришел к дереву, набрал этих трех сортов ягод — одна старая ягода, другая с горбами, а третья — молодцом быть. Явился он в этот город, где царь-девица. У царь-девицы есть ключ; служанка пошла за водой в этот ключ. Молодец усмотрел ее — увидал, что она идет, побежал напред, спустил хорошую ягоду сначала. Поддевает девица — оказалась в ведре ягода. Служанка эту ягоду съела, ей приятно сделалось; приходит — царь-девица ее не узнала, что она больно хороша сделалась, и спрашивает ее: «Умница ты, — говорит, — чья?» — «Что вы, — говорит, — царь-девица? Я, — говорит, — ваша служанка!» — «А отчего ты сделалась хорошей?» — «А вот, — говорит, — царь-девица, я пошла на ключ, попала мне такая ягода — я съела ее и сделалась потом хороша». — Царь-девица посылает ее во второй раз: «Ступай-ка! Не подденешь ли мне?» — Служанка идет; молодец увидал, что она идет, побежал вперед, спустил две ягоды враз. Поддевает служанка не одну, а две ягоды. — «Че желала, так то и получила, — говорит, — видно!» — Приносит, передает царь-девице: «Вот, — говорит, — я тебе поддела две ягоды!» — Царь-девица приказала ей самовар поставить; «С чаем я, — говорит, — буду пить, так тогда буду и есть». — Перед чаем съела царь-девица одну ягоду и смотрится в зеркало: «Что, — говорит, — поседела, постарела!» — Забранилась на служанку: «Что ты, подлая, со мной сделала?! Я теперь старуха стала! Меня не примут в Сеноте!» — Служанка говорит: «Съешь другую — не лучше ли будет тебе?» — Съела она другую — полезли из нее рога и горба. Потребовала она дохтуров — дохтура ничего не могут с ней сделать. Наконец, она обещанье дала: «Кто бы меня вылечил, за того я и взамуж пойду! Дайте знать по всему царству! Хоть бы пришлой какой-нибудь вылечил».

Молодец узнал это дело, съел старого положения ягоды и сделался стариком. В дом к ней приходит и говорит: «Я тебя вылечу. Что ты мне — как заплатишь или обвет у тебя какой?» — «Дедушка, если ты меня вылечишь, я за тебя замуж пойду!» — «Подпишись под это дело!» — Та подписалась. Он подает ей ягоду. — «Да ты что мне подаешь? Еще хуже буду?» — «Ешь, — говорит, — хорошая будешь!» Она съела и сделалась лучше старого, красивая сделалась: здер бы глядел и с очей не спущал. — «Пойдем в Сенот: закон дозволит ли с тобой венчаться?» — В Сенот приходит, она и говорит: «Господа судьи! Вот старик меня вылечил, я ему подписалась, чтоб с ним замуж идти; закон дозволяет ли, чтоб с ним венчаться?» — Господа генералы и говорят: «Если, государыня, ты повенчаешься, мы тебя не поставим в царицы, потому что муж у тебя будет старый, семьдесят лет! Ты его расчитай деньгами лучше!» — А старик деньги не берет: «Ты обвещалась за меня замуж, мне деньги не надо!» — «Когда деньги не берешь, мы тебя отсюдова не погоняем; а ты, царица, ступай домой!»

Когда она пошла домой, он вынимает из кармана золотую кисть и говорит: «Когда была ты девица, исправься ты теперь кобылица! А вы, генералы, когда были молодцы, теперь исправьтесь все жеребцы!» — Махнул своей кистью — и они все исправились жеребцами. Садится на эту кобылу, а жеребцы за ним побежали. Приезжает к брату в царство свое. Стал он на фатеру, не к брату наперво. Сказал: «Погоди, господин хозяин, я схожу к вашему царю: не возьмет ли у меня лошадей?» — Идет к брату, съел хорошую ягоду и сделался как быть молодцом — чтобы брат его мог признать, значит. Тогда брат увидел его, обрадовался, что брат пришел к нему обратно домой. Брат своих служащих потребовал — поставил для него живо самовар; стали чай пить.

Старшой брат и говорит: «Брат, был ты по всем городам; нет ли хорошей невесты? Я собираюсь жениться». — «Ох, брат, хорошу я тебе невесту привез, — говорит, — да она у меня на фатере». — «Да что ты, чудак, прямо не вел?» — «Есть, — говорит, — брат, у меня там еще жеребцы, не хочешь ли ты купить их у меня?» — «Веди их сюды! Что ты, чудак, там на фатеру стал?! Веди и невесту: чай пить станем вместе с ней!» — Брат пошел, отвязал кобылицу и жеребцов, приводит их к поратному крыльцу, становит всех рядом. — «Иди, брат, как поглянется ли невеста? Потом я в комнаты могу завести!» — С братом вышли на двор. — «А где невеста?» — «Вот, брат, с краю-то стоит кобылица — вот тебе и невеста!» — «Да что ты, брат, смеешься надо мной? Разве подобает мне на кобылице жениться?! Если бы не брат был, так я бы тебе и голову сказнил за это!» — «Неужели ты не веришь, что это тебе невеста? Если хочешь, то я тебе сейчас на практике покажу, что она будет тебе невеста». — Он вынимает из карману кисть, махнул кистью и говорит: «Была ты теперь кобылица — исправься по-старому девица!» Махнул кистью: «Когда были вы жеребцы — исправьтесь по-старому молодцы, кто как был!» — Все исправились молодцами. Царь говорит: «Идите чай пить с нами теперь!» Согласен уже замуж брать ее. — Чаю попили, согласился он ее взять замуж, повенчался с ней, и пошла у них пировка.

Пожил князь много ли, мало ли время, стал у брата проситься к отцу. К отцу он приезжает; отец увидал своего сына, обрадовался. Отец спрашивает: «Где вы, дети, проживаетесь?» — «Собери сегодня сродственников, знакомых, — мы с тобой попируем, тогда я тебе скажу, при людях». Нашли люди. Начали водкой обносить; пошла у них пировка. Сын отцу и говорит: «Тятенька, дозвожь мне шуточку шутить!.. А вот, тятенька, — говорит, — брат мой живет царем в таком-то городе, а я перед ним князем!..» Вынимает свою кисть: «Вот, — говорит мать свою: — когда была ты бабицей, исправься теперь кобылицей!» — Она кобылой и переставилась у него, мать его. Он махнул кистью — гулевана жеребцом изладил. — «Теперь ступайте, как знаете гуляйте!» — А отца увез, все запродад, увез в свое государство.

ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Аомтев

Жил-был Рязанцев купец. У него было три сына. И выстроил им дома каменные — три дома. Остался со старшим сыном в доме отец. Отец этот помер. У него сын был Василий, у старшего сына, один сын себе, холостой. Стали братья собираться на ярманку. — «Братья, возьмите моего сына на ярманку — не для торговли, а для науки!» — Нагрузил ему шесть кораблей драгоценных камней — не для торговли, а для науки. Приезжают они в королевство, приваливаются на пристань. Пошли дяди себе место откупать, а он сидит на пристани.

Приходит старичок к нему. — «Что, молодец, привезли?» — «А вот дяди привезли красного товару, а я вот драгоценных камней». — «Еще дома есть?» — «Есть». — «Ты предоставь мне еще шесть кораблей! А цену, деньги получишь враз, когда остальной товар привезешь!» — Согласился молодец. Он крикнул рабочих; выгрузили товар у него и сделали с ним вексель. Дядя приходит — уж он товар запродавал. Дяди за это его похвалили, что хорошо он запродавал — цену хорошую взял. Ярманка прикрываться стала; они собрались домой ехать. Приезжают домой; отец с матерью спрашивают: «Что, милый, с накладом али с барышом?» — «Не знаю, что выйдет! Запродавал товар по этакой-то я цене; предоставить еще, тятенька, шесть кораблей; получить деньги враз». — Отец за это его похвалил.

На будущий раз опять шесть кораблей нагрузил, во второй раз опять поехали. Приезжают опять в этот город, приваливаются на пристань. Дяди пошли место себе выторговывать, а он дожидается старика. Старик приходит. — «Что, молодец, предоставил — чем был договор?» — Предоставил. Старик поглядел: товары те же. Крикнул рабочих, выгрузили товар у него. Приказал ему за деньгами идти. Приходят дяди; он и говорит: «Вот, дяди, нате у меня вексель: у меня толку не хватит рассчитаться; сходите, получите, — вот в этот самой дом!» — Дяди взяли вексель, приходят в этот дом; в первую комнату ступили — никого как нет, стоят дожидаются. Бежит мальчик половой и говорит: «Что вам, дяденьки, надо?» — «Нужно с вами рассчитаться», — говорит. — «Сейчас я дедоньку pošлю». — Старик приходит к ним и говорит, что «идите, молодцы, за мной! А чем вы желаете получить — медными деньгами, али бумажными, али золотом? Наконец, не желаете ли великолепную даму за это получить?» — Сидит девица. Не столь старики эти зарились на деньги, сколь смотрели на девицу: больно хороша. Наконец, приходят на пристань: не взяли ни деньги, ни девицу. — «Ступай, племянник, бери, что знаешь сам!»

Взял он вексель, приходит сам в этот дом. В первой комнате не оказалось никого; он стоит. Мальчик половой бежит: «Что, — мол, — нужно?» — «С вами нужно рассчитаться». — Мальчик живо за стариком. Старик приходит. — «Иди, молодец, со мной теперь!» — Приводит в эту комнату. — «Что, молодец, какими деньгами желаешь — или медными деньгами, или золотом, или серебром? Не желаешь ли, наконец, великолепную даму себе взять? За 12 кораблей драгоценных камней. «Молодец долго не думал, девицу взял. — «Смотри, молодец, с ней имущества немного пойдет — только одна шкатулка!» — Молодец сказал: «У нас имения довольно с отцом» — Девице приказал старик идти. Взяла она шкатулку и отправилась с ним. Вышла на волю, помолилась Богу девица. Она тут в аду была, девица не простого роду. Приводит молодец на пристань; дяди смотрят, что ведет ее. Хороша-то хороша, а отца навечно позорил.

Ярманка окончилась; поехали они домой. Приезжают домой на пристань: у тех вышли жены, а у этого отец с матерью встретили. — «Что, милый сынок, с барышом или с накладом?» — сказал отец. — «Не знаю, однако, видно, тятенька, с накладом: я купил себе невесту за 12 кораблей драгоценных камней». — Отец начал его таскать и бить за это: «Сгинь с моих глаз и не ходи ко мне никогда в дом! Куды знаешь, туды ступай!» — Откупили себе квартиру они. Ночь переночевали: жена ему говорит: «Нечего в чужом доме жить, надо себе дом скупить!» — Вынимает три златницы, подает ему: «Ступай, дом скупи себе!»

Идет молодец городом, навстречу ему купец, продает дом. — «Молодец, купи у меня дом!» — Приходит к купцу в дом; дом трехэтажный. — «Что дом твой стоит?» — «А что дашь?» — «У меня есть три златницы». — «Дом мой не стоит трех златниц, одной довольно мне будет», — говорит. — «Три не берешь, так хоть две возьми!» — Купец не отпирается, две златницы взял. Приходит к жене и приводит в этот дом. Походила, походила по дому: «Хотя дом этаких денег и не стоит, ну, все-таки свой дом!»

На последнюю златницу посылает его купить вина 40 ведер; сделать хочет влазины. Молодец сходил в казначейство, разменял эту златницу, потом взял бочку вина; кто ни едет, ни идет, всех зовет к себе. К купечеству она написала письма, он развез по купечеству. Вышному начальству — генералам там, значит, — написала письма, чтобы шли на влазины. Приходит он наперво к дяде, зовет на влазину; дяди оба посулились на влазины придти. К отцу-матери зашел, пал перед ними на колени, просит на влазины; а отец на то осердился, взял его за волосы, давай таскать; вытолкал его на улицу.

Приходит он к жене, — полон двор народу у него там нагарканы и пришли. Жена его поговорила там с генералами; генералы посылают за отцом за матерью на влазины. Солдаты приходят, помолились Богу: «Если вы желаете с добром идти на влазины, так собирайтесь, а то вам и головы скажем!» Они приходят; приняли их в первое место, подают первую чару.

Отец жертвует им на влазины козла; старшей дядя жертвовал им на влазины лошадку; младший брат корову; ну, кто от щедрости там десятку, кто пятитку, и денег много ему набросали. Потом отцу присоветуют генералы, что сына простить, — значит, и жить вместе; отец согласился свой дом запечатать, а в этом доме жить.

Дяди и говорят: «Вот, племянничек, мы поедем на три ярманки — поедем с нами!» — «А мне ехать с вами не с чем». — Жена ему ответила: «Ты поедешь с дядями, богаче их приедешь с ярманок!» Дала она ему сто рублей денег: «Поди, сходи на рынок, купи мне разных шелков!.. Мила ладушка, тебе отдыхать, а мне работа», — В трои сутки она вышила три ширинки; законвертила их вроде кирпичиков, подписала на них подписи. — «В первое королевство приедешь, тут хресна моя, подай вот этот конверт! А в другое королевство приедешь, вот этот конверт подай! Тут хресной мой — король. А в третье государство приедешь, тут отец и мать мои!» Она царская дочь; с малых лет была выкрадена.

На четвертые сутки они собрались, сели на свои корабли. Он поехал с ними без денег безо всяких. Приезжают в королевство, приваливаются на пристань; дяди и говорят, что про короля надо гостинец. Племянник и говорит: «Гостинцы возьмете и за мной зайдите!» — Дяди взяли там хороших матерьев и за ним зашли; пошли все трое. Приходят к королю, подают: те матери хорошие, а этот — свой конверт. Король с королевой подходят, смотрят, что старики хорошие гостинцы положили, а этот вроде кирпичику конвертик положил, словно на смех. Тогда королю приказал его раскупорить: «Он для вас не удобен ли будет?» — Раскупорили — вынули ширинку, на ширинке подпись: «Пишу я вам, хресна мать, гостинец; который передал вам ширинку, тот мой муж, и я осталась от него в таком-то городе».

«То, братец, великая нам радость! Где ты ее мог найти?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней». — «Это ничто не дорого! Мы тебе жертвуем три корабля на отдарки с этим же товаром — с драгоценными камнями и с народом — на вечно владение. А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру ко мне на фатеру! А тебе нечего торговать, всеред с нами попить!»

Ярманка прикрылась; поехали они на другу ярманку. Уж он на своих кораблях отправился. Они приезжают в другое королевство, приваливаются на пристань. Дяди говорят, что про короля надо гостинец... Приходят к королю, подают — те матери хорошие, а этот — свой конверт с ширинкой. Король с королевой подходят: «Ты такой закупорил кирпичик?» — «Нет, Ваше Королевское Величество, раскупорьте!» — Раскупорили, вынули ширинку, на ширинке подпись: «Шлю вам гостинец; который передал вам ширинку, тот мой муж; и я осталась жива и здорова в таком-то городе». «Ах, братец, великая нам радость! Где ты ее мог найти?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней». — «Это ничто не дорого! Мы тебе жертвуем три корабля на отдарки с этим же товаром. А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру фатерой ко мне!»

Ярманка эта продлилась. Они поехали и заехали к русскому царю по пути. Приезжают, приваливаются на пристань. Дяди говорят, что про царя надо гостинец; племянник и говорит: «Гостинцы возьмете и за мной зайдите! У меня и про царя гостинец есть». — Дяди взяли там хороших матерьев и за ним зашли; пошли все трое. Приходят к царю; кладут на престол: те разные хорошие материи, а этот — свой конверт. — «Ах, мои русские торгаши, хорошие гостинцы положили!» — Вывернули конверт — ширинка на ширинке подпись: «Пишу я вам, тятенька, гостинец; кто подает — тот мой муж, и я осталась жива и здорова в таком-то городе». — «Великая нам радость! Где же ты мою милую дочь нашел?» — «Очень она мне дорогая стала: купил я ее за 12 кораблей драгоценных камней». — «Не очень дорого! Я тебе на отдарок жертвую 6 кораблей и еще 10 человек барабанщиков-музыкантов! А вы, сватовья, торгуйте безданно-беспошлинно, а к вечеру ко мне на фатеру!»

Ярманка скоро прикрываться станет. — Приходит царь в Сенот, советуется с своими генералами: «Как же мне бы это предоставить ее сюды? Я не верю, что он дочь нашел!» — «Поздно ты хватился, надо бы пораньше! Нет ли теперь на нем ширинки или золотого перстня именного? Через это мы могли бы скоро достать ее домой». — Приходит царь домой, увидел на нем золотой перстень именной и говорит: «Милый зять, погоди еще отправляться домой, попируй со мной суточка! Я тебя отправлю потом, а корабли твои пуцай пойдут теперь!» — Корабли пошли в ход; он остался с ним попировать. Подают ему сонные капли там; и вот он как выпил — и уснул крепко. Тогда сняли с него перстень, сняли, посылают посланников, чтобы непременно как поскорее предоставить царскую дочь. А время ему вышло, потом он встал, тогда его отправили на свои корабли.

Приезжают посланники в их город, живо по всему городу дали знать, разыскали его жену, потребовали на пристань, она с ними уехала домой по именному перстню. Приехала к царю, там пировку и радость сделали, а он приезжает уже домой без жены. Приехал домой, у тех вышли жены встречать, а у этого отец с матерью его встретили. — «Что, сынок, с накладом или с барышом?» — «Да, вот тебе теперь, тятенька, радость: получил 12 кораблей драгоценных камней! Я теперь предоставил тебе все назад». — Обрадовался отец. — «Не спасибо, что моя жена меня не встретила, на пристань не пришла!» — «Сын, когда ты истребовал, снял с себя именной перстень, и она уехала к отцу домой!» Тогда уж ему не радость! Он заплакал и пошел край моря — не пошел и домой.

Шел он трои сутки. На четвертые сутки показался ему старичок — сам Микола Милостивый. — «А что же, — говорит, — Иван купеческий сын, идешь и плачешь, об чем ты больше тужишь?» — «Только я намеревался пожить, жену хорошу нажил, а жить теперь не с кем! Мне хоть бы на нее хоть одним глазом поглядеть!» — «Увидишь, — говорит. — На тебе, вот топор, руби этот дуб!» — Срубили этот дуб, изладили с ним ковер-самолет, исправили еще скрипку-самогуд. Постановили скрипку-самогуд на ковер-самолет, стали на него и полетели. — «Играй на верхние лады!» — тогда сказал он. Летели много они высоты; ужасился Иван купеческий сын, сказал дедушке: «Не шире бараньей кожуры мне кажется море!» — «Ну, милый сын, играй теперь на нижние лады!» — Сели они к царскому саду.

Дедушка сказал: «Ну, теперь жена твоя выходит за королевского сына, последние минуты... Выйдет она сейчас в сад разгуляться. Тут есть в саду спальня, не садись на нее — уснешь, не увидишь ее! Увидишь, если она тебя любит, веди ее сюда!» — Ходил-ходил долго время. Захотелось ему спальню эту узнать. К спальне подходит; спальня хорошая; как он сел — и уснул. Потом наконец жена его уходит в разгулку; увидела в спальне: что за человек лежит? Подходит к нему, узнала: «Ах ты, мой милый ладушка, Иван купеческий сын!» — И сколько она его будила, никак не могла его разбудить. На том решила, что «я как-нибудь не вернусь ли во второй раз к нему!»

Только она заходит на поратное крыльцо, он проснулся. Тогда он являлся опять к старику обратно. — «Ну, дедушка родимый! Что я наделал — проспал!» — говорит. — «Экой ты чудака! Долго время она тебя будила! Не мог протерпеть — проходить! Во второй раз поди, да не спи! Она еще посулилась выйти в разгулку». — Он сколько время ходил во второй раз; все равно как его ветром придернуло к спальне — зашел, лег и уснул. Это все Микола Милостивый шутит над ним. Во второй раз она приходит, побудила-побудила, поплакала-поплакала и говорит: «Ну, я тебя повидала теперь, Иван купеческий сын, а ты меня никогда больше не увидишь!» — Поплакала, ушла домой.

Тогда он приходит: «Ну, дедушка, как хочешь, теперь я пойду от тебя!» — «Ты пойдешь в палаты! Если прикажут, то ты поиграй в свою музыку». — Он приходит; у царя попросился: «Ваше Царское Величество, не позволите ли мне поиграть в свою музыку?». Царь ему дозволил. Разостлал он ковер-самолет, разоставил скрипку-самогуд, царю сказал: «Ваше Царское Величество! Дозвольте отворить окна и двери; у меня музыка громкая играет, значит — вам будет жутко!» — Заиграл в свою музыку, и она как этак маленько сплала; жениху говорит: «Дозволь мне кадсель сплясать», — Дозволил ей поиграть кадсель; а ей не нужна кадсель — подбежала сейчас к нему: захотелось ей его поцеловать. Все-таки он ее выручил! Подбежала к нему поцеловать; он сказал ей: «Держись за меня крепче!» — Тогда он заиграл на верхние лады, все равно как метлячок вылетел из окна.

Тогда они за ним гнались — ничего не могут поделать. — «Все хорошо; кабы мне родимого дедушка на ковер-самолет!» А дедушка тут оказался. — «Ну, милый сын, играй на верхние лады, как только можно!» — Летели они высотой вовсе далеко — те не могут усмотреть и в подзорную трубу, где они. После этого королевскому сыну делать нечего — уехал домой. — «Широко ли вам кажется, дети, море?» — сказал старик. — Сказали ему: «Не шире бараньей козуры: очень, очень высоко мы взлетели!» — «Играй теперь на нижние лады, милой сын!» — И сели тут, где ковер-самолет ладил. — «Теперь ступайте вы на свою родину домой!» — Дал он ему кремень и плашку: «Своей жене никогда не сказывай, что у меня есть!»

Они приходят на четвертые сутки к отцу к матери. Отец с матерью обрадовались, что сын привел свою жену. Приходит царь в Сенот и советует: «Неужели нашел Иван купеческий сын такого хитника? Не увез ли он опять мою дочь?» — Царь собрался на другой день, отправился в этот город, где Иван купеческий сын живет. Приезжает на пристань, дал знать по всему городу: шли чтобы из городу встречать царя. Тогда Иван купеческий сын запрягал карету и ехал за тестем. Приехал Иван купеческий сын; сдвинулся царь, что дочь опять здесь. Царя он привез, Иван купеческий сын, к себе в дом в гости: угощал он суточкой.

Звал тогда опять его к себе домой на житье царь, Ивана купеческого сына. Тогда сказал сын: «Как, тятенька, дозволяешь или нет?» — «Смотри, дитячко, не ошибись! Хуже не наделай себе!» — Согласился Иван купеческий сын к царю жить. Прощался и сказал отцу: «В живности меня не будет, тогда отпусти мою скотину ту, которую ему подарили на влазинах на волю!» Приезжает к царю; поживает. Царь завел пир на весь мир: радость, что «дочь я опять разыскал».

Король-жених узнал, собирает силы — с русским царем воевать. Заутра пригоняет войско с орудиями, дает знать, чтобы выезжали воевать. Тогда Иван купеческий сын:

«Не нужно нам, тятенька, оружие и войско брать! Мы с тобой поедем вроде разгулки — королевскую силу поглядеть». — Царь приказал карету запрекчи; выехали в луга. Королевская сила все луга застлала, много. — «Что же ты, милой сын, на чего ты надеешься? У нас с тобой никакого оружия нет!» — Иван купеческий сын сказал: «Я на Бога надеюсь». — Вылез из кареты, вынул из карману кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трех — выскочили три ухореза «А что ты нас покликаешь, на каки работы посылаешь?» — «Секите эту силу безосташочно. Я с вами и Микола Милосливый тут же пособим». — Живо, не больше часу дело продлилось. Приходит Иван купеческий сын, садится в карету. Удивился царь: «Ну, зять, стоишь ты звания!» Приезжают домой; царь обсказывает своим генералам; все дивятся. А жена его истопила баню про него. Жена ему сказала: «Милой ладушка, чем-нибудь ты орудуешь? Силы в тебе немного». Он, наконец, сказал ей, что «у меня ничего нет; я на Бога надеюсь».

Ночь проходит. На другой день король более того силы еще пригоняет. Иван купеческий сын тестю говорит: «Тятенька, не нужно нам требовать силу; мы с тобой поедем посмотреть королевскую силу». — Запрягли карету, выехали в луга. И видит царь: черно, все луга застлали королевские силы. — «Что же ты, милый сын, на чего ты надеешься? У нас с тобой никакого оружия нет». — «Ты на Бога не надеешься! Бог пособит; это что за сила!» Выскочил из кареты, вынул из карману кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трех — выскочили три ухореза. — «А что ты нас покликаешь, на каки работы посылаешь?» — «Секите эту силу безостаточно!» — Решили эту силу, приезжают домой.

Жена опять истопила ему баню: «Мила ладушка, скажи, чем ты действуешь?» — Он одно говорит, что «я на Бога надеюсь»; нешто ей не сказал тут. Ночным бытом стали они блуд творить с ней, тогда он ей сказал, что «есть у меня кремень и плашка, я ими и действую». — Потом он, ночным бытом, заснул крепко — она у него из карману вытащила. Приказала в лавке взять такой же кремень и плашку, положить на место этого.

И этим же ночным бытом царская дочь приказала жениху — королевскому сыну, за него уж ей теперь охота: «Сколько-нибудь набери силы: теперича, чем он действовал, я отобрала у него». — Тогда король набрал старых да малых и посылает в третий раз. Царь говорил: «Разве у нас силы нет и орудия? Возьмем силы!» — «Нет, не нужно; поедем мы с тобой двое!» — Выехали они в луга. Силы че-то у короля немного. Иван купеческий сын сказал: «Хотя и немного силы, сердце у меня сегодня слышит: едва ли мне сегодня живому быть!» — Выскочил из кареты, вынул из кармана кремень и плашку, чиркнул раз, два и до трех — нет никого! — «Ну, тесть, твоя дочь злодейка, обокрала меня! Так уж мне некуда деваться! Ты поезжай домой, а уж мне конец!» — Тогда королевская сила подбежала, иссекла его на мелкие куски, зарыли и столб поставили — памятник.

Царская дочь тогда отписала королевскому сыну, что «едь за мной без опаски! Я согласна замуж за тебя идти!» — Королевский сын приехал, взял царскую дочь, увез в свою землю.

У Ивана купеческого сына которая приданая скотина лошадь, и корова, и козел заревели тогда у отца. Отец ее не может никаким кормом уважить: она все ревет. Тогда хватился отец: «Неужели моего любимого сына нет в живности?! Скотина ревет!». Заутро выпускает их всех троих на волю. То они прибегают на это самое побоище, к этому столбу. Корова распорядилась: «Козел и лошадка, вырывайте, а я отправлюсь за живой водой!» — Через трой сутки корова притащила живой воды, а они его вырыли и собрали в место, как есть человека. Она фыркнула из левой ноздри, и он сросся; из правой потом фыркнула — он встает. Поблагодарил своего отца и скотине спасибо сказал. — «Ну, родимая скотинушка, ты ступай к моему родителю, а я еще по белому свету погуляю!»

Пошел опять край моря; доходит до того места, где они ковер-самолет ладили. Оказался этот старичок Микола Милосливый опять ему. — «Что, Иван купеческий сын, знать, победствовал, свою жену потерял?» — «Да, родимый дедушка, мне уже теперь ее сроду не видать!» — «А что же, увидишь! На, вот я тебе дам ягоду, и на чего ты подумаешь как тебе

надо, так ты и сделаешь!» — Он съел эту ягоду, подумал на воробья, воробьем сделался и полетел. Потом, значит, он прилетает в его королевство, ударился об землю и сделался молодцом.

Идет городом, заходит к этакой старухе; старуха одна с дочерью живет. Помолился Богу, поздоровался. Старуха и говорит: «Откудава? Какой молодец ты?» — «Очень, бабушка, я дальней... Ты, зная-то, шибко бедно живешь?» — «Очень бедно, батюшка, по миру хожу». — «Я тебя сделаю седни богатой, только сослужи мне службу, бабушка! Пойдем на улицу; я сделаюсь жеребцом, ты меня веди на базар продавать и возьми за меня сто рублей денег. Король меня купит, ты меня продавай, а уздечку не продавай — выговаривай себе. Если меня продашь, меня король купит — заколет. Дочь пуцай следит, с ведрами встанет перед гортанью жеребца — кровь хлынет прямо в ведра; эту кровь она отколупает и посеет — около дворца вырастет сад...»

Только старуха выводит его на базар — король едет. — «Стой, старуха, продай жеребца мне!» — «Жеребца продать я продам, а уздечку никак не продам! Жеребец стоит сто рублей без запросу!» — Король сотельну вынимает и уздечку ей переменяет. Старуха отправилась домой с деньгами.

Жеребец не понравился царской дочери; она говорит: «Если ты его не заколешь, то меня не увидишь!» Она знает, что это не жеребец. Король приказал заколоть. Работники вывели жеребца на площадь, свалили его колоть. Девица эта приходит с ведрами, встает перед горлом. — «Что вы делаете? Жеребца такого колете?» — «Хозяева приказали, так что нам!» — Резнули его по горлу; кровь хлынула прямо в ведра. Девица пошла около дворца, расковыряла эту кровь и рассеяла около дворца; тогда образовался сад. Поутру король встает, смотрит — сад у него исправлен около дворца. Они чаю напильсь, пошли в сад в разгулку гулять. Сколько бы она ни ходила, все посматривала; из саду пошла и сказала: «Сад если ты не вырubiшь, меня не увидишь» — Королевский сын сказал: «Коня мне жалко, а саду еще жалче: сад больно хорош!» Но и сад приказал вырubiть.

Сад вырubiли; пришел работник первое древо рубить, из первого древа вылетела щепа наодаль. Девица эта следила - наказывал ей Иван купеческий сын, взяла эту щепу, на море поташила, бросила ее в море; из этой щепы образовался селезень — всякое перышко в золоте сделалось.

Не черезо много время королевский сын пошел на охоту стреляться; увидел этого селезенья и подчаливается его стрелять. А селезень ближе к краю ползет, покрякивает. Поглянувшись королевскому сыну селезень, охота ему так поймать, не стрелять. Тогда снимает с себя штаны и рубашку; начал селезня руками ловить. Тогда селезень не отдалялся от него — нырнет от него и к нему, манил его вглубь. Королевский сын начинает тонуть. Иван купеческий сын вспорхнул на берег, ударился об землю и сделался из селезня молодцом; хватился, в его портках нашел кремень и плашку свою. Чиркнул раз и два и до трех; выскочило три ухореза: «Ах, наш старый хозяин! А что ты нас покликаешь, на каки работы посылаешь?» — Приказал Иван купеческий сын привязать королевскому сыну камень за шею, утопить его вовсе, весь город приказал зажечь и оставить только королевский дом да старушкин. — «Приведите мне царскую дочь сюды, чтобы она сейчас здесь была!» — Привели ему царскую дочь; он с ней поздоровался, повел ее к старушке. Приводит к этой старушке: «Ну, старушка, твоя дочь меня спасла, теперь она будет царевна: я на ней женюсь!» — Старуха не препятствует: «Веди, куды знаешь!» — «Тебя я увезу в русское государство; не будешь ты бедствовать здесь!»

Приводит к царю их; выгаркал царя и царицу на лицо к себе: «Привел я твою дочь, посмотри на нее!» — Тогда царь сдвинулся, что он обратил ее назад от королевского сына. «Не хочу я с ней теперь жить, я хочу ее нарушить; я невесту новую себе беру!» — «Дело твое! — сказал царь. — Че знаешь, то и делай». — Вынул Иван купеческий сын кремень и плашку, чиркнул раз и два и до трех — выскочили три ухореза: «А что ты нас покликаешь, на каки

работы посылаешь?» — Приказал царской дочери голову сказнить; а царю приказал схоронить. — «Если ты примешь добровольно меня жить, будешь считать мою жену за милую дочь, а меня — за зятя, — тогда я буду жить у тебя». — Царь согласился: «За милую дочь буду держать ее».

А потом стали они над ней изъезжаться, ругать. Она стала жаловаться мужу, что плохая ей жизнь. Иван купеческий сын, не говоря ни слова, вынимает кремень и плашку и приказал своим рабочим с царя и царицы голову снять. Остается сам царствовать. Схоронили царя и царицу; старушку предоставил из королевской земли в русское государство тещу свою на место матери; а отцу отписал: «Я теперь наступил в царстве царем».

ИВАН-ЦАРЕВИЧ
И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Рассказал А. Д. Ломтев

У царя были сын да три дочери. Царь стал помирать, сыну наказывает: «Смотри, перво дочерей отдай, а потом сам женися!» — Царь помер; схоронили и поминочки отвели. Поживают год и два. Старшей сестре стукнуло 30 лет, а второй было 26, младшей с излишним 20 годов. Время и Ивану-царевичу жениться. Приходит к сестрам на совет: «Что, сестры, стало быть, за вами женихи не приедут — мне сроду и не жениться?» — Старшая сестра говорит: «Запряги карету, поезжай: не найдешь ли в чужой державе мне жениха?»

Запрет золотую карету, поехал искать. Только проехал станцию — едет рыцарь не хуже его, на такой на золотой карете же. — «Постой, Иван-царевич, скажи мне, куда ты поехал?» Иван-царевич сказал: «Есть у меня старшая сестра, охота мне ее замуж отдать, женишка ей сыскать». — «Ладно, хорошо»; этот самый молодец: «Согласен я ее взять, я за тем же поехал — невесту искать себе». И он объяснил ему так: «Я уродец, у меня одна рука сохлая». — «Может, сестре приглянешься, это ничего!»

Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра выбежала встречать их: «Что, брат, привел жениха?» — «Привел, вот гляди». — Жених поглянулся ей, согласилась она за него идти; и они с ней повенчались. День пировали. Дело к ночи; взяла она его за ручку, повела в спальню. Поставил Иван-царевич дежурного одного: «Смотри, не прокарауль; я его не спросил, как зовут и отколь». — Ночь проходит; поутру Иван-царевич приходит, заглянул в горницу: нету никого, они уехали. Дежурного мазнул по щеке и в тюремный замок свел, заковал.

Приходит на совет к сестрам к другим. — «Что, сестры, за вами если не приедут, неужели мне сроду не жениться?!» — Сестры посылают: «Съезди, братчик, по чужим державам, может, и мне не найдешь ли жениха?!» — И сделался очень рад Иван-царевич; приказал кучеру запрекчи карету золотую.

Только проехал станцию — едет навстречу не хуже его такой же рыцарь на золотой карете, — «Стой, Иван-царевич! Скажи мне подробно, куда ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «Есть у меня две сестры, и охота мне среднюю сестру замуж отдать; я за этим поехал, женишка искать». — «И я также поехал невесту себе искать». — «Ну, поедем!» — сказал Иван-царевич. — Приезжают к Ивану-царевичу. Сестра средняя выбегает: «Что, братчик, привел жениха?» — «Привел, вот гляди!» — Она сделалась согласна. Пошли к венцу, повенчались с ним. День пировали.

Дело к ночи. Взяла она его за ручку, повела в спальню... Поставил Иван-царевич двух дежурных: «Смотрите, вы не прокараульте!» — И они всю ночь сидели, не спали нисколько, караулили. Поутру Иван-царевич встает: «Что, в комнатах зять?» — «Должен быть в комнатах; всю ночь не отворялась дверь!» — Иван-царевич глянул в комнату: нет никого. Иван-царевич задал им по лизии и отправил в тюремный замок их за то, что прокараулили.

Потом стал малой сестре говорить: «Что, сестра, если за тобой женихи не приедут, мне сроду и не жениться?» — Сестра его посылает тоже жениха искать. Запрет золотую карету, проехал станцию, едет другую. Едет рыцарь. Сверстался против него и говорит: «Стой, Иван-царевич! Скажи мне, куда ты поехал?» — Иван-царевич сказал: «В чужу державу: охота мне малую сестру замуж отдать за кого-нибудь». — «Отдай за меня! Я кругом уродец: у меня обе руки сохлые, и плохо я недовожу, и ноги плохо ходят». — «Ну, поедем, что же! Может, сестре поглянешься?» — Приезжают к Ивану-царевичу.

Сестра выбегает и говорит: «Привел жениха?» — «Привел, вот гляди!» Обсказал сестре: «Смотри, сестра, не ошибись! Он кругом уродец!» — «А что человека конфузить! Все-таки я за него пойду». — Сходили, повенчались. День пировали. Дело к ночи: повела она его в спальню. И поставил Иван-царевич трех дежурных и наказывал: Смотрите, и вы подлецы, не прокараульте! Караульте попеременно, не спите!» Услышал это жених, вышел и говорит: «Иван-царевич! Пошто же ты поставил дежурных караулить меня?» — «Как же мне

не ставить? Отдаю я за третьего и не знаю: как зовут и откуль какой есть?» — «Когда ты не знаешь, я тебе скажу: отдал ты своих сестер за нас, за трех братьев; прозвания у нас разные: большой брат — Медведь Медведевич, а второй брат — Ворон Вороневич; а моя фамиль легкая: меня зовут Воробей. Иван-царевич, оставь этот караул! Если тебе угодно, сам с огнем стой у двери: когда захочу я уехать, тогда тебе не увидать!» — Иван-царевич поставил трех дежурных и сам стоял всю ночь с огнем, дежурил.

Иван-царевич после полночи глянул в иху комнату — нет никого; выбежали на улку — и кареты нет.

Иван-царевич говорит: «Стало быть, не виноваты и те солдаты; расковать их и из тюремного замку выпустить их, тех дежурных!»

Иван-царевич отправился в Сенот посоветоваться со своими генералами: «Господин генерал, я оставляю вместо себя тебя, а сам отправляюсь искать себе невесту!» — Насушить приказал сухарей и отправился по Уралу диким местом, не путем, не дорогой. И шел он, нечаянно выходит: стоит преогромный дом. Подходит к дому. Из этого дома Медведь Медведевич, старшой зять, выбегает с его сестрой, встречает его. Всякими напитками начали его потчевать и стали его спрашивать: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел? Скажи подробно нам!» — «Думаю себе невесту взять не простую, а царицу Елену Прекрасную».

«Я бы тачил тебе, Иван-царевич, воротиться назад: у ней 10 богатырей на аржаной соломе сидят голодуют, и тебе не миновать, что не поголодать!» — «Ну, что будет, то и будет! Все-таки я пойду!» — «Ну, пойдешь, так я тебе дам подарок: на вот тебе бутылочку одногорлую! Пойдешь по дороге, да захочешь есть, так махни в ту сторону и в другую, тут увидишь, что будет! А если тебе не надо, махни бутылкой кверху — ничего и не будет». — Принял подарок, в карман положил, отправился в путь.

Шел он станцию и захотел есть: «Эка сестра злодейка, не дала мне на дорогу и хлеба!» — Вынимает бутылку, отворяет пробку, махнул в ту сторону и в другую — выходит царство, и слуг перед ним много оказалось; пошло ему угощение тут. Оттого сестра не дала и хлеба. Похвалил зятя: «Как я теперь буду это царство собирать?» Полежал Иван-царевич на диване, отдохнул он немного, взял эту бутылку, махнул ей кверху — и ничего не стало. Взял эту бутылку в карман и сам вперед пошел.

Проходит он станцию, увидел дом не хуже того, чем не лучше; из этого дома выходит Ворон Вороневич и сестра его средняя: его встречали, собрали на столы, начали его потчевать. И зять его выспрашивает: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел? Скажи нам об своем походе». — «Думаю я мленьем себе взять невесту не простую, а Елену Прекрасную царицу». — «Не хуже мы с братьями тебя, по три года бились, да ниче не могли поделать! Тачил бы я тебе воротиться; есть у ней 10 богатырей, мрут на аржаной соломе; и тебе не миновать, что не поголодать, — говорит, — в тюремном замке». — «Ну, уж что задумал! Все-таки пойду!» — «Ну, пойдешь, так я дам тебе бутылку двухгорлую; знаешь ли, что в нее поделать?» — Иван-царевич на то сказал, что «знаю».

Отправился в путь дальше. Нечаянно попал на третий дом, где этот самый Воробей живет. Воробей его с сестрой встречает; начали его угощать. Спрашивают: «Куды же ты, Иван-царевич, пошел?» — «Думаю я себе взять невесту не простую, а Елену Прекрасную царицу». — «Тачил бы я тебе воротиться; есть у ней 10 богатырей, мрут на аржаной соломе, и тебе не миновать, что не поголодать». — «Что будет, то и будет, пойду в путь!» — «Ну, пойдешь, так я тебе дам подарок». Подарил он ему трехгорлую бутылку. «Знаешь ли, что в нее поделать?» — «Знаю».

Отправился в путь дальше. Нечаянно пришел к Елене Прекрасной в город. Идет городом и спрашивает: «Кто в этом городе проживает?» — Сказали, что «правит этим городом Елена Прекрасная». — Доходит он до ее дворца, заходит к ней во дворец. Стоит дежурный у поратного крыльца и говорит: «Братец, что нужно? Доклад мой! Не ходи без доклада!» — Иван-царевич, не говоря, пласнул этого дежурного — он и с ног долой!

Заходит в ее палаты. Увидала Ивана-царевича, затопала на него ногами. — «Кто тебя, мерзавца, без доклада дозволил зайти в мои палаты?» — «Я человек не простой, Иван-царевич! За добрым словом, за сватаньем пришел к тебе», — говорит. Она приказала его заковать, свести в тюремный замок на аржану солому. По вечеру привозят к ним воз соломы. Иван-царевич не велит соломы сваливать. — «Не нужно нам соломы, мы пропитаемся и без соломы!» — сказал Иван-царевич. После этого вынимает одногорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другую — выходит царство, пошло им угощенье.

Разгулялись эти самые богатыри и сказали: «Если вы, дежурные, от нас не уйдете, весь тюремный замок раскатаем и вас уьем!» — Один дежурный убежал с докладом Елене Прекрасной сказывать. Посылает Елена Прекрасная служанку, что «не продаст ли эту самую бутылочку?» — Служанка приходит: «Иван-царевич, не продашь ли нам бутылку?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой же ваш завет?» — «Завет наш: час время ее тело по колен посмотреть». — Служанка приходит, ей объясняет: такой-то завет. — «Привести его! Что же, ведь он поглядит, ничего не сделает, а все-таки отобрать надо!» Расковали, привели, она открыла по колено тело; посмотрел час время он у ней. Час проходит; закрывает коленки, берет бутылку. — «Заковать его просмешника! В тюремный замок отвести опять!»

Иван-царевич вынимает двухгорлую бутылку, махнул в ту сторону и в другую — выходит еще того лучше государство; пошло им еще угощенье такое же. Потом они напились, наелись, закричали на сторожов: «Если вы не уйдете, вас всех переьем и тюремный замок раскатаем!» — Один дежурный прибежал с докладом, что богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство еще лучше того.

Она посылает девку-служанку опять. Дежурный приходит и говорит. «Иван-царевич, не продажна ли у тебя бутылочка?» — Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Завет у меня — по пуп тела посмотреть два часа». — Она на том решила, что расковать, привести посмотреть его. Приводят его; она открывает платье, и он просмотрел два часа. Два часа проходит, тело она закрывает, бутылочку у него отбирает; приказала его свести опять в тюремный замок.

В третий раз трехгорлую бутылку оттыкает, махнул в ту сторону и другую — вышло царство еще лучше того, пошло им угощенье. Напились, наелись, зашумели, прогнали дежурных: «Если вы не уйдете, вас всех переьем и тюремный замок раскатаем!» — Один дежурный прибежал с докладом, что богатыри разгулялись: из бутылки Ивана-царевича вышло царство еще лучше того.

Она посылает девку-служанку опять: «Что он просит?» — «Не продажна, а заветна». — «Какой у тебя завет?» — «Пушай же она в своих комнатах поставит две кровати вместе, и мы с ней ляжем на кровати, чтобы она никакие речи не могла говорить со мной, не худые, не добрые, а лежать на разных кроватях; затем вместе: если я буду говорить, то она мне голову сказнит; а если она будет говорить, то с ней голову снять!» Согласилась.

Пошел из тюремного замку, наказал своим богатырям: «В полночь вырвитесь, придите и кричите: «Ура! Ура! Взяли, взяли!» Приходит, ложится с ней на разные постели и договорился, чтобы отнюдь никакие речи не говорить, не худые, не добрые. И отворотился от нее и лежит, уснул крепко, не разговаривает. Елена Прекрасная умом своим думает: «И поговорила бы я с ним, да нельзя говорить!» Помаялась и уснула крепко. Около полночи вырвались 10 ухорезов, приходят и закричали враз: «Ура! Ура! Взяли! Взяли!» — Она испугалась этого шума, задурела, соскочила с кровати, закричала.

Иван-царевич схватил ее за волосы, замахнулся на нее саблей, хотел с нее голову снести. Она сказала: «Иван-царевич, не секи мою голову, я добровольно за тебя замуж пойду!» — «Ладно, хорошо!» — До утра доживают; съездили они, повенчались; пошла у них пировка после этого. Когда он повенчался, пожалел этих богатырей, выпустил их на волю, напоил их водкой. Живет с ней месяц и два этап; обжился; домой ехать не торопится. Она ему и говорит: «Иван-царевич, везде ты ходи, вот в этот подвал не ходи и не гляди!» — «Ладно», —

говорит. — Она ушла в сад в разгулку; он идет по двору, до этого подвала доходит. — «Что такое? Все-таки я погляжу, ничего не сделается мне!» — Отворяет этот подвал. Стоит старичок на огненной доске. И так он старика сужалел: «Ах, дедушка, тошно тебе стоять на огненной доске!» — Сказал старик: «Если, молодец, ты меня спустишь с доски, я тебе два века еще прибавлю! Ты будешь жить три века».

Иван-царевич сужалел, оборвал у него цепи, вывел старика из этой конюшни. Старик ударился об землю, поддел Елену Прекрасную из сада и увез. Иван-царевич ждал несколько суток, ден до пяти — нет Елены Прекрасной думает, что в гости она отправилась.

Иван-царевич поймал себе коня, поехал на розыски — искать Елену Прекрасную. Поехал по дикому месту, натакался на Елену Прекрасную в таком доме ее. Елена Прекрасная сплала — встретила его. — «Ну, я тебе говорила! На что ты его спустил? Пушай бы он догорал бы, старый пес!» — Тогда хозяина дома не было; посадил Иван-царевич Елену Прекрасную, повез он ее в свое государство опять домой. Приезжает старичок домой, походил по комнатам, нигде нет Елены Прекрасной.

Приходит в конюшню к своему коню, — «А что, конь, гость был?» — Конь сказал: «Был». — «Елену Прекрасную увез?» — «Увез». — «А скоро ли мы можем ее до гнать?» — «Двои сутки попируем, тогда догоним!» — На третьи сутки сел на коня, одним мигом его догнал, не допустил до царства. — «Стой, Иван-царевич! Нарушил бы я тебя, да слово переменить не хочу свое: век ты свой прожил, еще тебе два века жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увез домой.

Иван-царевич потужил-потужил, пожил у нее в государстве, выбрал себе коня получше, поехал опять за ней. Приезжает к ней в дом, его опять дома нет. Посадил Елену Прекрасную, повез домой. Не через долгое время прибыл этот хозяин, дома погаркал, потом к коню своему приходит. — «А что, конь, гость был?» — «Был и Елену Прекрасную увез». — «А скоро ли мы можем ее догнать?» — «Суточки попируем да догоним!» — На другие сутки сел он на коня. Догнал: «Еще тебе век один жить!» — Ссадил Елену Прекрасную и увез домой.

Бросил этого коня Иван-царевич, отправился еще счастья искать, не поехал к ней в государство. Ночным бытом нечаянно приходит к этакой избушке: избушка стоит на козьих ножках, на бараньих рожках, повертывается. — «Ну, избушка, стань по-старому, как мать поставил а — к лесу задом, ко мне передом!» — Зашел в эту избушку.

В этой избушке живет Яга Ягишна: «Фу-фу, русского духу слыхом не слышать и видом не видать, а русский дух ко мне пришел — человек не простой, а Иван-царевич!.. Куды же ты, Иван-царевич пошел?» — «Я пошел себе счастья искать!» — «Наложу я на тебя три дни службу; через три дни я тебе — че тебе поглянется, то и дам!» — Согласился Иван-царевич трои сутки прослужить.

Поутру она дала ему 10 кобылиц, одиннадцатого жеребца, пасти. Он их спутал на долину и пасет. «Куды они уйдут? — Некуда уйти!» А сам лег спать. Солнышко на закат — проснулся Иван-царевич, видит: кобыл нигде нету. Искал много время и не может их найти. — «Кабы мне на это время зятя Воробья! Он бы помогнул моему горю!» — А Воробей все равно как тут и был. — «Ах, Иван-царевич, потерял своих кобыл!» — Воробей ударился об землю, сделался жеребцом, начал кобыл искать. Нашел, начал лягать и кусать, пригнал их; «Ну, теперь, Иван-царевич, гони!» Пригнал Иван-царевич, сдал их Яге Ягишне.

Переночевал потом ночь. Поутру она ему дает 10 гусих, одиннадцатого гусака, пасти. До вечера доспал, потерял гусей, не может найти. — «Кабы мне на эту пору зятя Воробья! Он помогнул бы моему горю!» — Воробей тут и был. Ударился об землю, сделался орлом, полетел на розыски гусей. Воробей разыскал гусей, начал щипать их, только из них перья летят. Пригнал их к Ивану-царевичу. — «Ну, Иван-царевич, гони!» — Пригоняет, сдает он Яге-Ягишне.

Ночь переночевал. На третьи сутки она дает ему 10 уток пасти, одиннадцатого селезня. Выгнал на залывину, а сам лег спать. Солнце уже село, он тогда проснулся. Уток нет; не мог

найти. — «Кабы мне на эту пору зятя Воробья!» — Воробей к нему прибывает. — «Сегодня уток потерял! Ну, никуда не деваются!» — Сделался ястребом, нашел их в камышах, пригнал. — «Ну, Иван-царевич, гони!.. Иван-царевич, у ней 10 дочерей, станет давать из любых, ты не бери; давать станет тебе золота, ты и золота не бери, и никаких денег не бери! А есть худой жеребчишко, кое-как ноги переплетывает — ты его возьми, он тебя на путь наставит!»

«Иван-царевич, не желаешь ли из десяти дочерей любую взять? — Я тебе подарю счастье!» — «Мне дочерей твоих не надо, и денег мне твоих никаких не надо! И ты отдай мне худого этого жеребенка!» — «Неужели ты у меня это только и заслужил?» — «А что? Был договор: что я желаю, то и отдай!»

Отдала она ему худого жеребенка. Он повел его по Уралу. Жеребенок говорит ему: «Будет тебе меня вести, я пойду погуляю с месяц. Через месяц я прибуду к тебе, ты не уходи с этого места!» — Вынимает одногорлую бутылку, махнул в эту сторону и другую — вышло прекрасное царство, и он в этом государстве с месяц проклаждался покуль его жеребец отдыхает. Через месяц жеребец прибегает, говорит: «Будет уж отдыхать, теперь надо дело вести!» — Иван-царевич взял одногорлую бутылку, махнул кверху, ничего не стало; остался он на лужочке; бутылку запихнул в карман.

Конь сказал ему: «Я поехал бы с тобой сейчас за Еленой Прекрасной, только нельзя теперь ехать. Поедем мы с тобой на такую-то гору. На этой горе стоит дуб, на этом дубе есть гнездо, в этом гнезде есть Кашея Бессмертного яйцо. Смотри, Иван-царевич, садись на меня, крепче держись, чтобы тебя ветром не сшибло!» — Он сел на коня и все равно мигом приехал на эту гору, к этому дубу. — «Залезай на дуб, снимай яйцо и не бей его: тихонько положи в карман, береги это яйцо!» — Слез с дуба. Конь ему говорит: «Брат мой служит у Кашея Бессмертного; брат двухкрылый, а я шестикрылый; я побегу мало-мало с ним рысью, и то брату во веки меня не нагнать. Приедем к нему в дом; если Кашей дома, то бей его яйцом в лоб: как яйцо разлетится, так и он нарушится тут же».

Они пригоняют в дом — Кашея Бессмертного нет дома. Конь пошел к брату, а он пошел к ней в дом. Конь отворил только двери — брат обрадовался: малого брата увидал. — «Где ты, малой брат, проживался долго время? Я тебя не видел!» — «Я проживался у Яги Ягишны; она меня заморила... Помоги Ивану-царевичу Кашея Бессмертного убить!» — «Его убить левой рукой: кабы достать с дубу яйцо, вот его и смерть!» — «Это мы достали, у нас в кармане!.. « — «Ты, брат, айда шагом; а если пойдешь рысью, то мне не догнать тебя!»... Иван-царевич посадил Елену Прекрасную на своего коня, поехал шагом.

Прибыл Кашей Бессмертный не через долгое время домой; кричал в комнатах Елену Прекрасную — ее дома нет. Являлся он, между тем, к коню. — «А что, конь, гость был?» — «Был». — «Елену Прекрасную увез?» — «Увез». — «А скоро ли мы можем его догнать?» — «Да если шагом повезет, дак догоним, а рысью побежит — во веки не нагнать». — Садился на коня, отправлялся его догонять. Догнал его дорогой, остановил: «Ну, я теперь нарушу тебя, Иван-царевич, тебе будет и жить!» — Иван-царевич слезал с коня: «Давай теперь мы с тобой побратуемся!» — Вынул из кармана яйцо, ударил Кашея Бессмертного по лбу — он тут и кончился.

Посадил Елену Прекрасную на старшего коня, сам сел на младшего, поехал в свое государство, в русское, не поехал к Елене Прекрасной. Привозит в свое государство. Поехал своих зятьев собирать, заводить пир. Собрал своих зятьев, и вот они тут несколько суток с ними пировали.

МИШКА КОТОМА КОНЮХ И КАТУН-ДЕВИЦА

Рассказал А. Д. Ломтев

У царя был сын, и он задумал его женить. Собирал думших и сенаторов, посылал во все страны народу собирать. Много народу съехалось — князьев, и бояров, и простонародия. — «А что, мир православный, не знаете ли, в каких городах моему сынку невестку баску?» — И все отказались. Один из генеральских детей сказал: «Спросить нужно Мишки Котомы Конюха об этом деле». — За Мишкой послал царь. Он даром не идет: «Пушай царь мне выкатит бочку-сороковушку и 25 пудов калачей на закуску!» — Царь приказал выдать ему.

Мишка Котома приходит, бочку выпивает, калачи сжирает. Царь говорит: «Мишка Котома, не знаешь ли, в каких городах моему сынку невесту баску?» — «Невесту я очень хорошу знаю, только у тебя жених плох против невесты!» — Царь ему задал две лизы, он отправился на конюшню. Потом приказал всем князьям и боярам, чтобы прибыть на будущий день еще более того народу.

На будущий день съехались еще того боле. Царь подавал по чаре и по две и спрашивал: «Что, мир православный, не знаете ли, в каких городах моему сыну невесту баску?» — Все отказались. Один из княжеских детей и говорит: «Ваше Царское Величество, спросить надо Мишки Котомы Конюха: он больше нас знает». — Царь на то сказал, что «он меня вчера с конфузил, не нужно его звать на совет!» — «Однако, все-таки он скажет, можно ли, не можно ли за невестой ехать?» — Царь посылает за ним, чтобы прибыл он на совет; приказал ему выдать бочку-сороковушку и 25 пудов калачей на закуску.

Бочку он выпивает, калачи сжирает, приходит к царю на совет. — «Ваше Царское Величество, невеста очень хороша, а жених у тебя против невесты плох!» — «А можно ли за невестой ехать?» — «Можно, — говорит, — запрягай кареты! Я же ее привезу, кроме меня никто не привезет!»

Запрягли кареты, поехали за невестой. Приезжают в ее луга и видят: силы много навалено; богатырская голова отсечена поваливается. Мишка Конюх вылез, к голове подходит: «Что, богатырская голова, кто тебя победил?» — Голова ответила, что «меня победила Катун-девица». (Она богатырица.) — Мишка Котома садится в карету и едет вперед. Доезжает близ ее городу и видит: силы более того навалено; два богатыря убиты, и головы не успелись, поваливаются еще. Подбегает к этим головам, спрашивает: «Кто вас победил?» — «Победила Катун-девица».

Подъезжают к ее городу. Устроен у ней сад на 20 верст; столбы были чигунные, тын был железный. Не захотел он в ворота ехать, выше себя тын подымал и столбы, и поезд пропущал. Потом поставил столб на столбе и сделал подпись, что «за добрым словом, за сватаньем». Сам начал по саду похаживать и яблони потаптывать. Тогда видит садовник, что непорядки, бежал к Катун-девице с докладом.

Катун-девица смотрит с поратного крыльца в подозрную трубу, что их приехало много. Спустилась в нижний этаж к своему родителю: «Выдай ты мне богатыря, который действует

стопудовой палицей». Богатырь приходит и говорит: «Что, Катун-девица, нужно?» — «Ступай, с ним не разговаривай, а на носок подымай, из саду их выбрасывай! Чтобы не было их в саду!» — Приходит богатырь и говорит: «Что, господа, заехали в наш зелен сад безо всякого упросу?» — «Мы с тобой, с хамом, не будем разговаривать! Разе с тобой потолкует вон Мишка Котома Конюх!» — Иван-царевич сказал.

К Мишке Котоме он подходит, боевой палицей ударит по плечу и по другому. — «Ах, комарики полетывают, мои плечики покусывают!» — сказал Мишка Котома. — Мишка Котома обратился: «Не так, господин богатырь, братуются!» Ударил его по голове рукой своей — по колено тот в землю ушел и язык выпялил.

Катун-девица смотрела в подзорную трубу, удивилась. Спустилась в нижний этаж, к своему родителю опять. — «Выдай ты мне богатыря не хуже меня але посильнее меня еще!» Богатырь приходит: «Что ты, Катун-девица, меня требуешь!» — «Поди, господин богатырь, таких невеж на носок поддевай, из саду их выбрасывай, чтобы не было!» — Очень богатырь был сердит; приходит, первую карету фырнул и за сад выбросил, не разговаривает.

Оглянулся Мишка Котома, что дело не ладно, подбегает к нему. Бил его богатырь по плечам. — «Паутики полетывают, мои плечики покусывают!.. Что ты, господин богатырь, не ладно братуешься?» — Ударил его рукой по голове — и он сразу по колено в землю ушел и язык выпялил.

Катун-девица видит, что дело не ладно, приказала своим кучерам карету запрекчи. Положила подушки мягки, отправлялась в сад за женихом. Приезжала и низко кланялась: «Кто из вас мне будет жених?» — «Жених тебе не простой — Иван-царевич!» — «Иван-царевич, садись со мной в карету, поедем в мои палаты!» — Мишка Котома с ними же сел на запятки.

Приезжали в ее палаты; садились они за стол, она у него за ручку взяла, пожалала — сделалось ему очень тошно, из руки и сок пошел. Иван-царевич вывертел у нее руку; потом она стала на его ногу — сделалось Ивану-царевичу тошно, весь почернел после этого. Видит, что жених плох.

«Иван-царевич, не желаешь ли: у меня есть такая забава — лучок, и не можешь ли ты выстрелить из моих хором?» — Сказал Иван-царевич: «Тащите, посмотрим, что у тебя за забава?» — Притащили эту забаву шестеро, как сильное бревно. — «Мишка Котома, можно ли мне позабавиться? Попытай, выстрели!» — Мишка Котома тотчас подскочил, взял этот лучок, через коленки жамкнул, и он разлетелся на мелкие части; стреляться нельзя в него больше. Она этому делу сдвинулась.

«Иван-царевич, не желаешь ли — у меня есть конь, на им покататься?» — «Ну-ка, приведите коня, я погляжу — что у вас есть за конь?» — Привели коня. — «Мишка Котома, можно ли мне на коне проехать? Съезди на нем, попытайся!» — Мишка Котома вставал в струмено и в другое, наконец плетью коня шаркнул, шабаркнул — конь насилу устоял. Немножко отъехал, коня остановил, сказал ему: «Если что я скажу, исправишь, так ты жив будешь, а не исправишь — так я тебя плетью сейчас убью!» — Конь на то ему сказал: «Что ты скажешь, я исправлю, только не бей меня!» — «Иван-царевич если станет на тебя в струмено и в другое, ты по щетку в землю уйди! Стегнет тебя нагайкой, ты на коленку пади, немножко отойди и во корень не пойди!» (Ходу как бы не будет.)

Приезжает к поратному крыльцу. Иван-царевич спрашивает: «Можно ли сесть на коня?» — «Не знаю, подо мной дюжит, как под вами?» — Ивану-царевичу хотя и не хотелось садиться на коня, встает в струмено и в другое — конь по щетку в землю ушел, нагайкой хлестнул — он на коленку пал. Катун-девица смотрит, дивится на это дело. Немножко отошел и во корень не пошел конь, никак не пошел.

Слез с коня, начал коня под жопу пинать. Конь идет, кое-как переплетывается. Подходит Иван-царевич: «Эх, Мишка Котома, сконфузил ты меня — велел на него сесть, на такого коня! На таких конях у нас только маленькие ребятишки катаются! Не нашему брату садиться на такого коня!»

Мишка Котома сказал: «Не нужно нам твои лучки пытаться и коней ваших обучать, а — хошь добра, так садись, поедем в наше государство!» — Тогда она согласилась, запрягала карету, выкладывала свое имущество и попросила своего родителя проводить до русского государства с солдатами и с оружием, чтобы нас никто не мог похитить.

Приезжает в русское государство. Увидели солдаты, доложили царю: «Едут к нам какие-то неверные силы; что прикажешь делать с ними?» — Царь приказал: «Выпалите в них из холостых пушек! А если подаваться будут не остановятся, заряжайте, картечами попужайте их!» — Не останавливался Иван-царевич, ехал все вперед. Заряжали они тогда картечами, попужали в них. Мишка Котома из кареты выскакивал, пули хватал, да и в них обратно бросал, царскую силу валил. Одумались, что это, не Мишка ли Котома едет? Погодите стрелять! Надо узнать, кто едет? Посланник приезжает. Приказал Мишка Котома встретить их с веселым со звоном, а не так, чтобы в них стрелять. Ударили по всем церквам, встретили их с веселым со звоном.

Наперво заехал он в монастырь; повенчался, потом к отцу своему в палаты отправился. Приезжают в царский дом, посидели, погостились довольно. Он ее в спальню повел; ложились на такие кровати; наказывал Мишка Котома, чтобы лежать тихо и смиренно сегодняшнюю ночь. Она на него наперво наложила руку — задавила чисто его. Он выбился из-под руки, выскочил в коридор. Мишка Котома стоит-ждет уж тут. Она навалила на него ногу. Иван-царевич выбился, выбежал в коридор, сказал Мишке Котоме: «Я больше не пойду, она задавит меня!»

Мишка Котома подал ему три прута железных и три прута медных и велел ему: «Залезь наверх и спусти мне три прута железных, как я скажу: «Господи, спусти мне с небес три прута железных!» — Мишка Котома сам лег с ней на кровать. Она наложила на него ногу, Мишка Котома сбросил, взял ее за волосы, начал ее бить. Они дрались много время. Он сказал: «Господи, спусти с небес три прута железных!» — Иван-царевич подал ему в трубу. Он эти прутья исхлестал; сказал: «Господи, спусти еще мне с небес три прута медных!» И эти прутья он все исхлестал. — «Если так будешь делать еще, так я тебя не этак проберу!»

Посылает Ивана-царевича: «Ступай, теперь не пошевелит». Иван-царевич приходит: она лежит, раставралась, пристала; ухайкал он ее, ничем не может шевелиться. Ночь проходит; поутру она сказала ему: «Иван-царевич, поди постреляй мне дичятины! Я в своем месте все дичятину жарю.» — Иван-царевич ушел. Тогда она все на себе платье изорвала и в комнате все приломала; сама легла середь полу. Иван-царевич приходит, видит, что не в порядке, сказал: «Кто тебя избил?» — «Избил меня Мишка Котома Конюх! На то ли, что ли, вы меня взяли?» — Иван-царевич объяснил своему отцу, что «Мишка Котома мою жену избил, и все на ней платье изорвал, и посуду всю приломал».

Царь на это осердился, приказал солдатам Мишке Котоме голову отсекать. Солдат наточил саблю, шел к Мишке Котоме Конюху. Приходит к Конюху, он лежал к подушкам ногами, закрылся глухо одеялом: у него не видать ни ног, ни головы. Солдат не рассмотрел, одеяло не сбросил, саблей резнул, отсек у Мишки Котомы ноги. Сбросил скоро Мишка Котома одеяло, солдат от него сдумал бежать, испужался. Скричал Мишка Котома: «Отчего ты мне отсек ноги? Скажи мне? За чего?» — Солдат сказал: «Не бей Ивана-царевича жену! За это тебе приказал царь голову отсекчи. Счастлив, что только ноги отсек!»

Завязал свои ноги, отправился из его государства Мишка Котома. Пошел и сказал Ивану-царевичу: «Помянешь меня, да тогда уж не будет меня у вас! Хватишься!» — Только вышел за город, идет слепой, плутает, не может дорогу найти. Скричал слепому: «Слепой, иди на мой голос, пойдем со мной вместе!» — Назвал его, слепого, большим братом: «Будешь ты большой брат!» Они отошли верст десяток, идет безрукий. Пригласили они безрукого с собой. Назвал его Мишка Котома средним братом. «А я буду у вас меньшей брат».

Дошли они три брата до Яги Ягишны; у ней попросили живой воды. Она сказала: «Пойдите, вот в этом колодце живая вода». — Слепой намочил глаза и сделался с глазами. Без-

рукий примачивал свои руки, и те выросли. Мишка Котома приказал тогда Ягу Ягишну обем им держать, сам залез в колодец, примачивал свои ноги. Яга Ягишна была сильная, этих двух молодцов по чаще тащила и била. Срослись у Мишки Котомы ноги, вылезал он из колодцу. Догонял он Ягу Ягишну, брал ее за волосы, где об сосну ее бил, где и об землю. Подтащил ее к своему терему, поднял у ней терем, взял ее под угол положил, самое ее.

Тогда они отправились. Они шли близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходят до такого моря: у этого моря стоит терем, у этого терема стоит столб, на столбе подписана подпись: «Если один, одна ночь, а если трое, так три ночи ночевать. А дальше не ходить; три ночи ночуй, потом поди!» Мишка Котома сказал: «Первая ночь большаку, вторая середнему, а третья ночь мне. Первой ночи прибудет трехглавый Идолице на коне, а другая ночь — прибудет шестиглавое Идолице, третья ночь — прибудет девятиглавый Идолице».

Большой брат пал перед ним на колени: «Мишка Котома, заступись, ночуй за меня!» — Мишка Котома сказал: «Нате вот вам карточки-самоигрышки: играйте, не заигрывайтесь, а я пойду на дежурство. Пошел, под дуб сел и в книжку читал. Дочитался до полночи. Пригоняет окаянный Идолице трехглавый. Сказал Идолице: «Я никого не боюсь! Боюсь только Мишки Котомы Конюха, а Мишка Котома исцелен, без ног». — «Тепериче я исцелен, Идолице, привязывай коня покрепше, чтобы он не испугался наших побоищев, а то тебе и ехать не на чем!»

С ним оговорку поимел: «Смотри, чур до двух раз отдыхать!» Первый раз замахнулся, как польснул, сразу головы у него слетели. Тулово бросил в море, а головы его под камень положил. Отвязал коня от перилов, привязал коня к терему. Сам лег спать.

Проснулись братья, увидали, что конь стоит. Большак и говорит: «Моя ночь проведена, сяду я на коня и уеду!» — Товарищ говорит, что и я поеду с тобой. Счунулись с ним драться: один не пускает, а другой лезет, драку сучинили. «Что мы деремся? Вот завтра он еще коня приведет, тогда мы поедем вместе!» Вторая ночь подходит; средний брат со слезами его просит, усердно: «Айда ночуй за меня, Мишка Котома, братчик!» — Мишка Котома дал им карточки-самоигрышки: «Играйте, не заигрывайтесь! Я пойду, уж делать нечего!»

Сидел он под деревом, читал книжку; дочитался до полночи. Гонит к нему шестиглавый Идолице. Конь у него поткнулся. «Что ты потыкаешься, какому врагу покоряешься?.. Я никого не боюсь, боюсь только Мишки Котомы Конюха, а он теперь без ног!» — Сказал: «Идолице, я исцелен! Привязывай коня покрепше, чтобы он не испугался наших побоищев!» — Подошел к нему. Он и говорит: «Смотри, Идолице, до двух раз отдыхать!» — Первый раз как польснул, и отшиб у него сразу все шесть голов. Бросил тулово в море, а голову под камень. Коня отвязал, привязал к терему, а сам лег спать.

Пробудились братья и видят, что два коня. Подбежали; второй приведенный конь по лучше. Безрукий на лучшего коня садится, а большак: «Я старшой, ты садись на коня на моего!» — Они сучинили драку. — «Что мы деремся?! Завтра он коня, может, еще лучше приведет! Мы получше выберем, сядем да уедем, а похуже ему оставим!» — Мишка Котома смотрел на них: «Не я один дерусь, и братья дерутся!» — Они передрались, легли спать и пролежали ночь.

Рассветало. День проходит, опять ночь подходит. Теперь уж ему самому идти. Сказал Мишка Котома: «Смотрите, братья, нате карточки-самоигрышки, играйте, не заигрывайтесь! Я вам пособляю и мне пособляйте!» — Ладно — хорошо. Сидел он под деревом, до полночи дочитался. Девятиглавый Идолице к нему прибыл на коне. Конь его поткнулся. — «Что ты, конь, потыкаешься? Какому врагу покоряешься? Я никого не боюсь! Боюсь Мишки Котомы, а он не исцелен, без ног!»

«Врешь, Идолице, я исцелен, тебя дожидаю, побратоваться с тобой хочу!.. Привязывай коня к перилам покрепше!.. До двух раз, — оговорку поимел, — отдыхать!» — Первый раз как махнул, шесть голов у него слетело. Сказал: «Стой, черт, у меня ногу трет! Погоди драться!» Снимает сапог, бросает в терем — у терема крыша слетела. Чтобы пробуди-

лись братья, он за тем. Загляделся Идолице; он махнул во второй раз и последние головы с него сшиб. Отвязал этого коня и сел на него. Подъезжает к терему, будил своих братьев: «Вставайте, братцы, будет теперь! Три ночи прошли наши, поедем в путь дальше!»

Подъехали они к терему. Из терема вышла девица, стоит и плачет. Сказал Мишка Котома: «Что ты, девица, плачешь, об чем больше?» — Девица на то сказала, что «я плачу об хозяине, об трехглавом: он съедает по быку, а быки, — говорит, — преют после этого. — «Не плачь, — сказал, — девица! Мы его победили, и конь под нами!» — Девица в уста его, Мишку Котому, целовала и говорит: «Возьми меня замуж, всего здесь у нас довольно, навеки не прожить!» — «Не возьму я тебя, а который на вашем коне сидит брат, так вот с ним и проживайтесь, а мы поедем вперед!»

Они еще приезжают к другому терему. Из терема выходит девица, стоит и плачет. — «Что ты, девица, плачешь? Не плачь!» — «Как мне не плакать? Вот я жду хозяина, два быка заколола, а мясо прееет!» — «Не плачь! Мы его победили, и конь под нами!» — Тогда она его в уста целовала и приговаривала: «Возьми меня замуж, всего здесь довольно, навеки не прожить!» — «Оставляю тебе я брата, который сидит на вашем коне; вот вы и живите с ним!» — А сам поехал вперед.

Сдумал он опять в русско государство на старо место ехать, к царю. Едет он царскими лугами, увидел конный табун. Приезжает в этот табун: Иван-царевич табун пасет. — Скричал Мишка Котома: «Здравствуй, Иван-царевич!» — Иван-царевич: «Здравствуй, удалый молодец!» Не узнал его, что Мишка Котома. — Тогда Мишка Котома сказал, что «не подobaется Ивану-царевичу табун пасти! Почему ты табун пасешь?» — Иван-царевич на то ответил: «Был у нас такой могучий, сильный богатырь Мишка Котома Конюх, взял мне невесту-неровню. Отца моего она убила и мать, а меня до того довела, что я не рад житью стал сам. Рано пригоню — бьет и поздно пригоню — бьет. А сама живет с гулеваном, с королевским сыном». — Сказал Мишка Котома: «Вот Иван-царевич, если бы ты теперь увидел Мишку Котому; что бы у тебя было? Кака радость?» — На ответ сказал Иван-царевич: «Я бы у Мишки Котомы ноги вымыл и воду выпил!»

Мишка Котома сказал: «Вот, Иван-царевич, я самый Мишка Котома Конюх, садись на этого коня! Куды он тебя повезет, туды и ступай! Он повезет тебя к терему; из терема выйдет девица, вы с ней и живите; всего довольно вам будет! Не для тебя Катун-девицу брал, а для себя! Тебе править не доведется ею!» — Выбрал себе коня и вырвал себе хлыстик трехсосенный, трехверховый, свил хлыстик. Пригнал в самые полдни. Тогда она с балкона грозилась, Катун-девица, на него. Тогда он поднимает хлыстик, погрозился на Катун-девицу, Мишка Котома Конюх.

Катун-девица догадалась, мильшу сказала: «Дело не ладно, едет Мишка Котома Конюх! Нам обоим с тобой будет не ладно!» — Гулеван забросался по комнатам: «Куды же я деваюсь?» — «Сиди в стуле, не бойся! Он не знает, что ты мой гулеван.»

Он тогда с коня слез, приходит в комнаты. Сначала гулевану голову оторвал и выбросил за окно. Приказал кучеру: «Убрать, унести!» — Потом начал Катун-девицу с щеки на щеку понюжать. Катун-девица ему сказала: «Не бей меня, Мишка Котома Конюх! Чем меня увечить, я желаю лучше за тебя замуж идти!» — Сходили к венцу, повенчались. Завели пир на весь мир. Сам он стал государством править.

ПЕТРА-КОРОЛЕВИЧ

Рассказал А. Д. Ломтев

Было у короля три сына. Старшего сына зовут Василий, середний был Ефим, а младший был Петра-королевич. Сошлись они в комнату. Петра-королевич и говорит, что ему уж время жениться, а отец и большака не женит! И сказал Петра-королевич: «Пойдемте к родителю проситься — по чужим державам ехать». — Приходят все враз, перед родителем на колени стали. — «Что вы, мои дети, или что передо мной нагубили — передо мной на колени стали?» — «Вот что, родитель! Не мне жениться, так к примеру, наперед, а также уж нужно Василия-королевича вперед женить! Пусти нас, родитель, по всем державам невест посмотреть!» — Сказал король: «Ненаглядные вы мои дети! Не только я вас по чужой державе, я по своей державе вас всех враз не пущу! Я долгон жизни лишиться!»

Королева выходит, смотрит, что они на коленях перед родителем стоят. Король сказал своей жене, что «просятся дети по чужой державе ехать, невест посмотреть». Королева также рыхнулась, уливалась слезами: «Не пустим!» — Король сказал: «Мать, тоже русский царь таких же детей берет от отцов-матерей! Поочередно пустим мы их по чужой державе! То и сделаю я: жеребий на которого выпадет, того и пущу. А им всем время жениться!»

Жеребий кинули, выпал жеребий на Петра-королевича, на малого сына. Большой брат с средним остается. Мать заплакала: «Неужели же ты долго проездишь, Петра-королевич? Тогда я с тоски должна пропасть!» — «Я долго, родительница, не буду быть! Скоро вернусь». — Король ему выдал своего коня-любимца. «Этот конь тебя в обиду не даст, он тебя везде может выручить!» — Потом он заходит в конюшню, выбирает коня, надевает потнички, уздечку и богатырское седло и подводит к поратному крыльцу. Прощался он с родителем и с братьями. Только успел сесть на коня, распростился — только и видели они его, конь больно шустрый.

Приезжает он в разное королевство, пустил коня, сам сел на лужок; повесил голову: «Что я буду королю говорить?» — Конь к нему подскочил и говорит: «Петра-королевич, поди выхвастайся к королю, что я конюх, могу конный завод развести». — Приходит Петра-королевич во дворец к королю, выхвастывается, что «я конюх, могу конный завод развести!» — У короля кони вывалились, ему конюха нужно. Доложили королю; король велел в палаты ему зайти. Обошелся он с королем как требно быть. Король по речьям его принял его к себе в конюхи. Дал ему несколько тысяч денег; поехал он в прочие державы, накупил ему кобыл и жеребцов. Пригоняет табун лошадей; очень королю кони понравились. Заводил он его в свои палаты, потчевал-уважал чаем.

После этого они вышли с ним в сад в разгулку. Закручинился король. Тогда ему Петра-королевич сказал: «Что ты, господин король? Я вижу, ты в глубокой думе! Скажи мне, я твоему горю помог». — «Давно у меня родительница и сестра добивается, об чем я думаю; я им не сказал, а тебе скажу. Был я однажды у русского государя; у него есть единственная дочь; у него видал на стене потрет с нее снят, а самое ее не видал. И вот бы мне охота ее живую посмотреть, как она есть, не потретом!» — Петра-королевич сказал: «Это ведь пустяк для меня стоит! Я могу скорым времем ее украсть и тебе привезти в невесты!.. Да только ты мне, господин король, дозвожь мне своего коня в твои конюшни привести; тогда я тебе скажу,

когда поеду за невестой». — Король приказал: «Которая тебе конюшня заглянется, в ту и станови; давай корму, какого тебе угодно!»

Тогда он пошел в заповедные луга; только свистнул, живо конь прибежал. Поймал коня, поставил в конюшню, задал овса и сена, коня стал гладить, а сам повесил голову. Конь сказал: «Али чем ты, Петра-королевич, похвастался?» — «Похвастался я шуткой немалой, у царя дочь украсть королю в невесты». — «Для нас это плевое дело! Поутру раньше вставай, беги ко мне, поедем мы с тобой воровать!» Приходит он к королю, объяснил: «Завтра поутру я отправлюсь за невестой, ты утром выходи со мной проститься». Утром на рассвете конь его заржал и в конюшне зашумел. Проснулся конюх, бежал скорее к коню; прибегает к коню, очень скоро собирался, подъезжал к поратному крыльцу; сказал дежурному, «чтобы скорее король выходил со мной проститься».

Только успел дежурный заходить, король проснулся, собирался с ним проститься. Выходил король: «Здравствуешь, господин конюх! Что тебе нужно?» — «Прощай! Хотя я и похвастался, а неизвестно, вернусь ли, нет ли?» (Кто его знает-то, что выйдет еще там?) — Пустил коня, только он и видел. Ужасился король, что конь больно прытко бежит; «если он приедет, я коня поторгую у него!»

Приезжает к царю, пустил коня на луга, сам сел на лужок, повесил голову. Конь подбежал, учит его: «Поди к царю, назовись садовником, сад устроить». — Петра-королевич приходит к царю во дворец, назвался садовником. Царю доложили, что такой-то садовник: «Не желаешь ли своей дочери сад устроить?» — Царь приказал призвать его в свои палаты. Приходит в его палаты. «Если дозволишь мне сад устроить, я устрою скорым временем тебе. Не нужно мне твой народ, только место мне покажи, я тебе сад устрою один!» — Приказал царь ему за городом место показать, сад устраивать.

То он устроил в четверо сутки, приходит к царю. «Ваше Царское Величество! Получите сад! Посмотреть можно твоей дочери; знаю, что поглянется!» — Сказал царь, что «если она в сад прибудет, так тебя чтобы в саду не было!» — «Если, Ваше Царское Величество, меня не будет, цветы посохнут, яблони посохнут; тогда не понравится ей сад; а я буду, так все хорошо будет!» — Тогда царь приказал и ему быть тут и встретить ее. Он в сад приходит, дожидается ее.

Она приезжает в сад со служанками; доводит он ее до такого древа: «Вот, царская княгиня, с этого древа вы можете ягоды съесть, больно ягоды хорошие». — Приказала она служанкам съесть по ягодке наперво. Они съели по ягодке и повалились спать. Тогда царская княгиня: «Это что такое?» — «Это не на долгое время; ягода хорошая, на сон позывает... А ты иди, у меня есть у передних ворот древо очень забавное, посмотреть на него любопытно» (покамест они спят). — Потом конь прибегает в сад, сказал: «Петра-королевич, не робей, сади ее и сам садись!» — Они только и видели, мигом увез царскую дочь к королю.

Царь явился в сад, нашел сонных служанок, начал их пинать нещадно ногами своими. А дочери нету! Встали от сна служанки. Он им говорит: «Где же дочь? Не с вами!» — Служанки на ответ сказали, что «мы и сами не знаем». — «Это не садовник приезжал, а непременно хитник, дочь мою увез неизвестно куда!» — Посылал по всем дорогам на розыски, дочь искать. Везде искали, не могли царскую дочь найти.

Привозит Петра-королевич царскую дочь к королю. Вышел встретить король, поцеловал конюха. — «Скажи мне, господин конюх, что ты с меня возьмешь за это — привез ты мне ее в невесты?» — «Не нужно мне с тебя ниче, только нужно твое сердце успокоить (что ты бы жил в спокойе)». — Король говорил: «Царская княгиня, подай ты мне белую руку, назовись невестой!» — Царская княгиня ответила: «Когда же ты меня привез домой, теперь съезди к моему отцу: есть у отца большой сундук за тяжелыми замками, в нем подвенечное платье; привези его, тогда я подам тебе белую руку, назовусь невестой!»

Задумался король, посылал за конюхом. Конюх приходит. — «Не задачу тебе задаю, только высказываю: не подает мне невеста белую руку, а посылает к своему родителю

за платьем; платье у ней в большом сундуке за тяжелыми замками». — Конюх сказал, что «мы украдем скорее и того, что и самое привезли!» — Он пошел в конюшню, задал коню овса и сена, сам повесил голову. Конь его говорит: «Чем ты похвастался еще?» — «Похвастался я украсть подвенечное платье в большом сундуке за тяжелыми замками». — Конь ему тоже сказал, что «мы украдем скорее того; утром рано беги ко мне скорее!» — Ладно, хорошо.

Как до утра доживают, конь его заржал; он проснулся от сна и к коню скорее бежал. — «Долго, долго, Петра-королевич, спишь! Надо ехать поскорее!» — Живо Петра-королевич собирался, сел на коня и ехал. Подъезжал к поратному крыльцу, скричал дежурному: «Как можно поскорее, чтобы король вышел со мной проститься!» — Королю только доложил дежурный, король живо собрался, вышел на поратное крыльцо с ним проститься, — «Прощай, господин король! Хотя я и похвастался, а неизвестно, вернусь ли, нет ли я?» — Распростился, отправился к царю.

Приезжает в царские луга, коня пукает, сам сел на лужок, повесил головушку. Конь к нему подбегает: «Не печалься, Петра-королевич, пойдешь ты на рынок, купи себе накладную бороду, чтобы ты сделался стариком». — Сходил на рынок, купил себе накладную бороду; тогда он пошел в царские палаты, к царю во дворец. Приходит во дворец; солдаты стоят, советуют, все об дочери тужат. Старик к ним приходит. Старик с ними поздоровался: «Здравствуйте, господа служащие (солдатики)», — сказал. — «Что, дедка, куда пошел?» — «Я пошел к русскому царю; я слышал, будто бы царь больно добродетельный, старых людей допивает-докармливает; не допойт ли он меня, не докормит ли?» Солдаты на то ему сказали: «Не до того ему! У царя большая горе, у царя дочь потерялась, и он тужит об своей дочери».

«Пушай он не тужит! Если он меня на совет позовет, то мы живо и дочь найдем!» — Тогда бежали солдаты, не один, а трое враз, с докладом к царю (обрадовались). Солдаты приходят в палату: «Ваше Царское Величество, дозволю с вами речь говорить об твоей дочери». — Царь от них отворотился. «Советуйте, что знаете, я слушать буду!» — Один сказал: «Приходит к нам старик во дворец, (просит) пропойт и прокормит; а мы сказали, что нашему царю не до того, что такое горе». — «Что если меня царь позовет на совет, — говорит, — так я его помогу горю и дочь разыскать!» — Соскочил царь, приказал скорее старика вести в палаты. Его подхватили под руки, ведут в палаты. Царь про него сам и стуло подпернул: «Садись, садись, старик!»

Старик говорит: «Ваше Царское Величество, покажи сначала, которое ты платье приготовил про свою дочь! Тогда я тебя буду учить дочь твою искать». — Царь вынул из своего кармана золотой ключ, отпер большой сундук, тащит платье ему. Сказал: «Вот, дедушка, это платье приготовлено подвенечное, еще на плечах у ней не бывало». — Старик сказал: «Положь это платье на место и иди как можно скорее ко мне на совет!» — Царь положил скоро платье, сундук не запер, прибежал к старику, сел в стуло. — «Вот что, Ваше Царское Величество, прикажи сией минутой растворить дворец — забежит к вам во дворец конь; и вот этот конь, если он словесно вам не скажет добровольно, подожгите у него копыта; тогда он нехотя, да скажет! А покромте тебя никому не дастся; сам, Ваше Царское Величество, лови этого коня!» — Конь сею минутой забежал во дворец; старик поскорее посылает царя коня ловить.

Только царь ушел из палат, снимает конюх с себя накладную бороду, хватает скорее подвенечное платье и торопится из двора убраться. Тогда конь повертелся; царь приказал запереть ворота; не могли успеть запереть, конь выбежал. Царь воротился в палаты и кричал долго старика, докричаться не может. Царь посылает старика разыскивать, куда ушел? Найти его уж не могут. Он вышел за город, сел на своего коня — только его и видел!

Привозит к королю платье. Король его встретил с великой радостью (с платьем). Король сказал: «Господин конюх, что ты с меня возьмешь? Скажи, то я и заплачу за это!» — «Ничто с тебя не надо, только твое сердце успокоить мне охота!» — Платье приносит царской княгине и говорит: «Поддай ты мне белую руку, назовись невестой! Я тебе предоставил

платье!» — А царская дочь не подает ему руку: «Ты мне предоставь от родителя золотую карету подвенечную! Когда ты ее привезешь, тогда я согласна под венец, назовусь твоей женой!» — Король приказал призвать конюха к себе на совет. Приходит конюх. — «Что ты меня, господин король, требуешь?» — «Не я тебе службы накладываю, а только с тобой советую! Царская дочь не подает мне белую руку, не называется невестой, велит от родителя золотую карету предоставить еще!» — «Это мы украдем скорее и платья!» — сказал конюх. Тогда король его поцеловал за это опять.

Король сказал: «Господин конюх, не продашь ли мне своего коня?» — Конюх сразу ему отказал: «Сколько ли ты, король, богатый, сколько ли дом твой стоит и сколь у тебя денег — ничего не надо! И нельзя его продать, это у меня родительское благословенье; и не торгуй ты его у меня никогда!»

Приходит к коню, задает сена и овса, сам повесил голову. «Что ты, Петра-королевич, задумался? Али чем похвастался?» «Похвастался шуткой немалой — украсть у царя золотую карету». «Поутру как можно поскорее вставай, то мы украдем скорее и платья!» — Ладно, хорошо. Приходит к королю. — «Поутру рано, как я гаркну, ты поскорее приходи ко мне проститься!» А уже об нем розыски, его разыскивают, Петра-королевича: долго он прокладывается. Поутру рано встает, коня поймал, сел на коня, подъезжает к поратному крыльцу; скричал дежурному, чтобы выходил король поскорее проститься. — «Прощай, Ваше Королевское Величество! Хотя и похвастался, а неизвестно, может быть, я и головушку положу тут?» — А с сестрой со своей король разговаривает: «Кабы,— говорит,— конюх этот из богатого звания, так я бы пошла за него!» — А ему охота сестру эту взять.

Распростился, отправился к царю; приезжает; пускал своева коня в луга, сам сел на лужок. И вдруг его брат едет, Василий-королевич, трактом. Живо Петра-королевич надевал на себя окладную бороду, выходил на дорогу. Василий-королевич здоровался со стариком: «Мир дорогой, старичок!» — сказал он. — Петра-королевич сказал: «Здравствуешь, Василий-королевич!» — Василий-королевич: «Почему ты меня знаешь как звать?» — «Потому я знаю: я всех вас троих знаю, как тебя, так и меньшого брата, так и родителя знаю, и родительницу. Скажи мне подробно, куда ты поехал, Василий-королевич?» — «Я поехал своего меньшого брата разыскивать. Все королевства объехал, только в русском государстве у царя у русского только не был».

Сказал Петра-королевич: «У русского царя нету Петра-королевича. Он служит службу последнюю, скорым временем прибудет к вам назад! Воротись домой! Последняя ему служба». — «Скажи же ты мне, старичок, где он проживается?» — «Нельзя сказать. Воротись! Что сказал, верно будет. А здесь его нету!» — Тогда Василий-королевич воротился назад.

Когда Василий-королевич из виду уехал, конь к нему подбежал; конь ему сказал: «Поди же ты на рынок, купи себе солдатскую шинель и мундир и срядись как есть солдат!» — Сходил на рынок, купил себе солдатскую шинель и мундир, приходит к царю во дворец. Толпится толпа солдат тут. — «Об чем вы, братцы, советуете?» — сказал пришедший солдат. — «Мы тужим об царской дочери: где найти ее?» — «А я, братцы, служил в таком-то городе; пошел по отставке домой; подбегает ко мне конь и говорит словесно: «Если царь отворит дворец, выкатят золотую карету и запрягут меня, тогда я им одночасно привезу царскую дочь!»

Они советуют: «Если нам царю, ребята, доложить, царь нам не дозволит. Давайте сами выкатим! То мы привезем дочь; наградит он нас тогда всех деньгами!» — Выкатили карету, растворили дворец. Конь забежал во дворец. Взяли золотую уздечку и хомутик, поймали коня, начали запрягать. Только запрягли коня, уговаривались, кому ехать; как есть запрягли, конь как вдруг взлетел, только его и видели: не успели и посмотреть, куды он убежал не успели за ворота выбежать. Они гоняли по всем дорогам и спрашивали, что «не пробегал ли конь с золотой каретой?» — Нигде не могли его дойти. А царю доложили, что «конюха запрягли золотую карету, убежал конь с золотой каретой неизвестно куды».

Сгорюхнулся царь пуще того; приказал карету запрекчи самому выехать — разгулялся с горя. Заехал он на такую гору, с думал, что здесь умоленный монах живет; задумал царь его искать, этого монаха. Монах выходил из кельи. Царь к нему подходил, к этому монаху; подходил к нему и поздоровался. Монах сказал ему: «Что тебе нужно, царь?» — Царь: «Я хочу тебя, святой угодник, спросить об своей дочери: не знаешь ли, где она увезена?» — Монах ему сказал: «Это все у тебя один мошенничает, из такого-то вот королевства, Петра-королевич. Поезжай в это королевство, спрашивай у него: он тебе скажет». — Царь поблагодарил монаха, приехал домой, отправлялся на розыски.

У короля были посланники: «Если конюх везет золотую карету, гоните наперед его ко мне: я сам встречу!» — Завидели гонцы, что он едет на золотой карете, катили на своих лошадях что есть силы — он их всех наперед обогнал, наперед представился их ко двору. Король выходил его встретить, в уста его целовал и говорит: «Скажи, что ты с меня возьмешь, то я и заплачу!» — Сказал коню: «Ничто мне с тебя не надо! Только то, что сердце я твое успокоил, больше ничего!.. Поди сходи, король; если подаст она тебе белую руку, назовется твоею женой, тогда иди скорее ко мне!» — Приходил король, сказал: «Подала она мне белую руку, назвалась моей невестой, желает сейчас и под венец идти». — «Ну, теперь, господин король, прощай! Я домой съезжу».

Король его не пускает: «Я подал знать по всем державам и русскому царю. А когда свадьба отойдет, тогда я тебя и домой отпущу. А без тебя чего чтобы не было?» — Сказал Петра-королевич ему: «Послушай, богатый король, покульча ты письма развозишь, я тем временем к родителю съезжу не надолго время и вернусь к тебе на свадьбу, когда приедут к тебе гости из других государств». — Король дал ему с своей руки золотой перстень именной. — «Если ты прибудешь думает, что разным каким лицом, так я тебя по этому перстню узнаю».

Распростился с королем, отправился домой. Пустил своего коня, догонял русского государя около своего города. Надевал на себя окладную бороду, догнал царя. Подогнал и говорит: «Здравствуешь, старичок!» — «Куды же ты, Ваше Царское Величество, поехал?» — «Я поехал вот в это королевство, спросить у Петра-королевича об своей дочери: он у меня украл, неизвестно куда увез». — «Экой он удалец!.. Поедем мы с тобой вместе: мои родители в этом же городе живут». — Заехали они в город, подъезжают к дому, сказал Петра-королевич: «Здесь вот живет, а мои родители подальше живут».

Царь заехал к королю во дворец; приняли царя в палаты. Петра-королевич приехал после, пустил скоро коня в конюшни, заходил в этот же дом свой; сидел в разную комнату и слушал, что царь будет с королем говорить. — Король говорит: «Русский царь, зачем больше приехал ко мне?» — «Я приехал об своей дочери у твоего сына спросить, у Петра-королевича». — «А мы сына сами не знаем! По всем городам искали, сами не могли его найти!» — Тогда старик этот посылал лакея: «Поди сходи, не примут ли старика к себе на совет?» — Посланник приходит, говорит королю: «У нас приходит чужестранный старик» (они и сами-то не могут признать его: он в окладной бороде), «просится к вам на совет». — Король говорит: «Когда я русского царя провожу, тогда старика на совет позову!»

Живо снимал с себя окладную бороду, надевал на себя хорошее платье и являлся к отцу в комнату. Увидели своего Петра-королевича, все обрадовались. Царь сказал: «А я когда дождусь? Скажи ты мне, Петра-королевич!» (Об своей дочери.) — «Ваше Царское Величество, жди с часу на час: пригонит гонец, подаст письмо — поедем мы на свадьбу к королю! Твоя дочь у короля!» — Гонец приехал, письмо подает, зовет короля на свадьбу. Тогда царь просит как можно поскорее ехать. Живо лошадей запрягли в кареты и отправились к королю на свадьбу. Детей своих всех троих посадил король.

Приезжают. Всех король их принял. Царь говорит: «Скоро ли, господин король, мне дочь покажешь?» — «Покуль у меня конюх не приедет, я и дочь не покажу!» — Петра-королевич усмехнулся, встал: «Здравствуешь, господин хозяин король!» — говорит. — Тот взглянул на его руки: золотой перстень на руке у него. — «Неужели же ты, Петра-королевич, столько

время служил, ты самой, мне даром?» — «Да, господин король, я!» — «Когда же ты мне невесту привез, не пожелаешь ли ты у меня сестру взять в замужество?». — Сказал Петра-королевич: «Я из-за того старался, чтобы ты отдал за меня сестру!»

Король приходил к своей сестре в комнату, сказал сестре: «Соберись в хорошее светное платье, я запросывал тебя за Петра-королевича, который служил у меня конюхом!» — Она живо собралась в светное платье, выходила к ним в комнаты. Поздоровалась со всеми и с Петром-королевичем, за ручку. — «Не желаешь ли ты за меня, королевская княгиня, в замужество?» — «С полным удовольствием! Сейчас желаю под венец».

Царь сказал: «Скоро ли вы мне покажете дочь?» — Сказал король: «Сей минутой покажем тебе дочь». — Приходит к царской дочери, велел выйти с отцом поздороваться. Царская дочь выходит со слезьми, с отцом поздоровалась. А царь много раз повторил, что «моя, и моя, и моя дочь!» — «Когда я посылала посланника Петра-королевича к вам, не могли вы его изловить! Теперь уж я подала белую руку, назвалась невестой; теперь уж я, тятенька, не твоя!» — Отец благословил, и они сходили — оба повенчались. Пошел у них пир. Попировали и домой разъехались.

ИВАН СОЛДАТСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Ломтев

Служил солдат 25 лет. И у него был кантонист; звали Иваном. Иван был разученый на семь грамот. Отслужил отец; принаследно было сыну идти в солдаты. Распростился с отцом с матерью и отправился на службу. Служил он четыре года, заслужил себе чин генерала.

Отец у него погорел. Пишет сыну отец письмо: «Нельзя ли, милый сын, как помокчи старику?» — Он служил при царе; приходит Иван Васильич к царю на совет. — «Ваше Царское Величество! Родитель вам служил 25 лет, и я заступил теперь; отец у меня погорел; пишет мне письмо — помокчи, а у меня с собой денег нет ему дать на помощь». Царь рассудил, что надо пожалеть старика; уволил Ивана Васильича на четыре года и дал сто рублей денег с собой.

Он на ямских приезжает домой; приходит на свое место, увидел такой балаган на своем месте. Заходит в этот балаган; родители лежат. Заплакали они; сказал, что не нужно плакать. «Хотя у нас природство богатое, а звать некуда: балаган тесной». «Не нужно звать!» — Дал ему сын рубль денег, велел сходить в питейное заведение, купить полштофа водки и что-нибудь закусить велел принести. Поужинали они, легли спать до утра.

Иван Васильич говорит утром, что «я, тятенька, человек такой, начитанный, к работе уж не привычный, и пойду искать себе место». Дал отцу сто рублей денег, сам отправился в казенное училище.

Приходит в казенное училище, подает свой аттестат ученику. Ученик посмотрел и говорит, что «станешь если жить, я тебе назначу сто рублей в месяц, и стол тебе будет готовой». — Проживает он год, получил 1200 рублей; приходит домой, отцу-матери передает деньги. — «Погодим еще, тятенька, дом заводить! Еще с годик я прослужу, потом, может, получше наживем домик». — Приходит он в училище, а в училище училась купеческая дочь Маша. Училась она три года и научилась только три слова. У Маши очень отец был богат; над ним надсмехались: «Совсем, говорит, у тебя дочь дура! Хороша, да дура!» — Он рассердился, не стал совсем к ней ездить. А на лицо Маша была очень красивая.

Приходит Иван Васильич к ней и говорит, что «Маша, долго ли ты проживаешься?» — «Я, — говорит, — Ванечка, живу три года и научилась три слова». — «А что, Маша, если я тебя буду обучать, станешь понимать настояще али нет?» — «Да, Ванечка, не для людей, а для себя учи меня!» Залюбила она его сразу. — Заводит в свою комнату: «Если, Маша, понимать не будешь, я тебе сначала саблей руку отсеку, а наконец и голову сказню! И сыску никакого не будет». — Задает ей строчку, она прочитывает пять да шесть. Начала очень скоро понимать: она, может, и научилась, да не говорит ничего. Не доходя года научилась Маша не хуже Ванечки, на все законы.

Случилось — у этого богача съезжие гости, обед. Она услышала и говорит: «Нельзя ли, Иван Васильич, нам к тятеньке сходить в гости, на суточки погулять?» — «Нужно попроситься это у учителя». — Выпросился Иван Васильич у ученика; отпустил на суточки их погулять. Идут они Питербургом. Маша и говорит: «А где же, Ванечка, твой дом?» — «Ох, Маша, — говорит, — дом был хороший, погорел». — «Ну, хоть место покажи! Где твое место?» — «А вон, — говорит, — горелые столбы где стоят, тут наше и место!» — Стали до дому

доходить. — «Вот, Ванечка, об семи этажов дом, изукрашен всякими красками, вот этот самой мой дом!» — Иван Васильич остановился. — «Я, Маша, не пойду! Вы люди богатые, я человек бедный!» — «Идите, я веду вас!»

Подходят к дому; увидал купец свою дочь с верхнего этажу и говорит: «Что, мать! Ишь, дочь к чему выучилась!» (уж он прикладывает к худому: ведет, говорит, к себе мильша). «Пойду, мать, я, — говорит, — с ней голову сказню, с дочери!» — А купчиха говорит: «Отец, неладно! Мы тут згвалу наживем много! Съедутся хорошие люди, а ты отсекешь голову с дочери, — тут згвал будет!» — Купец купчихе велел мильша оставить где-нибудь на кухне, а она пущай приходит кверху. Встретила купчиха и сказала дочери, что «Маша, ты неладно идешь!» — Маша поняла в этом. — «Ты, мамонька, этого человека не сконфузь! Он мне не мильш! Посадите его на первое место: это ученик и человек не простой, а генерал. Я разучилась от него на семь грамот».

Купчиха кверху поднялась, купцу рассказывает, что дочь наша разучилась хорошо, на семь грамот, и это — ученик, надо его принять! Купец с трепетом его принял, посадил в первое место, начал угощать. Он и говорит: «Маша, нужно прочесть, взять книгу: пущай добрые люди послушают, что ты поняла от меня!» — Маша читала. Был у ней дядя, губернатором служил. Выслушал у ней хорошие речи, подает Ивану Васильичу сто рублей денег «за то, что хорошо разучил мою племянницу». А купец на ответ сказал: «И от нас будешь не оставлен!» — «Экой, мать, хороший молодец! Как бы нам замуж за него отдать?» — говорит Заглянулся отцу-матери.

«А что, Иван Васильич, нельзя ли твоих родителей достать сюды?» — «Можно, можно, как если желаете!» — Кучеру обсказал; кучер съездил за его родителями. Приезжает солдат, зашел в палаты. Стал купец угощать всех сряду; купец и говорит: «А что, господин служивый старичок, нельзя ли сынка отдать мне за Машу в дом?» — «Дело не мое, дело сынино!» — Купец сказал: «Что, Иван Васильич, не желаешь ли взять мою дочь Машу?» — Иван Васильич на то сказал: «Как пойдет?» — Маша на то сказала: «Если, Иван Васильич, ты меня не возьмешь, я удавлюсь или утоплюсь!» — Купец заставил музыкантов музыку играть, пошли кадрили плясать. И все плясали хорошо. Пошел Иван Васильич с Машей; хотя и не так хорошо сплясали, губернатор опять выдает сотню рублей, подает Ивану Васильичу за пляску: «Молодец! Хорошо удрали кадрили!» — Покутили и все поразъехались.

«Время и нам в училище ехать!» — «Нет, уж мы, Ванечка, ночуем ночь!» — Ночь переночевали. Поутру купец встает, приказал лакейке самоварчик подгоношить, попотчевать его. Чаю напились; он пошел в свою кладову, тащит ему наперво шесть тысяч денег, «за то, что разучил его дочь». Подарил Ивану Васильичу шесть тысяч денег. — Купчиха говорит: «Ты, отец, подарил, а я как?» — «Мать, у тебя свои деньги!» — Та пошла в кладову и тащит ему опять шесть тысяч. Дочь говорит: «Тятенька, вы подарили, а я как?» — «Мила дочь, у тебя свои деньги!» — Пошла она в комнату, натеркала полон саквояж, подает: «Вот, Иван Васильич, вот эти деньги отвези своему родителю!» — Он привозит домой. — «Кучер, поезжай домой! Я здесь останусь ненадолго». — Кучер уезжает. Иван Васильич приходит в балаган к отцу к матери. — «Будет, тятенька, лежать в балагане! Я тебе препоручу 12 тысяч, ступай, дом скупи себе!»

Солдат живо оделся, деньги взял, отправился по городу. Идет городом. Идет купец, пригорюнился. — «Что, купец, невесел?» — «Да вот, нужно, — говорит, — дом продать; дом мой к описке, а я не могу!» — «Продай мне!» — «Пойдем, поглядим дом!» — Приходят; домик трехэтажный. — «А что, купец, просишь за него?» — «Мало ли бы че он стоил! Отдай мне шесть тысяч, я тебе все и отдам; что есть в доме, все твое!» — Солдат вынимает деньги, подает ему шесть тысяч. Купец солдату говорит: «Есть у меня еще три лавки с товарами, купи и их!» — Купил за шесть тысяч со всем товаром три лавки; получил с него купчую. Приходит в свой балаган. — «Сын, — говорит, — я твои деньги издержал: купил дом и три лавки». — Сын ему сказал: «Найми ты трех приказчиков; вот я тебе даю еще двести рублей на пропитал, а ты, мамонька, бери этот саквояж, деньги из него береги, никуда не держи!»

Сам отправился к купцу в дом, к Маше. Приходит Маша и говорит, что «нужно нам с тобой идти в училище». — Идут городом; дошли до эдакой часовеньки. Маша и говорит: «Давай здесь, Ванечка, отдохнем, сядем!.. Не для того я стала отдыхать, а сделаем мы с тобой записи, что ты покромме меня никого не бери и я покромме тебя никого не возьму!» — Она вынимает бумаги и карандаш, давай живо писать, что «я покромме Ивана Васильича ни за кого не пойду». Он также: «Покромме я Маши тоже никого не возьму». — Взяла она эту записку, положила за икону: «Будет у нас Мать Пресвятая Богородица в поруках».

Потом они отправились в училище. Немножко там, недельку пожили, он и говорит: «Маша, я схожу, разгуляюсь куда-нибудь?» — «Можешь, можешь, Ванечка!» — Приходит к этой самой часовеньке, три раза подходил — икона его не допускает записку взять (ему хотелось себе взять ее). — «Что же я! Я человек поученый; меня икона не допускает, стало быть, законно изложено; пойду обратно в училище, не стану брать!» — Приходит; Маша и говорит: «Куды же ты, Ванечка, ходил?» — «Да, Маша, тебя обмануть можно, а Бога не обманешь! Ходил я к часовеньке, хотел записку взять — икона меня не допускает». — Маша сказала: «Еще ты не уверяешь?» — «Теперь я, Маша, никогда думать не буду, надежен буду, что ты желаешь за меня замуж».

Через неделю после этого дела царь пишет письмо Ивану Васильичу являться на службу (безо всяких озадок, не отговариваться, значит). Иван Васильича горе ошибло; запрет ямских лошадей, Маше не пояснил и уехал. Маша ждет день, и два, и с неделю, — Иван Васильич не идет в училище. Маша то подумала: «Непременно кто-нибудь сметил, что у него деньги, кто-нибудь его убил; живого нет, видно, дома». — Ученику сказала, что «выпишите меня из училища; не буду я здесь проживаться; отправлюсь я теперь домой». — Маша приходит домой. — «Я, тятенька, теперь дома буду проживаться; будет учиться». — Просит у родителя лошадку по городу покататься. Отец приказал запрекчи кучеру; села Маша, по городу ездит — замечает и к его дому подъезжает; спрашивала. — «Мы и сами не знаем где». (Про Ивана Васильича все спрашивала.)

Она после этого ударилась хворать: найти его не могла нигде. Дохтура ее пользовали, ничем не могут вылечить: день ото дня все ей хуже, не стала ни есть, ни пить. Был отставной дохтур Василий Петрович, приходит, ее хворь узнал, что она от чего хворает. Дохтур сказал купцу, что «твоя дочь не хворает!» Купец сказал: «Как не хворает? Не пьет, не ест?» — «Нет, не хворает, — говорит, — на то я тебе скажу, ты осердишься, что она не хворает отчего». — «Не осержуся, скажи только!» — «Непременно у тебя какой-нибудь человек приказчик хороший или нет ли дружка какого хорошего? Она в человека влюблена, его не видит, оттого и хворает». — «Да и верно ты сказал: она теперь не видит Ивана Васильича, он отправился на службу; непременно он ей не сказался, непременно она от него и хворает, в тоску вдалась! Скоро я его обрачу: брат у меня служит губернатором, он напишет письмо царю: царь его вернет обратно к нам».

Купец живо письмо написал брату: «Попроси Ивана Васильича домой! Племянница плохая, тоскует об Иване Васильиче». — Письмо приходит. Губернатор приходит к царю на совет об своей племяннице. — «Ваше Царское Величество, я Вас прошу усердно: нельзя ли отпустить Ивана Васильича к моему брату? Записная его невеста об им тоскует, хворает шибко». — «Очень он мне дорого стоит — отпустить его домой. Если желает твой брат, пушай высылает по тысяче рублей в год, а так не отпущу!» — Брат посылает письмо: «Желаешь если зятя названого достать, так высылай тысячу рублей в год!»

Купец законвертил четыре тысячи рублей и посылает к царю, чтобы непременно поскорее выслали Ивана Васильича; на четыре года сразу откупает. Приходят деньги к царю. Царь требует его к себе: «Откупил тебя тесть на четыре года; ты теперь отправляйся в свой родной город!» — На ямских он ехал, торопился домой. Прогоня стоят что-нибудь, — он втрое платил, только как-нибудь да скорее доехать. Последнюю станцию стал доезжать — Маша его померла. Он ямщику втрое платил, чтобы ехал как можно скорее, чтобы до него не могли схоронить.

Приезжает к купцу прямо в дом. Рассчитался с ямщиком. Купец вышел его встречать. — «Да, Иван Васильич! Не застал свою невесту, кончилась!» — «Что поделаешь? Все-таки захватил, не схоронили!» — Заходит в его палаты. Она лежала на столах. Он велел убрать гроб и всем выйти из комнаты. Подходит к Маше, громко сказал: «Что ты задумала? Я приехал к тебе на житье, ты помираешь!» — Маша сбросила глаза, глядела на него. Он повторил ей, еще скричал попуще. Маша сказала: «Неужели ты это, Иван Васильич, ко мне явился?» — «Да, я!» — говорит.

Она попросила у него что-нибудь выпить: «У меня, — говорит, — все запеклось; я говорить с тобой не могу!» — Он поднял ее, напоил и начал по комнате водить. Не утерпели родители, приходят в комнату, глядят — дивятся. И он велел убрать, что ей припасено (гроб), а то испугается! И не велел ей говорить про это. Сказала Маша: «Что ты поехал — не сказал мне? Я бы отправилась с тобой же! Теперь я не отпущу от себя никуда тебя!» — «Я откупленный на четыре года; теперь в четыре года не пойду никуда от тебя!»

Она прожила с месяц, направилась по-старому, как есть. Он ей и говорит: «Маша, я отправлюсь к своим родителям, скажу, что я здесь проживаю: они будут знать». — Она ему позволила, только не на долгое время. Иван Васильич приходит к своим родителям, сказал. Родители начали его угощать. Хотел после этого лавки поверить; долго загужался.

К купцу приезжает королевский сын из иных земель, сватать дочь. Купец с купчихой советовали: «Чем отдать за Ивана Васильича, лучше отдать за королевского сына! По крайней мере, иметь будет державу». (Записи нарушить охота.) — Призывали свою дочь в свою комнату, где у них совет: «Дочь, хотим мы тебя отдать за королевского сына!» — «Хоть за царского, и то не пойду! На то у нас и сделаны записи, что я не хочу нарушить и за Ивана Васильича пойду!» — «На это я не погляжу», — отец сказал, — «прикажу отдать тебя, завязать прикажу тебе глаза и отправлю в глухой повозке!» Она посылала лакейку вскоре за Иваном Васильичем, чтобы везли, а то не захватит! Лакейка приходит, Ивану Васильичу объясняет, что приехал королевский сын, отдают за него Машу; «айда скорее захватывай!» — Иван Васильич сказал: «Что я за дурак, пойду? Она ведь мне не жена, когда выдает, пущай выдает!» Иван Васильич сходил за таким слесарем, приковать сундучок велел к карете поскорее. Сходил на ямской дом, привел тройку лошадей, запрет в карету. Был трахтир против этого самого купца; приезжает в трахтир сначала.

Стал вылезать. Маша глядит, что не ко мне приехал, а где не надо, тут приехал! — Только заходит он в трахтир, Маша заревела дурным голосом: горе ее ошибло.

Иван Васильич услышал ее рев. — «Стало быть, Машу нечестно везут! А я зашел в трахтир!.. Худых речей я не говорил, можно и выйти!» — Выходит из трахтиру Иван Васильич, садится в карету.

Завязали Маше глаза и повезли в королевство. Он к кучеру своему сказал, что «айда за ними до станции! «Я заплачу тебе». — И вот они едут; лошадей переменяют, также и он переменяет, до самого едет места. Королевской сын догадался. — «Что такое, с самого места и заехал в нашу державу! Едет какой-нибудь хитник, дело не ладно!» — Заехал в свою крепость, а дежурному приказал последнюю карету не пущать!

Иван Васильич ехал по край города; увидел такой пятистенный домик, становится квартировать в этот дом (выпросился на фатеру). В этом доме живет одна старуха, никого больше нет. Старухе подает четвертную, сходить велел на рынок: «Сходи, купи бисерту». — Приносит она, оставши деньги подает ему. — «Будут они твои деньги, клади их в свой сундук!» После этого он дает ей сотенную и говорит: «Сходи, бабушка, узнай, у королевского сына невеста жива или нет? Если жива, приходи домой, ничего не надо!» (Он и дорогой хотел украсть, да никак не мог.) — Старуха цельный день добивалась, никак не могла добиться: что жива или нет: деньги не берут. Старуха повечеру приходит так. Подает старуха, приносит деньги назад: он не берет: «Дато тебе, — говорит, — клади в сундук!»

Он ночь переночевал; утром сдумал сам идти узнать. Взял денег с собой немало, отправился сам. Подходит к крепости; роется старик у крепости (киркой, лопаткой).

Старик на него свирепо (не баска) смотрел, сказал: «Что тебе, молодец, надо?» — Молодец сказал: «Нужно бы мне посмотреть королевскую невесту! Как добиться?» — «Что не пожелаешь ты поглядеть невесту?» — Иван Васильич вынимал ему сто рублей денег, подавал старику. Старик сказал: «Если сто рублей ты мне подал, как увидишь. На вот, ешь эту ягоду, и сделаешься ты сначала стариком; а если хочешь молодым, то вот я тебе еще иного сорта дам ягоду: съешь эту, и будешь ты молодой». — Сначала съел он старого сорта ягоду, сделался стариком. — «Давай, дедушка, еще одеждой переменимся с тобой!»

Потом он пошел край крепости. Приходит к крепостным воротам Иван Васильич. — «Дежурный, пропусти старика в крепость!» — «Проходи, проходи, старичок!» Подходит (близ королевского дому стоят солдатом ширинка) он к лавке, взял он княжеской одежды на себя. Съел другую ягоду, сделался молодым. Приходит: близ королевского дому стоит толпа солдатом; видят, что идет чужестранный князь, воздали ему честь. Тогда он вынимал из карману сто рублей, подавал им в гостинцы. Сказал Иван Васильич: «А что, королевский сын дома или нет?» — «Королевский сын уехал в русскую державу за тестем: когда привезет тестя, тогда будет венчаться». — «Можно ли в его палаты зайти?» — «Иди, никто тебя не стеснит». — Зашел он в королевские палаты; сидят их генералы; увидели чужестранного князя, честь воздали ему; он подавал триста рублей денег им, приказал им разделить по себе. — «Экой добройтепный князь!» — Сказал Иван Васильич: «А что, господа генералы, нельзя ли королевскую невесту посмотреть?» — «Можно». — Дежурному приказали ему показать. Дежурный сказал: «Иди за мной!» — Доводит он до эдакова калидорцу: она с девушками сидит, уважается, и перед ними музыка стоит. Он подходит и говорит: «Здравствуешь, Маша!» — «Ах, Иван Васильич, неужели это ты?» — «Да, — говорит, — я!» — Маша пала на пол и с душой рассталась. Иван Васильич видит, что дело не ладно, сдумал после этого из комнаты убираться. Королю доложили, что Маше что-то сделалось, знать, кончилась: вошел какой-то чужестранный князь, только одно слово сказал, она и кончилась. Король сказал: «Кто мог его без меня допустить?» — Король приказал разыскать его: «Я его упеку, где ворон кости не носит!»

Иван Васильич приходит в ту лавку, где он одежду взял; лопоть эту снял, свою старую одел; купцу сказал, что: «Если будут меня искать, тогда скажи, что мимо моей лавки прошел чужестранный князь». Действительно, не через долгое время спрашивают у лавочника, что не проходил ли чужестранный князь? — «Недавно проходил мимо моей лавки».

Иван Васильич пошел к старухе на фатеру. Идет и думает: «Маша кончилась, и только мне не досталась, так и ему не доставайся!» Приходит к старушке, подает четвертную, велел ей сходить взять бисерту побольше. Старуха взяла бисерту, а оставшие деньги в сундук положила. В ночь ничего хорошего не выдумал, а то выдумал, что пойду я во дворец, повешу петлю и сам задавлюсь.

Вышел на двор, написал на столбе подпись: «Что у меня осталось денег, никто чтобы не вникался были они старухины деньги». — «Задавиться мне во дворе не годно: старуха будет бояться. А поду я на волю лучше задавлюсь!»

Приходит он к морю: «Вот мне смерть хорошая! Я плавать не умею, паду в море, вот тебе и всего!»

Разулся, разделся, сидит на берегу. Вдруг бежит к нему зверек. — «Все равно мне гинуть, погляжу, как будет меня зверек рвать (есть)». — Зверек к нему подбегает, он не сробел, взял камень, зверька убил сам, наперво. Не через долго время бежит зверек другой, тащит вроде золотой камень во рту; начал этого зверька исцелять, по нему камнем поглаживать. Не через много время убитый зверек побежал вместе с этим со зверьком, обронил этот камень. Иван Васильич думает: «Камень этот хороший; если Машу схоронят, я ее исцелю; погожу топиться!» — Надевал на себя рубашку и подштанники, а камень в карман клал.

Отправился он в город; задумал зайти в питейное заведение. В питейном заведении сидят три пьянчужки, опохмелиться им не на что. То Ваня сметил дело: приказал целовальнику четверть налить; целовальник налил четверть, приказал Ваня самим им выпивать. Как напились они вина, один другому и говорят: «Ты что такой! Я ведь, по крайней мере, живописец, срисую человека, как живой, только не говорит!» — один выхвастался. А другой говорит: «Я тоже не простой человек! Я слесарь: что только ни увижу, то разве не излажу!» — А третий говорит: «Хоть за мной не шибко ремесло мудро, но все-таки я каменщик: могу печи класть и трубы!»

Ваня вызвал их на улку и говорит: «Вы знаете, что у царя невеста померла; вы украдете мне ее, я вам дам по триста рублей денег!» — «Это для нас что! Я отправлюсь в монастырь, возьму воску, срисую из воску женщину как живую!»

А другой говорит: «У меня сверлы хорошие, я могу стену пробурлить». — А каменщик говорит: «Что вы разломаете, когда вытащим, я залажу!» — То он им дал по сто рублей денег задатку: «А если притащите, еще по двести дам! Вытащите мне за город, вот на такую-то елань ночным бытом».

Сам отправился к старушке, приказал бисерту купить побольше. Записи со столба шпоркал, взял денег с собой немало, для запаса. До ночи доживает, старушке объясняет: «Я седишнюю ночь погуляю, а может, приду не в показное время — так ты пусти меня!» Приходил за город, лежал на елане ночь, дождался их. Приходят ночным бытом эти самые пьяницы к королевскому дому, начали стену бурлить. Провертели, разломали дыру порядочную. А дежурный увидал и говорит: «Что-то мне блазнит: светленько стало; и пошире, — говорит, — дыра-та стает... Али кто ее утащит? — Да никто не пошевелит! Только мне блазнит», — говорит.

Один залез, вынул ее из гробу, раздел ее из платья; подали ему восковую, он ее одел в платье, положил в гроб, а Машу вынул на волю; то посадили; каменщик живо дыру заложил. Дежурной посмотрел: дыры не видать: «Ну, вот давече мне блазнило, а тепере ничего не видать!» — Они приносят Машу за город. Ваня дождался. — «Тащите?» — «Тащим!» — Притащили; он дал им по двести рублей денег и говорит: «Братцы, вы меня не знаете, и я вас не знаю! Смотрите, не хвастайте, что я такое дело сделал! А то вы должны под суд попасть за это!»

Вынимал он камень, исцелял Машу. Маша не через долгое время встала. Маша на ответ сказала: «Где я сижу и нагая пошто?» — «Сидит возле тебя Иван Васильич; вот я дам тебе пальто и надевай мои калоши, пойдем отсюда со мной на фатеру». Приходят в хорошую лавку, где он княжеские одежды раньше брал; разбудили тогда лавошника; купец встал, лавку отворил; тогда они купили одежды у его на жену и на себя на 500 рублей. Приходят на квартиру к старушке, стучались; старушка выбегала, их пустила в избу. — «Бабушка, мы не на долгое время в особой комнате приоденемся, тогда на нас посмотри!» — Надела она хорошее на себя платье, хорошую там шаль, и также он надел на себя княжескую одежду. Иван Васильич сказал: «Бабушка, нет ли у тебя чего закусить?» — Давала она всякого бисерту, подносила им закусить жареного и пареного. Напились, наелись, легли в горницу спать. — «Маша, будет уж, время вышло! Теперь можно и блуд сотворить с тобой».

До утра доживают. Королевский сын привозит своего тестя (венчаться хотел); объяснил ему, что Маша кончилась. Купец уж затем, что схоронить, остался. Дали знать по городу всем, чтобы шли на похороны. — «Маша, али мы сходим с тобой на похороны?» — «Что ты, Иван Васильич, тебя узнают — убьют, а меня все-таки отберут!» — «Наденешь на свое лицо черную сетку, а я сряжусь в княжескую одежду! Кто же меня признает?» Решились; пришли в королевские палаты и сели против тестя и тещи.

Купчиха струменилась, глядит на Ивана Васильича и признает его; и говорит купцу, что: «Это — Иван Васильич!» — А купец говорит: «Ты не смей говорить! Чужестранный князь! Мало ли лицо в лицо находится? Ты наделаешь тут згвалу!».

Купчиха говорит: «Это, отец, — говорит, — наша дочь с ним сидит!» — «Что ты за дура? Наша дочь в гробу и платье наше на ней!»

Стал королевский сын по бокалу обносить. Подносит Ивану Васильичу бокал водки королевский сын и говорит: «Прими, господин князь, за упокой Машеньки!» — А князь говорит, что: «Поздравляю я тебя с законным браком с Машей!» (На смех он ему сказал.) Тогда сказал королевский сын: «Что мне, бестия, такие слова выражаешь? Я тебя туда запеку, где ворон кости не носит!» (Не злюбился!)

Потащили ее на кладбище. На кладбище принесли, Иван Васильич говорит королевскому сыну: «Я тебя хочу спросить, кого ты хоронишь?» — Королевский сын сказал: «Я хороню Машу, свою невесту!» — А князь говорит: «Если ты свою Машу хоронишь, то я тебе свою голову даю на подсечение! А если — не Машу, то я с тебя голову снимаю! В тем распишешься мне?» — Королевский сын согласен на это был записи сделать. Сделали записи.

«Родители, распишитесь в нашем деле! Не препятствуйте, чтобы никакого суда не было! Законно дело», — князь говорил.

Приказал ихим священникам расписаться, также и генералам, чтобы не препятствовали в этом деле. Спрашивал князь Иван Васильич отца-матери сначала: «Признаете ли? Ваша ли это дочь лежит в гробу?»

Купец с купчихой сказали: «Наша дочь лежит, наше и платье!» — Королевский сын было саблю нанес, хотел голову снести, — он ему не дал. — «Погоди еще, рано! Я обследовать тело хочу! Господа дохтура, нужно отнять руку и обследовать тело мертвое!» — Дохтура отрезали руку и обследовали: запихнуто дерево, а налиплен воск; дохтура не признали за тело.

«А что ты, господин королевский сын, не желаешь ли живую Машу посмотреть?» — Королевский сын сказал: «Где я ее возьму — погляжу на нее?» — Приказал Маше: «Сними с себя сетку!» — «Где же ты ее взял?» — Тогда он польснул своей саблей, снял с его голову: «Вот я где ее взял!» — говорит. — Тогда закричали все: «Браво, браво и браво! Законно сделал!» — говорит. — Купчиха купцу тогда говорила: «Вот я, отец, тебе правду сказала, а ты не поверил!»

Король тогда сказал: «Господин князь, живи в моем городе наместо сына, и я также возьми эту твою невесту наместо дочери; и будешь ты у меня править, проживаться в моем городе наместо сына!» — «Не время мне здесь служить, а я еще у русского государя должен служить! У меня еще служба не кончена!» — Начал тестя он стыдить и тещу: «Бесстыдник ты такой, — говорит, — откупил меня на четыре года, а потом сдумал смеяться — выдал за другого!» — Отправился домой со старухой рассчитался. Приехал домой, повенчался; женился и стал поживать.

ФЕДОР БУРМАКИН И ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь и царица без короны. Выбирал он думших сенаторов, посылал по всем странам: не будет ли какой охотник в Вавилонское царство за царской короной? — Думшие сенаторы искали по всем странам, нигде не нашли охотника. Один пошел по питейным заведениям. Лежал тогда Федор Бурмакин в кабаке пьяный. Сенатор сказал: «Федор Бурмакин, не желаешь ли ты в Вавилонское царство за царской короной?» — Федор Бурмакин на то сказал: «Опохмель меня, я готов буду, желаю ехать!»

Опохмелил его, приводит к царю Федора Бурмакина. — «Федор Бурмакин, — сказал царь, — что тебе нужно с собой?» — Федор Бурмакин назначил: «Мне что-де лучший корабль, три бочки пороху, три бочки серы горючей, три бочки селитры!» — То он взял с собой товарища — сенатора — и рабочих лоцманов и отправился в Вавилонское царство.

Приезжает в Вавилонское царство, приваливаются на пристань. Федор Бурмакин взял с собой сенатора, отправился в дом. Царство его отворяется на время: когда змей-полоз раздвинется, тогда отворяются и ворота (Змейланское царство). То заходят в комнаты они. Марфа Вавилоновна сказала: «Каки-то ветры сюды занесли Федора Бурмакина?» — «Царь послал меня к тебе. Каково ты поживаешь?» — «Милости просим! Садись со мной за стол покушать!»

Понаелись. Марфа Вавилоновна говорит: «Давай в пешки, Федор Бурмакин, поиграем! А играть не так: если три раз я тебя поиграю, я тебя пожру, а если ты меня три раз поиграешь, и ты меня жри!» — Первый раз поставили пешки, она его обыграла. Второй раз поставили, опять обыграла. Остается один раз. Поставили в третий; он со своего края две пешки под стол спихнул и говорит, что «пешельница у тебя неправильная, затем ты меня и обыгрываешь! Есть у меня в корабле пешельница мраморная и пешки также нумерованные. Дозволь мне сходить, тогда я уже буду как следно играть, а на твоей я не согласен играть!.. Если, Марфа Вавилоновна, не веришь, возьми сенатора к себе в комнаты! Я все-таки пойду, пешельницу принесу свою!»

То он сенатора к ней в комнату приводит, а сам пошел; по пути царскую корону взял с собой. Только добегает до пристани Федор Бурмакин, скричал рабочим: «Как можно поскорее от берегу отваливай!» Сенатора уж оставляет тут.

Очень долго Марфа Вавилоновна ждала; потом вышла на балкон, смотрит на море: они очень уже далеко едут. — «Ах он, подлец, ах он, варнак, как надо мной насмеялся!» — Заходит в ту комнату, где сенатор, его сейчас съела. То засвистела, загремела самая мелкая змея по ухватищу, прилетела. — «Подите, — говорит, — спалите его, подлеца, не пустите его на белый свет!» — Полетели они. Стали надлетать над кораблем, он живо выкатил три бочки селитры; зажигает селитру, всех прижег-припалил; кое-как две остались, отправились назад.

Прилетают, докладывают: «Марфа Вавилоновна, всех он нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились!»

Тогда она опять засвистела, загремела, более того змей насвистела: «Подите, спалите; его на белый свет не пустите!» — То стали над кораблем надлетать, он выкатил три бочки пороху, всех их прижег-припалил; кое-как две отдалились, полетели назад. Прилетели с докладом: «Марфа Вавилоновна, всех нас прижег-припалил, кое-как мы отдалились».

То захотелось Федору Бурмакину отдохнуть. Привалился к берегу, начали себе обед, кашу варить. Попала Федору Бурмакину тропа; идет он по этой тропе, ягоды собирает и ушел от пристани далеко. А его рабочие тогда расположились на отдых спать. Эти змеи прилетели и всех их прижгли-припалили, этих рабочих, и весь корабль по бревну раскатали, по морю пустили. Федор Бурмакин приходит на пристань и видит: корабля нет, корабль весь прижженный; горе его ошибло, что никого нет. — «Куды теперь моя головушка придлит? ... Пойду теперь по этой тропе, куды она поведет меня?» А корона у него хранится.

Доходит он до громадного дома; заходит в этот дом. А в этом доме живет Кривая Ерахта, Марфы Вавилоновны брат. Кривая Ерахта сказал: «Куда же ты, Федор Бурмакин, пошел — зашел в наш дом?» — «Я нечаянно пришел в твой дом. Прими меня с тобой жить в товарищи». — То Кривая Ерахта его принял, стали жить с ним вместе. Кривая Ерахта ему

сказал: «Не вылечишь ли ты, Федор Бурмакин, мне глаз? У меня один глаз не видит». — Федор Бурмакин сказал: «Есть у тебя олово?» — «Есть». — «Есть канаты?» — «Есть». — «Тащи мне напарья и черпак! Потом тащи канаты!» — Притащил он канаты. Положил его на пол, примерил, навертел напарьей дыр. Привязал он его на варовинны канаты. — «Ну-ка, Кривая Ерахта, поверотись, — говорит, — чтобы канаты повытянулись!» — Кривая Ерахта поверотился, канаты эти лопнули.

«Нет ли у тебя сиянных канатов?» — «Есть». — «Ну, тащи мне сиянные канаты!» Те поздоровше будут. — Притащил ему сиянные канаты, то привязал он на сиянные канаты. «Ну-ка теперь поверотись, Кривая Ерахта! Канаты пушай повытянутся». — Кривая Ерахта поверотился, весь дом ворочается, только канаты повытянулись, не лопнули.

Тогда сказал Федор Бурмакин: «Ты, Кривая Ерахта, кривой глаз расщурь , а здоровый зажди!» — То он почерпнул черпаком олово, плеснул на все лицо ему оловом горячим.

Тогда Федор Бурмакин выбежал из комнат во дворец, а Кривая Ерахта как встрепенулся, канаты его лопнули. Выбежал Кривая Ерахта во дворец и спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — «Во дворе», — сказал. Ходил по двору Кривая Ерахта, его искал и хотел его съесть. Тогда у Кривого Ерахты был слуга козел; и он к козлу стал, Федор Бурмакин, привязываться. Привязался Федор Бурмакин к козлу, тогда козел подбегает к Кривой Ерахте. Козел как только заревел, в досаду Кривой Ерахте (что козел ему еще прибежал досажать), тогда взял этого козла и выбросил за свой дворец, а двор у него был тыном устроен.

То он во второй раз спросил: «Федор Бурмакин, ты где?» — Федор Бурмакин сказал: «Я за двором!» — «Как ты туды попал?» — «Ты выбросил, — говорит, — меня с козлом». — «Хитрый, — говорит, — ты!» — Тогда он живо от козла отвязывался. — «Прощай, — говорит, — Кривая Ерахта, я уйду!»

«На вот, я тебе подарочек дам, складень!» — Федор Бурмакин брал правой рукой складень; тогда Кривая Ерахта сказал, что «складень, держи его!» — Складень его держит: если потянуть, рвануть, то должен он мне руку обрезать — (складень зажал руку крепко). Кривая Ерахта отворял ворота, поймать чтобы Федора Бурмакина. Федор Бурмакин видит, что он к нему подходит, не пожалелс вою руку, руку обрезал и ушел от него. Наконец сказал: «Ну, Кривая Ерахта, ты теперь вовсе слепой, а я хоть без руки, да вижу, куда идти!»

От этого двора тоже попала ему тропа; пошел он по этой тропе, доходит по этой тропе: стоит дом, Марфы Вавилоновны тут живет сестра. Заходит в дом, увидал он: Марфы Вавилоновны сестра. — «Здравствуешь, госпожа женщина! Назвать вас не знаю как». Сказала эта женщина: «Куда же ты отправляешься, Федор Бурмакин? Зашел в дикое место сюды!» — «Я заблудящий человек; не примешь ли ты меня с собой жить на место мужа?» — Она согласилась с ним жить, так же на место мужа держать, и они в год прижили мальчика. То Марфы Вавилоновны сестра говорит: «Теперь, Федор Бурмакин, живи как требно быть, по-домашнему: что мне, — говорит, — то и тебе дите!»

То она улетала на побоище, его жена, а он сходил к морю и сделал себе плот. Она летела с побоища и плот этот увидала. Прилетает и говорит: «Что же ты, Федор Бурмакин, к чему же ты этот плотик исправил?» — Сказал Федор Бурмакин: «Что же ты какая неразумная! Вот у нас ребенок есть, обсрался, нужно пеленки помыть! На плотике лучше помыть пеленочки». — «А я думала, что ты хочешь от меня отдаляться на этом плотике!» — «Нет, я не буду отдаляться, буду жить!» — Тогда он плот оставил тут, а весло исправил, спрятал, чтобы ей не видать было. На будущий день она отправилась на побоище, наказала: «Смотри, от ребенка никуда не ходи!» — Только ее проводил, отправился скоро к морю, сел на плотик и поехал.

То ребенок заревел, и лес затрещал. Услыхала Марфы Вавилоновны сестра, что ребенок ревет, очень скоро воротилась домой. Прибежала, ребенка схватила, прибежала на море, на ногу ребенка стала, а за другую разорвала напополам. Она бросила эту половину, добросила до него, у него плотик начал тонуть. Кое-как он спихнул эту половину, потом отправился вперед, а она свою половину съела.

То он ехал — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — пристал, привалился опять к берегу; потом он пошел по Уралу, нечаянно приходит на такое побоище: выбито побоище в печатную сажень. Тогда Федор Бурмакин сказал: «Дождусь, кто сюды прибудет?» — Залез он на дуб и сделал себе лучок и начал делать стрелки. То приходит наперво к нему лев-зверь. Лев-зверь взглянул на дуб, увидал Федора Бурмакина, сказал: «Федор Бурмакин, помоги мне окаянного Идолища победить, а я тебя в твое царство в русское государство доставлю!»

Приходит шестиглавый окаянной Идолище, взглянул на дерево, увидал на этом дубу Федора Бурмакина; сказал окаянный Идолище: «Если ты, Федор Бурмакин, поможешь лев-зверя похитить, я тебе половину золотой горы отдам!» — Сказал Федор Бурмакин: «Подеритесь вы сначала одни, я тогда на вас погляжу, которому помокчи!» — То Федор Бурмакин подумал: «Если мне Идолищу помокчи, куда мне половину золотой горы? Лучше я помогу леву-зверю: лучше пусть он меня доставит во свое царство!» — Скричали они ему: «Пособляй которому-нибудь, а то мы драться долго не будем!»

То Федор Бурмакин натянул свой лучок, пустил в Идолища, отшиб ему голову. И во второй раз пустил, другую отшиб; в третий раз пустил и третью отшиб. Стал лев-зверь уже одолевать его; а Федор Бурмакин натянул четвертый раз, четверту отшиб. Остается две. Остатки лев-зверь сам закончил. Он убил, лев-зверь, вовсе Идолища, сам вылез из шахты. — «Слезай, Федор Бурмакин, не опасайся! Я тебя не пошевелю!»

Федор Бурмакин слез с дубу, поздоровался с левом-зверем, сел на него и поехали. Добегают до белого камню. Сказал лев-зверь, что «я не могу тебя теперь в твое царство везти; на трои сутки дай мне отдохнуть здесь». — Федор Бурмакин сказал: «Чем же я буду трои сутки здесь пропитываться?» — «Вот ты этот камень лизни три раза, будешь тогда сыт, пьян и весел!» — То он лизнул белый камень три раза, и сделался — сыт, пьян и весел Федор Бурмакин. — «Можно проживаться мне!» — говорит. — Трои суток проходит, тогда лев-зверь встал, сказал: «Садись на меня и держись за меня крепче!»

То он привозит его в русское государство, а наконец сказал: «Ты, смотри, Федор Бурмакин, мною не хвастайся, что я на лев-звере ездил! Если ты мною похвастаешься, тогда я тебя не пожалею, съем!» — Приходит Федор Бурмакин к царю во дворец, а царь завел пир на весь мир. То, в пьянстве, хвастались генералы войсками, а купечество хвасталось деньгами. Царь наказал: «Если кто в пьянстве помянет про Федора Бурмакина, того живого в могилу копать. Он досадил мне шибко».

Тогда Федор Бурмакин сам сказал: «Ох вы, купечество, толстопузики толстоголяхие, вы хвастаетесь деньгами, — говорит, — а вы бы, — говорит, — тем похвастались, кто на леве-звере ездил!» — Лев-зверь все равно как тут и был; сказал, что «Федор Бурмакин, был договор, что мною не хвастаться!» — Федор Бурмакин сказал: «Не я хвастаюсь, а хмель!» — «Где он?» — «Иди, я вот подведу!» — Подвел его к бочке, к вину: «Вот давай лачи тут, лев-зверь, этот хмель!» — Напился лев-зверь пьяный и свалился. Федор Бурмакин тогда скуртюжил, связал его крепко.

Проснулся лев-зверь, сказал: «Кто меня связал?» — «Вот хмель связал тебя! Он может тебя и развязать». — Напился он во второй раз, лев-зверь; он его развязал. Потом проснулся лев-зверь развязан. «Ну, и верно, Федор Бурмакин, чем ты знаешь, тем и хвастайся теперь! Ступай, — говорит, — я поверил, что хмель может все сделать».

То приходит он к царю; сказал: «Ох вы, господа генералы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тем похвастались, кто в Вавилонское царство ходил за царской короной! И вот я представил царскую корону!» — говорит. То он развязывает свой суквояж и вынимает царскую корону, подает царю корону. То извинился царю, что я оплошал: корабль мой нарушили и народ весь сожгли, только я один мог сохраниться». — Поблагодарил его царь, наградил его деньгами. — «Куды знаешь, туды и ступай теперь, Бурмакин!»

ПОБЫВАЛЬЩИЦА

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был старичок. До того добился, что ему уже питаться нечем стало. И пошел он за 30 верст на такое озеро рыбачить. Исправил он на этом озере себе балаган земляной и в этот балаган он перевез жену и детей. После этого он дал клятву, что «если я на себя (каждый день) не заужу рыбу, то не буду я есть: день буду удить, а ночью Богу молиться» — Он не зауживал на себя, только зауживал на жену и на детей. То Господь дал ему терпенье; не ел он с месяц.

Потом тут такой день выдался — заудил он две рыбки лишних; потом он не стал удить, прославил Бога: «Слава Богу! Господь меня сужалел, дал мне на пропитал две рыбки лишних!» Сказал: «Мне жена сварит сегодня, я поем!» — Подходит к балагану и жене говорит: «Говори, жена, слава Богу!» — А жена отвечала: «А что, старик? Слава Богу!»

Он жене объясняет, что «я сегодня на себя заудил две рыбки лишних: Господь на меня дал!» — Жена: «Не на тебя Бог дал, а я тебе родила еще два сына, на них Господь дал две рыбки лишних!» — Потом старик сказал: «Когда ты родила два сына, я еще не буду есть, ловить буду. Слава Тебе, Господи, что ты меня не скричала, одна родила!» — После того он трои сутки удил, также заужал на жену и на детей, а на себя нет нисколько.

Ночь он промолился; поутру своей хозяйке сказал, что нужно их в крещену веру везти, детей. То он оставил жену в балагане, а сам пошел в селенье за священником. Встречу идет к нему молодец, сказал: «Куды, старик, пошел?» — «Родила у меня жена два сына, нужно их в крещену веру везти». — А молодец ответил: «Возьми меня в кумовья!» — То он посмотрел через правое плечо, а показался ему нечистый дух — этот молодец. Сказал старик: «Отойди ты от меня, нечистый дух! Я и то в грехах потонул без тебя. Какой ты мне кум?» — То он захохотал, этот молодец, пошел от него в сторону, а старик пошел дорогой.

Отошел он немножко — идет молодец еще чище того навстречу. И этот молодец сказал: «Куда тебя Господь понес, старичок?» — Старик молодцу сказал: «У меня жена родила два сына, мне охота в крещену веру привести, я пошел за священником». — «Возьми меня к себе в кумовья!» — говорит этот молодец. Поглядел он через право плечо и видит, что показался хорошей души.

Старик его пригласил в кумовья. — «Когда ты меня приглашаешь в кумовья, я тебе дам три золотых: священник не поедет «даром на своей лошадке: не утай (не жалея их), отдай эти три золотых священнику! Я пойду к твоей жене, а ты ступай к священнику!» (Господь ангела сослал ему, он только молодцом оказался.)

То старик не больше часу шел: не в кою пору доходит до селения. То приходит к священнику. — «Батюшка, я до твоей милости: у меня родила жена два мальчика; вот на таком-то озере я живу, за 30 верст. Нужно мне их в крещеную веру окрестить, я до твоей милости пришел». — Священник ему на то сказал: «Ты бы склал их в полу, приташил бы, я бы их окрестил, ты бы уташил их домой!» Священник приказал: «Выберись из моего дому, я не поеду!»

Потом он подходит к столику (старик), клал ему на столик три золотых. Во второй раз он из горницы выходит, глядит: на столике три золотых старик положил. — «Ах, старичок, у тебя еще три золотых водится!.. Стряпка, станови самовар, мы с ним чайку напьемся!»

А кучеру велел лошадь запрекчи: «Поедем мы с ним детей окрестить». — Старик сказал: «Нет, батюшка, я чаю твоего не буду пить; ты чаю напьешься, поедешь, меня нагонишь, а я пойду пешком».

Старик меньше чаю шел; священник еще, пожалуй, только из двора пошевелился — уж он пришел на озеро к своему балагану. Где балаган стоял, тут, на том месте, образовался дом каменный и круг дому цветы расцвели. Удивился старик: «Неужели я неладно пришел? Проруби мои, а балагану нет!» — То как враз выбегают его старшие дети из комнат отца встречать. То он детям говорил: «Кто выстроил этот дом?» — «Пришел к нам какой-то молодец, вдруг все появилось». — То заходил он в дом; кум сидел его на лавке. Старик говорит куму: «Как, кум? Непременно священник раздумал! Я сколь дорогой оглядывался, а он меня не догоняет». — «Священник в пути, скоро приедет». (Ангел как не знает!)

Действительно, священник приезжает к этому дому, сдвинулся. «Неужели я неладно приехал? Он сказал мне: живу в балагане, а это дом каменный! Это что такое?» — Священник сдумал назад воротиться от этого дому. Потом, значит, ангел его посылает: «Кум, — говорит, — ступай, священника зови в свой дом!» — Выходит старичок, священника зовет в дом. Священник: «Ах, старичок! Как поживаешь? Сказал, что живу в балагане, а дом у тебя вот какой, что в селенье такого дому нету!» — А старик на то сказал: «На все Господь!»

Заходят в дом. Потом кум говорит: «Ты, кум, поди в кладовую, три поклона положи; тут есть купель. А я пойду за водой: мне подobaется за водой идти!» — Подходит старичок к кладовой, положил три поклона; дверь отворилась: стоит две купели — одна золотая, другая серебряная. То он взял золотую купель, вытаскивает, ставит середь полу. Кум наливал в купель воды; приказал отцу сходить за детьми, детей притащить. Старик приходит из той комнаты без детей. «Сходи, кум, сам тащи детей: руки у меня не подымаются взять их». (Сам испужался, что такое.) Кум отправился за детьми за его; приходит, того взял на руку, другого — на другую. То приносит детей — один сын в золотой ризе, а другой в серебряной. Священник, смотря на мальчиков, оробел. Ангел отвечал священнику: «Открывай книгу, гляди, какой сегодня день ангела: такие и имена давай!»

Священник на то ему сказал, что «мне подobaется их (таких мальчиков) крестить?» — «Нет, духовник, они в крещену веру не введены, полагаются их крестить». — То раздел их из риз, подает священнику, и он посмотрел в книгу, назначил им имена; окрестил. И передал ангел отцу, сказал: «Снеси жене и по три поклона за них положи!» — А из купели воду вылил, поставил середь полу купель. Старик приходит; он приказал ему купель на место снести, выйти из кладовой, поблагодарить купель и три поклона положить. (А священник все глядит на них, что они исправляют.)

Старик стащил купель и говорит: «Кум, нет ли чем накормить священника? Священник приехал за 30 верст, небось есть захотел». — Кум ему сказал: «Поди, кум, к этой кладовой, три поклона положи, отворится дверь — тут есть на столике все, тащи сюды». — Старик три поклона положил, отворилась дверь — на престоле всего довольно; он постоял, а ничего не взял, так выходит: — «Кум, — говорит, — чем таскать, нельзя ли нам за этим престолом покушать?» — «Можно, — сказал, — иди, батько, с нами!» — Заходят, садятся за престол за этот.

Сидели очень долго. Ангел стал говорить священнику: «Батюшка, теперь тебя нужно провожать отсюда, сидим мы очень долго за престолом». — А священник: «Не очень, — говорит, — сидим долго; как я приехал, не больше, — говорит, — как часа три и с ездой прошло время!» — А ангел отвечает: «Нет, — говорит, — батюшка, ты теперь у нас гостишь три года, прошло три зимы и три лета, а тебя без вести потеряли: на твоём месте служит священник другой». — «Нельзя ли, милые дети, мне с вами жить?» — сказал священник. (Поглянулось ему.)

Ангел сказал, что «ты здесь жить не достоин. Ступай ты на свое место, тебе от Божьего храму не откажут. Когда ежли охота свою душу спасти, дак ты что тебе дадут, дак только то

и бери! А не то, что за «венчанье давай 10 рублей»; а тебе только бы пропитал был, и ладно! Ты человек начитанный, слепых людей на ум наставляй, чтобы они Бога могли признавать!»

Проводили священника домой, остались двое. — «Кум, — говорит, — мое дело старое; ты уйдешь! Скажи мне, чем я буду своих детей пропитывать?» (А он не знал, что он ангел; видит, что он хорошей души.) — То ангел сказал: «Поди, — говорит, — тут есть кладова; в этой кладове есть большой мешок и кирка, тащи сюда!» — То притащил, действительно, большой мешок, кирку и лопатку. — «А жене твоей на пропитал тут всего довольно будет! Пойдем мы с тобой по Уралу!»

Идут они Уралом, доходят до таких трав; велит он ему есть корни, копать эти травы. Накопали этих (всяких) трав полон мешок. То сказал: «Смотри, кум, будешь ты такой дохтур, по свету только один, против тебя никакого дохтура больше не будет! Народ не будет меня видеть, только видеть ты будешь меня один: стану я к которому рабу в головы, ты того раба лечи; стану я к которому рабу в ноги, ты того раба не лечи уж! Смотри, кум, что тебе только дадут, ты только то бери, а не дадут — и так лечи; а взятки большие за лечение не бери!»

«Пойдем мы с тобой к королю. Король лежит, 30 лет хворает уж. Он весь в пролежнях, король; на симах (в зыбке) висит, не может на кровати лежать». — То приходят к королю; ангел встает к королю в головы, — короля подobaется лечить. А старик называется русским дохтуром. — «Не желаешь ли, господин король, здоровья? Я тебя вылечу!» — А король на ответ сказал, что «если ты меня вылечишь, дарю я тебя городами и пригородками, и деревнями; бери все это себе, только вылечи!» — Вынимает он трав, натопил (запарил в горячей воде) этих трав, подает королю лекарство это (в такой воде). То король эти лекарства пил три дня — налились в нем крови и сделалась ему легота лучше старого. Король сказал, что «всем ты дохтурам дохтур! Изо всяких земель я доставал дохтуров, покромe тебя никто меня не мог вылечить!»

Король написал письма, послал по всем державам, что «верю я по себе: кто если шибко скудно хворает, ехали бы за ним: покромe этого лучше дохтура нет». — Потом его дарил городами и деревнями, также много золотой казны и имущества, и отвел ему (дал ему) на веки город и дом.

Тогда письмо получил один король, посылает за ним карету и посланника, за этим дохтуром. Тоже болен король. Приезжает кучер, по пояс кланялся — звал его к себе в город короля лечить. Садился тогда дохтур в карету, катился в королевство. Приезжает, заходит к королю в дом. Дохтур подходит к королю, а ангел встает к королю в ноги: его не подobaется лечить, короля. Король с дохтуром поздоровался. Сказал король: «Если ты меня, русской дохтур, вылечишь, я тебе много подарю имущества и золотой казны и отправлю на своих лошадях».

Захотелось дохтуру его вылечить; поворотил, значит, за симы к ангелу головой. Ангел ничего ему тут не сказал; а только отворотился. То он запарил своих трав всяких, подавать стал королю. Вылечил его в трои сутки. Дарил много ему король золотой казны и имущества и отправил на своих лошадях в свой город.

Потом они приезжают. Он и говорит: «Кум, — говорит, — ступай, говорит, — ты на это озеро, вези с озера свою жену и детей сюда: здесь у вас богатство веки непрожить! А я тебя дождусь». — То он запрет карету; приезжал на то место, видит: они уже не в доме, а в балагане лежат. (Дома-то уж нету: ангела-то обманул, так живи по-старому!) То он посадил жену и детей, привозит в этот самый город, где ему подарено.

«Ну, кум, я у тебя в гостях долго был; теперь пойдем ко мне в гости!» — То он повел его не путей, не дорогой — диким местом, Уралом. До той степени он его вел, что этот дохтур на себе все прирвал и с тела кровь на нем льет ручьями. Сказал этот дохтур старик: «Кум, — говорит, — за тебя, я гляжу, ничто не задевает, а я на себе все прирвал, мне трудно за тобой идти». — А ангел сказал: «Господь не это терпел, а ты что не можешь терпеть, что из тебя кровь побежала!»

Завел он его в пещоры. Оказались: горят свечи. То его дохтур сказал: «Это, кум, что такое? — горят свечи к чему?» — Ангел сказал, что «это наша жизнь продолжается: которой раб родится, тому становится и свеча; если может раб сто годов жить, и она сто годов горит, эта свеча». — «А что же, кум, — говорит, — которая моя свеча?» — «А вот гляди: твоя свеча сейчас потухнет, и жизнь твоя нарушится». — «Нельзя ли, кум, переставить (переменить) другую? У меня дети малы, теперь бы надо только пожить бы!» — говорит. — Ангел ему сказал: «Два раза Бога не обманывают! Королю принаследно, — говорит — помирать, а ты его вздумал лечить; я тебе наказывал, — говорит, — ты не попомнил. Твоей свече еще гореть 30 лет, я переменял твою свечу королю — он еще проживет 30 лет. А тебе переменял свечу короля; жизнь твоя короткая остается: дойдешь домой, а не то и не дойдешь — дорогой по-мрешь! Пойди же ты теперь домой. Может, если подойдешь домой, благослови своих детей и ложись под святую икону, с душой расставайся!»

Очень скоро бежал, торопился, бежал домой. Сказал жене: «Дай мне теперь рубашку и подштанники беленькие, — мне теперь помирать!» — Лег он под святую икону, благословил своих детей, перекрестился и скончался.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был мужичок. У него было 12 сыновьев и 12 дочерей; один, Илья Муромец, был без ног. Отец его отвез в леса, в особенную избушку, и он Богу молился 12 лет. Летней порой приходит к нему старичок. Старичок поздоровался с ним и говорит: «Илья Муромец, нет ли что у тебя напиться?» — Илья отвечает: «Есть у меня пивцо, отец привез, только у меня ног нет; не сходишь ли сам ты?» — Старичок сказал: «Как добрые люди ходят, так и ты стань да поди!» — Тогда Илья Муромец стал, взял туес, пошел, принес туес пива. Старичок немного попил и говорит: «Илья Муромец, ну-ка теперь после меня допей это пиво, из этого туеска!» — И он выпил. Объяснил старику, что «я чую в себе силу непомерную: чтобы был столб от земли и до небеси, а в столбу бы кольцо, я взял бы за кольцо и поворотил все».

«Ты принеси еще, Илюшенька, мне пива!» — Принес он туес пива. Старичок попил, остатки подает: «Допей, Илюшенька, остатки!» — Выпил и говорит: «Теперь против той силы треть доли у меня нету, мало остается силы!» — «Будет тебе! Против простонародия, — говорит, — будет и этой!» — Старик с ним распротился; только старика и видел он.

Илья Муромец собрал кое-что с собой, отправился домой пешком. Приходит домой. Мать очень сделалась рада. А родитель был на пашне, их дома не было с детьми. Приказал Илюшенька: «Родительница, напеки лепешки блинов, я отправлюсь на пашню к родителю, гостинца понесу им». — Мать напекла блинов и лепешек; он отправился на пашню. Приходит. Некоторые братья признают, что «это братчик Илья Муромец идет наш». — То он скричал: «Идите, родитель, и вы, братья, пообедать, горячих блинов есть!» — То они побросали топоры, шли на стан с ним поздоровались, начали обедать. Илья Муромец (сказал), когда они пообедали: «Ложитесь, родитель, и вы, братья, спать, а я немножко порублю там лес!» — Тут сказали братья, что «мой возьми топор!» А другой: «Мой возьми!» — «Ладно, братья, ложитесь только спать! Который топор поглянется, тот и возьму».

Илья Муромец, все равно как осот, всякую лесину дергал, и выдергал, и бросал в Неву-реку. Захотелось ему Неву-реку спрудить, а Нева-река другим местом прошибла. (Не мог ее лесом спрудить.) Сколько ни было лесу, он весь лес выполол и весь в реку сбросил. (Какой рубака славный!) Приходит на стан: «Будет, тятенька спать!» — Те стали, сдвинулись. Запрягли лошадей, приез жают домой.

То приехали домой. Он говорит, что «родитель, пусти меня в поле, широко раздолье, людей посмотреть, самому себя показать!» — Приходит он на баршину; видит народу много. Приходит и говорит: «Нет ли у вас борца такого?» — Один выходит: «Давай поборемся!» — А он оговорку поимел с ним, что «братец, чтобы в просьбу не ходить, кто кому че сделает!» — С ним взялись бороться; как поднял, тряхнул, торнул его об землю, у него и кишки вылетели, у этого человека. Однако взял так, бросил на укидку и того убил. — «Народ слабый!» — говорит, — нечего его и хитить!»

Приходит домой, садится на завалину. А у него сосед был купец. Суседу стал обсказывать об этом; сосед сдвинулся. — «Вот бы мне такого в лавку!» — говорит, — ну, не смел бы воровать другой!» — Тогда Илья Муромец согласился к нему в приказчики, нанялся за 40 червонных на месяц, чтобы семья ходила к нему обедать. Купцу хотя дорого: «Ну, на испытущу, что из него будет!» — согласился. Приводит его в лавку, рассказал, че почем продавать. Начинает торговать, и торговля идет ему хорошая.

Купец поехал на ярманку, а он остался торговать. Купец с ярманки приезжает — товары он распродал все. — «Господин хозяин, деньги получи, а товару свежего нагрузжай!» — Купец тому делу сдвинулся, что «я 30 лет торговал, столь не выторговал, как ты выторговал в одну неделю!» — Илья Муромец не согласился сидеть в лавке, торговать: «Лучше по белому свету съездить покататься!»

Пошел он на рынок себе богатырского коня искать. Сколько он на рынке ни ходил, а как руку свою наложит, под рукой кони гнутся. Тогда он ходил по городу, приходит к священнику; у священника своробливый жеребенок есть. Этот жеребенок может под рукой под его дюжить. — «Поди, родитель, купи мне этого жеребенка у попа! Что он запросит, то и отдай!» Приходит его родитель к священнику, торгует жеребенка, а поп просит сто рублей. Этому старичку дорого показалось, приходит без жеребенка домой.

То Илья Муромец сказал: «Что ты мне, родитель, не купил?» — «Очень он дорого просит, сто рублей!» — «Если запросит он двести, и двести рублей отдай! Не пожалей, пожалуйста, купи мне этого жеребенка!» — Во второй раз приходит, батька запросил за него двести рублей, а старик ему подал двести рублей. Кое-как до двора довел, поставил его в такой струб и ходил за ним день и ночь, кормил его. То он через два месяца почуял в себе силу, выскочил из струба и мог выворотить колодец (яму). Потом Илья Муромец скоро коня поймал, привязал коня; пошел на рынок, купил себе богатырское седло и уздечку.

Потом он простился с родителем, сел на коня, обседлал его и поехал. От царя он жил расстояние в ста верстах. Был он дома у заутрени, а между этого дела поспеть охота ему к обедне к царю. Каким родом? — Прямой дорогой, где Соловей-разбойник сидит на 12-ти дубах. Соловей-разбойник не пропускал ни конного, ни пешего, на 12 верст от себя не до-

пушал; как свистнет, конь убьется, и человек мог погинуть. Был раньше тракт, забросили его; никто не ездил, а он осмелился ехать. Приезжает он близ Соловья-разбойника. Соловей-разбойник свистнул, и конь его на коленки пал. Он своей боевой палицей бил его по бедрам. — «Что ты, травяной мешок, врагу покоряешься? Я соломенный мешок, да и то не покоряюсь!» — То конь его спрыгнул, веселее того побежал.

Подъезжает близ Соловья-разбойника, а Соловей-разбойник свистнул в весь свиск. Конь его опять поткнулся, на коленки пал. — «Что ты, травяной мешок, врагу веруешь? Я соломенный мешок, да и то врагу не верую!» — Бил его по бедрам. То конь его спрыгнул, веселее того побежал. — Тогда видит Соловей-разбойник, что он гонит, свистел лихим матом. Тогда конь на это не смотрел, летит прямо к дубам. Подогнал к дубам, натянул свой лучок, кленовой стрелой сшиб его с дубов. Привязал его к струменам, отправился к царю.

Едет он мимо его дочерей. А дочери увидели* сказали, что «тятенька нам гостинец везет». Соловей-разбойник отвечал, что «тятеньку самого везут в тороках. Вы обед про Илью Муромца исправьте; он не пожалеет и меня!» — Поскорости навешали над воротами стопудовую доску: что «мы позовем его в гости, так спустим эту доску, задавим его». — Расслушал Илья Муромец такие речи: «Некогда мне обедать разъезжать, нужно мне и к обедне поспевать!»

Приезжает прямо в монастырь, пускает своего коня в оградку, а сам заходил в Божий храм. Обедня отходит, весь народ выходит; также и богатыри выходят, видят, что у него конь в Божьем храме, в ограде, значит, не порядки! Один богатырь, увидевши Илью Муромца, берет он коня: «Как ты можешь в Божий храм завести коня? Я вот возьму тебя, как трепесну, только и было! (Как ударю и убью!)» — Илья Муромец на то осердился; ударил своей боевой стопудовой палицей богатыря — богатырь разлетелся на мелкие части.

А другой говорит: «Вот, знать-то, ты мне будешь брат, силой ровнак!» — Илья Муромец сказал, что «в поле съезжаются, родом не считаются! Давай мы с тобой сначала съедемся, побратуемся — тогда братьями назовемся!» — То они разъехались с ним на версту, ударились — у них палица об палицу впились обе, никто не мог друг друга похитить. Тогда назвали они братья, что «силой равны мы с тобой!».

У царя был бал. Обносили по бокалу, и по два, и по три, и некоторые начали хвастаться, купечество — деньгами, а богатыри — войсками. А Илья Муромец похвастался, что «я прямой дорогой ехал, Соловья-разбойника сшиб с дубов». — Тогда не верили; доложили государю, что «похвастался Илья Муромец Соловьем-разбойником; пускай он его притащит, поглядим, что за Соловей?» — Притащил Соловья-разбойника. Всем нужно посмотреть. Царь сказал: «Что, Илья Муромец, можно ли его заставить свистнуть?» — Илья Муромец с оговоркой: «Ваше Царское Величество, я заставить заставлю, чтобы меня не запрочинить, народ тут есть хилый, которые кончатся!» — Царь приказал ему, чтобы свистнуть тихо.

Тогда он царя взял под правое свое крыло, а царицу под левое; скричал Соловья-разбойнику, что «как можно тише свистни!» А Соловей-разбойник свистнул во весь свист, народу, простонародия, повалил как варом, много народу убил. То Илья Муромец взял Соловья-разбойника, полыснул его об землю и расшиб на мелкие части (нарушил его тут: что народу много погубил). Поблагодарил его царь, взыску никакого не сделал с него (что народу много он похитил).

То он отправился в путь дальше, Илья Муромец. Натакался он на Егора Златогора. Егор Златогор с руки на руки горы перебрасывает — шалит. (Посильнее Ильи-то Муромца еще.) Тогда стегнул Илья Муромец Егорову лошадь, она прыгнула, а Егор Златогор не мог поворотиться, увидеть, отчего она прыгнула. Во второй раз Илюшенька еще стегнул Егорову лошадь, она еще дальше упрыгнула. Тогда увидал он Илью Муромца. — «Илья Муромец, балуешься! Понюжаешь мою лошадку!».

Посадил его со всем с конем в карман Егор Златогор. У Егора стала лошадь спотыкаться. Егор стал лошади говорить: «Что ты, моя лошадка, потыкаешься? Или тебе старость под-

ходит?» — Конь отвечает, что «ты посадил богатыря не хуже себя! Как же мне не тяжело, не спотыкаться?» — Выпустил его из кармана, поехали с ним рядом.

«Ну, теперь, Илья Муромец, поедем к моему родителю!» (Егор Златогор сказал.) Попала им старушка: идет старушка с пестерюшкой; сверсталась старушка против них; пестерюшка будто бы вырвалась у ней из рук — пустила ее на землю. Старушка ответила: «Господа богатыри, подайте мне пестерюшку; у меня спина болит, согнуться я не могу!» — Егор Златогор приказал Илью Муромцу подать старушке пестерюшку. Илья Муромец подъезжает к пестерюшке, хотел своей ногой поднять, ничего не может поделывать; соскочил с коня, принялся руками, — пестерюшка только шевелится мало-мало, а от земли нисколько не подымается, ничего не может отодрать ее.

Наконец, Егор Златогор сидел, смеялся: «Эх ты, Илюшка, не мог подать старушке пестерюшку!» — Тогда Егор Златогор слез с коня, сам за пестерюшку взялся, никак не мог пестерюшку пошевелить. Тогда Егор Златогор садился на коня, сказал старухе: «Как знаешь, так и подымай сама: мы не можем!» — Старуха, наконец, сказала: «Вы говны! Называется богатыри, а говны, пестерюху не могли подать старухе!» — Тогда старушка взяла пестерюшку и опять пошла. И они поехали.

То приезжают к Егору в дом. Приказал Егор Златогор положить боеву палицу на огонь: «Не подавай ему руку (когда будешь здороваться), а подавай палицу, а то он изуродует у тебя руку. Отец, — говорит, — у меня слепой, все равно не увидит!» — Приезжает; в огонь палицу бросал Илья Муромец; поздоровался Егор Златогор с родителем.

А тогда родитель сказал, что «нет ли у тебя какого товарища, Егорушка?» — «Я привез братчика Илью Муромца». — «Илья Муромец, дай-ка мне свою правую руку — поздороваемся со мной!» Илья Муромец выхватывал свою боеву палицу, подавал старику вроде руки здороваться. То он пожал боеву палицу — из обоих концов сок пошел. Сказал старик слепой, что «есть у тебя, Илья Муромец, сила! Не против Егорушки, все-таки есть сила!»

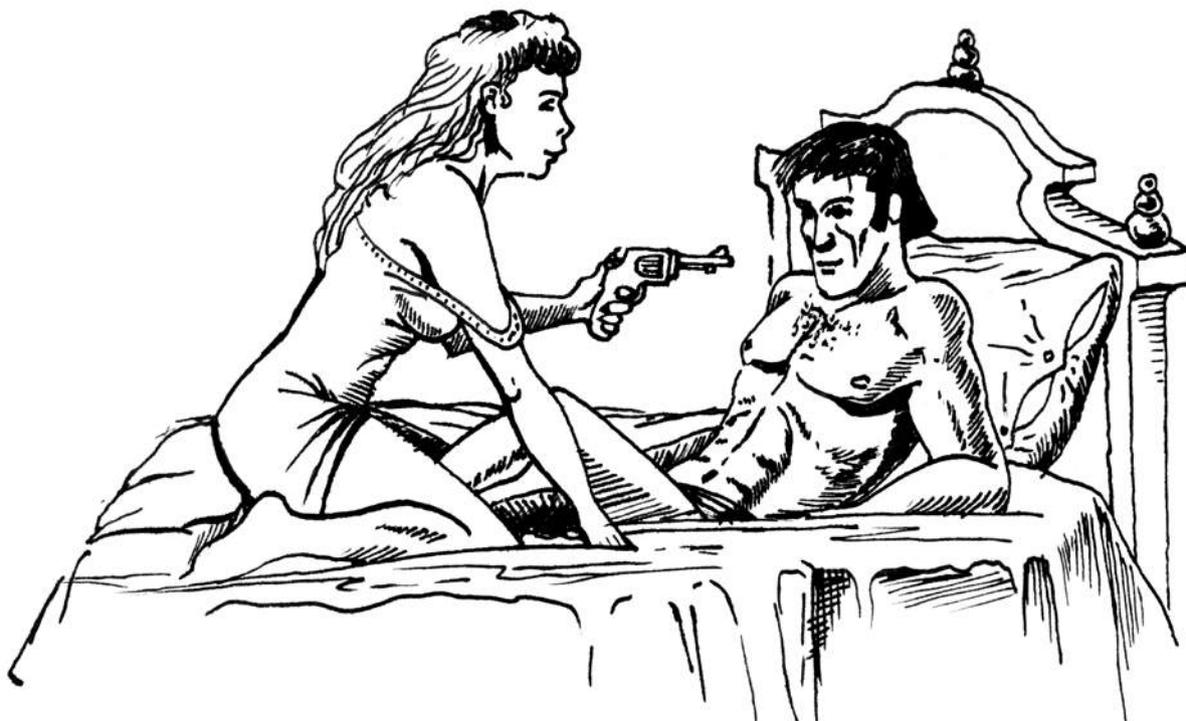
Пообедали; поехали с ним в путь опять. Приезжают близ Невы-реки, услышали в таком Урале шум, вереск, — «Что такое? (Пискотня!) Подворотить нужно». — Заезжают в такую трущобу; оказалось: стоит только один гроб, а в этом гробу ничего нет. Сказал Егор Златогор: «Ну-ка, Илюшенька, не про нас ли эта гробница исправлена? Ляг в нее, померяй!» — Илья Муромец лег в этот гроб, он ему долог и широк.

Тогда Илья Муромец вылезал из этого гроба, Егор Златогор лег. Егор Златогор лег в гроб, ему все равно как впилося: не долог и не широк. — «Ну-ка, Илюшенька, накрой крышку! Как придется?» — Илья Муромец накрыл крышку, все равно как и тут было, впилося. — «Теперь можешь скрывать!» — Илья Муромец стал открывать, открыть не может. Сказал Егору Златогору, что «я оторвать руками не могу!» — «Бей боевой палицей, чтобы гроб разлетелся!» — Ударил он по гробу, налетел на его обруч железный; ударил во второй раз — другой; в третий раз ударил — три обруча. — «Знать-то, Егор Златогор, тебе вечно быть в гробу! Нечего и щелкать, три обруча натянуто на тебе!»

«Пробей над моей гортанью дыру, я тебе силы дам!» — То он пробил своей боевой палицей дыру. Егор Златогор сказал: «Смотри, Илюшенька, покуль идут белые слюни, пей, а желтые пойдут — не пей!» — Пьет и чувствует в себе силу непомерную. Пошли слюни желтые, не стал он пить. — «Будет, Егор Златогор, мне и этой силы!» — «Возьми боеву палицу и испробуй: ударь дуб, как дуб разлетится!» — То он ударил, а дуб разлетелся на мелкие поленья сразу весь.

Тогда распростился Илюшенька с Егором Златогором, немножко отъехал и окаменел на коне: ходу не стало, Господь не попустил. А Егор Златогор окаменел в гробу. Ведь нынче богатырей нету! И недалеко от Невы-реки они окаменели.

ВОЛОДЬКА КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Рассказал А. Д. Ломтев

Было это в городе Петербурге. Жил купец. У него было в банке 40 тысяч, лежало у этого купца. Сын был у него Володька. Купцу и этих денег недовольно; он нашел таких людей, которые деньги работали; в порожнее время могли они подкоп копать в порожнюю избу дальше, чтобы уйти этим подкопом. Потом жил у него годовой работник. Отжил год, они его не славно рассчитали. А работник сказал: «За это я вам покажу вошь в голову» — пошел и сказал.

Потом он приходит в полицейское правление, работник; заявляет, что деньги работают недействительные. А деньги они делали — в чужие земли отправляли; деньги в одном слове не сходятся с действительными деньгами. То полицейские говорят: «Можешь ты нам показать?» — «Я могу поутру застать на деле, кто деньги работает!»

До утра доживают. Собралась полиция, взяли этого работника, поехали к хозяину. Полиция приезжает, хозяину говорит, что «пущай нас во двор!» Приходит во двор. «Хозяин, давай нам обыск! Где вы деньги работаете? Отворяй давай подвал нам!» К подвалу подходят, а Володька рабочих спрашивает: «Седнишнюю ночь сколько денег вы наработали?» — «Сорок тысяч только седни, поленились», — говорит.

Начали кладову только отпирать, эти рабочие в нору убежали, которые готовили; остается сын Володька только тут. Володьки спросили: «Что ты делаешь?» — «Деньги работаю». — «С кем ты работаешь?» — «Я один работаю, никого больше нет!» — Полиция приказала его заковать, в тюремный замок свести. Что денег наработано, все взяли. Посадили его в тюремной замок.

Он сидел цельной год. Дело было в праздник. Генеральская дочь приносила решетку калачей в тюремный замок, разносила по несчастным. До Володьки дошла и ему подает. Она раньше знала его и сказала: «Володька, знать, напрасно сидишь?» — «Что поделаешь, барышня? Участь така довела!» — Она ему ничто не сказала.

Домой приходит, объясняет родителю: «Родитель, вот у меня теперь нанятой ученик, платим мы ему 30 рублей в месяц. Чем нам платить 30 рублей в месяц, выпустить купеческого сына Володьку; он разученый очень, на семь грамот, он будет меня обучать даром. Человек он молодой, ему скучно очень в тюремном замке сидеть; пожалей, родитель, его!» — сказала дочь. (А сама залюбила его уж.) А Володька из себя был красивый и кудрявый. — «Ну, ладно, мила дочь! Я утром схожу, выпущу его». — Генерал поутру приходит в тюремный замок, приказал его расковать. Приводит в свой дом, говорит: «Вот, ты учи мою дочь Палашу!»

Он начинает ее учить; задает строчку, она отвечает пять да шесть. Наука пошла хорошая ей. День она с ним посидела и говорит: «Вот, родитель, тот меня учил неделю, а этот один день — я больше поняла в день в один!» — Сказал генерал Володьке, что «ты приучай мою дочь, постарайся! Я походатайствую, может быть, не выпустят ли тебя из тюремного замку?» — То генерал с генеральшей уезжали в гости, а они оставались в комнатах одни. То Палаша заводит его в свою спальню и говорит: «Володька, сотвори со мной блуд, а если этого не будет, то — вынула леворьверт — в тебя пулю выпущу, а потом сама застрелюсь!» — «Чем погибать, — говорит, — так лучше согласиться».

Потом они проживали с ней, этим манером, этак с полгода. Генерал стал замечать; говорит генеральше: «Мать, я вижу: дочь у нас едва ли не обрюхатела». — Генеральша на то сказала, что «сами свели! До следствия время теперь уж молчать доводится». — То во второй раз генерал опять уезжал в гости. Володя стал своей Палаше говорить: «Палаша, дело неладно! Родители узнали, что мы с тобой живем. Пойдем мы с тобой на пристань, сядем на корабль, уедем в чужие земли, и вот там мы с тобой обвенчаемся, проживем — никто и не узнает!» — Палаша узнала, что дело неладно; взяла денег у родителя немало, пошли с ним на пристань. Попутчиков ехать им никого не оказалось тут — ехать не на чем.

Володька говорит, что «я, Палаша, покупаюсь!» — «Володя, ты потонешь!» — «Нет, я плавать мастер, я никогда не потону!» — Снимал с себя одежду, также рубашку и подштанники, пал в море. И вот он курнулся и поплыл. Не меньше глядела она с час время и плакала, что он потонул: не видит его. Он был плавать мастер: захочет отдохнуть, ляжет на спину, потом опять плывет, а виду не подавал, чтобы она не видела. Тогда она отправилась домой, Палаша.

Приходит домой. Как родители ее приезжают, она на коленки встает и плачет. — «Что же ты, мила дочь Палаша, плачешь? Об чем больше? Скажи!» — «Я перед вами, родитель, неладно сделала». «Скажи ты нам, чего ты сделала?» — «Попросился Володя купаться на море, я никак не могла его отговорить; и вот он как пал в море, и утонул». — Генерал на то сказал: «Ну, так что же что утонул? Мы сделаем мершую бумагу, скажем, что он кончился, больше и ничего!»

Володька плыл морем, натакался на кит-рыбу. А кит-рыба хочет его съесть, а он ей не дается: где под брюхо, где на нее налезет. Потом кит-рыба всплыла наверх, как пластина. Володька залез на ней и сидит. По его счастью, ехали из иных земель на корабле — увидели человека и говорят: «Это непременно, ребята, чудовище морское, надо отворотить от него!» — То сверстались против него, кричали: «Что ты, человек или нет?» — «Я человек крещеный; не можете ли вы взять меня с собой?» — То кричали из кораблей: «Если можешь к нам плыть, к кораблю, так подплывай ближе!» — Тогда он соскочил с кит-рыбы, подплыл к их судну. То они подхватили его, посадили в корабль; поплыл он тогда с ними.

Прибыли они в королевство: привалились на пристань. Тотчас королю доложили, что «мы нашли на море человека; куды его дозволишь девать?» — То король приказал: «Приведите его в мои палаты; я погляжу, что за человек». Они его обрядили как следует, одели

с рук и до ног. Приходит он к королю в дом. Королю он сразу понравился: лицом красивый и кудрявый. Сказал: «Молодец, откуда? Из каких земель?» — «Зовут меня Володькой; сызмальства я с родителем рыбачил; судно наше расшибло, я потонул на море. Не примешь ли, Ваше Королевское Величество, меня к себе на место дитя? Я служить буду Вам по смерти свою!» Король сказал: «У меня сына нет; все равно! Будет он сначала служить у меня в доме половым». — И он стал половым служить; королю очень заглянул, а придворному генералу еще пуще того.

Пожил он месяц-другой; сказал генералу, что «мне эта служба недовольна, половым быть. По крайней мере, вы мне службу дали бы в Сеноте писарем быть», — генерал королю сказал: «Генерал королю сказал: «Переведем его в Сеноте писарем и зададим ему просьбу: какую он просьбу может составить?» — Перевели его в Сенот, задали ему просьбу; составил он просьбу очень хорошо, просьба заглянулась королю. Король сказал, что «не быть ему младшим писарем, а быть ему старшим писарем, чтобы он мог всем Сенотом править!» — Пожил Володька с годик; дело правил очень хорошо в Сеноте.

Наконец, король что-то захворал и поскорости помер. У короля не было братьев, также и племянников, наследников никаких. То сходились и советовались: «Кого поставить в короли королевством править? В короли всякому охота, а давайте зададимте задачи: по три книги кто может списать в трое суток — со старых книг на свежи — того и в короли». — Все сидели старались день и ночь, что списывали, а Володька ходит день и ночь, сутки, не занимается. Придворный генерал сказал: «Что же ты, Володька, не занимаешься?» — «Я человек чужестранный, где же меня поставят в короли?» — «Ну так что же? Мы тебя приняли за своего; занимайся все-таки; напишешь, так поставим!»

На третий день Володька занялся и рано покончил, списал. То приходит на четвертые сутки в Сенот. — «Что, ребята, у кого готово?» — То сказали, что на сутки, у другого на полторы — у всех не готово, только очутилось готово у Володьки у одного. — «Быть ему королем!»

То он королевством с год правил. Наконец сказал: «Господа, я желаю к русскому государю; у меня есть дело с царем поговорить». — «Тебя унять нельзя; можешь ты завтра ехать». — Он приказал корабль припасти к утруму. До утра доживает, на корабль садится и отправляется. Приезжает в русское государство, приваливается на пристань. Дело было к ночи. Он снимает с себя королевскую одежду, надевает на себя купеческую простую одежду. Ту одежду в сундук запирает; товарищам сказал, что «я, господа, схожу один; хотя и ночь прохожу всю, вы, господа, с корабля не уходите, дожидайтесь меня»

Идет он по городу; видит двухэтажный домик, заходит в него. А в этом домике живут шайка разбойников. Заходит он в дом, они сидят за столом водку распивают. Атаман-разбойник взглянул на него — одежда на нем хорошая. — «Господа, убить этого человека!» — А он говорит: «Не бейте! Вырвался я сам из тюремного замка, желаю с вами вместе разбойничать; примите меня в свою шайку! Если вы не верите, глядите на моих руках: вот у меня и клеймы есть, что я несчастный».

Они были согласны; приняли его в свои товарищи: «Садись, брат, с нами за стол кушать!» Кушанье закушивали, также и водку выпивали. Наконец, атамана спросили: «А сегодня какого велишь нам купца позорить?» — Атаман сказал: «Ступайте вот к такому-то, к Андрею купцу, который деньги работал; ворвитесь к нему в кладовую!» — То Володька понял, что к его отцу посылают; пошел в разную комнату скорее: приходит, живо вынимает бумагу и карандаш, сучинил записку, положил ее в карман.

Подходит дело к полночи. Посылает их атаман разбойничать. Запрягали они экипаж, ехали на охоту. Подъезжают к этому Андрею к дому, начали работать, врываются в кладовую. Разломали, какому человеку лезть. Володька и говорит: «Давай, братцы, я залезу живо, буду вам подавать, вы только принимайте!» — Володька залез; хотя он подает, а в стену чем-нибудь пуще колотит, чтобы слышали домашние. Услыхали домашние, что кто-то в кладовой

шебарчит (стукается), выбежали, увидели этих самых разбойников. Тогда они закричали: «Володька, вылезай!» — А он не вылезает. Они сели да угнали.

Работники заходят в кладовую, увидели Володьку, не рассмотрели, что хозяин, давай его бить. Володька не отвечал, что «я хозяин» ли, что ли; а до того его добились, что он ничем не мог владеть. Сказал отец (хозяин), что «оставьте, не убивайте, оставьте до свету! Я спрошу, кто такой?» — У Володьки была сестра; запросилась: «Дозволь мне, тятенька, сходить посмотреть этого разбойника». — Отец хотя ее и не пушал, она со слезьми просится: «Дозволь поглядеть; сердце не терпит, схожу я погляжу». — Она фонарь зажигала (как народ тут его караулил), приходит в кладовую, смотрит на его кудри. То сестра смотрит и плачет, сужалела: «По кудрям словно как наш братчик Володька, а лицо избито все, в крови».

То он услышал от сестры речи, засовался в карманах, нашел записку, выбрасывает сестре под ноги. Сестра: «Что такое?» Подняла записку, читает, что «прими от меня, сестра, записку!» — Сестра заплакала, пошла в свои покои, в избу, подает записку родителю. Записку родитель рассмотрел, заплакал, приказал принести его в комнаты свои. Приносят, лицо его умывают, работника живо послали за дохтуром. К богатому в полночь — это не что, живо дохтур собирался, набирал всяких лекарств. Дохтур намазал хорошею мазью, завязал. Тогда родитель сказал: «Что ты, милый сын, не мог скричать? Неужели ли бы я приказал тебя бить?»

Дело доходит до утра. Володька и говорит: «Родитель, прикажи кучеру запрекчи в карету, а съезжу на пристань — у меня есть товарищи там!» — Приезжает на пристань, сундук отворяет, надевает на себя мундер как следует, что подобается королю надеть. Оставил одного караульного, а тут забрал всех к себе на обед; привозит к родителю в дом.

Тогда на обряд смотрел его родитель: «Неужели ты, Володька, достиг, что служишь королем?» — «Да, тятенька, я служу вот в такой-то державе королем. Съезди ты, родитель, или покажи кучеру, скажи, чтобы привез вот такого генерала и с женой, и с дочерью с Палашей!» — Послал Андрей к этому генералу — привезти самого и женку и дочь. То приезжают к купцу. Купец Андрей принял их, начал угощать. Сидели они, а Володька был в разной комнате, с сестрой сидели.

Тогда Володька сестре говорит: «Пооди, сестра, приведи с собой в комнату Палашу; скажи, что мое дело девичье, мы будем там с тобой угощаться». (Ему уж охота невесту-то скорее повидать, затем и приехал.) Приходит и говорит: «Господин генерал, дозволь мне свою дочь в разную комнату, мы будем там угощаться: наше дело девичье!» — Палаша приходит в комнату, а Володька стал против нее на ноги и здоровается с ней. Палаша обробела. — «Неужели, Володька, я тебя вижу?» — «Да и верно, Палаша, что я!» — «Я по тебе милостину всегда обношу, считаю, что ты покоен, а ты жив образовался!»

Палаша ему объяснила: «Я от тебя теперь никак не останусь! От тебя родился сын, у меня растет». — Володька сказал: «Затем я и с королевства обратился — тебя в женки взять и с собой увезти! А сын будет у нас впоследствии время наследник... Можно теперь обратиться нам к родителям».

Приходят в комнату к родителям. Выходили из той комнаты все трое, здоровались с генералом; и генерал обробевши смотрел на Володю. «Неужели ты это самой и есть, Володя? Достиг до этой степени, что получил теперь чин короля?» — «Да, Ваше Превосходительство, я служу в такой-то державе королем. Я обратился из королевства: ты выдай свою дочь мне в жены!» — «Бог благословит! Сейчас сходите к венцу, и будем мы потом пировать».

Съездили, повенчались, кутили более недели; наконец, он отправился в королевство. Распростился с отцом-матерью; прощался, говорит: «И рад бы я дома остаться, нельзя никак закон переменить!» — Увез Палашу с сыном в королевство.

БОБА-КОРОЛЕВИЧ

Рассказал А. Д. Аомтев

Жил-был король. У короля был сынок Боба-королевич, и он пяти лет начал шутки шутить: если возьмет человека за руку, как польснет и убьет. Потом королю стали приносить жалобу, что «сынка своего посокроче держи». — Король этому не верил. Заставил своего сына: привезена была связь (огромная лесина) на пятерке, велел он: «Можешь ли ты, сын, выбросить эту связь через дворец?» (Попытать захотел сына.) — «Нет ли кого за дворцом? — Убери!» — То он подходит к этой связи, взял ее в руки и бросил за дворец. Отец удивился этому делу. Приказал ее на место положить, где она лежала. Боба-королевич принес ее на место.

Приказал ему отец скласть каменный столб: только бы ему была, значит, кровать-лежанка и окошко, решетки чтобы были крепкие; форточку оставить небольшую, чтобы пищу только совать. Склали этот столб, заводит его в столб родитель, запирает в столбе его. Носила ему пищу девка-чернавка, все за ним одна ходила. Проживался он в столбе с год.

Дело было в праздник, а девка-чернавка приносила черного хлеба и пирог с рыбой; тогда Боба-королевич скричал в окно: «Девка-чернавка, сегодня день праздничный! На что ты мне черного хлеба ломоть несешь?» — Сказала девка-чернавка: «Смотри, Боба-королевич, хотя пирог хорошо, ты его не ешь: он состряпан с зельями; как ты поешь, так тебя разорвет на три части. Лучше съешь черного хлеба, то будешь ты цел». — Сказал Боба-королевич: «Девка-чернавка, меня отопри, тогда мы скричим борзых кобелей, стравим этот пирог!» — Отперла; скричали борзых кобелей; борзые кобели съели пирог, их на три части разорвало. — «Я уйду без вести и не покажусь больше. Положь — на вот тебе из борзых кобелей печенку и сердце, положи на тарелку; приди в комнату, запнись, они слетят с тарелки-то; родитель прикажет собакам выбросить: собаке собачья смерть!»

Девка так и сделала. А сына велел король не в показанное место где-нибудь зарыть. Тогда она выбегала, рабочим сказала: «Скажите, что закопали, и не сказывайте про него!»

Боба-королевич отправился к Маркобруну в государство. К Маркобруну в палаты заходит; увидал Маркобрун, что он из себя красивый и молодой, мужественный. Маркобрун сказал, что «откудова ты, молодец?» — «Роду своего племени не знаю, заблудящий я человек; прими меня к себе в дети!» — Назначил Маркобрун ему имя свое. (Боба-королевич свое имя и фамилию не сказал.) У Маркобруна дочь очень хорошая была; и они жили как брат с сестрой с ней в одной комнате.

Во сневидании увиделся ему (Бобе-королевичу) сон: слышит человеческие разговоры и конный потоп. Сказал: «Сестра Маркобруновна, это что? Я во сневидании вижу: прибыли к нам много народу и конной потоп и ржание?» — Маркобруновна отвечала: «Это прибыл к нам жених за мной, Лукоперов сын, с силой и с богатырями. Если с добра папаша не будет меня отдавать, то сейчас выйдет бой, драться будут». — Сказал Боба-королевич: «Если бы мне богатырского коня и боевую палицу во сто пудов, я бы сейчас их всех замирил!» — говорит. — Сказала Маркобруновна: «Братчик, скажи мне, ты роду племени какой? А то тебя, может, убьют, так я тогда буду знать! Если скажешь, тогда я дам тебе коня!» — «Родитель у меня король, а имя его Сенбалда, правит он королевством, а меня зовут Боба-королевич».

Она взяла ключи, пошла отворила подвал, выдала ему богатырское седло и потнички и уздечку; отворила ему конюшни, дала богатырского коня. Коня он ловил, клал потнички, подтягал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет.

Садился на коня, торопился, не взял с собой ни меча, ни боевой палицы, а попала ему метла. Пустил коня, и конь выскочил через дворец. И он метлой всех их перебил — богатырей и простонародье; одного оставил: «Поди, скажи Лукоперу, чтобы дожидали Бобу-королевича; я приду, все королевство порешу» — Маркобрун подивился: «Ах, милый сын, будешь

ты в совершенных годах, выдам я за тебя свою милую дочь, будешь ты мой зять!» — То они жили с ней очень вместе и спали на одной постели, с Маркобруновной; нажили брюхо себе.

Он пожил немного. Вздумал в Лукоперово царство съездить Боба-королевич. Поймал коня и отправился по Уралу. Натакался он на монаха: монах стоял у дубу, Богу молился. Монах сказал: «Ах ты, Боба-королевич, едешь несколько суток, коня не поишь! Дозволь — есть у меня хороший ключ — я твоего коня напою!» — Слез Боба-королевич, подал монаху коня, сам остался у дубу; много время ждал, не мог коня дожидаться. «Вот так монах! Обманул молодца; остаюсь пешком». — Тогда отправился пешком.

Приходит в Лукоперово государство, заходит к Лукоперу в палаты. Лукопер спросил: «А откуда? Какой ты, молодец?» — «Я роду не простого, Боба-королевич; сына твоего замирил и хочу твое царство порешить!» — Крикнул своих богатырей: «Богатыри, свяжите его, закуйте, сведите его в такой каменный столб, поставьте!» — Богатыри схватили его, заковали и связали и свели его, поставили в каменный столб. И он стоял тут не меньше года; с голоду не морили, досыта не кормили.

Лукопер приказал на окончание: «Что его кормить? Убить его, только и всего!» — Богатыри удумали, что «если мы отворим ему ворота, то дело дрянно; надо сверху к нему лучше спускаться!» По одному спускались — он их тут убивал сразу, да поленницу клал. Набил их много, а также взял себе боеву тут палицу. Он их нагородил вроде лестницы, мог вылезти сам из столба. Приходит к Лукоперу в палаты. — «Лукопер, прощайся с жизнью!» — Как качнул его и убил. Что у него в государстве, всех перебил и сжег город у него.

Отправился в путь домой, к Маркобруну. Доходит до монаха: монах Богу молится, а конь ходит на лугах у него. — «Вот ты, господин умоленный монах! Ты меня так разобидел, я из-за коня продолжал цельной год в замке!» — Сказал монах: «Не посердись, Боба-королевич!.. А твоя Маркобруновна выходит теперь за Манзилю замуж, за королевского сына; и они сидят за столом. Теперь на вот, съешь ты этого сорту ягоду, будешь ты старик; нужно тебе молодым быть, вот еще другого сорта ягод дам; съешь этого сорта, будешь молодой».

Садился он на коня, пушал своего коня в ход. Приехал скорым временем, пустил коня во дворец, а сам стоит во дворце стариком. Маркобруновна по верхнему этажу чары обносила, также вышла на широкий двор, обносила простонародье; доходит до него: «На-ка, старичок, выпей бокал водки!» — Старик говорит: «Здравствуешь, Маркобруновна сестричка!» — «А что ты мне за брат, старик?» — «Неужели ты не узнала своего братчика, Бобу-королевича?» — «Что ты городишь, старый пес! Разве у меня брат этакий? У меня брат красивый, молодой, а ты ведь старый старик, седой!»

«Если ты не признаешь, выпусти коня, и конь меня признает». — Пошла она в конюшни, выпустила коня — конь подбегает к нему, на коленки пал перед ним. — «Ишь какой ты хитрый, старый пес!» — «Сейчас я буду молодой, сестра!» — Съел хорошую ягоду и сделался молоденький — зрел бы, глядел, с очей не спускал! Тогда она его признала.

Садился на коня, клал седлышко и потнички, 12 подпруг шелковых — шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет, брал боеву палицу о сто пудов и начал понюжать богатырев и простонародье; всех до одного замел и жениха убил. Одного оставил, сказал: «Поди, скажи Манзилею, чтобы больше не ехал в наше государство!» А Маркобруну сказал, что «ты если не отдашь за меня добровольно дочь замуж, то я увезу ее и не увидишь никогда!» — «Если ты увезешь у меня дочь, есть у меня богатырь Полкан Полканыч, он тебя замирит, догонит дорогой!» — Сказал Боба-королевич: «Я не боюсь твоего Полкана нисколько!»

Ночью сдумал он ехать, посадил на своего коня Маркобруновну, отправился из его государства. Поутру хватились, дочери нету. Маркобрун призывал к себе Полкана Полканыча, сказал: «Воротишь если ты мою дочь и воротишь если моего сына, тогда я тебя на волю выпущу!» — Сказал Полкан, что «ворочу скорым временем; никуда он не уедет, я догоню!» — Догоняет его дорогой. Близ Бобы-королевича добегают, выхватил Полкан

дуб обхвата в два, с сучками, с корнями тащит. Оглянулся Боба-королевич, ссадил живо свою невесту с коня, обратился к нему побратоваться. Польшнул его долгомерным копьём и к земле пригнул Полкана, и дуб вылетел у него. Полкан сказал: «Не бей (не коли) меня! Будешь ты мне брат, буду я служить тебе, что прикажешь!» — Он Полкана отпустил, посадил невесту, и поехали вместе.

Доезжают до такого-то государства; раскинули они лагери в Урале. Боба-королевич сказал: «Я поеду, Полкан, за тебя невесту сватать, а ты здесь, смотри, ожидай! Если уедешь ты к Маркобруну, тогда не ожидай себе живому быть». — Обветился Полкан, что «я так буду караулить твою жену и в обиду никому не дам, ежели кто навернется, а ты айда сватай за меня невесту!» — Приезжает к королю с добрым словом за сватаньем: «Я сватаю за своего брата Полкана», Боба-королевич объяснил, что сильный могучий богатырь, «если ты не отдашь, то мы все царство у тебя порешим и попелочки заметем!» — Король приказал жениха везти: согласен отдать.

То он прискакал к своим лагерям. Она (без него) родила два сына. Лев-зверь на нее, на сырую, напахнул, хотел ее съесть. Полкан Полканыч стал ее защищать, драться с львом, и оба были убиты. Маркобруновна ушла в город и нанялась к богатому мужику в прачки. Сгорюхнулся Боба-королевич; «непременно много львов было, съели мою жену, а Полкан Полканыч не давался, видно, победили и его! Что теперь делать? Стало быть, мне сватать не за него, а за себя уж, когда у меня невесты нет!» — Приезжает он к королю и сказал: «Я не за брата теперь сватаю, а за себя: у меня брата звери убили и невесту мою кончили, видно». — Король был согласен за него отдать. Завели пир на весь мир. Дали по всему городу знать, чтобы шли к нему на свадьбу; заводится гулянка.

А мальчики эти — как родились, начали ходить. Тогда их мать посылала к королю, мальчиков этих. Тогда сказала мать: «Если спросит вас Боба-королевич, какого роду-племени, то вы скажите, что мы роду не простого: у нас мать Вена Маркобруновна, а отец Боба-королевич!» — Они пошли оба к королю. Приходят к нему в палаты; заходят близ стола, а он сидел с невестой. Увидал Боба-королевич мальчиков, начал их спрашивать: «А что, мальчики, откуда вы? Какие?» — «Мы роду не простого: у нас мать Вена Маркобруновна, а был у нас отец Боба-королевич!» — Боба-королевич отвечает: «Где же у вас мать проживается?» — «Мать у богатого мужика живет в прачках».

«Вот что, господин король, теперь я не беру твою дочь, а у меня невеста находится жена, и вот это мои дети». — Сказал король: «Если ты не возьмешь мою дочь, я на тебя выдам богатырей и силы, они тебя кончат!» — «Не боюсь я твоей силы и твоих богатырей! Не возьму!» — То сказал один сын: «Тятенька, дозвожь мне коня и долгомерное копьё, я с богатырем побратуюсь, съезжу!» — Боба-королевич: «Что ты, сын мой милой, ты еще молод!» — «Меня убьют; тебе еще один останется». — Давал ему коня и долгомерное копьё. Тогда он садился; с самым сильным богатырем разъехался, как польснул его копьём — и сразу голову отшиб, на штыке повез в город. Сдвигая король: «Чем мне силу терять, так лучше отстать!»

Сел на коня Боба-королевич, посадил сына на ногу, другого на другую, отправился к богатому мужику за своей женкой. Посадил жену на коня, и повез он их в свое государство, где дядька Сенбалда живет. Приезжает, здоровался с отцом с матерью: «Здравствуешь, тятенька и мамонька!» — Король не признавал его за сына: «Был у меня сын один, Боба-королевич, его нет, его разорвало на три части! Что ты мне за сын?» — Сказал Боба-королевич: «Я самый, тятенька, твой сын, жив и здоров; если ты меня не примешь, то прощайся с белым светом!» Отец его не признал за сына. Он как польснул своей рукой, расшиб его на мелкие части; расшиб и мать; схоронил их, сам остался в королевстве править.

МИКУЛА-ШУТ

Рассказал А. Д. Ломтев

Микула-шут поехал на пашню. Пашет Микула-шут пашню; едет священник дорогой; увидал, что Микула-шут пашет. — «Бог помочь тебе!» — «Добро жаловать!» — «Как же ты, Микула-шут, сроду не пахал, а теперь выехал пахать?» — А Микула-шут на то сказал: «Добрые люди поехали сеять, и на меня добрый ум напахнул, и я поехал пахать; напашу, буду сеять». — «Так вот что, Микула-шут, загни-ка мне зипунчик, — говорит: — у меня зипуна нету: дождь пойдет, а зипуна нет!»

Микула сказал, что «я бало на котором полозья гнут забыл дома; ты попаши наместо меня, а я съезжу на твоей лошадке; да я и пешком могу сходить: пушай лошадь твоя здесья походит!.. Вот что, батько, ты одежду-ту сними: я твою одежду надену, а ты мою, а то поедут мужики, скажут, что поп пашет; неловко!» — говорит. Священник лопоть худую надел, а с себя хорошую одежду отдал.

Приходит Микула-шут к матке и говорит: «Матка, давай тысячу рублей денег! Затем священник отдал мне свою одежду, что мы дом скупили хороший». — Матка говорит, что «тысячи рублей у нас нету; 9 сот есть, а одной сотни нету». — «Он велел у дьякона занять сотню». — Матка живо побежала к дьякону, сотню рублей заняла и подала ему денег тысячу рублей. Он пал в лес и лежит, нейдет к попу, а одежду поповскую оставил дома.

Поп, видно, пахал, пахал; «Что он, сукин сын, долго? Чтобы он там матку не обманул? Надо ехать мне до-мой!» — Приезжает священник домой и говорит: «Матка, ты Микулу-шута не видала?» — «Что ты, батько?» — говорит, — я отдала ему тысячу рублей денег! Вы дом скупили», — говорит. — Он обратился на поле, священник, Микулу-шута искать.

Микула-шут надел на себя сарафан, подвязался по-девичьи и пашет. Подъезжает поп к девице и здороваётся: «Здравствуешь, Микулишна!» — «Здравствуешь, батько» — говорит. — «Я, — говорит, — поехал твоева брата искать!» — «А я, — говорит, — принесла ему хлеба, да лошадь даром стоит, а его нет!» — Поп и говорит: «Микулишна, ты лошадь брось тут! он придет, так вспашет, а ты иди ко мне: хоть деньги-те эти немножко заживи!»

Микулишна сказала: «Я, батько, рада месту: я с голоду пропала — с им живу!.. Так нужно, батько, лошадь выпрякчи: кто его знает, скоро не скоро он придет? Пушай лошадь хоть ест, ходит!» — Привозит Микулишну домой, сказал попадье, что «не нашел Микулу самого, а вот привез его сестру: пушай хоть поживет, деньги у нас заживет которые!»

Микула жил долго, сознакомился — у попа было три дочери, — потихоньку наладил им... То поп говорит матке: «Что-то у нас, матка, дочери сыты стали шибко! Не Микула ли сам живет это у нас?» — Попадья говорит: «Как мы его узнаем?» — «Истопить нужно баню». — Посылал своих дочерей с нею в баню, с Микулишной. Дочери приходят. — «Не Микула ли есть?» — «Что вы думаете? Что мы девки, то и она девка!» — Поп ответил: «Ступай, матка, с ней сама! Лучше узнаешь». — Во второй раз он нейдет: «У меня, — говорит, — голова заболела, я и так угорела!» — «На будущий день истопим баню, — говорит, — пойдешь?» — «Пойду»...

Тогда купечество наслышались, что у попа девки этаки сыты, хороши, приехали сватать поповских дочерей. Всех трех девиц подводили, а купцы сказали: «Не возьмем никому». — А поп сказал: «Есть у меня девушка хорошая, чистенькая, Микулишна...» — «Веди

Микулишну!» — Микулишна приходит... Согласились купцы взять ее. Батько тем же разом повенчал; купцы повезли ее домой.

Привезли ее домой, посадили; посидели, потом дружки повели ее на в спальню. Лег Микула-шут с женихом и говорит: «Ох, жених, у меня брюхо заболело». — Микула-шут ущупал у жениха в кармане бумажник: «Это, — говорит, — что у тебя?» — «Деньги». — Микулишна отвечает: «Дай-ка мне, — говорит, — сто рублей, не отвалит ли у меня от сердца?» — Жених вынимает деньги, сто рублей, отдает Микулишне. — «Милый мой женишок, от сердца отваливает! Нет ли еще?.. От сердца меня отвалило хорошо, дак на... меня манить, а терпеть я не могу!» — ...близко нету; а жених говорит, что «езде заперто». — Микулишна ответила: «Окно отворяется; ты меня на холсту спусти, я..., ты меня опять и затянешь!» — Только Микула спустился, — тут лежит козел. Он привязал его за рога и говорит, что «я готова, тащи меня!» — Жених притащил козла. «Что такое? Овернулась моя невеста козлухой! Вот беда! Куды же теперь я?» — А Микула был таков.

Жених на кровать, и козел прыгнул также к нему на кровать. Жених начал бегать по избе, козел спрыгнул с кровати, бегае также по избе, бегае и ревет. То он закричал нещадно своих дружек. Дружки приходят: «Что тут сделалось?» — «Вот у меня невеста обернулась козлухой». — Невесту лупили дружки нещадно; только с козлухи шерсть летит, как они понюжают: «Овернешься!» — До того стегали — козлуху убили. Купец приказал ее вывезти на назем, зарыть.

Поутру Микула-шут приходит к попу сам. Срядился в мужицкую одежду. Микула-шут с попом поздоровался, а поп и сделался рад, что Микула пришел к нему. — «Ну, как, Микула-шут? — тысячу рублей ты у матки взял, отдай мне деньги!» — Микула-шут на то сказал: «Я слышал, будто ты сестру отдал за купеческого сына; съездим, жениха посмотрим, потом я тебе деньги отдам!» — Запрягли лошадь, приезжают к купцу. Попа встретили, посадили за стол, начали потчевать. — «Потчеванье мне, — сказал Микула, — не нужно! Покажите жениха и невесту!» — Купец объясняет брату Микуле, что «что-то молоды нездоровы». — «Я не хочу слушать; все-таки прийти не на долгое время можно!»

Священнику сказали они, что «невеста овернулась козлухой, мы ее убили». — Наконец и ему сказали. — «Богатые купцы людей бьют!.. Тебе, поп, не отдам деньги, а на их просьбу напишу, что мою сестру убили!» — Купец сказал: «Микула-шут, возьми с меня двести рублей, только просьбу не пиши! Ее уж не воротишь!» Поп сказал: «И я с тебя не возьму тысячу рублей: не калякай нигде!» Микула-шут на это был согласен получил с купца еще двести рублей, потом отправился домой.

Приходит домой; пошел в поле, разыскал свою лошадь, убил и кожу с нее слупил: нечего работать на ней. Потом он пошел, потащил свою кожу на ярманку продавать. Дело к ночи. Идет башкирец на ярманку и говорит: «Микулка, возьми меня на ярманку: моя фатера нету!» — Заходят они в такой пустой дом: никого в доме нету. Башкирец лег на печь, а Микула-шут лег на полати, а кожу бросил середь полу. Купец приезжает и говорит: «Ах, что-то душечки долго нету!» — Вдруг к нему купчиха является. Купец сказал: у нас с тобой всяко, душечка, бывало: ...Башкирец говорит: «Микулка, у тебя собака кожу кончает!» — Микула-шут громко скричал: «Цыма!.. отсюда!» — Купец испугался и купчиха; выбежали оба нагие, сели в карету и уехали; а одежду оставили тут.

Поутру (Микула) башкирца проводил на базар, а сам надел купеческую одежду и пошел на рынок, и кожу понес. Идет мимо купеческого дому; купец высылае лакея: «Поди, — говорит, — спроси, лакей, — одежда моя на нем, — где он взял?» — Лакею ответил Микула-шут: «Я взял эту одежду в трактире». — Купец дал ему сто рублей денег: «Пушай он эту одежду оставит, где взял, а сто рублей вот ему награды!» — То он эту одежду сбросил, надел барышнину одежду. В барышниной одежде идет. Барыня увидала, что в одежде в ее идет, высылала лакейку. Лакейка подходит и говорит: «Умница, где ты эту одежду взяла?» — «В трактире». — Барыня подает ей сто рублей денег: «Поддай ей: где она взяла, пушай там и оставит, пушай ни с кем не толкует больше!»

Составилось у него денег 1600 рублей; потом он свою кожу продал за рупь. Приходит в свое селенье домой. Собрался сход, советуют об хороших делах. Он приходит на сходку. — «Об чем больше советуете? Также я с вами посоветую. Вот я заколол свою лошадь, продал кожу за 1600 рублей. Не верите, сосчитайте мои деньги! Знаете, что мне денег взять негде». — То он выложил свои деньги; сосчитали, у него действительно 1600 рублей. То народ разошелся, пошли своих лошадей колоть, продавать кожи. Коней всех прикололи, по одной лошаденке оставили, привозят много возов этих кож, а кожи ни по чем не берут. Кое-как рассовали эти кожи — кто по рублю, кто по два. — «Вот он что подлец и сделал! Поедьте, ребята, домой, поймаем его, убьем за это, что он нас обманул!»

То приехали домой. Он идет по озеру. Они прибежали артелью, схватили его, завязали в рогожу. — «Ребята, пойдем, пообедаем, возьмем пешню, лопатку, сделаем прорубь, утопим его в озере!» — То-покуль они завтракали, а по озеру купец ехал, арендатор, которой держал это озеро. Купец увидел, что куча такая лежит: «Кучер, айда приворачивай к этой куче ближе!» — Купец подъехал. — «Кто тут такой?» — А он скричал: «В окунино царство меня садят царить, а я царить не умею!» — А купец говорит: «Я царить умею!» — «Развяжи меня сейчас, тебя в цари посадят!» — Купец Микулу-шута развязал, а он купца завязал; сел в повозку и сказал: «Кучер, пошел!» — То прибегают мужики, выдалбливают большую прорубь и спустили купца в окунино царство.

Мужики приходят домой, сходку собрали, советуют: где лошадей взять подешевле? — Микула-шут тут едет на тройке лошадей — лошади вороные — в повозке. Микулу-шута увидели и закричали народ его: «Остановись, Микула-шут! Посоветуй с нами!» Он подъехал к сходке. — «Мы думали, что ты, Микула-шут, потонул, а ты, видно, жить хочешь. Где ты таких лошадей взял?» — «Ох вы, чудачки эдакие! Там есть бурые и каурые и каких надо: табуны ходят целые! Я только скричал, подбежали ко мне тройка лошадей, я вот запрет и езжу». — Микула-шут, нельзя ли как нам?» — «Айда, проруби долбите всяк себе пошире, чтобы провести коней побольше!» — То они надолбили проруби широкие. Скричал Микула-шут: «Кричите, кому каких надо, такие и подбегут — кому бурых, кому каурых!» — Сколько ли было в селенье мужиков, все враз пали. Тогда сказал кучеру: «Пошел!» Поехали вперед. Проехали версты три; когда он сказал кучеру: «Кучер, стой! Теперь я пойду пешком! Коней мне не надо!».

Жены их сказали: «Что-то наших мужьев долго нет!.. Да ведь еще подерутся там об конях-то: получше заглянется: зависные!» — говорит. — У которого пузырь лопнет, тот и выплывет назад. Бабы подбегут: «Мой кончался!» — Так и не могли ни одного живого выплыть назад; и коней нет — все кончились.

То бабы их сказали: «Мы его, подлеца, поймаем, мы его вальками убьем!» — Увидали Микулу-шута, побежали его ловить; поймали его в лесу, привязали его к березе, а бить им нечем. Пошли они домой за вальками. Только ушли от него домой, а из другого селения идет молодец мимо него. — «Что ты, дядюшка, привязан?» — «В этом селеньи невест много, а женихов нет; хочут меня женить, а мне не хочется жениться!» — Молодец был холостой, ему жениться надо. — «Ах бы мне жениться!» — «Давай, тебе сейчас невест много наведут, только выбирай! Давай отвязывай меня!» — Молодец его отвязал. Микула живо его привязал крепко, чтобы молодец не мог отвязаться. Сам отправился в путь от него. А бабы прибежали, притащили — кто валец, кто стяжок; давай его жарить, а он кричит: «Вы меня жените!» — «Мы тебя, подлеца, женим!» — Молодца этого убили, натащили досок, гроб ему сколотили, а в землю не зарыли.

ЧУДО ЛЕСНОЕ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был воробей с мышкой. Посеяли они коноплю долину. Конопля родилась очень высокой; поспела конопля, воробей может есть, а мышь не может залезть. Сучинили на это они суд, что работали они вместе, мышь: «Я, — говорит, — земли нарыла, а ты коноплю притащил, сеял и вместе, а ты ешь, мне не даешь!» — Слетелись на суд всякие соловья зверей и птицы; наконец сказали: «Давайте, кто кого осилит, тот будет у нас судьей!»

Лев-зверь счунулся с орлом драться, у орла крыло отломил сразу. На льва-зверя больше никто не полез. Быть ему судьей. Тогда сказал лев-зверь: «Тебя, мышь, не подсаживать, а можешь, так залезай сама и ешь!» — На том и кончилось у них.

Орел остался на земле: лететь ему нельзя; а все разошлись, разлетелись. Мужик идет, стрелец, хочет орла стрелять. Орел говорит человеческим голосом, что «не стреляй, мужик, меня, бери меня в руки!» — Мужик что-нибудь будто бы бластит, не поверил тому; причалился второй раз стрелять. Потом орел скричал пуще, во второй раз, что «ты, мужик, не стреляй, а бери меня в руки, носи домой!» — То мужик подходит к орлу; орел говорит мужику: «Ты носи меня домой, корми меня три года, я тебе в три раза заплачу!» — Мужик приносит домой; жена ему и сказала: «Что ты несешь чего не надо, несъедобную штуку?» — Орел ответил: «Послушай, умница, кормите меня с мужем три года, я вам втрое заплачу за это!»

Первый год прокормили. — «Выпусти меня погулять: я в себе силу попробую!» — То они выпустили его на вольный свет; он полетал, полетал: «Нет, во мне силы мало: еще год корми!» — Прокормили второй год, выпустили его на волю; полетал, полетал: «Нет, мужик, корми еще год!» — Кормили еще год. — «Ну-ка теперь выпусти меня погулять!» — То он покружился долгое время, насили и дождался. Спустился.

«Ну, мужик, садись теперь на меня!» — То он его знял кверху очень далеко; потом сбросил орел с себя мужика этого. Мужик этот летел, мало и свету видел: думал, что «убьюсь». Орел подвернулся под него: «Сиди на мне крепче!» (Не дал ему убиться). Знялся выше еще того, потом сбросил опять с себя... Спустил его на землю. — «Что, мужик, много ли ты свету видал?» — Сказал, что «я испужался». — «А во второй раз я тебя знял — как ты себя желал?» — «Думал, что ты меня убьешь!» — «Только это я тебе пример делал: как ты меня стрелял, так же и у меня свет померк!.. Теперь садись; я баловаться больше не буду; садись на меня и держись крепче!»

То он прилетает к старшей девице в дом, в дикие леса. То сестра его выходит и со слезами его встречает. — «Родимый ты братец, я тебя не чаяла, что ты и живой! Где ты проживался три года?» — «Я проживался три года — вот он меня кормил. Нужно ему, сестра, заплатить!» — Сестра говорит, что «надо заплатить». — «Сестра, что я запрошу — отдашь или нет мужику?» — «Отдам». — «А что, ты тятенькин сундучок отдашь или нет?» — «Не отдам!» — «Когда не отдаешь сундучок, прощай, больше я к тебе не прибуду!»

Орел посадил мужика, повез; опять полетели. Немножко отлетели. — «Мужик, гляди-ка назад-то!» — говорит. — Мужик посмотрел назад, а дом пламенем загорел у ней, у сестры-то. — «Вот за что, говорит, — ей!»

То они подлетают к другой сестре. Сестра выходит, со слезами встречает его. — «Родимый братец, где ты проживался три года? Я тебя потеряла!» — «Да, сестра, я вот у это-

го мужичка проживался три года; он меня кормил, нужно ему заплатить!» — «Заплатить, заплатить, братец, надо!» — «А что, сестра, что я запрошу — отдашь или нет?» — «Что запросишь, — бает, — то и отдам!» — Сказал орел: «Отдай, сестра, тятенькин сундучок ему!» — «Отдам!» — То он говорит: «Собери на 12 столов на серебряных, давай всякого бисерту, напотчуй его, чтобы было чем похвалиться мужику!»

Наташила она ему всякого бисерту: он сроду такой пищи не видал, не то ли что есть! Потом он напился, наелся, поблагодарил хозяев, вылез из стола. То она приташила сундучок, от сундучка подала ему ключик. — «Смотри, молодец, иди вплоть до двора, сундук не отворяй!»

Выходит он из ихова дому; направили они его на дорогу (на путь наставили). Идет он дорогой, сундук потряхивает: в сундуке ничего не трясется. — «Непременно в сундуке ничего нет! Принесу пустой — жена меня заругает» . — Сел он на лужочек, взял ключ, отворил сундук. Выходит царство и столько слуг: что тебе угодно, все есть! Начали его угощать, мужика этого.

То он проживался много время. — «Как, — думает, — это бы государство собрать в сундук?» — Сказал мужик на это: «Как бы мне Чуда Морского или Чуда Лесного, они бы мне собрали сундук!» — Приходит к нему Чудо Лесное. Сказал: «Мужик, что ты думаешь, — я прибыл! А что ты мне заплатишь — я соберу враз?» — Мужик сказал: «Не знаю, что тебе надо за это». — Сказал Чудо Лесное: «Что ты в доме не знаешь, тем заплати мне!» — То мужик думал: «Всю скотину я знаю и все у себя в доме знаю; чего он с меня просит?» — Сказал мужик: «Что я в доме не знаю, тем и заплачу я тебе!» — То сказал Чудо Лесное: «Ты дай от себя подписку, чтобы заплатить, и я также». — То мужик дал от себя подписку. Записку дал Чудо мужику: «Если ты не заплатишь, я тебя пожру, живого не оставлю!»

То собрал ему царство в сундук, дал в руки ключик: «Ступай, неси, не отворяй теперь до двора!» — То приносит домой сундучок, а жена его родила сына. Вот он его в доме и не знает: должен сыном расплатиться. Тогда жена его заругала: «Шатаешься везде, а здесь и послать за бабушкой некого!» — «Не ругайся, жена! Дело будет ладно». — Отпирает сундук, выходит царство — много слуг и всего довольно. И сделалась жена рада.

Мальчик вырос годов десятку — отдали его в школу учить. Мальчик в течение года сдал экзамен, потом поступил на другой год опять. Второй год сдал он экзамен, научился очень хорошо. То увидел отеческие записи в комод; мальчик просмотрел, к чему эти записи, и видит: «Если он не отдаст меня Чуду Лесному, то он придет, отца кончит и меня кончит! Дело дрянно!»

Приходит он к отцу в комнату и говорит, что «тятенька, теперь прощай, я не ваш!» — Отец вспомнил, заплакал: сделалось сына жалко. А мать и говорит: «Куды же ты, сын, теперь отправишься?» — Сказал сын: «Я теперь к Чуду Лесному отправлюсь на пожрание, за собранье царства. Чем нам погибать с отцом обоим, так лучше я один погибну!» — То они его благословили, дали ему на дорогу хлеба, и он отправился.

Шел он близко ли, далеко ли, низко ли высоко ли — подходит: близ моря стоит избушка. Заходит в эту избушку, а в этой избушке живет старушка. — «Куды же ты, молодец удалой, пошел, куды те путь клонит?» — Я пошел к Чуду Лесному на пожирание». — «Пооди же ты вот к этому морю. У моря есть старый корабль, ты залезь в него. У него есть три дочери: одна дочь не выдана, а две замужем. Потом они прибудут купаться, платья будут замужние бросать вместе, а девица бросит свое платье врозь; тогда девицыно платье ты укради в корабль. Когда она тебе скажет, тогда выброси платье!»

Когда они выкупались, старшие одели платья; девица стала и говорит: «Если старше меня, будь брат родной, а если ровня моя, так будь муж родной!» — То выбросил он ей платье, она приделась, говорит: «Выходи!» — То видит, что он молодой, она взяла его за ручку, взяла и поцеловала: «Будь мой муж родной!»

«Куды же ты пошел?» — «Я пошел к Чуду Лесному на пожирание». — «Я пожрать тебя не дам! Ты идешь к моему отцу. Отец у меня слепой. Я вот полечу, буду из себя пух ронять,

ты по пуху и айда!» — То она летит тихо, пух из себя выщипывает; и он за ней бежал очень торопился. Потом она прилетела к своему дому, сказала ему: «Смотри, милая ладушка, вот я здесь проживаюсь. Какие будет тебе отец задачи задавать, ты приходи ко мне!»

Приходит он к Чуду Лесному в комнату — он сидит на стуле — и говорит: «Здравствуй, тятенька!» — Чудо Лесное сказал: «Что ты мне за сын? Откуль, какой есть?» — «Я за собрание государства прибыл к тебе на пожирание». — «Нет, я тебя не буду жрать. А есть у меня дочь невеста: тебе совершенны года выйдут, тогда я тебя споженю на ней. Только ты мне исправь, что я тебе задачи какие задам!» — «Ну, задавай задачу!»

«Исправь ты мне сначала на возморье церкву: чтобы у тебя была церква, попы и дьяки, и поутру чтобы был звон!» — Приходит он к ней, затужился. — «Вот твой родитель задал мне задачу — умом непостижно!» — «Какую же он тебе задачу задал?» — «Исправить велит на взморье церкву, чтобы были попы и дьяки, и поутру чтобы звон был!» — «Это, мила ладушка, не твое дело! Ложись спать, утром все готово будет». — То она вышла на крылечко, перебрала с руки на руки колечко — выскочило 25 ухорезов. — «Что ты нас покликаешь, на каки работы посылаешь?» — Она с ними и распорядилась: все это исправить! (Церкву, попов и дьяков).

«Вот тебе, мила ладушка, лодка, на вот весельца, да возьми топор с собой! Подъедет к тебе родитель, скажет: «Это не ладно, это не исправно, это не хорошо!» А ты его скорее обухомхвати его по лбу, чтобы он отлетел от тебя, а сам тогда айда к берегу скорее!» — То сел он на лодку, подъезжает к этой церкви, кругом ездит. Чудо Лесное прибыл к нему. Только Чудо Лесное говорит: «Это не ладно, это надо бы эдак изладить, и это не исправно!» — Тогда он топором-обухом по лбу его ударил, — он отлетел; тогда он отправлялся на берег. Приходит к его дочери в дом; дочь его посылает: «Ступай! Каку он задачу тебе задаст опять?»

Приходит — он в стуле уж сидит. — «А что ты, тятенька, каку ты мне задачу задашь?» — «Есть у меня конь; зятевья не могут с ним владеть, а ты поучи его! Я вижу, что ты хороший человек, ты можешь поучить этого коня!» — То приходит он, вовсе тужит, невеселый. — «Че-то, мила ладушка, ты не веселишься?» — «Он мне задал: есть какой-то у вас конь, поучить его велел». — Дочь на то сказала: «Это не конь, а сам он снарядится конем. Ты зайдешь в конюшню, он станет на задние лапы, разинет рот, будет тебя есть. А ты — на вот тебе три прута железных и плеть, и возьми топор с собой! Тогда придешь в конюшню, он станет на задние лапы — ты обухом хорошенько по лбу ударь, чтобы он дал надеть узду на себя; обуздай его тогда!»

То он приходит в конюшню. Заржал конь, стал на задние лапы, несется к нему. Ударил его по лбу — он на коленку пал. Он живо узду надел и обуздал его; начал его прутьями по боку жарить; все прутья исхлестал и по-за коже изсовал. Наконец, хлещет нагайкой по глазам нещадно. До той степени добил, что во-корень он никак не пошел. То он пустил его в конюшню и говорит: «Завтра тятенька мне велит поучить, так я еще лучше ухайкаю (поучу) тебя!» Похвастался.

То приходит к нему, а уж он в стуле сидит опять. — «Тятенька, каку ты мне задачу задашь?» — «Завтра я тебе истоплю баню; выпаримся, тогда я тебе большинство дам: с моей с малой дочерью живите, че знаешь, то и делайте, больше я распоряжаться тобой не буду!» — То приходит очень веселый к его дочери он. — «Что-то, мила ладушка, веселый?» — «Да, завтра он хотел истопить баню: выпаримся мы с ним, тогда приказал он с тобой жить — и больше распоряжаться мной не будет!»

Жена ему на то сказала, что «завтра истопит баню жаркую, завалит тебя на каменку, изжарит и съест! Се дни нечего спать: нам с тобой работа». — Поставила середь полу такой кувшин, начали в кувшин этот плевать слюней. То она наговорила на этот кувшин, потом сама в трубу вылезла и его вынула, а окна запечатала ставнями. — «Пойдем, милый ладушка, теперь к твоему отцу!»

Поутру старик зятевьев он заставлял баню топить. — «Затопите баню, сходите к нему: что они, дома ли?» — То приходят к ихой избе и говорят: «Вы дома ле?» — А в кувшине отвечают слюни, что «дома». — То изготовили баню как следует. — «Ступайте за ним, зовите его сюда, поведем в баню его!» — То приходят за ним, кричали, кричали, а у слюней сила вышла, и голосу не подают. То они приходят, сказали, что «их дома нет, голосу не подают».

«Подайте мне гадательную книжку: я погляжу!» — То просмотрел: уж они идут в пути. — «Пойдите, садитесь на вершну, айдате, воротите их!» — Сели они верхами, поехали в погоню. Едут они, видят: старушка доит корову. (Она коровой его обвернула, а сама доит.) То они старушке поклонились, спросили: «Не проходил ли молодец с девицей?» — «Нет, батюшки, не видала!»

Воротились они назад. Приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: старушка доит корову». — «Ступайте, это самые они!»

То они поехали. Она услышала топот. — «Милый ладушка, за нами опять погонюшка едет!» — Обвернула его церковой, сама священником. То подъезжают, шапки перед священником снимают: «Батюшка, — говорит: — не проходили ли молодец с девицей?» — «Никого не видал». — Они воротились назад. То они приезжают, сказывают: «Никого не видали, только видели: стоит церква, мохом обросла и священник старый».

«Ах, она злодейка!.. Нечего вас, полоухих, посылать! Лучше самому ехать». — Вышел на двор, ударился об землю, подумал на петуха — и сделался петухом и полетел.

«Милый ладушка, за нами погонюшка не простая, а родимый тятенька летит петухом!» — Обвернула его орлом, а сама сделалась древой, и на древе всякие цветы. Мужу сказала: «Смотри, прилетит, будет цветы рвать, ты тогда не робей: подымись, петуха под себя и рви нещадно, из него чтобы перья летели пуще!» — Тогда исправилась она древой, его исправил орлом; и он сел под древо тогда, орел.

Долетает до этого дерева и сказал Чудовище: «А, это дети мои, дети мои! Я их сейчас вочу!» — Сел на это дерево, начал цветы рвать. А орел поднялся, тогда петуха этого схватил и под себя; давай его мять и рвать, только пух из его летит. Тогда сказал петух: «Батюшка-зятюшка, отпусти меня! Тогда я не буду никогда больше гоняться за тобой: куды вы знаете, туда и ступайте!» — Орел сказал: «Не проси меня, а проси дочери: велит отпустить, так я не стану тебя больше и рвать». — То петух стал умаливать у дочери: «Милая дочь, отпусти! Не буду я больше вас хитить и догонять!» — То она приказала своему мужу бросить его.

То распростились они с родителем. Он отправился домой, также эти пошли к своему отцу. Приводит домой от этого чудовища жену; образовали ее как следует. Приказал повенчаться с ней.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Рассказал А. Д. Ломтев

Солдатик шел домой. Зашел он на пристань. В прежние, видно, было дело года. Истинный Христос сказал: «Куды же ты, солдатик, пошел?» — «Я отправился домой. А ты куды?» — «Я отправился на свое дело», — говорит. — «Чем нам пешком идти, найдем, — говорит солдат, — на корабле нас перевезут морем». А Истинный Христос сказал: «У меня денег нет». — Солдат говорит: «У меня деньги есть; я за тебя заложу и за себя также».

Солдат за него деньги заложил, а за себя у него денег не хватает, мало. Солдат сказал, что «я привычен идти, пойду и пешком; а ты айда на корабле, деньги я за тебя заложил». А Истинный Христос сказал: «Попадет тебе колок; заходи в этот колок: тут лежит медная узда; и ходит в поле бурый мерин — ты его лови; он тебе дастся, ты его не бойся!» — То, действительно, солдат заходит в колок, нашел медную узду и пошел опять в путь. И видит солдат: ходит медведь; и подходит он к медведю, ловит медведя на узду. Приезжает он на медведе в город. А в городе ему нигде фатеры не дают: на медведе едет.

Приезжает к этакому купцу. Купец его посылает в пустой дом ночевать. А из этого дому купца выжила кикимора: жить в доме нельзя. Он его и посылает, солдата. Солдату отвели дом. Он привязал своего бурого коня, приходит в избу (в комнату); дров нет. Вышел он на дворец, набрал ношу дров; затопляет он очаг. Затопил очаг, сам нога на ногу склал — сидит покуривает. Потом поднимается буря: вдруг шум, погода заходила, и катит в дом кикимора.

Кикимора говорит, что «кто в дому?» — А солдат сидит, отвечает: «Я в дому, солдат!» — Кикимора отвечает: «Кикимора в дом, так солдат вон! Я тебя ухожу!» — «Нет, я служивой человек, так я тебя скорее ухожу!»

«Солдат, не ругайся! Давай лучше в карты поиграем с тобой!» — «Давай!» — говорит. Солдат и говорит: «Ты какие берешь?» — «Я беру буби. А ты, солдат, берешь какие?» — «Я беру крести». — Кикимора отвечает: «Когда ты крести берешь, я с тобой играть не буду!» — «Врешь, кикимора! Если ты играть не будешь, я на тебя крести надену!» — Кикимора пошла, закричала, что «я больше в дом не пойду!» — «А если, — я поживу здесь, — кикимора, придешь, тогда я на тебя надеваю крести!»

Купец поутру рано приезжает, солдата навещать: жив ли (в этом дому)? То купец сказал, что «жив ли? Здоров ли? Что не сделалось ли над тобой?» — Солдат ответил: «Кикимора приходила, я ее прогонял, она теперь вовеки не придет к тебе в дом!» — Купец вынимает сто рублей денег, подает солдату за это.

Он получил сто рублей денег, отправился вперед. — «Теперь мне, по крайней мере, на дороге будет денег!» — А у купца у этого была мельница, водяная. И эта кикимора приходит, заявляется в эту мельницу; все жернова побросала, все поломала; похитка сделалась. Купцу приехали с мельницы, сказали. Купец догадался: «Непременно это ворвалась опять кикимора! Разыскать солдата по всем дорогам, воротить его: он опять, — говорит, — выживет ее».

Солдата разыскали, привезли, что «тебя господин купец просит усердно; что в мельнице сделалась похитка». — Солдат воротился. Приезжает солдат к купцу; купец и говорит: «Служивенький, постарайся! Вот я тебе подарю двести рублей денег». — «Ладно», — говорит.

Солдата привозят в эту мельницу. Солдат повечеру затопляет печку, сам сидит — покуривает. И вдруг является буря страшная, и явилась к нему в избушку кикимора. Кикимора

отвечает, что «кто в дому?» — «Я». — Кикимора говорит: «Кикимора в дом, так солдат вон!» — «Врешь, — говорит, — мать твою так!» — солдат говорит. «Солдат в дом, так кикимора вон!» — Кикимора говорит: «Не ругайся, солдат! Лучше в карточки давай поиграем!» — Солдат говорит: «Ты какие берешь?» — «Я беру буби». — «А я крести!» — «Если ты крести берешь, я и играть не стану!» — «Врешь! Если ты жернова не положишь и все как есть не изладишь, я на тебя крести надену!» — Кикимора ответила, что «я все исправлю, только на меня крести не надевай!» — «Исправь все! Чтобы тебя больше и не было здесь!»

Поутру купец к солдату является. — «Ну, как, служивенький?» — «А ничего! Мельницу пущай в ход: все на деле!» — Купец осмотрел: видит, что все сохранно стало, хорошо. То купец вынимает, ему подает двести рублей денег. Поблагодарил солдат, отправился опять домой.

Выходит солдат в поле, пуцает своего бурку, снимает с него узду, бросил в сторону. — «Не нужно мне коня, я привычен и пешком ходить!»

Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — попал к нему старик встречу. — «Что, служивенький, куда же ты пошел?» — «Да я пошел на свою родину, домой». — «Наймись-ка ты в дежурство ко мне на три года: стоять на карауле, а доклад будет твой!» — Действительно, он согласился: «Я дежурным стоять привык, работа легкая!»

Стоял на часах, вдруг к нему Смерть пришла. Солдат увидел эту Смерть. — «Кто та кой?» — говорит. — «Я, — говорит, — Смерть!» — «Погоди, — говорит, — доклад мой!»

Тогда он догадался, солдат, кто тут живет. Приходит к Истинному Христу и говорит: «Истинный Христос, Смерть пришла, работы просит». — «Поди, ей скажи, чтобы нынешний год она старых стариков и старушек морила!» — Вышел солдат и думает: «Если мне это сказать, уморит она у меня отца и мать, а приду я ни к чему». Вышел и говорит: «Смерть, Истинный Христос велит: нынешний год старый дубник гложи!»

Год проходит, она опять приходит. — «Погоди, — говорит, — Смерть! Доклад мой, не смей ходить! Я на три года нанялся». — Приходит к Истинному Христу и говорит: «Истинный Христос, Смерть пришла, работы просит». — Истинный Христос сказал: «Поди, — говорит, — пуцай средний нынешний год народ морит!» — Солдат и думает: «Если она моих братьев уморит, с кем я тогда попирую? Дело дрянь!» — Выходит и говорит: «Смерть, нынешний год средний дубник гложи!» — «Эко, — говорит, — Истинный Христос как на меня воспрогневался!»

Потом второй год проходит, Смерть опять к нему приходит: «Стой, Смерть, доклад мой!» — Приходит к Истинному Христу: «Истинный Христос, Смерть опять работы просит». — Истинный Христос приказал: «Пуцай она нынешний год маленьких ребят морит!» — Вышел. — «У братьев есть мальчики и девушки, если я приду, с кем я позабавлюсь? Дело дрянь!» — одумывает солдат. — То вышел и говорит: «Нынешний год — самый молоденький дубник, — тот и гложи!» — «Ну, ладно, — говорит, — этот мне все помягше!»

Солдат немножко вздремнул, а Смерть прошвыркнула к Истинному Христу в комнату. Истинный Христос сказал: «Вот, Смерть, что ты больно худая стала?» — «Как же, Истинный Христос, я, — говорит, — все три года дуб глодала!» — Потребовал Он солдата. — «Солдат, тебе не это я приказывал! А ты что Смерти такую работу давал? За это я тебя оштрафую!» — «Какой ты штраф наложишь, Истинный Христос, на меня, тот и понесу!» — «Посади ты эту Смерть на свой горб и носи ее три года на горбу!» — «Садись, — говорит, — Смерть, поедем! Куды тебе надо?»

Заходят они в город. Смерть и говорит: «Давай, солдат, этого купца уморим с тобой! Тут обед сделают хороший: нам пища будет хорошая!» — А солдат сказал: «Тут живет становой и исправник, я сейчас скричу, тебя свяжут и посадят тебя в тюремный замок — все три года просидишь!» — А Смерть отвечает: «Куды теперь я?» — «Я отопру табатерку, так ты залезай в нее!» — Отворил он табатерку; Смерть залезла в эту табатерку; он запер и завязал эту табатерку. И в табатерке он проносил все три года.

Потом приходит к Истинному Христу; выпускает Смерть из табатерки. Истинный Христос увидал и говорит: «Что же ты, Смерть, прозеленела шибко?» — «Как не прозеленелась, — говорит, — Истинный Христос? Все три года протаскал меня солдат в табатерке», — говорит. — «Как ты в его табатерку могла залезти?» — «Он сказал, — говорит, — что тут живут исправник и становой: я, — говорит, — про тебя скажу, тебя, — говорит, — закуют в тюремный замок. Отворил табатерку: вот залезешь туды, так тебя никуда не девают! Не на долгое время, говорил, а потом проносил все три года!»

«Ну, солдат, молодец! Че же тебе за все эти шесть годов?» «Не знаю уж, Истинный Христос! Чего подаришь». — «Деньгами, или тебе надо царство?» — Солдат на то сказал: «Ну-ка, покажи мне царство, поглянется ли?» — Солдат сидел в эдаком хорошем месте, в раю; все хорошо. Просидел трое суток. Истинный Христос его спрашивал: «Глянется ли такое тебе царство?» — Солдату не поглянулось это царство. — «Мне, — говорит, — то бы царство, по крайней мере скрипки и гитары, и чтобы табаку было довольно, и трубка чтобы была хорошая, чубук долгий!..»

То отвел его в другое царство. Трои суток просидел солдат; Истинный Христос и спрашивает: «Ну, глянется ли тебе это царство?» (Где табаку довольно.) — Солдат сказал, что «мне это ндравится царство: в этом царстве можно сидеть!» Истинный Христос на то ему сказал: «Поди ты теперь домой: у тебя отец с матерью живы, и братовья, и есть у братовьев внучки — есть с кем позабавиться! Твоя жизнь еще впереди. За то я тебя, солдат, жалею, что ты за меня деньги заплатил, ты был мой товарищ!»

То он приходит домой. Встретили его братья и отец с матерью; завели гулянку. Дома погуляли.

ИВАН-ДУРАК

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был мужичок. У мужичка был сын Иван-дурак. И он, этот старичок, отдавал за муж свою дочь. И пошла она на озеро за водой. Приходит на плот и плачет. Потом посылали Ивана-дурака за ней: что она долго нейдет? — Иван-дурак заходит к сестре на плот. — «Отчего ты, сестра, плачешь?» — «Как мне не плакать?! Принесу я сына Ивана, а сын Иван у меня умрет!» — Сказал Иван-дурак: «Вот какие есть дураки! Меня считают дураком, а еще хуже меня? Пойду я по селенью: если дурнее их найду, то дело будет так!»...

Идет по деревне, а мужик садит корову на баню. — «Что ты, мужик, делаешь?» — «Вот корм пропадает даром; хочу корове вытравить, засадить корову». «Что ты дашь — я вытравлю корове». — Мужик говорит: «Я тебе три рубли дам, только вытрави корм!» — Иван-дурак приказал литовку принести, выкосил, помаленьку бросал корове, корова съедала корм. Стравил этот корм, получил три рубли денег, отправился опять селеньем.

Идет он селеньем, а богатый мужик направил дышло и хомут — загоняет лошадь в дышло. Иван-дурак приходит. — «Что вы делаете?» — «Да вот нужно лошадь нам загнать, и в дышло запряглась чтобы лошадь». — Иван-дурак говорит: «Что заплатите — я запрягу?» — «Сто рублей». — Он узду на нее надел, надел хомут и запряг в дышло. Получил сто рублей, отправился в город.

Идет городом, заходит в царской во дворец. Забился в ясли и лежит. Приходит конюх и приходит к нему стряпка, и он сдумал с ней блуд творить. Иван-дурак ему кричит: «Конюх, неладно делаешь: оттого кони портятся!» — Кучер соскочил, везде поискал, нигде не мог найти... Во второй раз Иван-дурак пуще скричал. Услыхал он его голос, начал его в яслях искать. Конюх приводит его к царю: что «вот я вора поймал: забрался он к нам в ясли, хочет, видно, жеребца украсть царского». — Царь его спросил: «К чему ты, молодец, сегодня в ясли забрался?» — «Ваше Царское Величество, я хвастать не люблю, а я правильно говорить хочу с тобой. Поглядеть захотелось мне, как ваши конюха ходят за конями. А ваш конюх приходит, и стряпка за ним тут пришла к нему... Оттого, Ваше Царское Величество, жеребцы портятся. Я ему и скричал».

Царю сделалось любопытно. — «Вот так это будет верный слуга!» — «Наймись ко мне, Иван-дурак, табун пасти конный». — Тогда ему препоручил своего жеребца Любимца царь. Выпустил он маток и сел — Иван-дурак — на коня, поехал, в поле табун погнал.

Приезжает из иных земель король к царю на совет. И кое об чем поговорили; наконец, выхвастался царь, что «есть у меня в поле такой пастух — не за какие тысячи не продаст без моего веленья он моего жеребца Любимца!» — Король на то сказал: «Я у него поеду и скуплю жеребца!» — Царь: «Если ты скупишь жеребца, я тебе даю три тысячи денег и жеребец будет твой».

То приезжает король домой, ходит день и два и три — тужит об этом деле. Старшая дочь королевская и говорит королю: «Об чем же ты, тятенька, больше тужишь?» — «Был я на совете у русского государя; был у нас уговор такой, что если я Любимца жеребца уторгую у пастуха в поле, так получаю три тысячи рублей».

Дочь отцу сказала: «Дай мне сто рублей денег, хорошую узду — и я поеду и скуплю у него». — То она приезжает в поле, в табун к нему, и говорит: «Здравствуешь, господин

пастух!» Пастух малахай снимал, с ней здоровался. — «Что тебе нужно, княгиня?» — сказал он. — «Продай ты мне царского жеребца Любимца!» — На то он ей сказал: «Сотвори со мной блуд, дай сто рублей денег; привяжу я к тебе жеребца к задку; с тем вместе — если я свистну, удержишь, будет твой, а не удержишь, будет мой: во второй раз чтобы не ворочаться!» — То она согласилась... Пошел он в табун, поймал жеребца, привязал к задку (к повозке); она повела. Потом она отъехала. — «Али она уведет?» — сказал пастух. — Свистнул, жеребец взыграл, канат оторвал.

То она приезжает без жеребца; говорит: «Тятенька, скупила я жеребца; с тем уговор был, что — оторвется, второй раз не ловить. Плох дали канат!»

Средняя дочь на другой день и говорит отцу: «Дай, тятенька, мне сто рублей денег, узду покрепше; я поеду, сторгую у него». — Также приезжает в царские луга, приезжает к табуну, с пастухом здоровается. — «Здравствуешь, барыня, что вам угодно? «Не продашь ли ты мне царского жеребца Любимца?» — «Дай мне сто рублей денег, блуд сотворишь; и с тем вместе — жеребца я привяжу: удержишь, твой, а не удержишь, мой: во второй раз я не буду ловить!» — Согласилась... Пошел он в табун, жеребца поймал, привязал его к повозке к ей. Отвела она очень дивно. Тогда он как свистнул, жеребец взыграл, и повод лопнул. Жеребец убежал опять в табун.

Тогда она приезжает без жеребца; рассказывает родителю: «Жеребца я купила, да был уговор: второй раз не ловить. На что такой гнилой повод привязали к узде?»

На третий день король пуще того затужил об этом деле. Малая его дочь говорит: «Не тужи, тятенька! Я поеду, жеребца сторгую и знаю, что приведу его домой. Дай мне сто рублей денег». — Дал ей сто рублей и канат крепкий, и поехала она в царские луга. То приезжает в табун, поздоровалась с пастухом. Пастух говорит: «Что тебе нужно?» — «Продай мне царского Любимца жеребца, господин пастух!» — «Если дашь мне сто рублей денег и блуд сотворишь со мной, — жеребца продам; с тем вместе: жеребца я привяжу — удержишь, твой, а не удержишь, мой: во второй раз я не буду ловить!» — Согласилась... Пошел, жеребца привязал к ней к повозке. Отвела она немного; он как свистнул, жеребец взыграл и повод оборвал опять у этой.

Потом она воротилась, со слезами стала пастуха упрашивать. Пастух ее пожалел... Во второй раз привязал ей жеребца, и она увела этого жеребца.

Иван-дурак сел на лужок и задумался. — «Теперь непременно царь мне за этого жеребца голову сказнит. А подумать мне не с кем. Я поговорю со своим малахаем: что мне малахай посоветует?» — То поставил палку, малахай повесил на палку, а сам сел на коня. Разъехались на коне, подогнал к своему малахаю; то сказал: «Тпру! Здравствуешь, господин хозяин!» А хозяин отвечал: «Здорово, господин пастух! Здорова ли у тебя, господин пастух, скотинушка?» — А я скажу, что «не шибко: жеребец Любимец в болоте утонул». — А он бы мне на это сказал: «Дурак! Ты должен ухо отрезать, должен вид привезти!» — «Ах, каналья, я неладно выдумал!»

Во второй раз разъехались; подгоняет к малахаю: «Тпру! Здорово ли, хозяин?» — «Здравствуй, здравствуй, господин пастух! Здорова ли у тебя скотинушка?» — «Не шибко, Ваше Царское Величество! Любимца жеребца королевской дочери продал, сто рублей получил». — «Ха-ха-ха!» — хозяин сказал: «Какими неправдами продал?» — «Так и скажу! Хорошо, — говорит, — я теперь выдумал!» — То он свой табун оставил в лугах, а сам пригоняет к царю.

То прибыл к нему король за деньгами: «Жеребца скупил, отдай мне три тысячи денег!» — То как раз приезжает этот самый пастух домой. Подъезжает к поратному крыльцу и говорит: «Тпру! Здорово ли живешь, господин хозяин?» — «Здравствуешь, господин пастух! Здорова ли скотинушка?» — «Не шибко, Ваше Царское Величество! Продам королевской дочери твоего Любимца жеребца: сто рублей получил и с ней блуд сотворил».

«Ха-ха-ха! Какими неправдами ты скупил у моего пастуха коня!» То царь сказал: «Отдай ты мне три тысячи рублей денег! Отдай ты мне моего Любимца жеребца, приведи его

в табун: неправдами ты его скупил! А пастух у меня все-таки сказал верно, не потаил!» — То царь его наградил деньгами, что «верный ты у меня слуга! Служи во дворце, а табун пасти я другого заставлю».

У царя была хорошая свинка, хороших родов. И Иван-дурак за этой свиньей все ухаживал, кормил ее все каковоременно. Выходит царь во дворец; Иван взял, свинку эту пнул, она рюхнула хорошо. Царь и говорит, что «Иван-дурак, али она у тебя разговор понимает?» — «Как же! — говорит, — у меня у родителя свадьба, она велит проситься у тебя на свадьбу». — Тогда царь приказал: «Запряги карету, съезди!»

Тогда он запрег карету, а свинью свою опять под бок ногой пнул. Она рюхнула опять. Царь сказал: «Что она с тобой говорит?» — «Да велит в карету подушек попросить хороших. Нет ли подушек? Может, у сестры сидеть не на чем.» — То царь приказал подушки ему выдать.

После этого он свинью опять ногой пнул. А царь сказал: «Это что, она опять с тобой разговаривает?» — «Попроси и меня в гости! — говорит». — То царь велел посадить и свинку с собой в карету. То он посадил свинку с собой, сел в карету, распростился с царем; поехал домой на свадьбу.

Приехал, привозит денег; приказал заколоть свинку: «Вот вам и мяса будет!» — Тогда пиры хорошие были у них: денег довольно привез.

ЛАРОКОПИЙ ЦАРЕВИЧ

Рассказал А. Д. Ломтев

Жил-был царь. У него было два сына да дочь. Стал царь помирать, жене наказывает, что «отдай дочь не за простых женихов, а за богатырей». — Царь помер; дети его схоронили и поминачки отвели.

Не через долгое время приезжает Ворон Воронежич к нему. Говорит царевне, что «отдай ты (дочь) за меня, за богатыря!» — То она отдала свою дочь за этого богатыря. То увез он ее в свое место.

Стал проситься после этого Василий-царевич к своему зятю в гости. Мать ему говорила, что «милый сын, ехать хорошо, а не ехать лучше того, чтобы тебя зять не убил!» — Не послушал Василий-царевич, сел на коня и поехал.

Ехал он не путей, не дорогой — чащами, трещобами, Уралом. Видит: конный табун, сто голов, пасется. Спросил он пастуха: «Чей это табун?» — Сказали пастухи: «Это табун Ворона Воронежича Семигородевича: он в семи городах побывал, семь богатырей убил».

Поехал он вперед. Видит: табун двести голов пасется коровьего. Спросил Василий-царевич: «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — Отправлялся опять вперед. Увидал: овечий табун пасется, триста голов. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича!»

Подъезжает к дому; сестра его встречала со слезами. Привязал коня он к столбу, сам зашел в его палаты. Не через долгое время летит Ворон Воронежич, увидал: у его столба стоит конь привязан. То заходит в палаты, жене своей и говорит: «Станови самовар, тащи нам чигунных орехов!» — Очень скоро самовар поспешился, начали чаек попивать, орешки поедать. — «Кушай, Василий-царевич, мои орешки!» — сказал Ворон Воронежич: Василий-царевич не мог один раскусить, а он сам покусывает — только огонь летит. После чаю вышли с ним за дворец на луга. — «На-ка, Василий-царевич, мою боеву палицу, кинь ее кверху: я погляжу, как она полетит?» Взял боеву палицу Василий-царевич, мало-мало, кое-как выше себя только ее бросил, Ворон Воронежич взял боеву палицу, фырнул ее кверху — насилу боеву палицу дождался, когда прилетела! Как ударил, расшиб Василия-царевича на мелкие дребезги. Тогда столб этот выворотил, его закопал и столб поставил на старое место. (Вот тебе и шурин!)

Тогда родительница ждала его целый месяц — не может дожидаться. Тогда просился у ней малый сын, Иван-царевич. Со слезами мать его уговаривала: «Не ездь, непременно и тебя убьет! С кем я буду жить?!» — Иван-царевич на нее не посмотрел, поймал себе коня, поехал. Ехал не путей, не дорогами — чащами, трещобами, Уралом. Нашакался на конный табун. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — Продолжает путь; увидел: двести голов пасется коровьего. «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — Продолжает путь, увидел: триста голов овец. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — Подъезжает к его дому. Сестра выходит, встречает Ивана-царевича со слезами. — «Напрасно, родной братец, приехал! Однако тебе живому тоже не быть!» — Привязал он к медному столбу коня, зашел в его палаты.

Не через много время летит Ворон Воронежич, ударился об порат и сделался молодцом; приходит в свой дом, приказал своей жене становить самовар и притащить чигунных орехов

на угощение. То Ворон Воронежич орехи пощелкивает — только огонь летит, а Иван-царевич не мог и одного раскусить. То после этого вышли с ним в луга, в разгулку. — «На-ка, Иван-царевич, кинь мою боеву палицу кверху! Как она полетит?» — То Иван-царевич хотя и кинул, да не очень высоко. Ворон Воронежич кинул — насилу дождался; тогда берет в руки, польснул его — раздробил всего на мелкие части; столб выворотил, под столб закопал и столб на старо место поставил.

Родился у царевны сын; дали ему имя Ларокопьем-царевичем. (Был он еще от отца заведенный: она брюхатая оставалась.) И он как родился, начал ходить. Сын сказал: «Мати, просила ты со слезами брата моего, Ивана-царевича. Куды они уехали? Скажи мне!» — Мать отвечала: «Не скажу я тебе, Ларокопий-царевич: ты еще млад и зелен!» — То он пожил месяца три, спрашивает у матери, что «скажи моих братьев — куды они уехали?» — Мать на то сказала: «Мои дети уехали: выдана у меня дочь за Ворона Воронежича Семигородевича... Не ездят, милый сын, они непременно кончены, и тебя кончить. — «Нет, родима мамонька, поеду я, братьев разыщу».

То сказал своей родительнице: «Благословишь — поеду и не благословишь — поеду!» — Пошел он в конюшни, разыскал себе старинного богатырского коня у отца. Пошел он в подвал, разыскал богатырскую уздечку и седлышко и взял себе боеву палицу о сто пудов. (Трехмесячный.) Приходит к коню, надевает на него узду, кладет потнички и богатырское седло. Подтягает 12 подпруг шелковых — не для красоты, а для крепости богатырской. Бил коня по бедрам; конь его рассержается, по сырой земле расстилается, мелкие леса промеж ног пущал, а болота перескакивал (бежал-радовался: долго стоял в конюшне, настоялся).

Подгонял он к конному табуну. — «Господа пастухи, чей этот табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — «Вы не сказывайте, что — Ворона Воронежича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!» Распростился с пастухом, отправился вперед Ларокопий. Подъезжает к коровьему табуну. — «Чей этот табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Воронежича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда». — Распростился, отправился вперед. Подъезжает к третьему табуну, к овечьему. — «Чей это табун пасется?» — «Ворона Воронежича». — «Вы не сказывайте, что Ворона Воронежича, а скажите, что Ларокопья-царевича; за это вам будет награда!»

Приезжает к Ворона Воронежича палатам. Сестра не признала его, что брат (она его вовсе не знает). — «Куды ты, молодец удалой, поехал?» — «Я, — говорит, — брат тебе, Ларокопий-царевич; когда ты была выдана, я был еще в утробе у твоей родительницы. Поехал я своих братьев разыскивать и с тобой повидаться!» — Сказала сестра Марфа-царевна: «Напрасно, Ларокопий-царевич, явился: однако все равно тебе живому не быть скоро!» — «Поглядим, кто живой будет!» — Привязал своего коня к серебряному столбу, сам зашел в его палаты.

Не через много время прибыл Ворон Воронежич домой. Увидел коня богатырского у своего столба серебряного, скоро являлся в свои палаты. Поздоровался с Ларокопьем-царевичем, жене приказал самовар поскорее сгоношишь и орехов тащить — чигунных. То Ворон Воронежич раскусит орех, а Ларокопий-царевич пять да шесть. Ворон Воронежич тому делу сдвинулся: как он пощелкивает! Вышли они с ним в луга; Ворон Воронежич говорит: «Ну-ка, Ларокопий-царевич, брось свою боеву палицу: я посмотрю!» — Ларокопий-царевич фырнул свою боеву палицу в высоту и не может дожидаться, когда явится назад. Тогда дождал свою боеву палицу, тогда он хватил Ворона Воронежича и расшиб его на мелкие дребезги сразу. (Рассердился!)

Тогда он выхватил серебряный столб, под столб его закопал и столб поставил на свое место. А сестру спрашивал: «Где положены мои братья?» — Тогда сестра ему сказала: «Один под простым столбом, а другой под чигунным». — Тогда он столбы выдергивал и братьев доставал; сестре приказал их размыть — как одним словом, — а сам отправился за живой водой.

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, подъезжает к такой избушке: повертывается избушка на куричьей голяшке. «Избушка, стань по-старому, как мать поставила!» — Избушка стала. Ларокопий-царевич зашел в эту избушку. Яга-баба уперла головой в стену, а ногами в другую: «Фу-фу! Русского духу отроду не видала, русский дух ко мне пришел, роду не простого!» — «С тооой, Яга-баба, разговаривать много не буду! Давай мне живой воды! Ежели не дашь, я тебя кончу!» — «То она сказала: «Поди, Ларокопий-царевич, вот здесь колодец, в этом колодце живая вода». — Тогда он ее взял за косы, повел с собой: «Если ложно покажешь, тогда я тебя тут же убью!»

То он поймал голубя, разорвал этого голубя, оросил его в колодец: голубь исцелился скоро, сделался жив. Тогда он поверил, что живая вода. Тогда он приходит в комнату, взял такой у ней бурак, почерпнул этой воды, понес в бураке.

Приезжает к Ворону Вороневичу к дому, слезает с коня; тогда открывает бурак, набирает в свой рот воды и стал фырскать большака брата, Василья-царевича. Он воскрес — стал. Так же и среднего стал фырскать, набрал воды в свой рот. Воскрес и тот. То он назвался: «Здравствуйте, мои братья! Вы братья мои единоутробные; когда вы уезжали, я еще был у родительницы в утробе. Мое имя Ларокопий-царевич». — То они все табуны пригоняли к дому, имущество и деньги забрали, а дом зажгли и табуны домой погнажи.

То приезжают все три брата, привозят с собой сестру и скота много. Мать встретила со слезами: «Спасибо, милый сын Ларокопий-царевич, всех ты воротил моих детей!» — Сказал Ларокопий-царевич: «Кабы если я не поехал, то бы им вечно не прибыть домой!» — Сказали братья: «Слушаться будем, родительница, Ларокопья-царевича на место большака: что он нам скажет, будем мы исправлять!»

ЛЯГУШКА И ИПАТ

Рассказал Е. С. Савруллин

Жил-был старик да старуха. У них были три сына. Двух старик женил, а Ипат остался холостым. Ипат был не со всем умом. Когда Ипату минуло 30 лет от роду, он задумал жениться. — «Батюшка, благослови меня жениться!» — «Ой, Ипат, Ипат! Наделал бы ты лучше лопат, да и поехал бы торговать: нажил бы сто рублей, потом бы жениться!» — Ипату делать нече, давай трудиться, и наделал их триста. И приезжает к этому времени пристав: «Это кто у вас торгует?» — «Ипатушка балует!» — «А начто, Ипат, тебе деньги?» — «Жениться надо, барин!» — «А сидел бы ты, Ипат, в углу да толк бы бабам ячменную крупу! Они сварили бы тебе кашку, наклали в чашку: ты бы наелся далежал».

Ипат одно своего просит старика, что «жениться стану!» — Отец ему сказал: «Ну, Ипат! Жениться-то женись! Дам я тебе денег немного, только бери жену хорошую!.. Где же, Ипат, думаешь сватать?» — «А вот что, батюшка! Дай-ка мне лошадку, надену я курчаву шапку и поеду сватать». — «А лошадки у нас хоть толсты, а они сейчас непрысты: надо пашню боронить!» — «А на чем же я поеду?» — «А на чем знаешь, на том и поезжай!»

Ипат придумал себе штуку: наточил востря топор и отправился он в бор. Выбрал себе сосну толщиной охвата в два, давай ее срубить. Упала и сосна; он смерил себе шагами — сделать побольше бат (лодка: теслой выжолубят ее, без набоек). А в лесу было болото верст на тридцать долины, и никто там не бывал и житьем там не живал. Он взял себе весло, и садится он на бат.

Поехал по болоту; а воды было глубоко: где в сажень, где помельче. Проезжает он и день и два; выехал на сушу. Вытаскивает свой бат; ему негде ночевать. — «Где же я ночую?.. А забьюсь под бат... Только не знаю, далеко ли моя невеста».

Видит: тут маленькая избушка, с дверью землянушка. — «А, брат, тут я и ночую!» — Он подходит к избушке, отворяет дверь — она не отворяется. А там Яга-баба на полу валяется. Ипат догадался: «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, ко мне передом!» — Избушка так и сделалась.

Ипат отворяет дверь, заходит в избушку, а Яга-баба и говорит: «Ху, не русский дух!» — «Постой, Баба-Яга, не ворчи!» — «Я тебя, Ипат, съем!» — «Нет, Яга-баба, подавишься! Я тебя убью, Яга-баба, и кости, камнем придавлю!» - Яга-баба смирилась, Ипату за руку схватилась. — «Куды, Ипатушка, пошел?» — «Дома мне жить тесно, я пошел искать невесту». — «Знаю, знаю, Ипат. А скажи мне всю правду!» — «А. ты сначала меня напои-накорми, потом вести расспроси!» — Яга-баба перднула, стол поддернула, блеванула, шей плеснула, на корячки стала, луковку достала, на постельку положила и Ипатушку спросила.

«Вот твоя невеста: айда по этому болоту, она живет недалеко. Там небольшая есть избушка, тут живет моя подружка — ну, хуже меня старушка. Берегись ее: она тебя съест, а то — невесту тебе даст».

Ипат тут ночевал. Утром рано он встал, сел в бат и поехал. Старуха проводила и Ипату говорила: «Слушай, Ипат! У старухи туго дверь там, разбивай ее ногой». — Проезжает Ипат неделю и видит: стоит избушка небольшая на берегу. — «Вот, должно быть, здесь она живет!» — Взялся он за дверь, отворить ее не мог. А на двери висит замок. — «Что такое? Дверь не заперта ведь замком!» — Ипат стукнул кулаком. — «Отвори, старуха, дверь!» —

Посмотрел он к ней в окошко: она грызет живую кошку. — «Ох, как страшно увидал! Она, верно, полгода не едала, а русских сроду не видала. Знать-то, съест она меня! Ну, да все равно не дамся!»

Пуще стукнул он в дверь. Старуха ноги убрала — и приперта дверь была ее большими ногами. Зашел Ипат в избушку, смотрят друг на дружку. — «Съем я тебя, Ипат!» — «Врешь, стара чертовка, подавишься!.. А ты, старуха, не сердись, а с Ипатом помирись! А сварика мне суп, да из трех губ; — одну свинью, и мышину, и верблюжину!» — «Хорошо, Ипат, сварю». — Старуха живо за горшком побежала в лес пешком. Притащила и дров, начала ему варить. — «А что же ты пекла?» — «А пирожки». — «Какие пирожки?» — «С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом».

Ипат: «Ладно, хорошо! Расскажи-ка мне невесту!» — Поглядели друг на дружку. Она показала на лягушку: «А вот и твоя невеста». — «Как же я с ней буду жить?» — «Она хорошая барыня будет». — «Ну, так пойдем сватать!» — Яга пошла с Ипатом сватать, повела дальше в камыши. На пересечку большая мышь. Ипат старухе говорит: «Нехорошая нам дорога». — «А пошто, Ипат?» — «Пересекла дорогу мышь». — «Эта мышь — прислуга невесты».

Подходят к камышу. Отворяется дверь в землю. — «Спускайся ты за мной!» — Ипат заходит в коридор, а у лягушек большой там вздор. — «Что, старуха, говорят?» — «А женить хотят тебя... Пойдем-ка дальше, в зало». — Заходят дальше в зало и — убраны столы белым полотном, наставлено на столах всякого бисерту, булочки на блюдах пол-аршина вышины. Ипат удивился: «Кто же тут у них это стряпает? Я сроду и не видал, такого хлеба не едал».

А старуха начинает говорить. Лягушка отвечает: «Судьба моя пришла». — А Ипата удивляет: «Как я буду с ней жить? Ведь снохи-то у нас хорошие! Ну, все равно, возьму! Отец не примет, здесь буду жить: работа легонька, а жить хорошо. Поглядел я вбок — небольшое там зало — начинена колбаса салом: как они поживают, лучше нашего».

Сели они за стол. Лягушка угощает и по-русски говорит: «Кушай, Ипат, без стеснения! Надейся на меня, не погинешь». Ипат с аппетитом ест и пьет. — «Все это вкусно, так только лягушки мне гусно».

Время жениху выходить. Невеста встает на кружок. — «Вот эту полотняную рубашку твоему отцу в подарки, а этот сарафан, вышитый шелком, старушке твоей в подарки; братьям твоим по брюкам из дорогого сукна; снохам — по платью, расшиты серебром. А тебе, женишок, цельну тройку подарю: брюки и жилетку и хороший сюртучок; а приедешь ты домой, сюртук вешай на крючок!»

Положила в скатерть булку вышиной аршина два; завязала все в скатерть, начинает провожать. Жених идет, а лягушка скачет. Жених задумался: «Как я буду с ней жить?» — Садится он в бат; так его горе обуяло: «И невесты мне нигде не стало!» — Вдруг лягушка постояла; взял ее за руку: «Ох, красавица моя!» Она обернулась, в русском платье — и на свете лучше нет! Вдруг Ипат испугался и едва с невестой расстался: «Ты не выйди за другого!» — «А срок у тебя на три дня».

Простились, и поехал с Ягой-бабой. Приезжают, недалеко до избушки, поднялась большая погода. А Яга-баба говорит: «Знать-то, в воду навалит (лодку)». — «Нет, старуха, ты не бойся, я те честно доведу!» — Так и дальше проезжают, к другой избушке подъезжают. Там старуха выходила, жениха милости просила. Он в избушку к ней заходит: «Вот подарки от невесты!» — А старуха говорит: «Вези батюшке своему!»

Они недолго посидели. Он отправился пешком. Он подходит ко двору; старик выходит наяву! — «Что, Ипатушка, несешь?» — «Гостинцы дорогие от невестушки своей». — Вся семья в избу сбежались и со смеху заливались. Он раздал всем подарки, а сюртучок на крючок. — «Ну, батюшка, надо делать свадьбу!»

Собралась скоро и свадьба. Запрягли они тройку лошадей и поехали к болоту. Приезжают к избушке; Яга-баба встречает, а жениха пуще всех привечает. — «Давай, садитесь все в бат, запевайте песню в лад!»

Приезжают к невесте, а жених идет вперед. Братьев горюшко берет. Садят гостей за стол, угощают заморским вином. Напились гости вина и накушались. Складывает лягушка свое именье, берет за руку жениха. — «Садимся на бат!» — А снохи смеются: «Кого он берет, лягушку!»

Приехали к берегу, садятся на лошадей. Жених лягушку на колени; а дома стряпают пельмени. Подъезжают ко двору. Вся деревня собралась; спрашивают друг друга: «А где невеста у Ипата?» — «А вон попрыгивает за ним». — «Батюшки, кого берет!»

Они заходят к отцу в дом, а мать и сердится ладом. Ипат заходит в комнату и заводит лягушку. Живо лягушка переделалась в русско платье, сделалась красавицей — по всему свету не видать и в королевствах нигде не слышать.

Собрались они к венцу, и выходят они из зала. Заглянул тут народ; а из слуху их говорили, что у Ипата невеста урод. Крик поднялся: «Хороша, Ипат, невеста! Только жить с братьями тесно». — Платье хорошего шелку, из дорогого, убрато серебром; надели ей на голову наколку — вся убрато золотыми иголками.

Вот пошла у них пирушка. А по ихнему поверью на другой день должна молодая стряпать пирожки. Вечером Ипат укался спать со своей женой, а свекровка и говорит: «А ты, молодушка, должна ведь завтра стряпать пироги: так у нас и ведется!» — Молодушка сказала: «Хорошо, будет готово!» — Вышла вечером молода, взяла квашню, вынесла на двор, опрокинула ее кверху дном. Легла сама спать.

Свекровка поглядела: что такое? — и говорит со старшей снохой: «Где же у ней квашня?» — «А она вынесла на двор на бревна; опрокинула, стоит». — «Поставьте-ка сами квашню, хоть в задней избе! Она, наверно, стряпать не умеет!» — А эти снохи, в насмешку молодой, замешали квашню несеейной мукой: «Пушай хваленая невестка испекет им пироги — посадит пирожки, а вытащит покрышки на горшки! То-то у нас и будет смеху на молодую сноху!»

Молодушка ночью встала, побежала за квашней; наклала в печку дров, замешала себе квашню — и без опары, без дрожжей. А все еще они спят. Она наготовила булок и пирогов и нажарила-наварила; наставила на столы, закрыла скатертями из белого полотна.

Старуха соскочила. — «Знать-то, я проспала?» — Поглядела на столах. — «Кто это испек? Удивительная штука! Старик, вставай-ка поскорей! Сроду не бывало на столах у нас пирогов! Погляди-ка, какие булки!» — «А кто это испек?» — «Спросить надо снох!» — Старуха побежала, разбудила старшую сноху: «Ты что, стряпала али нет?» — «Я еще и не встала!» — «А погляди-ка: на столах как убрато у нас!»

Снохи испугались, смотрят на столах. Муж подходит молодой: «Вот так пирожки! Поглядите-ка, ребята! Вот моя жена испекла вам пирожки!»

Вот пошло у них гулянье. Залюбили молоду. — «Поедемте в гости к батюшке своему!» — Только сели они в саночки, и провалилась лягушка. Вот причина, отчего провалилась лягушка: а худа была долгушка.

ЗОЛОТОЙ КИРПИЧ

Рассказал Е. С. Савруллин

Жил старик да старуха. У них было два сына. Они сдумали сыновьев своих наделить богатством, перед смертью своей. Одному сыну отдали весь дом, и скотину, и тысячу денег. Старик старухе говорит: «Старуха, ведь мы обделили Ванюшку-то!» — «Да ведь он дурачок, ладно ему и так!» — «Нет, надо ему дать сто целковых!» — Дали сто рублей.

Ванюшка пошел на базар. Придумывает себе: «Что мне надо купить?» — Один мужичок продает кошечку, собачку и клубок ниток. — «А сколько стоит кошечка, и собачка, и клубок ниток?» — «Сто рублей». — Вынимает Ванюшка сто рублей, подает деньга. Приходит домой — собачка, кошечка с ним, клубок в кармане. Отец видит его, что он идет домой. — «Дурак-от купил, наверно, кошку и собаку!.. На что ты это купил, глупый?» — «Да нужно!»

Ванюшка переночевал; отправился на другой день, с кошкой и с собакой, путешествовать. Выходит из своего села. А его карман как раз пробился у пинжака. Клубок выпал. Собака схватила клубок и бежит за ним. Подтащила хозяину клубок, выпустила из роту; клубок покатился. Ванюшка и думает: «Что такое? На гору катится?! Стой, брат! Пойду я теперь за клубком!»

Клубок сворачивает в лес. Ванюшка за ним. Дальше и дальше продолжает. Шел он и лесом, шел и горами; попало ему сильное болото. Проходит и болото; попадает ему большая река. — «Ну, сухари у меня есть! Напьюсь и покупаюсь, да опять дальше отправляюсь!»

Как раз приходит в зеленые луга. И видит: наложены кирпичи стопами. Подошел к кирпичам. — «Кто же их работал? Никого здесь нету!» — Походил, походил: нет ли где жилища? — Жилища никакого нет. Берет Ванюшка кирпич, ударил его о камень: кирпич разлетелся. — «Ах ба! Неужели все такие кирпичи? Ведь в них золото внутри!» — Подошел к другой куче; разломил два-три кирпича, в них внутри золото. Он и думать: «Ох, я теперь разбогател! Да на чем я их потащу?»

Вдруг видит: бежит пароход; к пароходу привязана баржа, а баржа совершенно пустая, а на пароходе сидит один старичок. Подъезжает старик к берегу, к кирпичу, останавливает свой пароход. Выходит старик на берег. — «Здравствуй, молодой человек!» — «Милости просим, почтенный старичок!» — Старик Ванюшку спрашивает: «Что вы здесь делаете?» — «Да вот нашел я кирпич — правду я тебе скажу: — и в кирпичах внутри золото. И мне бы его нужно увезти, этот кирпич, в протчие королевства: там как раз в это время ярманка». — Старик ему говорит: «Давай таскать будем, грузить!» — Начали таскать кирпич. Нагрузили баржу полную.

Вот они едут неделю и две. Приезжают в королевство, в котором ярманка открыта. А Ванюшкин-то брат вперед его приехал; он привез три баржи товару: «А ты, дурак, с чем?» — «А я с кирпичами». — «Будто нет здесь кирпичей?» — «Есть, да не такие!» — «А какие?» — «У меня с краю золотые». — Рассмеялся тут весь народ, разевают на Ванюшку рот.

А ярманка все еще не открыта, и торговля вся прикрыта.

А у этого короля померла недавно дочь. Хоронить ее нужно в полночь. Она была положена не в большой часовне на большом, трехаршинном столе. Эта дочь за каждую ночь

сьедала по человеку. Король собирает всех купцов: «Дозволяю я вам здесь торговать, только нужно каждому у дочери в часовне ночевать, всем поочередно». — А им, пожалуй, и не торговать: хотели бы уехать, да нельзя!

Как раз по списку досталось Ванюшкиному брату ночевать. Брат себе и размышляет: «Найму я Ваню-дурака, не больше — за три пятака!» — Вечер раз приходит, требует черед. Он приходит к Ване на пароход. — «Наймись, Ваня, ночевать!» — «А я дедушку спрошу который товар на пароходе привез». — «Наймись, Ваня!» — «А сколько с него взять?» — «А баржу шелку». — Тот согласен отдавать.

Старик Ваню провожает в часовню ночевать. — «Зайди, Ваня, в церковь, купи рублевую свечу; и вот тебе книжечка. Когда запустят тебя солдаты ночевать в часовню, где лежит девица, ты читай эту книжечку!» — Он сейчас свечку купил рублевую; заходит ночевать. Начинает книжку читать, встает ближе к гробу. Как раз только 12 часов — сбрасывается крышка гроба, разевает рот широкий девица: «Я, Ваня, тебя съем!» — Он сунул в это время ей свечку в рот. Она сколько-то бы ни билась, а потом сразу усыпилась. Он спокойно ночевал.

Обратился он назад. Он пришел на пароход. Спросил его тут дед: «Ну, как, Ваня, ночевал?» — «В добром здоровье». — Получает баржу он шелку; а брат его поехал домой. А другая ночь достается Ивану за свой черед ночевать. Иван спрашивает дедушку: «Ну, как, дедушка, я теперь пойду? Очень страшно ночевать!» — «Вот тебе на два чугунных шара: один шар пять фунтов, а другой — десять. Когда она разинет рот, пятифунтовый шар бросай ей прямо в рот. Когда она его проглотит, бросай десятифунтовый шар, только скоро! Десятифунтовый шар ей не проглотить. А дико время, ночь, пройдет, бери ее за руку, сади ее в стул!»

Пришел Ваня ночевать. Стало время ближе к полночи, Ваня шибко горевать: «Знать-то, она меня седни съест!» — Вдруг тут сбрасывается крышка, и разевает она рот: «Съем я здесь весь народ!» — Он бросает пятифунтовый шар, и проглотила она его. Начинает она вставать. Он бросает ей другой..; Он берет ее за руку, ставит на ноги с собой. Ока глядит и говорит: «Вот ты вечно мой жених!» — Посадил он ее в стул.

Тут светленько и стает. А и стража увидала: «Ба, тут девица-то стоит!» — Живо доложили королю, что «жива твоя, король, дочь; а поднял Иван в полночь». — Король приезжает на карете и требует Ивана во дворец. — «Позвольте Вам, король, я схожу только на баржу, велит ли мне дедушка мой идти во дворец или нет?»

Садят Ванюшку в карету и привезли его на баржу. — «Как, Ванюшка, ночевал?» — «Я из гроба ее поднял». — Удивилась вся толпа. Вот и Ванюшке хвала. — «Вот я, дедушка, тебе и расскажу: я поднял ее из гроба, она говорит, что «ты вечно мой жених». Так что же, дедушка, велишь ты мне ее взять или нет?» — «Возьми, Ванюшка; Бог благословит!» — «Там меня ведь дожидают». — «Ну айда с Богом к венцу!»

Посадили Ванюшку в карету и привозят к королю в дом. Собрались живо к венцу, обвенчали, и пошла тут пирушка — только дым столбом идет.

На третий день Иван надевает синий кафтан, королевские подарки. — «Пойдем, жена, со мной к дедушке на пароход!» — Они приходят тут на пристань, где баржи его стоят. — «Вот, дедушка, я женился!» — «А приданое у тебя где?» — «А сейчас приставят нам!» — По приказанию короля нагружают приданое на три корабля. — «Вот так мы теперь живем!» — Распростились с королем и поехали домой.

Вот они едут и день, едут два; проезжают и неделю; а за неделей скоро год. Они стали враз на якорь, дед на Ваню говорит: «Вот что, Ваня! Надо женушку твою делить!» — «Как? Пошто, дедушка?» — «Мы с тобой вместе наживали ведь ее!» — «А как будем, дедушка, делить?» — «Веди ее на палубу, свяжи ей руки и ноги!» — Ивану было очень жалко. Связал руки и ноги. — «И бери в руки топор!» — Взял Иван топор. — Руби ее по брюху: эта половина мне, эта — тебе!» — Ивану сделалось очень жалко, а она плачет и рыдает: «Не рубите, лучше утопите!» — А дедушка говорит: «Исполни приказание!» — Иван замахнулся топо-

ром, пересек ей по брюху. Побежала у ней кровь. — «Руби еще два раза!» — Перерубил он ее напополам; повалился из брюха страм: и змеята, и чертята, и маленькие бесенята. — «Умерла моя жена!»

Дедушка и говорит: «Тащи, Иван, воды!» — Он притащил ведро воды, омыл всю ей кровь. — «Сложь ей рубленое вместе! Тащи свежей воды!» — Притащил Иван воды. — «Лей на брюхо!» — Вдруг она сделалась живая, встала на ноги. — «Теперь, Иван, возьми! Твоя она и будет!»

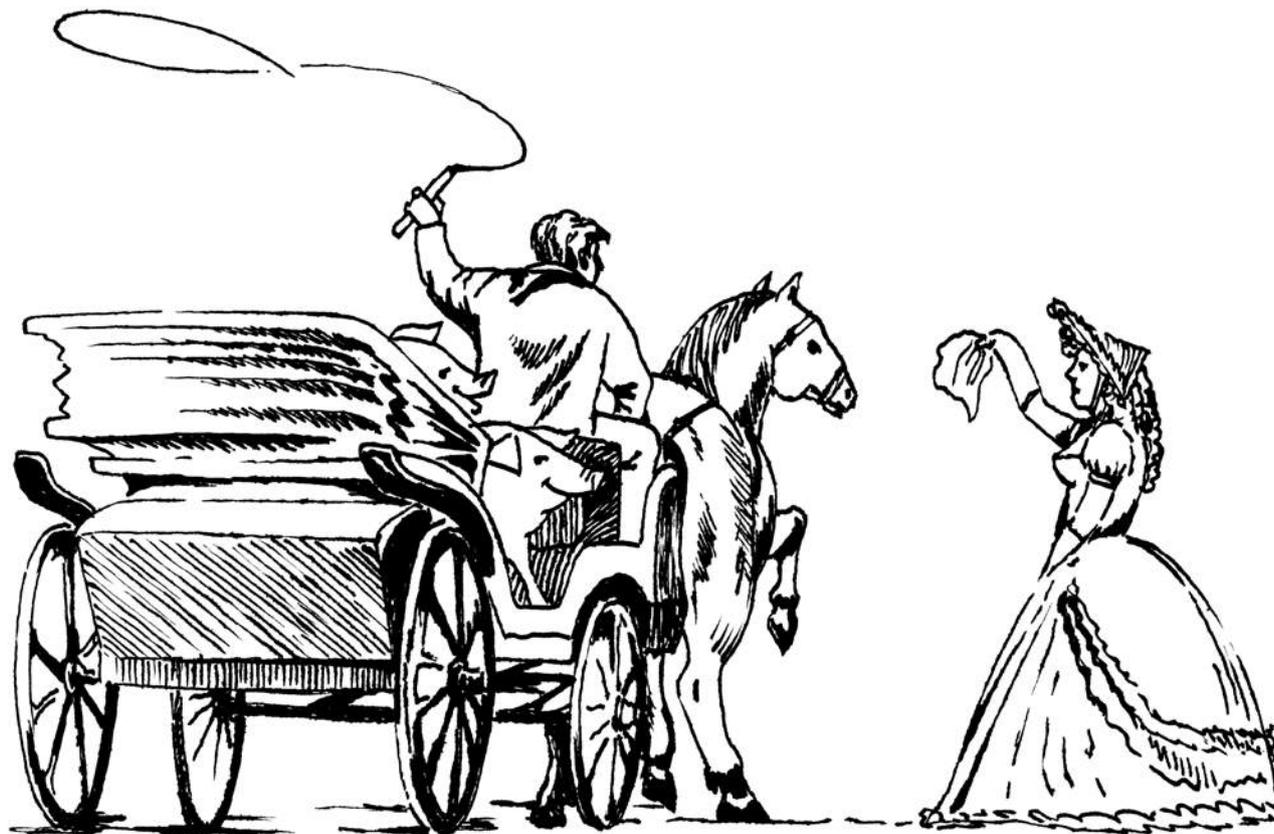
Они поехали домой. Пристигает темна ночь, сильна буря шибко дует. А старик, он говорит: «На якорь мы не станем, а лучше к пристани пристанем!» — Бросили канат и причалились к сосне. А Ваня видит враз во сне, будто дедушки у него нету; только двое мы с женой. Враз он слышит руку на себе; пробудился он, глядит: солнце ярко тут блестит, и пора нам вставать. Он глядит своего деда, а его нету тут с ним. — «Куды скрылся наш дед? Ты, жена, не знаешь?» — «Не видала ничего!» — «Ну, отправимся домой!»

Вот поехали домой и приезжают они домой. Продали товар, выгрузили приданое все. Брат Иванов встречает и в гости приглашает. Они в гости к нему приходят, начинают распивать. Жена Иванова с Ивановым братом начинает танцевать; она враз в его влюбилась и позабыла свою смерть.

Брат Иванов говорит, тихонько губами шевелит: «Уедем мы со мной за границу дальше жить!» — Вдруг скрутились и зашевелились: «Поедем за границу!.. Как Ивана мы оставим?» — «Да мы возьмем его с собой!» — Взяли его с собой и поехали на пароходе.

Ехали неделю, продолжали больше году и спустили Ваню в воду. Они проехали полгода, поднялась сильная буря. Она так и говорит: «Надо к берегу пристать, да на лугах цветов поискать!» — Враз пристали к берегу, пошли гулять по лугам. Вдруг является старичок, который был раньше с Иваном. — «Здравствуй, умница моя! А где надежда-то твоя?» — «А поднялась сильная погода и сбросила его в воду».

СТРЕХУЛЕТ

Рассказал Е. С. Савруллин

В одно прекрасное время по городу бежит оборванный стрехулет. Раз его видит с балкона богатый дворянин. А у стрехулета в руке дудка. Богатый спрашивает его: «Куды бежишь, стрехулет?» — «Людей надувать». — «Ну-ка, меня наду!» — «Я бы тебя надул, дак товарищ впереди». — «А разве одному нельзя?» — «Нельзя». — «Дак ты догони его!» — «Дак ведь я бы его догнал — я пеший!» — «Кучер, дай ему лошадь верховую!» — Кучер дал ему лошадь.

Стрехулет сел верхом; попинывает ногами лошадь, а она нейдет. А он сам руками ее подерживает, чтобы она не шла. — «Ишь, барин, у вас лошади свичны парами!» — «Кучер, дай ему другую! Они скорее приедут: один на ту сядет, другой — на другую». — Кучер дал ему другую, он и уехал.

Ждал, ждал — нет стрехулета. — «Барыня, ведь он меня обманул!» — «Глупой, ведь он тебе говорил, что людей надувает; вот он тебя и надул!»

Барин рассердился. — «Запрягай тройку в повозку! Поедем догонять!» — Погнались догонять. Стрехулет в это время спрятал лошадей.

Как раньше крестьянам выдавали участки трактовой дороги починять и лес убрать. Барин едут на тройке, а стрехулет выворотил свой халат на левую сторону; нагнувшаяся толстая береза на тракт и чуть не падает: она так и выросла; стрехулет упер плечом эту березу. По-краснело его лицо: сильно держит березу плечом.

Барин раз как подъезжает: «Кучер, стой!» — Кучер остановился. — «Стрехулет!» — «Что?» — «Не видал ли ты этта на паре лошадях верховых?» — «Видел, барин». — «Куда они уехали?» — «Они уедут по окольным дорожкам». — «А что, мы их найдем?» — «Нет, не найди!» — «А ты бы с нами сел». — «Я бы, барин, с вами и сел, дак у меня береза падает; а участок-то дороги мой! А вот гляди-гляди исправник погонит: то-то он мне в жопу плетей и накает за это!» — «А кучер удержит, а ты со мной!» — «Нет, не удержать, барин! Держите оба!»

Барин вылезает из повозки, подпирает правым плечом березу в толстую кору; она и действительно ему режет плечо. — «Кучер, держи крепче!» — «Барин, я упер изо всей силы!» Стрехулет на тройке марш.

Обогнал другой дорогой, подъезжает к барскому двору. Поставил лошадей к саду, а сам в сад. А у барина была свинья с поросятами; стрехулет ползает на коленках за свиньей. Барыня кричит своего лакея: «Лакей, пойдй в сад! Что какой-то стрехулет ползает за свиньей на коленках?» — Лакей спрашивает стрехулета: «Что ты ползаешь за этой свиньей?» — «А вишь, брат, свинка пестра моему сыну хресна; я ее зову на свадьбу». — «Я доложу барыне; как позволит».

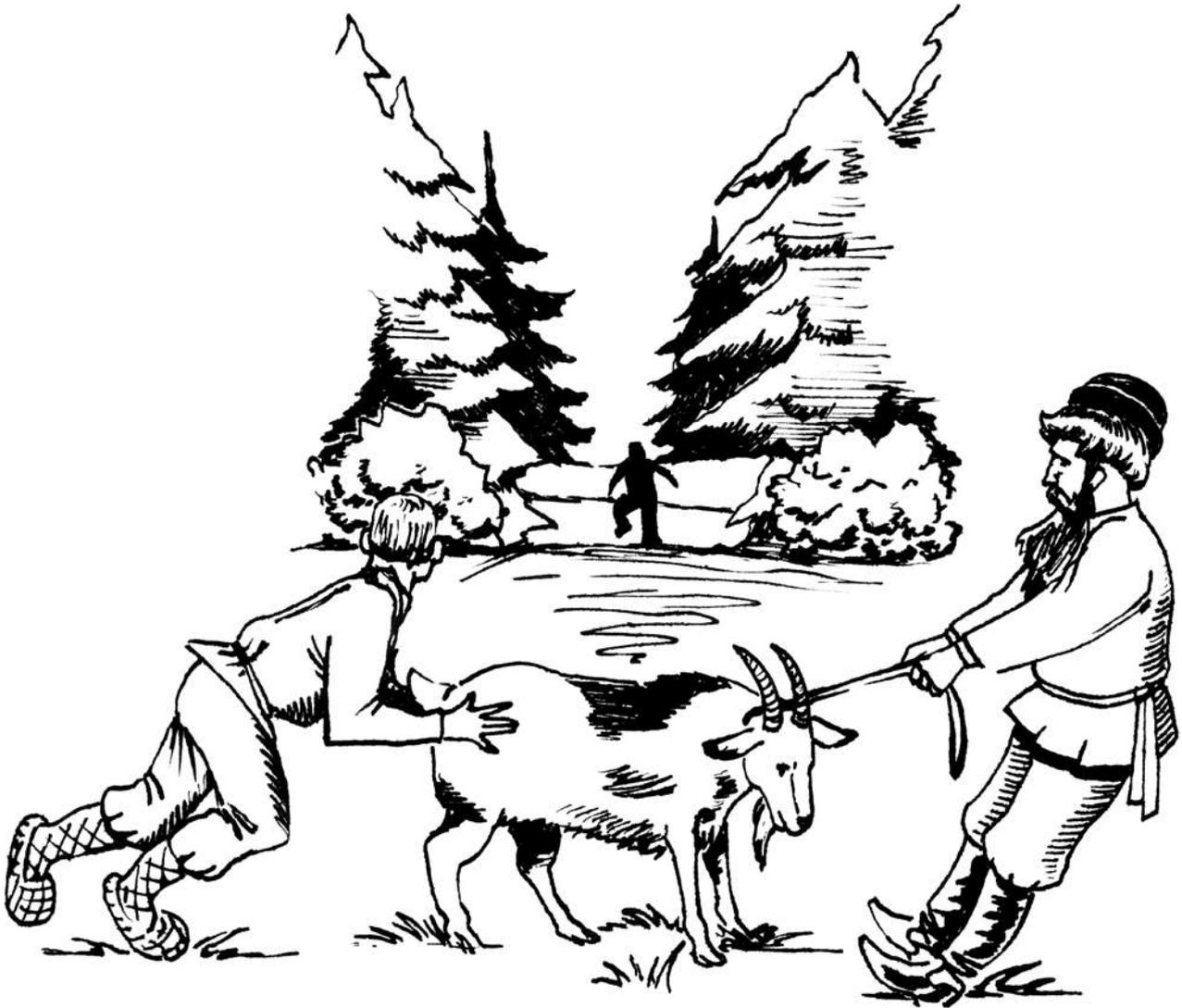
Доложил барыне. Барыня говорит: «Пуцай повезет с поросятками вместе; они на свадьбе погуляют!» — Ссадили поросят и свинью в повозку: стрехулет их увез в Москву.

Барин ждал, держал березу, и дожидаться он не мог. — «Опускай, кучер! Пуцай падает! Черт ее бей!» — Отпустили березу, а береза и не падает. — «Должно быть, крепко остановилась. Толкай ее на дорогу! Досадим же мы здесь народу!» — Кучер толкать — березы и топором не скоро срубишь.

«Пойдем, кучер, в деревню, найдем там лошадей!» — Наняли лошадей, поехали домой. Приезжают они домой; выбегает барыня навстречу. — «Почему вы на почтовых?» — И отдали тройку стрехулету.

«Шибко есть я захотел. Зажарь живо поросенка!» — «Да ведь их нет». — «А где же они?» — «Какой-то приехал стрехулет и кланялся за свиньей. Мы спросили: «Что такое?» — «Ваша свинка пестра моему сыну хресна, я ее зову на свадьбу». — Я ее и уволила со всеми с поросятами.

ДЯДЯ С ПЛЕМЯННИКОМ

Рассказал Е. С. Савруллин

Жили-были два брата; один брат был богатый, а другой бедный. У бедного брата было три сына. Дядя богатый занимался воровством. Дядя богатый звал у бедного большака-сына с собой воровать. Племянник с дядей пошли. Идут лесом. Племянник увидал березу, из которой можно вырубить росоху, и говорит дяде: «Вот береза на росоху годится!» — Дядя ему и говорит: «Какой ты вор?! Ты добро смышляешь! Не нужен ты мне! Пойди домой; я возьму племянника среднего».

С серединой идут лесом. Племянник видит: на вершине березы вилы. — «Ах, дядя, вилы хороши!» — «Дурак, не надо мне и тебя! . Возьму я племянника малого».

Малой племянник, как был молод, но был на эти штуки сметлив. У племянника был в кармане складешок. Дядя начинает ползком ползти по болоту; а у дяди сапоги были с подметками, подметки были пришиты дратвой, а не прибиты гвоздями. Дядя племяннику и говорит: «Смотри, племянник: я буду вытаскивать яйца из-под утки!» — Дядя начинает вытаскивать из-под утки яйца, — и действительно, утка не слышит. А племянник у дяди — в то время, когда тот вытаскивал из-под утки яйца, он ему отрезал подметки.

Встали оба и пошли. Дядя и говорит племяннику: «Племянник, у меня ведь ноги промокают». — «Отчего, дядя?» — «Не могу знать». — «А ты, дядя, погляди-ка: у тебя есть ли подметки под сапогами?» — Дядя поглядел, и действительно: нет. Дядя сказал, что «ты, племянник, молодец! Я вытащил из-под утки яйца — утка не слышала, а ты отрезал у меня подметки в то время — я не слышал».

«Теперь, дядя, куда пойдём?» — «Знамо, домой!» — «Нет, дядя, пойдём на большу дорогу!» — Как раз выходят на большу дорогу. День был жаркий. Мужик ведет по дороге козла; армяк у него на плече.

Племянник дяде и говорит: «Дядя, давай украдем этого козла!» — «Глупый! Да как его украсть?» — «Странно дело: как украсть, дядя! Снимай сапог с себя, дядя!» — Дядя снимает сапог с себя; племянник берет сапог и бором обегает мужика опередить чтобы его. Бросил сапог на дорогу, сам спрятался в лесок. Мужик с козлом доходит до этого сапога: «Ах, один сапог! Кабы два, я бы носить их стал!» — Мужик поворчал, сапог бросил на дорогу и пошел опять вперед.

Мужик по дороге подался несколько саженой. Лес был темный; племянник взял этот сапог и оббежал опять мужика, бросил на дорогу. Мужик с козлом доходит до этого сапога. — «Ба! Вот ведь друг-от сапог где! Постой! Я козла привяжу и азам положу; заворочусь за этим сапогом назад!»

Мужик козла привязал, воротился; сапога там нет. — «Как так? Разве я не дошел до него?» — А племянник в это время отвязал козла, взял азам и бежать в лес. Приходит к дяде в лес. — «Вот тебе, дядя, козел и армяк!» — «Молодец, племянник! Лучше моего умешь воровать!»

«Теперь куда мы пойдём?» — «На балаган». — Приходят на балаган; начинают колоть козла. Закололи козла, вымыли мясо, склади в котел варить. — «Ну, племянник, теперь ты иди кожу мой!» — А племянник говорит дяде: «Я воровал козла, а тебе мыть кожу». — Дядя говорит: «Я тебя ведь постарше!» — «Дак что из этого? — ...Ну, тогда, дядя, пойдю я кожу мыть, — говорит племянник, — а тебе мяса не едать!»

Племянник пришел на речку. Уже было темно. Вымыл кожу, развешал ее на гибкую черемуху, давай ударять по коже палкой! По лесу раздаётся гул. Племянник диким голосом заревел: «Ой, батюшки! Не я ведь один был!» — «А с кем?» — «С дядей!» — Дядя захватил полы и бежать домой.

Племянник приходит к котлу, начинает есть мясо, а дядя приходит домой тощей. Племянник мясо кладет в мешок и кожу, тащит домой. А уже дядя пришел к брату, спрашивает: «Ну, сын пришел?» — «Нету». — «Ну, его, бедняка, и шибко избил!» — Племянник пых в то время с мясом и с кожей; а дядя тут сидит с которым он воровал. — «Что племянник, шибко били?» — «Да как бы ни били, а мясо и кожа есть!»

СОЛДАТ УЧИТ ЧЕРТЕЙ

Рассказал Е. С. Савруллин

В одно прекрасное время солдат шел на родину. Идет день, идет и два; остается ему до дому верст полтора. Он доходит до одной деревни; хотел остановиться ночевать. Попадает ему навстречу старушка; он ее спрашивает: «А что, бабушка, далеко ли еще станция будет?» — 35 верст. — Солдат подумал, поглядел на солнце. — «Ах, уже время поздно!.. А сколько время, бабушка, по-твоему, думаешь?» — «5 часов вечера». — Солдат подумал: «В 9 часов закатится солнце; а пойду на станцию! Хоть темно, да дойду!»

Солдат шел, шел и сильно утомился от усталости своей. У солдата сухари были с собой, в сумке, сахарок и чаек, и чайник у ранца. Солдат стал подумывать: «Ночевать в лесу?» — Подумал-подумал: «Нет, хоть тихонько, да пойду! Не попадет ли удобное место для ночевки?» — А верстовых столбов не было; узнать нельзя было, сколько верст до станции.

К этому несчастью пошел большой дождь. Солдат говорит: «Ах, едят ты мухи с комарами! Плохо будет, весь перемокну!» — И как раз видит на тракту большой дом. Дом двухэтажный. Солдат подумал: «Что такое? Хорош дом, да стекла что-то все приломаны!» — Поглядел на крышу: еще трубы есть. — «А, все равно зайду в него: мочить не будет меня!»

Заходит в дом. Действительно, что дом был жилой, а сейчас никто не живет. Солдат избрал себе удобную комнату, в которой были окна изломаны; из других комнат запер дверь. Сильная была погода, не попутная в ту комнату в окна. Пошел на двор, набрал дров и затопил фартамарку (железную круглую печь); нагрел свой чайник. А уже время к двенадцати часам. В печке сильно раскалились дрова.

Солдат лег спиной к огню — нагреть бы ему пуще поясницу. И вдруг слышит потоп в комнате в другой. Солдат соскочил на ноги, успел отворить дверь. Он тем же мигом видит, что много чертей прибежало; они напирают забегать и в его комнату. Солдат на косяках окошка делает кресты углем: что действительно, черти крестов боятся. Черти не смотрят на солдата — забегают к нему в комнату. Он их запустил много. Сделал и себе на лбу крест углем. Они хотели бы его поймать, а на нем крест. Он в это время сделал кресты и на той двери, куды они и вошли. Он запер их на дверь: не говоря, что худые окошки, никуда не уйдут. Заходит в большое зало и делает там кресты, чтобы выйти им нельзя было.

Когда солдат ходил по дрова, и видел там — лежат две берестины. Солдат пошел, принес эти две берестины, принес большую палку — с сажень длины, в вершок толщины, в виде санной оглобли — и наделал на палке углем кресты. Заходит в комнату к чертям, грозит им большой палкой, на которой кресты.

Говорит чертям солдат: «Становись во фронт!» — Черти было друг за дружку прятаться, а выскочить нельзя — везде кресты. Невольно начинают становиться в ширинку, как будто невольники. Начинает на бересте писать их, переписал всех чертенят; говорит им солдат: «Руки по швам!» Показывает им маневр. «Друг на дружку не глядеть, не заглядываться! Когда скажу: смирно! — глядеть прямо!» — Черти так и сделали. Он сделал им перекличку на своем бересте: Пердунов, Дристунов, Загибалов, Завивалов!..

В это время как раз был шум на улице: пришел сам сатана, хотел их выручить с однова. Ну не тут-то было! Солдат сделал крепко: на окошках наставил кресты, навешал на шею чертенятам чигунные песты. Солдат давай их учить, сначала шагом гонять: налево и направо повороты, бегом и шагом марш, кругом, опять бегом. До того их домучил — чертенята стали солдата просить милости: «Отпусти нас, солдат, пожалуйста, из этой неволи!» — Солдат им говорит: «Нет, не пущу! Теперь навечно я вас взял в солдаты!» — Чертенята говорят: «Вот тебе, солдат, мешок золота дадим — только отпусти!» — Солдат на это не соглашается, а более учить старается.

Вдруг уже рассветало... — А этого дому барин каждый день посылает смотреть сторожа своего свой дом. Солдат затопил печку и поставил свой чайник греть. А чертеняты сидят в углу. Вдруг подъезжает кучер, глядит кверху на крышу: из трубы идет дым. Кучер говорит: «Что такое? Дом у нас был нежилой, а печь топится?» — Солдат в это время выходит на балкон; кучер увидал солдата. — «Ты кто такой, служивый?» — «Я солдат». — «Ты как туды в дом попал?» — «От большого вчерашнего дождя». — «Вчерашнего дождя? Тут и ночевал?» — «Да, здесь ночевал в комнате». — «Как тебя черти не задавили?» — «А так и не задавили, что они не смелые были! Вы зайдите сюда в дом, посмотрите: чертеняты все сидят в углу, глядят друг на дружку, как на представителя Андрюшку!»

Кучер говорит: «Нет, брат солдат, я не пойду. Ты не представился ли, черт, солдатом?» — «Глупой человек, да разве черт крест носит на шее?» — Показал солдат на груди крест. Кучер удивился. — «Я смотреть сам не пойду, а лучше барина пошлю. Ты, солдат, дожись его здесь! Барин наградит тебя как есть!»

Приезжает кучер домой, докладывает своему барину: «Барин, что у нас случилось!» — «Что, кучер?» — «На даче в дому живет солдат и учит чертей!» — «Как так?.. Да не пред-

ставился это черт солдатом?» — «На груди у него ведь крест, и на балкон он сам залез!» — «Запрягай тройку лошадей!» — Барин садится в карету, берет с собой людей, чтобы в виде понятых.

Приезжают они к дому. Солдат выходит за ворота. — «Здравствуй, барин-господин! А я здесь с чертями совершенно один!» «Как же вы сюда попали?» — «А я иду на родину домой. Шел, сильно устал, и к этому несчастью пошел большой дождь. Захожу я в этот дом, вижу: в комнатах везде пусто, а дом был жилой. Я сильно перемок от большого дождя; поглядел: тут печи, можно и топить, че угодно можно и сварить. Положил я свой ранец на крашены пола, пошел на двор, набрал дров, затопил печку, разогрел себе чайник — с сухарями чай пить. А было време уже поздно, близ к 12-ти часам. Поворотил свою спину к огоньку, чтоб нагрелась она. Вдруг вижу к свету печного огонька: заходят чертенята; в комнату вошли, я схватил уголек, давай делать кресты на окошках, на дверях. Вот теперь они у меня и не выходят!»

А барин говорит: «А где они сидят?» — «Пойдемте в комнату мою!» — Барин подходит к двери и поймался за солдатovo плечо. — «А что, солдат, они меня съедят?» — «Почто я тебя, барин, дам?» — Барин увидал чертенят: очень страшны и рогаты, и маленькие, пузатые. Небольшой тут чертенок, он выходит во фраке и глядит на солдата: «Отпусти нас, служивый! Вот тебе золота мешок!» — Слышит про это барин. «Я хоть не мешок дам, ну тысячекитодве, солдат, подарю тебе; только выведи из дому, чтобы не было никогда их!» — Солдат барину говорит: «Сейчас мы сделаем им ученье, вечно им мученье!.. А вы, барин, приготовьте ужин для меня».

Барин скоро лакею приказал. Лакей сел на лошадь, погнал, — привезти всякого припасу. Време уже поздно. Солдату приготовили обед. Солдат барину говорит: «Я поем маленько пирожки, да сделаю им ученье. А, барин, бальная музыка у вас есть?» — «Есть». — «Привезти ее сюда. Когда кончу я им ученье, церемониальным маршем их прогоню».

Солдат с большой палкой и закричал на чертенят: «Становись во фронт!» — Чертенята с голодухи. Хлоп солдат их по уху: «Что ты не встаешь! Исполнять службу не хочешь?» — Чертенята умоляют солдата своего: «Отпусти, солдат, домой!» — «Где у вас, черти, дом?» — «Да хоть на волю нас пусти!» — Барин сидит у двери, глядит в щелку небольшую — чтобы чертенок не пролез. Солдат командует: «Шагом марш!» Он их долго тут учил; бьет их палкой по затылку. «Вы ровняйтесь хорошенько!» Приказал солдат играть музыке; бальная музыка играет, а чертенята шагом марш. Не похвалил их за это солдат: шли шириной неверно.

Барин говорит: «Отпусти ты их на волю!» — Солдат притащил берестину: «Распишитесь своей рукой, чтобы никогда не ходить в этот дом!» — Они так и сделали. Солдат убрал на окошке кресты. Чертенята побросались из верхнего этажа. Кто изломал ногу, кто и руку — только вырваться бы оттель.

Барин в этом доме сделали пирушку, посетили и эту избушку. И я тут был да мед пил: по усам бежало, в рот не попало.

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ ПОРУКОЙ

Рассказал Е. С. Савруллин

На ярком яру, на крутом берегу жил-был скупой богатый мужик. Он никому не давал ни копейки заимообразно. Один крестьянин оставался совсем голодным. И говорит своей жене: «Я, жена, пойду к этому богачу просить денег». — «Глупый мужик, ведь он никому не дает, ни под работу даже!» — Приходит бедняк к богачу просить денег. — «Антип, батюшка! Не дай мне умереть с голоду! Дай мне денег». — «Нет, брат, я никому не даю, никогда». — «А ежели я тебе приведу поруку, дашь?» — «Да, поруку?» — «Поруку!» — «А кого ты приведешь?» — «Николай Чудотворец есть у вас на божнице — он мой порука». — «Нет, брат, ты уж приходи вечером: я подумаю сначала!» — «Хорошо».

Мужик отправился. Приходит домой, рассказывает своей жене, что «Антип мне подался немного: велел прийти вечером». — «А что же, мужик? Ты что ему сказал?» — «А мой порука Николай Чудотворец будет». — «Да как же, мужик? Ведь он говорить не будет?» — «Ты, жена, оденься потеплее в шубу, стань к этому углу, где иконы. Когда я буду просить у него денег, «Батюшка Николай Чудотворец! — скажу, — поручись за меня!» — ты на улице говори громче, что «поручусь!»

Приходит мужик поздно вечером к Антипу. Антип говорит: «Ну, что, бедняк?» — «До вашей милости!» — «А поруку привел?» — «Николай Чудотворец порука у меня». — Антип стал на ноги, глядит на икону и спрашивает: «Что, Николай Чудотворец, ты поручишься за этого мужика?» — Жена на улице говорит толстым голосом: «Поручусь!..» — Антип обробел и говорит жене своей: «Жена, что это такое? Что я не слыхивал никогда!» — «А сколько рублей?» — «Давай хоть сотенку!» — Жена говорит: «Дай ему сотню рублей! Я поручусь!»

Антипу делать нечего, вынимает деньги из сундука. — «Сроку время на сколько?» (Антип спрашивает.) — «На две недели».

Бедняк получил деньги, вышел на улицу, тихим голосом сказал своей жене: «Жена, домой!» — Приходят домой, купили себе провианту.

Проходят уже эти две недели. Бедняк деньги не несет. Антип и говорит: «Николай Чудотворец! Ведь я тебя продам!» — А Николай Чудотворец ни слова. Антип берет Николая Чудотворца, несет на базар.

Попадает ему навстречу поп. — «Ты куда, сынок, это?» — «Виноват, батюшка, вот у меня штука случилась какая: бедный крестьянин взял сто целковых денег, а Николай Чудотворец поручился», — «Как же поручился?» — «Говорил со мной лично сам вечером». — «Не может быть, чтобы говорил!»

Мужик отправился вперед. Ходил, ходил по базару, и никто не купил. Один попадает молодой ему человек: «Ты куда, Антип, с иконой?» — «Да продаю». — «А сколько просишь?» — «Сто рублей». — «Эх, брат! Ее поновить, так только стоит рубль двадцать!»

У Антипа в это время случилась дома беда: пошла его жена по воду по тонкому льду; на льду она упала, да и к Богу не попала: ноги разодрала, тут и душу отдала.

МЕДВЕДКО, ИЛИ ПОСТОЯЛЬНЫЙ МЕДВЕДЬ

Рассказал Е. С. Саврулин

Было в старину это. В дальних Сибирских краях, в темных лесах дремучих селения были очень редко. В одном месте станция была 80 верст. Было трудно проезжать ямщикам эту станцию.

Один старичок со старушкой задумали выстроить дом на середине в восьмидесяти верстах. Старик избрал удобное место, начал строить дом на речке. Только успел поставить небольшую избу, ямщики приезжают. — «Пусти, брат, дедушка, нас покормить». — «Да ведь у нас еще, брат, и припасов-то никаких нету: только начинаем строить!»

Начинает жить. Год от году начинает богатеть. Семейство у него было только — старик да старуха; им уже было лет 60 от роду. И разбогател он сильно от постоялова.

Зазнали об этом разбойники, шайка; задумали ограбить старика. — «Как приловчимся к старику? У него постоянно народ!» «Да нужно так сделать нам: купить обмундированье станового пристава, всей полной стражи генерала-губернатора, подобрать такую шайку человек 12; объяснить старику: изобрать ловкое время к ночи».

Вдруг пых становой пристав в квартиру старика. Ямщиков было полно. Заезжает на двор на тройке, заходит и в избу. «Здравствуйте, старики!» — «Милости просим, Ваше Благородие». — «А кто хозяин дому?» — «А я, батюшка!» — «Вы грамотные?» — «Никак нет!» — «Дак вот вам я привез бланку, дайте прочесть ямщикам!» — «Да потрудитесь сами, Ваше Благородие! Вы ведь люди-то благородны и не обманете!» — «Да, да, дедушка! Я назначаю вам число — через трои сутки — очистить комнаты, чтобы не было никого. Проезжает губернатор, и была бы ему квартира!» — «Батюшка, ведь мы и готовить-то не умеем!» — «А ничего ему не нужно — один самовар!»

Уезжает пристав. Старик делать обиход. На третьи сутки утром пригоняет становой: «В 9 часов вечера губернатор, зная, приедет!» — Старик со старухой проводили пристава. Старуха веником в избе, а старик с метлой на дворе метут и убирают; а ямщики просят у окна. — «Батюшка, нельзя: только-только вот гляди, губернатор раз и пых! В двух верстах тут вот речка, поезжайте на нее! Дам вам хлеба, дам и вари, и ночуйте вы там!»

После этого враз скоро идет медведчик с медведем. Видит, что ворота помыты; он подходит ко двору: «Пустите ночевать!» — А хозяин говорит: «Нельзя, брат, пустить никого!» — «А почему нельзя?» — «Да потому что губернатор приедет; ишь везде у меня чистота!» — «А мне с медведем комната не нужна, и в конюшне можно ночевать; только на поле нельзя!» — Старик подумал. — «Старуха! Он говорит, что в конюшне можно ночевать!» — Старик говорит: «Заходи!»

Медведчик медведя ведет, а медведь в ворота нейдет; он подергал его за цепь, а медведь дурным голосом ревет, а на двор нейдет. — «Вот что, хозяин! У тебя что-нибудь случится сядни!» — «А что, батюшка?» — «Медведь причину знает. Тащи хлеба кусок, хлеба и соли, поклонись медведю в ноги!» — Принес старик кусок хлеба и соли, кувыркнулся, — медведь пошел, с ревом он на двор. Завел медведя в конюшню, напоил и накормил.

Медведь — трахнулся он спать. А медведчик сам лег в ясли; медведчик — сильно он уснул, от усталости своей.

Вдруг что слышит: на дворе шум. И пригнал тут губернатор. Старик ходит с фонарем: на дворе встречает он гостей, а старуха с сальной свечкой встречает на крыльце. Враз заходит вся и свита; полна комната набита. — «Дай-ка, бабка, самовар!» — Подала старуха самовар. Вынимают большую бутылку и с горелкою вина. — «Пейте, братцы, веселее, да живите посмелее!» — губернатор говорит.

Выпили по стакану, — речь пошла гут грубо. — «А где, старик, у тебя деньги?» — «Какие, батюшка, деньги? Все в расходе!» Один из стражников, усастый, вынимает большой нож: «Вот, старик, тебе! деньги, сказывай, где?» — Старик с этого испугу отвязывал с пояска ключ с себя, открывает им сундук. — «Вот, батюшки, деньги все!» — Сот пяток они достали. — «А еще, старуха, есть?» — «Нету, батюшки!» — «Врешь, старая чертовка!»

Старухе в это время пала мысль про медведчика: «У нас ведь медведчик на дворе еще! и побегу я поскорее!.. «Есть, батюшка, в мешке еще!» — «А где они?» — «А сейчас пойду принесу». — «Ну-ка иди, тащи!» — Старуха выскочила: «Батюшка медведчик, ведь у нас беда! Ведь старика-то навряд ли уж не зарезали!» — «Постой, старуха, не ходи! Маленько погоди, и пойдем вместе со мной!.. « «Ну-ка, Михайло Иваныч, вставай! Пойдем, брат, с нами! Я тебя хлебом накормлю и вином-то напою: пособи нам со старухой!»

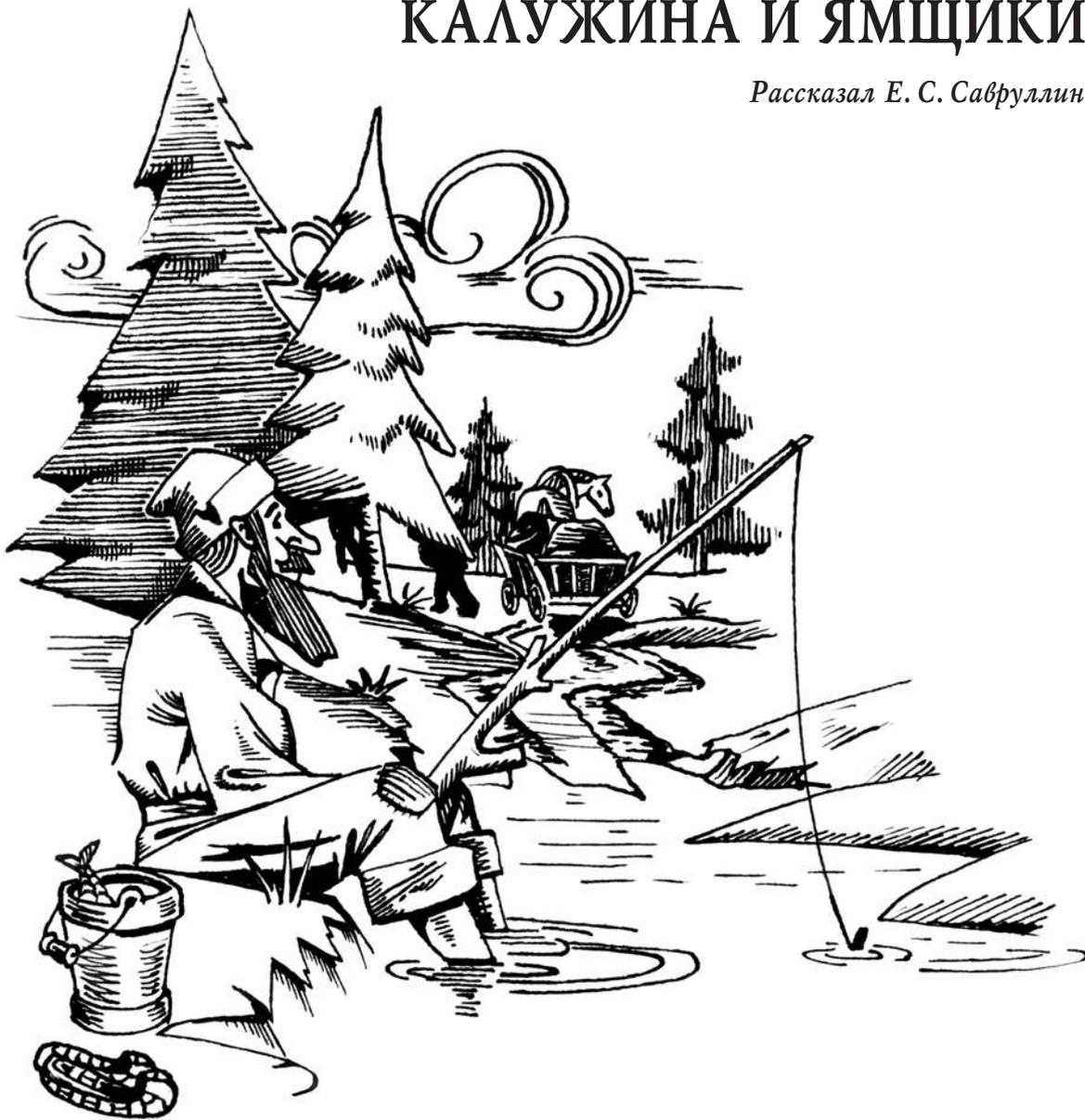
Медведь круто он поднялся, а медведчик за цепь скоро взялся. — «Ты, хозяйюшка, вперед, а я иду за тобой!» — Медведчик медведя ведет, цепь у него и брякает — как будто медны деньги в мешке. Отворяет старуха дверь. Разбойники пых ко двери. — «Что, старуха? Несешь?» — Медведь живо в избу забегаёт и начинает разбойников ловить; как которого схватит в лапу, повалит на пол; шестерых убил до смерти, а шестерых забрал под себя; они из-под него хочут вылезать, а он лапой их бьет.

Старик пал на пару лошадей и погнал на речку к ямщикам. — «Вот, батюшки, грабеж!» — Ямщики сели к нему в карету, пригоняют к нему в дом. Нужно следствие навести. Пригоняет становой, делает допрос. И старик со старухой — напилась она вина и сделалась совершенно без ума.

КАЛУЖИНА И ЯМЩИКИ

Рассказал Е. С. Савруллин

Ямщики ехали с товаром. Шел их большой обоз Сибирским трактом. Это было в старинные еще года, когда были дороги не исправлены еще; дороги были с боку на бок, были сосновые корни, задевали осями за лесины.

И три мужика задумали у этих ямщиков украсть из возов; заметили, что они везут чай. А раньше чай были зашиты в ширинах (в коровьих кожах с шерстью). Они пошли все трое на дорогу. Один из троих приготовил себе живых трех чебаков и положил их в свежую воду в ведро, чтобы они могли по крайней мере терпеть живыми одни сутки. Взял с собой удочку и выбрал такое место на большой дороге: большая калужина на дороге; она, от большого дождя, эта калужина бывает глубока, без малого что заливается и в телегу; а объехать ее никаким родом нельзя ямщикам.

Дорога была кривулястая. Двое мужики ушли вперед, а у которого удочка и рыба, он сел в калужине удить. Сидит мужик у калужины, забросил свою удочку удить. — И подумать надо об этом, что какая же рыба может быть на дороге? Ежели б была бы тут речка, дак могло бы быть.

Мужик сидит и удит. Ямщики ближе подъезжают, идут толпой и говорят: «Смотрите-ка, ребята: какой-то дурак удит на дороге? Кто ему тут дал рыбу?» — Подъезжают они ближе. Мужик подвинулся к боку дороги с удочкой, не мешая лошадям, чтобы переходили эту калужину с грузными возами. Лошади тихонько идут по кривулястой дороге, а ямщики остановились у мужика и глядят; и мужику говорят: «Что ты удишь? Какая тут тебе рыба? Кто тебе тут ее надавал?» — «А вы разве не видите: у меня в ведерке-то живая рыба?» — Ямщики взглянули: действительно, в ведерке рыба. Ямщики все, ото всего обвозу, собрались и глядят; а рыболлов как раз только дернул удочкой и говорит: «Ах, сорвался!.. Ну, да может быть впереди-то удалось!»

А в это время два товарища его поддели два места чаю и пошли они в лес.

Обвоз уже весь проходит, а рыболлов все еще сидит, с ума не сходит. Ямщики и говорят передовому: «Иди-ка брат, вперед! Там правь лошадь!» — Ямщик добегаёт до передней, глядит: на одной телеге два места чаю нет. Передний ямщик закричал: «В кривулястой дороге», — кричит, что — «ограбили!» — Ямщики все сбежались, видят, действительно, что двух местов чаю нет, и сбегаются в одно место. — «Что, брат, будем делать теперь? Где будем искать?» — Один говорит: «Где искать? Доведется платить!» — Закрыли воз рогожами и поехали вперед.

Заезжают они в селенье, спрашивают старухи: «Кто, бабушка, пускает на фатеру?» — «А вот заезжайте-ка тут! Новой постоялой; вдова-та славная была». Дело уже к ночи. Заезжают они и на двор. Хозяйка спрашивает: «Самовар готовить?» — «Поставь, голубушка!» — «А сколько вас?» — А их было 12 человек, а они ей сказали: 11; одного закрыли в телеге рогожей: что «не будет ли какой кражи опять?»

А у этой у постоялки в одном углу ограды стояли и телеги, и оглобли, и старые кривули. Под этими телегами находился там подвал, а там жили три разбойника: которые чай-то украли, они и жили у ней. Хозяйка напоила чаем ямщиков и накормилаужиной. После ужины кладет в скатерку кусков, да положила цельной рыбной пирог, вышла на двор и кричит: «Белка, белка, хлеба на!» — Отворяется у подвалу западня, выходит там разбойник и берет у хозяйки узел с хлебом: и скрылся в западню и заперся.

А ямщик в телеге догадался: «А, вот куды наш чай попался!» — Приговорил к себе поближе топор. Ямщики уклались спать. А ему нужно было об этом узнать, что там за люди живут? Мужик лежит, не дремлет; закрылся сам рогожей. Вдруг отворяется западня, подходит он тут к возу, где лежит мужик в телеге; поглядел: тут какой-то товар — были штуки тут дорогого драпу. Разбойник тихонько и говорит драпу штуку шевелит: «Вот эта штука хороша, и зипуны из нее нашьем!» — Только разбойник склонился под телегу — развязать внизу веревку, — а ямщик топором хлоп разбойника ладом. Разбойник от удара повалился, а ямщик забегает в избу: «Товарищи, вставай! Пойдемте-ка на двор! Убит лежит тут вор». — «А где еще другой?» — «А в подвале за дугой».

Они заглянули с огоньком: много там товару, и не уйдет в один амбар! — Они живо к атаману: «Вот кража у нас случилась. Господин ты атаман, а ты не делай нам обман? Вот у этой калужины украли чаю у нас два места». — Атаман им тут сказал: «Кладите, братцы, чай и поезжайте вы домой по дорожке столбовой!»

Ямщики тут выезжают, а хозяйка ругает: «И такие варнаки! И не отдали за чай мне пятаки!»

ЗАГАДКИ

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Был-жил царь. Был он слепой. А жена у него пригуливала. Гулеваны лезут по лесенке к царице; министр думает: «Кабы он зрячий был, сейчас бы ссадил его, с ружьем». — У ней во чреве ребенок говорит: блядь по бляде каблук кроет — Царица сердится и говорит: «Как рожу, так потреблю этого ребенка!»

Как родила, так и говорит: «Лакей, изжарить этого ребенка!» — Лакей понес. — «Куда ты меня понес?» — спрашивает ребенок. — «Жарить». — «Возьми щенка, зажарь; прине-сешь, спотыкнись, собака подхватит... А меня к кузнецу в солому зарой!»

Зарыл лакей его в солому, щенка изжарил; несет и спотыкнулся. — «Ай, собаке собачья и смерть!»

Кузнец стал рыть солому, чуть не запорол ребенка. Увидал и говорит: «Бог найденыша дал!» — Взял, начал его растить. Ребенок растет не по годам, а по часам. Начал играть с товарищами. Стали играть в цари. Кузнецов сын говорит товарищам: «Кричите: воротись, река, назад! У кого воротится, тот царь будет!» — Те кричат, кричат — ничего; он скричал — и река воротилась.

Стали играть другой раз. — «Кричите: приклонись к сырой земле, лес!» — Те кричат, кричат — ничего нет; он скричал — лес приклонился. — «Ну, во второй раз я царь!»

Стали играть третий раз. — «Кричите: утишись в лесе тварь»... — «Ну, ребята, я царь! Которого удушу, так суду нет!» — говорит. — Так и расписались они.

Начали играть. Наладили коней. Один коня украл, потом другого; он его и повесил. Дошло до царя. Царь и говорит кузнецу: «Ты, — говорит, — теперь дай-ка своего сына в чистое поле погулять!»

Взял царь сына, поехал. Кузнец дал царю сначала своего сына, не найденыша. Поехали по лесу; сын и говорит: «Устроить бы на этом поле кабан!» — Царь и догадался, что не этот сын — царский сын.

«Давай, кузнец, другого!» — Поехали с этим. Едут полем. — «Эх, кабы на этом поле с царем повоевать!» — говорит. — И узнал царь, что это царский сын.

Начинает отбивать у кузнеца сына. Дает ему быка и говорит: «Если в такое-то время бык у тебя не отелится, я у тебя сына отберу!» — Привели быка: «На тебе, кузнец, быка!..»

А сын все воюет с мальчиками. Пришел домой. — «Что ты, тятенька, печалишься?» — «Так и так, царь тебя хочет отбить!» — «Давай, коли быка! Приедут царские посланники, ты сними штаны: притворись, что родишь!» — Приходят лакеи. — «Что? — говорят, — что это ты маешься?» — «Не могу, — говорит, — разрожаться». — «Что ты говоришь? Где видано, чтобы мужик сына родил?» — «А где вы взяли, чтобы бык телится?» — Те губу загнули, ушли. Объяснили царю. — «А это не его умысел, это сына умысел!»

«Везите, — говорит, — ему вареных яиц, чтобы в такое-то время курица цыплят насидела!» — А яйца печеные. Приносят яйца. — «Не насидит курица, отберем у тебя сына!» — Сын узнал и говорит: «Давай есть яйца!» — Съели. — «Придут царские лакеи, ты сиди, пшеницу вари!» — «На что варишь?» — «Сеять». — «Где слыхано, чтобы вареную пшеницу сеяли?» — «А вы где взяли, что печеные яйца курицы насидивают?» — Так и сделал отец. Лакеи ушли ни с чем.

В третий раз приходят. Царь велит, чтобы кузнец приехал к нему не наг, не одет; и ехал чтобы не дорогой, не стороной; вел чтобы друга и недруга; нес гостинец и негостинец; остановился у царя не на дворе и не на улице.

Кузнец взял с собой жену, взял собаку; сын козла поймал, на козла отца посадил, бреднем его накрыл; направил его по колеснице. Приезжает к царскому двору. Через подворотню переступил козел, остановился. (Остановился не на улице, не на дворе.) Привез царю тетерю, отпустил — она улетела. (Гостинец и негостинец.) Собаке дал раз, хозяйке — два; хозяйка убежала; гаркал, гаркал, хозяйка не пришла (недруг). Собаке дал раз, гаркнул, она прибежала. (Это друг; хозяйка — недруг.)

Так сын и остался у кузнеца.

Задумал он жениться. Высватал женку. Та пожила, да убежала.

Пошел ее разыскивать. Взял войско (мальчишек полки) с собой. Нашел ее у короля. Короля дома не было. Жена спрашивает: «Зачем сюда пришел?» — Объяснил. — «Садись в сундук пока, до моего короля!»

Пришел король. Гулеванка его села на сундук и говорит: «Я на короле сижу, на короля гляжу!» — Подсмеивается. — «Что ты смеешься?» — спросил король. — «А что бы было, если бы я старого мужа теперь привела сюда?» — «Голову бы снес ему!» — Она и выпустила.

Король хочет его убить. Царский сын говорит: «Не казни меня в дому, а при городе!» — Запрет король коня в ходок, посадил его на козлы, а сам сел в задок с женой. Он едет да и говорит: «Ах, — говорит, — передние колеса лошадь везет, а задние черт несет! Ему завидно, что жена его сидит с гулеваном.

Приехал в город. Взял король повесил релец — весить. «Дай мне перед концом поиграть в рожок». — Король позволил. Заиграл царской сын, у него сила-то и зашумела, идет к нему. — «Что это у тебя?» — «Это у моего отца голубей много, летают. Дай мне еще последний раз игорнуть». — Жена и говорит: «Не давай, обманет». — «Что обмануть-то? Сейчас в петлю! В нашей воле!» — Заиграл — сила-то еще пуще зашумела. — «Что это?» — «Это голуби ближе летят».

Еще раз попросил игорнуть. Заиграл — а тем временем у короля силу всю побили. — «А, — говорит царский сын, — мои голуби всю твою пшеницу склевали!» — Сила подошла. — «Давайте, — говорит царский сын, — короля самого в петлю, а жену на лышную петлю». — И задавил. Сам стал королем вместо него.

ВАСЯ ДА ВАНЯ

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Жил-был мужик. У него было два сына: Вася да Ваня. Отец стал умирать. — «Вот тебе, Ваня, баню, а Васе дом. Тебе, Ваня, сестру кормить!» Отец помер. Начал Вася из дому гнать Ваню: «Тебе тятка отказал баню — иди, с сестрой в бане живи!» — Переселились.

«Где мы хлеба возьмем?» — говорит сестра. — «Найдем». — Побежал Ваня в лес, наломал дубовнику, на полтора целковых продал. — «Вот и хлеб, сестричка! Есть о чем тужить? Назавтра побегу подальше!»

Пошел, нашел дом. В дому чан вина. Он выпил чарочку. Зашел в другую комнату, — там золотых навалено тьма. Он наклал денег и домой. — «Ну, сестра, теперь стряпай варю слаже, зови брата в гости!»

Настряпала сестра всего, всяких вин набрала. А Ваня побежал опять за деньгами. Захватили его разбойники. Он этих разбойников всех перебил, 25 человек. И только один убежал, спрятался — есаул.

Вася приходит в гости; не пьет вина, сердится. «Тебе, — говорит, — видно, отец отказал деньги в бане». — «Да чего, — говорит, — возьми себе все мои деньги!» — Подает ему. Тот взял и убежал домой, не стал и есть.

«Чего, — говорит, — нам, сестра, в бане жить? Пойдем в лес: там есть для нас дом». — Взял сестру с собой, в хоромы эти. — «Ну, теперь я стану охотничать».

Ушел в лес. Есаул и подпал к ней, сестре: «Давай Ваню убьем: он у меня убил 25 человек!» — Та согласилась. — «Как его убить?» — «Сесть с ним в карты играть: кто кого обыгрывает, тому руки назад связать».

Играли, играли. Он ее обыграл, ей руки связал; посмеялся и развязал. Потом она его обыграла; связала ему руки. — «Ну, Ваня, потяни!» — Он сильный; потянул — все оборвал.

На другой день Ваня опять ушел. Есаул говорит сестре: «Ты захворай нарочно и запроси у него яблони садовой! Он пойдет за нею в дом, в лесу, а там живут 20 человек — убьют его».

Приходит к вечеру Ваня. — «Ах, братец, я не могу, вся расхворалась. Так бы и съела яблони садовой». — «Да где я ее возьму?» — «Здесь есть тропка, иди — там сад!»

Ваня пошел. Приходит к саду. Атаман кричит: «Ловите его!» Прибежали двое; он одному руку оторвал, другому ногу. Принес сестре яблоков. Она оздоровела.

На другой день пошел он глядеть дом. «Был, — говорит, — я в саду, а дом не видал» (торопился). Заходит в дом; ходил, ходил, видит дверь, в двери, в щелочке, свет; сшиб эту дверь, там царская дочь заперта. — «Откуда ты? Какая?» — «Я царская дочь, за оленями ходила на охоту с тятенькой; они меня поймали, третий год держут». — «Я их перебью!» — «Я тебе помогу».

Ваня спрятался; заперла она Ваню в комнате. Разбойники прибегают вечером, скорее к чану; по стакану выпили. — «Видно, вам Господь дал сегодня?» — «Дал», — говорит. — Выпили еще по стакану. — «Я седнишний день у родителя именинница!» — «Ой, ребята, царская дочь седни именинница! Выпьем!» — говорит. — Выпили как следует, уснули. Ваня взял саблю, всех перерубил.

Взял Ваня царскую дочь и повел к сестре на одну фатеру. — «Ну, вот, сестричка, я тебе привел подругу званья хорошего: тебе не скучно будет; учишь у нее узоры вышивать».

Ушел на охоту. А она ушла к своему гулевану. Советуются, как Ваню убить. А царская дочь подслушивает. — «А ты обыграешь его в карты и свяжи руки ему резиновым ремнем! Я тогда его и застрелю».

Приехал Ваня к вечеру. — «Ну, братчик, погулял?» — «Погулял». — «А тебе не скучно?» — «Нет». — «Давайте в карты играть!» — «А как?» — «Кто кого обыграет, руки назад связать». — Играли, играли; он ее обыграл, руки назад связал; посмеялся и развязал. Потом она его обыграла и связала ремнем резиновым руки. — «Ну, Ваня, потяни!» — Тот потянул, не может оторвать. Есаул выскочил, хочет его убить. Царская дочь выбежала, его из леворверту сейчас и застрелила.

Взял ее Ваня, из ружья нарушил сестру свою. А дочь царскую привел к своему родителю и поженился на ней.

КОЖА МЕДВЕЖЬЯ—ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЬЕ И САМ С НОГОТОК—БОРОДА С ЛОКОТОК

Рассказал Ф. Д. Шешнев

Пошел мужик в лес. Поймала его медвежиха, приговорила его к себе. Прожил он с ней год и нажил ребенка. Ребенок родился: кожа медвежья — лицо человечесь. «Тятенька! Что нам с ней жить? Она ведь нас съест!» — «Айда, где ты жил, домой!» — «Айда! Я убью ее», — говорит. Убил сын ее. Побежали они домой.

У сына две силы — человечья и медвежья. Пришел он домой; начал с ребятешками поигрывать — кому руку оторвет, кому ногу. И начала на него жалоба.

Отцу это неприятно, — «Ах, оказия!.. У меня, — говорит, — сынок, жил в работниках черт; лошадка была у меня буренькая»(медведь). Велел сыну привести. Тот привел черта и медведя.

«Ну, теперь, тятенька, у тебя долг есть на ком?» — «Есть, — говорит, — у меня на царю 12 мешков золотых». — «Поедем по долг!»

Кожа медвежья-лицо человечье сел в задок, а черт сел на козлы. Приезжают к царскому двору, доказывают, что по долг приехали. Царь приказал на всех церквах звонить в колокола: «Что такая невежа приехала, — говорит. — Я никому не должен!»

Кожа медвежья-лицо человечье заставил орать песни черта. Черт песни заорал — ни пущек, ни звону — ничего не слышать стало.

Подъезжают. Царь испугался; выкинули ему все 12 мешков золота. Поехали домой с деньгами; подъезжают к отцу — отец не рад и деньгам.

Видит сынок, что отцу его держать неохота. — «Тятенька! Благослови меня, да дай-ка мне три каравай хлеба!» — Взял три каравай хлеба, пошел по большой дороге.

Идет богатырь трехглавый: — «Ах, какая невежа идет!» — Кожа медвежья-лицо человечье взял его да об дорогу его и ударил. — «Батюшка, не бей! — говорит. — Я буду твой меньшей брат!» — Отправился с ним. Идет.

Идет опять шестиглавый змей. — «О! — говорит, — за каким ты невежой идешь!» — Кожа медвежья-лицо человечье взял да и ударил его об дорогу. — «Батюшка, не бей! Я буду ваш середний брат».

Зашли в сторону. Стоит избушка. Зашли в эту избушку. — «Ну-ка, братья, давайте-ка стрелять!» — Пошли охотничать. Одного брата, меньшого, оставили в избушке. Он глядел-глядел, да увидал дудочку под лавкой. Начал в дудочку играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей и давай его рвать за дудочку. Бил, бил, бил и опять дудочку заткнул, убежал.

Приходят братовья с охоты. — «Что ты лежишь?» — «Я шибко угорел!» — Не рассказывает, что он его бил.

Уходят на другой день; остается середний брат в избушке. И этот — глядел-глядел, дудочку увидал, начал в дудочку играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей, сгреб его, давай бить...

Приходят с охоты. — «Я что-то не могу!» — Малый брат про себя и думает: «Видно, ему угар-от мой был!»

Остается Кожа медвежья-лицо человечье. Увидал дудочку, давай играть. Прибегает Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей, сгреб его, хотел бить. А он взял его, за ус поймал, угол поднял и замшил его. Рвался, рвался, оторвался; без уса убежал, без одного.

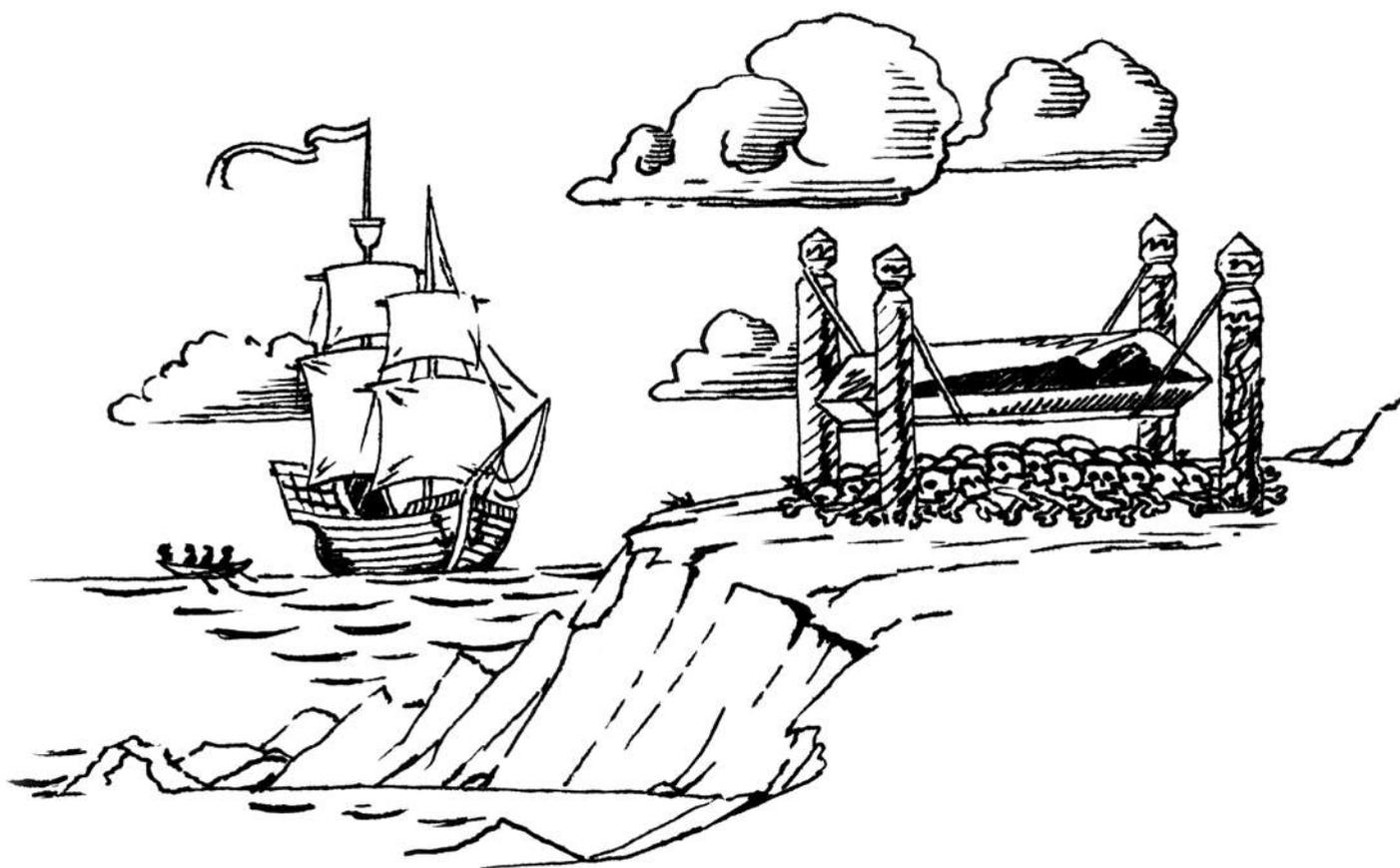
Приходят те братовья. Он обсказывает. — «Пойдемте разыскивать его!»

Пошли искать. Нашли дом: девица живет в нем. — «Где Сам с ноготок-борода с локоток поживает?» — «Он у средней сестре; его кто-то избил», — говорит.

Отправились к средней сестре. Приходят: — «Где такой Сам с ноготок-борода с локоток?» — «Он лежит на песке, на плите отдыхает; его кто-то избил. «Вам, — говорит, — его так не убить; а ежели плиту перевернете, и его задавите».

Кожа медвежья-лицо человечье подхватил плиту, перевернул, задавил его. Отправились домой и остались в этом дому жизнь свою коротать.

ПРО ЕЛЕНУ КРАСОТУ ЗОЛОТУЮ КОСУ

Рассказал Ф.Д. Шемнев

Была у короля дочь Елена Красота Золотая Коса. И она была у него спрятана и росла в спальне: никому он ее не показывал.

Первая жена (мать Елены Красоты) у короля умерла. Взял он себе другую, волшебницу. Эта его жена выйдет на балкон утром и говорит: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Елена Красота еще лучше тебя!»

Она и спрашивает мужа: «Где Елена Красота? Заря мне говорит, что она еще лучше меня... Если скажешь, с тобой буду жить; не скажешь — не стану!» — «Она у меня западях растет».

Королева и говорит: «Посади ее в повозку, вели кучеру заколоть в лесу, одно сердце вытащить и принести мне!» — Елена Красота выпросила у кучера: «Не бей меня! Собаку убей и отдай мачехе сердце собачье!»

Он ее отпустил. Принес собачье сердце.

Елена Красота ушла куда глаза глядят. По лесу ходила, вся истерзалась. Пришла в дом; у дома два льва. Эти львы никого не пропускали — ни конного, ни пешего. Она прошла. Видит: в дому не обиход; видно, что мужчинская работа. Она взяла, чаны обиходила, исправила все по-бабьему.

Приходят они, 25 человек. Видят, что обиход у них. Есаул кричит: «Кто это обиходил? Если старичок, будь нам Тятенька! Если молодая девица, будь нам сестричка!» — А она за сундуками схоронилась. Выглянула и говорит: «Я обиходила».

Они ее убрали, не могут наглядеться.

Волшебница, жена короля, опять выйдет утром на балкон: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Елена Красота еще лучше тебя!»

Голубкой обернулась волшебница, прислала платье: «Возьми, тебе родимая мамонька принесла платье!» (Обморачивают ее.) Елена Красота взяла, надела и померла. Львы заревели благим матом.

Те хотели ее хоронить; сняли с нее платье, она и оживела. — «Ты, Елена Красота, — тебя мачеха обманывает, ты ей не откликивайся!»

Опять уехали разбойники в лес. Вышла жена короля на балкон: «Заря хороша, а я еще лучше!» — А заря отвечает: «Какая в тебе красота? Елена Красота лучше тебя!»

Голубем обернулась: «Прислала перстень мамонька». — Надела Елена Красота и умерла. Львы заревели недобром опять. Пригоняют разбойники: Елена Красота умерла. Платье сняли; а колец-то много было, не догадались снять их. Не встает.

Делать нечего, надо хоронить. Повесили на четыре столба, на цепях, гроб. Есаул: «Что я сделаю, то и вы!» — Сам закололся, все и закололись вокруг ее гроба.

Едет на кораблях купеческий сын по морю и видит: какая-то гробница лежит с-под золотом. Остановился, гроб открыл; не может налюбоваться. Взял ее с собой, увез на казенке с товарами. Приезжает домой с ними. Товар складывать надо, а ему — как пронести в спальню эту девушку? — Пронес, прокрался с нею и начал свою спальню запирасть.

Мать начала за ним замечать: «Что-то сынок свою спальню запирает! Надо поглядеть!» — Поглядела и говорит: «Отец, у него мертвое тело лежит! Надо сжечь». — Взяли смолья, хотели жечь, а прачка: «Надо мне снять кольца». — Первое кольцо взяла — она и оживела. Обезумели все.

«Я царская дочь! — объяснила она. — Меня мачеха обморачивает». — Купец взял и своего сына на ней женил.

КОТ И СОБОЛЕК

Рассказал Ф.Д. Шемнев

Купил кота да соболька мужик. Посылает мать у царя дочь сватать. Старуха приходит: «Я с добрым словом, со сватаньем!» — «Пусть он мне в одну ночь устроит церкву — и чтобы в пять часов ударили к заутрене!»

Приходит старушка к своему сыну, заявляет: «Милый сын, чтобы в пять часов была церква устроена — чтобы к заутрене вдарить!» — «Это, — говорит, — служба!»

Вышел ночью, в 12 часов, начал кольцо с руки на руку метать — живо кладется церковь. Церковь устроилась, в пять часов к заутрене заблаговестили.

Старушке поглянулось. Во второй раз опять идет сватать к царю. — «Пусть твой сынок вокруг моего дворца проведет канавы — в одной канаве пусть будет кисель, а в другой молоко!»

Приходит бабушка. Объяснила. — «Это не служба, а службишка! Исправим эти штуки!» — Царь приходит: точно — молоко и кисель.

Приходит старушка еще сватать. «Пусть твой сынок приезжает венчаться и сделает мост — на мосту сорок сороков столбов и сорок сороков огней!»

Царь свою дочь к венцу отправил по этому мосту. Поехали венчаться.

Обвенчались, потом легли они спать. — «Какие ты штуки творил! Чем ты это?» — «У меня кольцо есть этакое. Возьми». Это кольцо у него украла да от него и убежала.

Царь его спросил: «Дочери нету! Куды девал?» — Взял его да в столб заклал в каменный.

Прибегает кот да соболек, царапаются в этот столб. — «Это кто такой?» — «Кот да соболек!» — «Ступайте, мне разыщите мою жену и кольцо — кольцо она украла, моя жена».

Кот да соболек побежали в иные земли, нашли ее. А в тех землях не было ни котом, ни соболька — этого зверья не было. Жена увидала: «Ах! Кот да соболек! Из нашей земли прибежали!» — Приговорила их к себе. Они тому делу рады. Соболька привязали на дворе, а кота пустили в избу. Кот всю ноченьку не спит, все нюхает. Искал, искал и нашел это кольцо в сундуке, на самом на дне.

Поймал кот мышку большую: «Я ваш весь род переведу, если вы мне не прогрызете это дно!» Мышка говорит: «Сейчас». — Живо прогрызли дно, кольцо добыли ему.

Взяли они кольцо, с собольком побежали. Понесли это кольцо.

Поплыли; соболек задохнулся да уронил перстень свой — выронил в реку. Рыбаки рыбу ловят, увидали эту собачку с котом и пригаркивают к себе. И солят эту рыбу — кишки выпаривают.

И нашли в этих кишках кольцо свое. С кольцом побежали, радехоньки.

Прибегают. Начали царапаться в столб. Передают это кольцо в окошечко. Получил он кольцо, начал с руки на руку метать, столб стал разваливаться. Развалился — и жена бежит. Прибежала жена. Царь призывает свою дочь к наказанию за глупости. Наказал.

ВОР ВАНЬКА

Рассказал М. О. Глухов

У крестьянина сын был. Исполнилось ему 15 лет, отец и говорит матери: «Надо Ваньку привести в город, отдать кому-нибудь в ученье!» — Привел, сдал его сапожнику в срок, на год. Парень живо все перенял, стал работать как следует.

Однажды сшили купцу лакированные сапоги, посылают: «Ну-ка, Ванька, снеси вон к тому купцу эти сапоги, получи деньги!» — Ванька шел, шел: «Дай-ка я их примеряю: не в самый ли раз мне? После сошью себе такие же!» — Примерил — в самый раз. — «Да что, — говорит, — к нему идти? Пойду домой, обману отца: что он меня избил да прогнал».

Приходит к отцу. — «Ты что, Ванька, рано? Срок ведь не кончился?» — «Да что, тятка! Он день и ночь пьет, меня бьет. Бил, бил; вот сколько служил, выгнал — сапоги только и дал мне лакированные».

«Ну, так что ж? Давай пойдем к портному!» — Привел к портному, сдал его опять в срок, на год. Прожил у него три дня. Как раз шили тройку купцу из хорошего материя. — «Айда-ка, Ванька, снеси вон в тот дом эту тройку, получи деньги!» — Ванька зашел за угол, примерял эту тройку, на себя все надел — подошла тройка. — «Дай убегу опять к отцу!»

Приходит, тот удивился. — «Ты что, Ванька, пришел опять?» «Что, тятка! Хозяин шибко хороший был, да третьего дня внезапно и умер. Мне хозяйка взяла да тройку-то и подарила: «Айда, — говорит, — Ваня, с Богом, домой!» — Я ушел.

«Куда же я сейчас тебя, Ваня?» — А у Ваньки был дядя вор. — «Отдай меня, тятка, к дяде воровать учиться!» — «Что ты за дурак? Нет, не отдам!» — Так и не отдал.

Через неделю отец и мать у него захворали и умерли. Он к дяде пошел. Приходит. — «Здорово, дядя! Возьми меня с собой воровать учиться!» — «Ладно! Парень шустрый, ничего, пойдем!» — Подрылись под магазин к купцу и стали потаскивать у него казну.

Воруют; казна убывает. Не могут догадаться: как чего? Откуда чего? И нашли эту лазейку. Взяли, чан со смолой нагрели да и спустили, где им лазать.

Вот, подошли ночью дядя с Ванькой. Дядя был пьяный. Ванька учуял смолу. — «Ну, дядя, полезай!» — Дядя полез и попал в смолу, и захлебнулся; умер. Ванька его потащил за ноги, оторвал ему голову. Утром пришли, нашли как раз: лежит человек — и без головы. Ну, хорошо. Взяли его выбросили без головы. И прямо с головой чан вылили. Не заметили голову в чану.

И повезли по селу дядю этого, покойника: не признают ли кто? Ванька и говорит тетке: «Тетка, дядя ведь вот в чан упал, его сейчас повезут по селу. Тебе охота пореветь? Возьми кринку с молоком, сравняйся с ним, разбей кринку и реви-причитай, че тебе угодно!» — Сравнялась она с ним, хлоп кринку и давай реветь: «Милый ты мой кормилец, драгоценный! Как я без тебя буду жить-то?.. «Ее и спрашивают: «Это, тетка, разве твой муж?» — «Нет! Что вы? Я об молоке реву: вот молоко пролила, а купить больше не на что!..» — Наревелась и пошла домой.

Ванька стал опять эту казну воровать ходить. Как вора поймать, не знают. Сдогадались: взяли выставили на дворе чан с вином; вор придет: обязательно уж он дух услышит винной; все-таки выпьет, напьется, свалится — вот мы его и поймаем.

Пошел Ванька в эту ночь воровать. Набрал сколько надо денег; пошел обратно, слушает: что-то вином пахнет. Нюхает, нюхает, унюхал, подошел к чану, выпил стакан, другой и третий; опьянел, свалился и уснул. Приходит сторож. «А! Попался, голубчик!» — думает в себе. А Ванька был здоровенный ростом. Думает сторож: «Не унести мне ведь одному-то его! Дай пойду еще кого-нибудь скричу!» — Взял да ему полбороды и отстригнул: «Если проснется, пойдет, так мы все равно его без бороды-то все узнаем!»

Как раз Ванька вскоре и проснулся. Хвать, уж бело на дворе-то. Поймался за бороду, щупает: полбороды нет. — «Ох, черт тебя побрал! Что я буду теперь делать?.. Бежать!» — Выбежал на большую дорогу; идет навстречу мужик с большой бородой. Схватил его за бороду, оторвал ему полбороды. Отбежал, идет второй; схватил и того, у того полбороды. Так их много он нарвал. Ну, и убрался.

Стали искать по селу: которого ни схватят, у каждого полбороды нет. — Как вора найти?

А Ванька взял подровнял себе бороду. Думает: «Будет воровать, стану обманом деньги наживать». — Собрался, пошел в другое село. Смотрит: баба холсты разостлала сушить. Только ушла, Ванька подходит и снял эти холсты, и снес в овин — спрятал. Идет опять в село.

По время баба знает, что холсты высохли; идет снимать. Смотрит: холстов нет, и давай реветь. Ванька подходит и спрашивает ее: «Ты чего, тетка, орешь?» — «Что ты, батюшка? Холсты кто-то украл!» — «Пойдем, тетка, в избу, сейчас воровать станем!» — Зашли в избу. — «Давай, тетка, ковш воды!» — Глядел, глядел и говорит ей: «Ну, тетка, на той неделе ты ругалась — вон в том доме баба есть, — ты с ней поругалась, вот она у тебя их сняла, да в овин и снесла. Айда беги сейчас; в овине они лежат! А то утащит!»

Побежала баба, нашла холсты. — Как в руку положил! — Пришла, в ноги ему: «Батюшка, чем же с тобой расплачиваться?» «Ну, есть деньги, так деньгами давай! а то — маслом, яйцами беру!» — Дала рупь денег, яйца пол-лукошка. Распростился Ванька, пошел.

А баба эта побежала к той суседке, на которую он показал, и давай ругаться: «Ты воровка! Така-сяка! Холсты утащила!» — Ну и разодрались.

А Ванька идет своей дорогой. Подходит к купеческому дому. Смотрит: тройка лошадей. Схватил их и в лес; привязал в талинник, в кусты, и ходит по этому же селу. Хватился купец, лошадей нет! Вот беда! Туда сюда искать, — нету! Провалились лошади, нигде найти не могут.

Как раз и приходит та баба, у которой холсты терялись, в лавку купить мыла. — «Об чем это вы тужите?» — спрашивает она у купца. — «Да что ты, Ермолаевна? Да я тройку лошадей потерял! Вот всего через час стояли тут! — Нету!» — «Батюшка, Евсей Поликарпыч! У нас ведь по селу колдун ходит! Всю подноготную, батюшка, знает!» — А как раз Ванька мимо и идет. — «Вот он! Вот он!»

Купец живо кричит: «Ей, детинушка! Зайди-ка сюда!» — Заходит Ванька и говорит: «Знаю, купец, чего ты хочешь спрашивать! У тебя потерялась тройка лошадей?.. Давай ковш воды! Сейчас посмотрим, кто украл». — Смотрел, смотрел и говорит: «Твоих лошадей украл — прошлом годе мужику посеять ты не дал пшеницы — вот тот и украл! Беги, вот они за 12 каких-нибудь шагов в талиннике привязаны! До ночи бы простояли, — он их у тебя бы и угнал!»

Побежали, ведут лошадей. Купец и спрашивает: «Ну, господин колдун, чего тебе за труды?» — «Ну, рубликов 50, и будет? У тебя тройка ведь дорого стоит!» — Дал ему купец и проводил с почетом.

И пошла про Ваньку слава. Как раз в этом королевстве, где Ванька жил, у короля и потерялось кольцо венчальное. Вот призвали мудрецов разных, ворожей — ниче не могут угадать.

Этот купец, у которого потерялась тройка, и приехал в этот город. И как раз на постоялом разговор и ведут: «Вот у короля потерялось кольцо! Беда теперь всем будет!»

Заходит Ванька. Купец его сразу узнал. Виду ему не показал, что узнал его; побежал этот купец прямо к королю: «Доложите, пожалуйста: я желаю кое-что королю рассказать!» — Выходит король, спрашивает его: «Что тебе, молодец, нужно?» — «Я слышал, Ваше Королевское Величество, у вас потерялось кольцо. Дак я и пришел вам сказать, что у вас, в вашем городе, на постоялом остановился колдун; вот он-то вам все и расскажет, куды и кольцо девалось». — «Ну, хорошо, спасибо!.. Запереть купца в тюрьму! Если колдун выворочит, то я тебя награжу, а если ниче не придется, так обеих велю повесить!»

Побежали за Ванькой. Привели. Заходит, кланяется. — «Ну, что! Ты можешь воровать?» — спрашивает король. — «Могу, Ваше Королевское Величество!» — «Ну, так вот! Выворочишь, награжу, а обманешь, соврешь, велю повесить!» — «Хорошо! Дайте мне сроку на три дня и на три ночи!» — Заперли его в комнату.

И думает Ванька, сидит: «Попал, я голубчик! Чего я буду говорить ему, когда я ничего не знаю?.. Э! Да дождусь третьих петухов: как пропоют, разбежусь и в окно: хоть и убьюсь, так все-таки не повешенной буду!»

А это кольцо украли повар, конюх и дворецкий. Они — ну, колдун известной, слава идет, ведь он сейчас узнает — трясется. — «Айда-ка, — посылают конюха послушать: «Че он там ворожить?» — Только подошел к двери, пропели первые петухи. Ванька говорит: «Слава Богу! Один есть!» — Тот и бежит обратно, сказывать: «Ну, ребята! Только к двери подошел, ухо наложил, он и говорит: «Слава Богу, один есть!» — Меня, стало быть, узнал!»

Посылают второго: «Ну-ка, ты айда слушай!» — Только второй подошел, вторые петухи пропели; Ванька и говорит: «Слава Богу! Два есть!» — Тот и бежит: «Ну, ребяташки, и меня узнал!»

Посылают третьего: «Ну, если тебя узнает, бросимся к нему в ноги! Станем просить прощенья, и кольцо отдадим!» — Только подходит, третьи петухи. — «Слава Богу, три есть!» — Ванька говорит и бросился бежать к двери. Подбегает, а они бух ему все трое в ноги: «Батюшка колдун, спаси нас, не рассказывай! Мы ведь кольцо-то украли!»

«Я как зашел, так вас сразу заметил! Знаю, что вы!.. Ну, да что с вами поделаешь? Давайте, выворачивайте половицу живо!» — Выворотили половицу; взял у них Ванька кольцо и бросил в подпол. — «Давайте на место половицу! Дак чтобы плотно она не была, оставьте — как кольцу пролезть такую щелку!.. Ну, теперь отправляйтесь!»

Сам закричал: «Эй, докладывайте королю! Выворожил!» — Бежит король: «Ну, что, колдун? Как дела?» — «Для меня ведь, Ваше Королевское Величество, хитрости нет! У вас его никто не воровал! Горничная сметала с окошка и смела на пол; вон в ту вон щель и провалились». — Живо отворотили половицу, смотрят: кольцо там.

«Ну, детинушка, молодец! Пойдем-ка со мной в сад!» — Пошли с королем Ванька в сад. — «А что колдун, глубока ли земля?» — спрашивает король у Ваньки. — «Вот у меня 190 лет тому назад умер дед и захотел назад с того свету воротиться: идет, идет и сейчас не может выйти».

«А сколько на небе звезд?» — «Давайте, Ваше Королевское Величество, мне булавочку да листик бумажки!» — Подал ему лист бумаги и булавку. Он всю ее истыкал в дырочки, весь лист. — «Вот сосчитайте-ка, Ваше Королевское Величество, сколько тут дырочек!» — Тот считал, считал, все метлесит-, не может сосчитать. — «Что ты за дурак, да где же тут сосчитать?» — Ванька: «Ну, также и звезды: сколько ни считаешь, все метлесят да сверкают! Где же их сосчитаешь?»

Отошли немного. Король поймал в руку майского жучка. А Ваньку ругали в деревне: «Жучок». Король и спрашивает: «А вот что, колдун! Отгадай, что у меня в руке?» — Ванька и говорит ему как будто про себя: «Ну, попался Жучок королю в руки!» — «Ну, молодец, колдун! Теперь испытывать тебя не буду!»

Наградил Ваньку, отправил с почетом. Выпустил купца, и того наградил.

Сейчас денег много у Ваньки. — «Пойти надо на родину, жить себе припеваючи!» — Идет дорогой, застигла его ночь в лесу. Думает: «Эх, попутчиков нет! Госкливо идти одному!» — Только передумал, как раз двое идут навстречу. — «Здорово, братцы! Куда пробираетесь?» — «Да вот до деревнюшки бы надо добраться, да с дороги сбились!» — «Идем, я дорогу найду! Вы неладно пошли, пойдемте попутно!»

Шли, шли, устали: все не могут найти дорогу, которую им надо. Сели отдохнуть. У Ванькиных товарищей есть котелок, есть и на кашу пшено. Схватились, у всех троих спичек нет — развести огня. Ванька сглянул в сторону, смотрит: огонек. — «Ну-ка, товарищ, сходи-ка! Там кто-то ночует, возьми-ка огонька!»

Тот пошел; приходит, смотрит, сидит престарый-старый старичище и варит точно кашу. — «Бог помочь, дедушка!» — «Какой тебе Бог? Сказывай прямо, зачем пришел!» — «Дай, пожалуйста, нам огонька!» — «А скажи мне небылицу, дам огня! А скажешь быль, —

из спины ремень вырежу, а из пяток по пряжке!» — Тот че ни скажет, все быть. Вырезал ему из спины ремень, из пяток по пряжке, проводил без огня.

Тот идет и думает: «Че же, неужели мне им сказывать, чего со мной было? — Нет, не скажу! Дай обману!» — «Ну! Ты че там ходил? Да че-то и без огня?» — «Да подошел — теплилась головешка; подошел — и потухла».

«Ну-ка, иди второй! Ты не счастливый ли?» — Второй подошел, и с ним то же случилось, что и с первым.

«У, черт вас побрал! Да что такое? Дай-ка я сам пойду!» — Подходит, — «Здорово, дед! Ты чего же нам огонька-то не даешь?» — «А вот скажешь небылицу, дак дам огня! А не скажешь, — из спины ремень, из пяток по пряжке!» — «Идет, старина! Только с уговором: если перешибешь мою речь, то у тебя — из спины ремень, из пяток по пряжке!» — «Ну, давай рассказывай!»

Начинает Ванька рассказывать: «Жили мы с отцом не бедно, не богато. Ну и услышали, что за морем на мух скота меняют. Вот мы с отцом вышли на улицу с двумя мешками, давай ловить мух. Полнешеньки мешки оба наловили каких-нибудь минуты в две. — На чем ехать? Корабля нет! — Сели в старое корыто, в бездонное, поехали. Приехали за море, давай менять: на каждую муху по быку дали нам. — Как их перевозить? — Я и придумал: схвачу быка, размотаю, перешвырну на тот берег, откудова приехали. Всех перешвырял.

Остался один бык Бурище. Посадил батьку на спину, кричу: «Держись за рога!» — Схватил за хвост, мотал, мотал, а из рук не выпустил; он с нами и перелетел. Вот и давай с батькой их всех прикалывать. Закололи, у нас мяса-то никто и не берет.

У меня триста лет тому назад дядя умер. С того свету мне записочку и прислал: «Милый племянничек, все мы босиком на том свете ходим — кожи нет!» — Запрягли с батькой лошаденку, наклали кожи, поехали на тот свет. Приехали, кожи с барышом все продали; одна только с дыркой осталась, не взяли.

Батьку там оставил журавлей пасти, а сам стал спускаться на землю. — А как, думаешь, спускался? — Взял да кожу-то на ремешки и изрезал. Стал спускаться. Ну, версты три эдак и не хватило ремешка до земли. Я так три года и висел.

По моему счастью, мужик пшеницу веет: мякина кверху и летит. Я стал ловить да веревку вить. Свил, стал по этой веревке спускаться. Веревка оборвалась, я бултых в болото, по самую шею и увяз. Опять пять лет в болоте-то и сидел.

Утка на моей голове гнездо свила и сидит, цыплят выводит. Подбежал волк, хватить утку. Я изловчился, да его за хвост. Как ухнул, он меня и вытащил из болота. Я его хлоп! Убил. Разрезал брюхо, в нем громаднейший ящик. Открыл его, в нем шкатулка. Я и шкатулочку открыл, там записочка лежит; в ней написано, что будто бы твой дед моему деду должен вечно оброки платить».

Старик соскочил: «Стой! Врешь!» — «А, старина! Попался! На что же ты речь-то мою перешиб?» — Вырезал ему из спины ремень, из пяток по пряжке. Взял огня, стал варить кашу.

МОРОКА

Рассказал С. К. Киселев

Разшел корабль. Этот корабль нужно прицепить к берегу. Когда прицепили к берегу, везде звон, как во время Пасхи. — «Ребята, кто куда увольняйтесь! Гуляй!» — их отпустили. Один матрос отправляется в немскую гостиницу обедать. Когда это попросил обедать, его накормили. — «Вы что же, чушь, как свиньи налили, ровно из лохани?» — Половой и говорит: «Хошь ешь, хошь не ешь! Хозяин велел за обед рассчитаться!» — Он отдал пять рублей. Когда ему принесли сдачи, он и говорит, что «это может половой и буфетчик получить себе на чай!».

Теперь он целую неделю ходил, каждый раз рассчитывался и сдачи не брал — все на водку отдавал. Его полюбили, стали встречать.

Немец собирает деньги, идет за покупками. Когда набрал покупок, подает эти золотые. Торговый и говорит: «Что ты это подаешь эти деньги? Ведь это, слышь, солдатские пуговики! Посмотри!» — Он смотрит: верно! Он бросился домой. Прибежал, хотел отнять эти чаевые деньги у полового и у буфетчика. Поднялась у них драка.

Начал хлопотать об этом деле. Подает бумагу губернатору. Губернатор призывает этого самого матроса: «Ты, — слышь, — матрос! Сознайся лучше! Что там ты наделал?» — «Я, — слышь, — ниче не знаю!» — «Сознавайся!»

«Мне сознаваться сейчас нельзя! Подождите! Сейчас, слышь, че-то набат везде бьют!» — «Как набат везде бьют?» — Побежали, а уж у них -снизу-то кверху-то уж пламя, спуститься нельзя!» — Забегал. — «Куда мы, слышь, теперь?» — «Скорее хватай дела, да из окошка!» — А высоко, выпрыгнуть невозможно! Он схватил перину, бросил из окна: «Прыгайте! Лучше сами спасайтесь! А я спасуся!» — Губернатор прыгнул из окна, а оказывается — со стола на пол.

Когда прыгнул и закричал: «Вестовой, вестовой! Где у нас тот человек?» — А он за дверей стоит. — «Скричи его сюда!» — «Ну, матрос, тебе два целковых денег? Ступай, только никому не сказывай!» (Что он прыгнул со стола на пол.) — Конечно, тут узнали, стали над ним подсмеиваться.

Тут подали дело генералу. Генерал его призывает к себе и кричит тоже на него: — «Я с тебя кожу сдеру!» — «Обождите немножко! Сейчас нам с тобой кричать нельзя!» — «Почему?» — слышь. — «Страшное водополье!» — «Почему водополье?!»

Пошли смотреть; а уж опять из низу-то кверху-то вода бурлит: им выйти-то нельзя. Они бросились в третий этаж. И в третий этаж вода подошла. Они на вышку, на крышу взошли, на конек. На коньке тоже вода. Они залезли на трубу.

Потом, только уж им потонуть — ниоткуда взялась лодочка, плывет прямо к ним. В этой лодочке весла нет; понесло их куда — и Бог знает куда! Раз они выехали на сушу. Матрос генералу говорит: «Теперь Бог знает куда нас принесло — в иностранные земли! Мы тут ниче не пойдем!»

Пошли. Недалеко, оказывается, деревушка. Зашли — ничего не понимают; ниче не знают — ни тот, ни другой. Матрос и говорит: «Нас с тобой нанимают в коровьи пастухи скот пасти». — Куда деваться? Надо наняться!» — Нанялись: матрос сделался пастухом, а генерал подпаском.

Вот они пропасли все лето. А было ряжено у них за 25 рублей. Получили они эти 25 рублей, вышли на лужайку, стали делить. Матрос берет себе 15, а генералу дает 10. — Почему ты мне даешь 10, а себе берешь 15?» — Я, — слышь, — пастух, а ты подпасок? Когда ты был генерал, а теперь ты живешь у меня в подпасках! Я старше тебя!» — Генерал согласился, получил десятку.

«Теперь бы кто меня на свою землю доставил, я бы последнюю десятку отдал тому!» — Матрос и говорит: «Сбудется ли это правда?» — «Душой и телом!» — Враз оказываются — сидят в комнате, у того же стола, и рассчитываются.

Соскочил генерал, закричал: «Стой, стой! Какое у нас водополье было?» — «Да такое, — слышь, — водополье!» — «Где? У меня дети на гулянье уехали, где дети?» — «А они, — слышь, — еще с гулянья не приехали. Они еще гуляют».

Матрос сказал: «Пожалуйста расчет!» — Генерал отдал матросу десять рублей: «Ступай, — слышь, — с Богом! А если немская морда придет, я его гонять буду!»

ЛОВКИЙ ВОР

Рассказал С.К. Киселев

Был один купец. У этого купца только был один сын. А купец такой был богач, что на пять лавок торговал: в четырех приказчики, а в пятой сын сидел. Вечером деньги приносят ему приказчики и сын; вот он сидит, подсчитывает, а сын все сидит. Сидит и говорит: «Что за оказия! Где это тятка столь денег набрал? Если бы он работал, так у него бы ноги болели; а если бы воровал, так, наверно, бы под судом находился!» — А ему хочется самому такой капитал составить. — «Где, слышь, — достану?»

Думал, думал и придумал: «Лучше ходить воровать! Как если я пойду воровать, ну, попаду под суд — тятка богатый, выкупит!»

Утром выходит на рынок, пошел по лавкам — у того деньги украдет и у другого. Попал он под суд. Отец его выкупил. Ну, так и на следующий раз попал под суд — отец опять его выкупил. В третий раз попал, отец его выкупил и прогнал.

Ну, пошел и ушел в другой город. Приходит в город к вечеру, стоит на мосту. Враз бежит — опоздал — солдат за мясом. Он говорит: «Ты, солдатик, куда?» — «Побежал, — слышь, за мясом». — «Непустишь ли меня переночевать?» — «Так что? — слышь: — Милости просим!» — Пришли, сделали пельмени, стали ужинать. Купеческий сын купил винишка. Поужинали, выпили ладом. — «Ну, теперь надо спать!»

Он проснулся ночью и говорит: «Хозяин, вставай!» — Хозяин встал. — «Сказывай, здесь у кого больше денег?» — «У нашего государя денег много в кладовой, только у него есть такой человек: кто — слышь — иголку украдет, он и то узнает!» — «Ничего, — слышь, — пойдем!»

Пошли. Стену проломали, бочонок с золотом утащили. Государь поутру встает: — «Все ли у нас сохранно?» — «Никак нет! В кладовую стену проломали, бочонок с золотом утащили». — «Как же?.. Кто?» — «Это неизвестно! Знахарь еще лучше меня!»

«Надо думу думать!» — И придумали: поставить чашу, в нее налить смолы, под нее накласть жару и стены не закладывать, будто как не догадались. — Так и сделали. На вторую ночь они опять пошли. Хозяину и сделалось интересно бочонок с золотом утащить. Когда подошли, — «Я, — слышь, вчерась лазал (купеческий сын говорит), а сегодня, солдат, ты полезай!» — Полез; руки у него сорвались, он упал, в этот чан прямо и попал.

Тот подождал, подождал — нет его долго. Потом посмотрел, что тот упал, он вытащил, отсек ему голову, а тулово опять спустил в чан. Приходит домой. — «Ну, — слышь, — хозяйка! Вот тебе от мужа голова. Пойдешь на меня просить, ничего тебе не будет; а станешь жить как следует, то мы с тобой поправимся!» — Она ничего не сказала.

Утром там встают, говорят: «Ну, что? — Попал!» — слышь. Пришли; вытащили руки и ноги и туловище, а головы нет. — «Если бы голова-то была, так мы бы и узнали; а головы-то нет, так мы и не знаем, кто такой!.. Что же теперь станем делать?» — «Взять солдат да отправить его на площадь: кто не станет ли из родных реветь. Мы его узнаем». — Так и сделали.

Этот самый мошенник-от, он утром встает, на площадь выезжает, смотрит: вот он. Поехал дальше. Назад приехал: «Господа, это что у вас такое?» — Солдаты ему обсказали. — «Эх, какое тиранство! У нас, — слышь, — нет этого, в нашей державе!.. Вот вам, бедняги, нате на бутылочку! Сходите, выпейте!» — В другой раз заехал, опять им дал на водку.

Они, конечно, напился. А он в этот момент успел съездить в монастырь и украл у двух монахов платье, а у игуменьши тоже. Солдаты, конечно, напился пьяные и уснули; приезжает — они спят. Он взял, с них все снял, на одного надел монашеское платье, на другого

тоже, а на третьего игуменьшино надел. А этого туловище украл и увез домой. Привез, положили в гроб; с его женой и похоронили.

Утром просыпается один солдат и говорит: «Это ты, брат? Вставай! С нами монашка спит!» — «Сам-то ты монашка!» — «Что делать?» — «Надо пойти, дескать, к государю! — А государь любил до смерти монашек и игуменьш. Идут; государь на балконе стоит. Они идут, — государь и кланяется: «Пожалуйте! Пожалуйте!» — Они подошли и стали на колени. — «Это что такое?» — «Выслать узнать. Думали: что случилось в монастыре; спросили. — «Так и так». — Он велел их отправить в острог.

Потом призывает своего губернатора: «Чего станем делать?» «У нас денег много; давай увешаем козла всего в золотые!» — Дали двух солдат и офицера — гонять его по городу: «Если вор увидит, деньги станет брать; мы его поймаем!»

Потом они (солдаты) озябли и зашли в гостиницу. Солдаты остались внизу козла караулить, а постарше ушел вверх — чай пить. В этот момент и вор приехал; забежал прямо кверху, попросил стакан чаю. Потом и спрашивает: «Нет ли, хозяин, с кем-нибудь в деньги поиграть?» — Этот и выискался, старший-от. Он с ним стал играть и понемножку проигрывать; а сам то и дело вниз, а там все солдатам давал на бутылочку. Солдаты, конечно, спились. Он в этот момент сгрел козла и уехал с ним. Тот схватился — те пьяны, а козла нету. — С объяснениями к государю. Государь велел их посадить.

«Ну, теперь, — слышь, — что делать?» — Опять призвал того. — «Надо по городу ходить и нюхать: где козел не жарится ли?» — Один солдат забежал как раз к этому вору: козел у него жарится. Вор в этот момент спал на полатах. Солдат посмотрел, побежал сказывать, что вот тут козел жарится, а на воротах написал, что вот тут «козел жареный».

Вор выскочил за ворота, побежал по всей улице, стал писать: «Козел жареный», «Козел жареный», «Козел жареный», на всех домах и написал. Они збулгачься, прибежали в ту улицу смотреть; на всех воротах: «Козел жареный». — Опять не могли найти его.

Потом опять советуют: «Что станем делать?» — «Давай, — слышь, — бал!» — Собрали когда бал, они взяли, да золотых по полу-то и насыпали: «Кто станет нагибаться-та, того мы и поймаем! Наверно уж он: больше никто не станет!»

Когда вор приехал, увидал — взял, подошвы варом намазал и по комнате ходил. Сколько золотых налипнет, он выйдет, обдерет, да опять варом натрет. Ну, и так вот все собрал; никто не нагибался — и золотых не стало.

«Ну, теперь что станем делать?» — «Надо ужином откормить да спать дома положить!» — Спать легли; все уснули. Они пошли со свечкой смотреть по ногам; у него на одном подборе остался золотой, и вар не успел стереть. Стоят и думают: «Если его разбудить, все соскочут, взбулгачут — он опять убежит!» — Взяли у него один подбор оторвали. Он услышал, проснулся. Они ушли, — он взял, у всех по одному подбору оторвал. Утром все стали и в претензии: «Для того нас оставляли, чтобы подбор оторвать?» — Им всем приделали новые подборы.

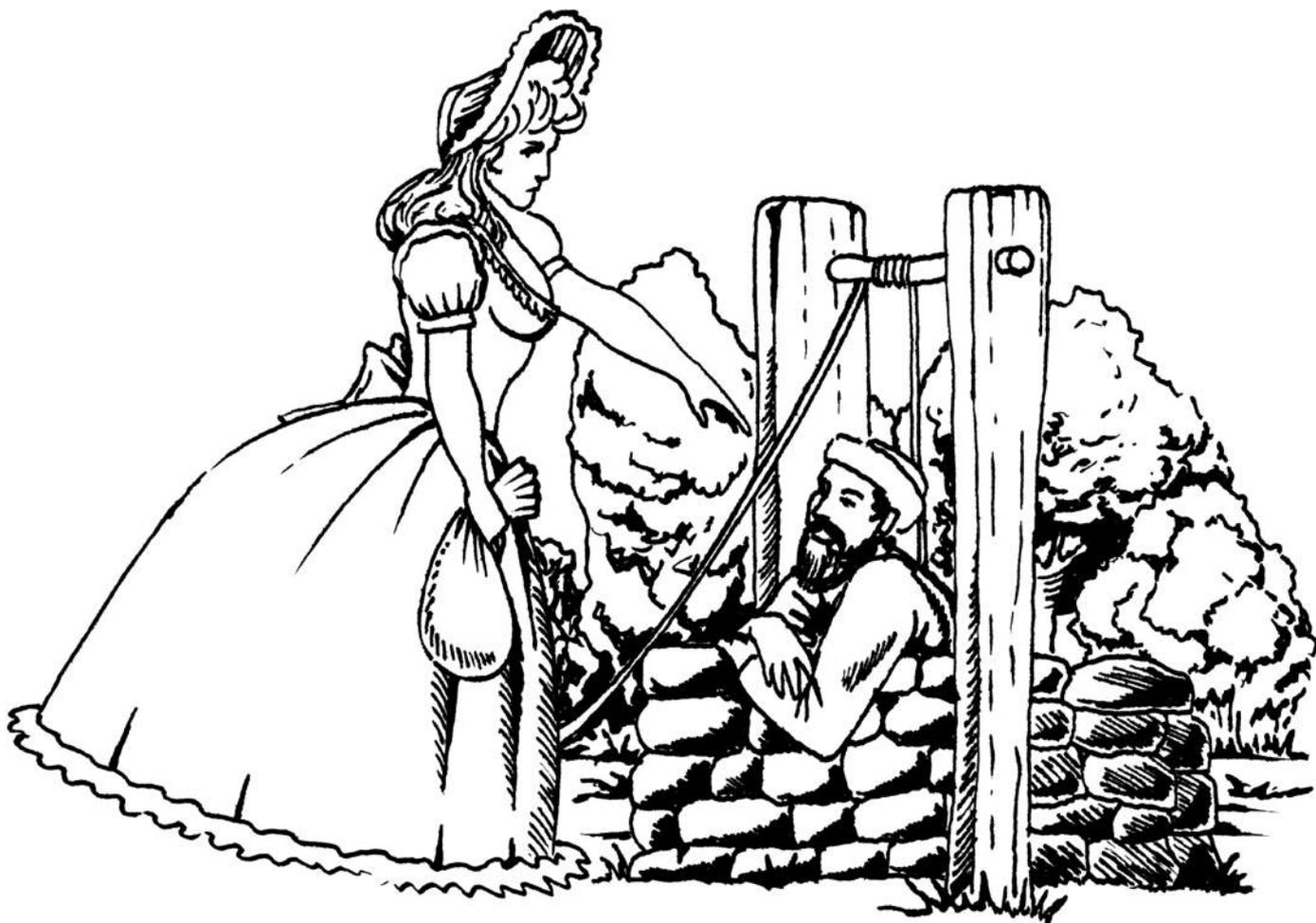
Опять начали советовать: «Что нам с ним делать?» — Опять надо бал делать!» — Сделали опять бал. В особенную комнату в угол насыпали золота. Внизу кладовая была, а сверху взяли западную такую сделали — вроде ловушки: как он туда пойдет, так и упадет.

Он как приехал, деньги увидал — немножко погодя и отправился. Как пошел там, повернулся, туда и упал. Что ему делать? «Ох, — слышь, — упал!» — Потом закричал вор: «На пожар! На пожар!» — Народ бросился туда в комнату бежать, один по одному все и слетели.

Пошли выпускать. — Который вор? — Опять неизвестно!

Потом хозяин завел всех обратно. — «Господа, кто из вас мошенник? Винитесь! За того отдам свою дочь!» — Он вор в артели скричал: «Распишись!» Ну, он расписался. Так на его дочери и обвенчался. И капитал весь возвратил ему. И сейчас живут.

ЧУДЕСНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Рассказал И. Куприянов

Барыня жила раз. Ей понадобился работник. Наняла она работника и велела сходить ему на рынок — выбрать самых наилучших лошадей, откупить и привязать там их. Он купил, привязал и пришел к ней опять обратно. Она его спросила: «Ну, выбрал?» — Сказал: «Выбрал». — «Сколько стоит?» — «Три тысячи рублей». — Она ему подает три тысячи рублей: «Иди, выкупай!» — Он сходил, выкупил, привел, поставил их в стойло.

«На вот тебе ключ, вот от этого-то амбару! И выбирай там, какая тебе поглянется сбруя. Он сходил, выбрал; а дуга ему ни одна не поглянулась. Он приходит и заявляет: «Так и так, барыня, ни одна мне дуга не поглянулась!» — Она подает ему 10 рублей: «Иди купи на рынок». — Купил он.

Переночевали ночь. Утром встают, чаю напились. Она ему говорит: «Иди, кучер, запрягай коней!» — Кучер запрет коней, подал к поратному. Потом она вышла; сели, поехали. Отъехали сажень с сотню, она говорит: «Кучер, стой! На вот тебе ключ от этого-то амбару. Там есть тесак, ты его тащи!» — Он пришел, отворил, взял и несет. Она видит, что он несет. — «Клади, — говорит, — его назад, привяжи тут!»

Поехали. Ехали там много ли, мало ли, раз ночь застигла. Она сказала: «Придет, — говорит, — узенька дорожка, ты остановись и разбуди меня!» — Ехал он много ли, мало ли, пришла узенька дорожка; он остановился и разбудил ее. — «Ну, что? Доехали, кучер?» — «Доехали». — «Ну, иди по этой дорожке, по узенькой. Когда доедешь там до рыку, и остановись!»

Потом он доехал, остановился, разбудил ее. — «Что, кучер, доехали?» — «Доехали». — «Ну, доехали, теперь станем здесь ночевать. Выпрягай коней!» — Кучер выпряг коней, привязал их. Поужинали. Потом она из этого рыку выкачивает зыбку. — «Вот, кучер, клади с собой тесак вот в эту зыбку; как сядешь в эту зыбку, влезешь — на вот тебе ключ. Когда я тебя спущу, тут прямо есть железная дверь; и ты отвори и нагребай золота. Когда там кто на тебя полезет, окаянные, что ли, и ты этим тесаком ограждайся!»

Он так и сделал. Когда она спустила, отворил дверь, стал нагребать золота; на него наскочили, он ограждался этим тесаком — и никого не стало. Нагреб золота, запер также дверь, сел в зыбку, качнул за веревку — она его вытащила. — «Ну, что, кучер? Жив?» — «Жив, — говорит, — слава Богу!» — «Ну, теперь переночуем!»

Переночевали ночь. День прогуляли, ягоды пробрали да что. На вторую ночь опять посылает. — «Теперь, — говорит, — на тебе вот этот ключ. Когда я тебя спущу, направо есть железная дверь; и ты отворишь эту дверь, там свечка горит; ты подсвешник-от не тронь, а свечку-то возьми; нагребай драгоценного камня!» — «Ладно». — «Когда на тебя полезут, ты опять ограждайся тесаком!»

Он отворил дверь, нагреб драгоценного камня и потом думает: «Что, — говорит, — она? Подсвешник золотой, дороже свечки!.. Да уж ладно: чего велела, то и возьму». — Склал все в зыбку, сам сел, свечку положил в карман; качнул за веревку, она его потащила.

Дотащила до половины и кричит: «Бросай свечку!» — Он говорит: «Что так? Тащи наверх, тогда отдам!» — Она не дотащила его аршина полтора доверху и опять кричит: «Бросай!» — «Нет, не брошу! Когда вытащишь, тогда отдам!» — Он дело сметил, уперся в стену руками и ногами; зыбка на слабе. Она опять повторила: «Не бросишь?» — «Нет, не брошу!» — Она взяла да пустила зыбку; сама легла.

Он тихонько вылез. Вылез, отсек ей голову. Вытащил эту зыбку, взял драгоценный камень и ее туда бросил. Переночевал, утром встал, запрет коней и уехал.

КОЛДУН И ЕГО УЧЕНИК

Рассказал И. Курьянов

Жил-был старичок один со старушкой. У них был единственный сын. И они его не знают — в какую работу отдать: если в кузницу, ушибется, в портняги — наколется. Думали, думали; запрет старик лошадь и поехал в другой город с сыном.

Едет по городу — стревается им старичок. — «Куда, дедушка, поехали?» — «Да вот куда: отдать бы сынка в какую-нибудь легкую работу». — «Дак вот что, — говорит, — дедушка, отдай мне его колдовать». — «Вот, вот! Не надо лучше: это — не ушибется и не уколется!» — «Дак вот, через три года приезжай за ним». — «Хорошо».

Старик приехал домой, сказал своей старухе.

Прошло три года. Старик поехал за сыном. Проехал половину дороги; ему сел воробышек на грядку. Он его стегнул — он слетел и опять сел. Он его опять стегнул. В третий раз сел и говорит: «Тятя, тятя! За что ты меня стегаешь? Ведь я — твой сынок!» — Старик оробел.

Воробышек ему и говорит: «Когда приедешь к моему хозяину, он тебе меня так не отдаст, а так отдаст: узнаешь ли ты, который твой сынок?» — А сам слетел и полетел.

Приезжает старик к этому — к ему хозяину, заезжает на двор. Выходит его хозяин. — «Здравствуй, дедушка! За сынком приехал?» — «Да, за сынком!» — «Так вот что, дедушка! Я тебе его так не отдам». — «А как?» — «А так, — говорит, — узнаешь ли, который твой сынок?» — «Дак что же?»

Враз выгнал ему сорок голубей: все как один. Один этот распустил крылышки, заворковал. Старик говорит: «Вот это, — говорит, — мой сынок».

Потом выгнал сорок гусей — все как один. Один подошел к колоде и поет. Он говорит: «Это мой сынок!»

Потом выгнал сорок солдатиков — все как один. Один заскакал-заплясал. Он говорит: «Это мой сынок!»

«Ну, так возьми! — говорит. — Не ты, — говорит, — это хитер, а хитер твой сынок!» — Дал ему быка, и поехали домой они.

Приехали домой. Они жили очень бедно. Сын и говорит старику: «Вот что, тятя! Завтра я сделаюсь хорошим конем, и веди меня продавать. Продать — продашь, а абродочку не продавай!» — «Ладно!»

Старик так и сделал. Повел его продавать. Ведет его на рынок — едет купец. — «Сколько, дед, стоит конь?» — «Триста рублей». — Купец, не говоря, отдал ему триста рублей. Старик абродочку снимает. Купец спрашивает: «А на чем я его поведу?» — «Бери за гривку и веди: конь смиренный!» — Купец взял за гривку и повел.

Привел домой, поставил в стойла, дал ему овсеца. Ночь переночевал купец, заходит в стойло — коня нет. А конь перевернулся, сделался человеком и ушел.

Приходит домой, конечно, и говорит: «Ну, теперь, тятя, сделаюсь еще лучше. Больше в этот город не води, веди в другой!» — Он его повел в тот город, в котором обучался.

Стривается ему старичок. — «Сколько, дед, стоит конь?» — «Триста рублей». — «На пятьсот!» — Старик забыл абродочку снять, взял деньги и пошел.

А этот купил старик — тот, у которого он обучался. Привел его домой, запрет и давай на нем гонять. Гонял, гонял, самому надоело, дал дочерям и сказал: «Станет он вас подворачивать к воде, но вы не подворачивайте!»

Эти дочери сколько ни ездят, конь все к воде воротит. Они смиловались, взяли да подворотили; взяли развязали чересседлок и повод. Он зашел в воду, перевернулся, да и поплыл. Они заплакали, пошли домой. Приходят домой, сказывают папаше: «Вот так и так» — «Ну, дак ладно! Никуда не деваться!»

Подошел к этому озеру, перевернулся и сделался щукой. И плавает там, ищет его. А тот ершом сделался. Тот увидал его и забрался в камни. И говорит: «Щука востра! Лови меня с хвоста!». Тербила, тербила, не могла вытащить. Выплыл колдун на берег, перевернулся и сделался человеком. И ушел домой.

А тут на берегу стоял мост. На этот мост каждо утро приходила купеческая дочь умыться. Ученик заметил и сделался хорошим кольцом, что сроду такого кольца нигде не было. И лег на этот мост. Пришла купеческая дочь, увидала, что лежит кольцо, взяла и пошла; и забыла умыться: шибко обрадовалась. Пришла и сказывает своему папаше. Папаша посмотрел это кольцо и набил везде афиши, что не потерялось ли у кого вот такое-то кольцо. Этот колдун услышал и пришел.

Это кольцо перевернулся, ночью-то он человеком, и сказал этой купеческой дочери: «Когда придут, станут меня отбирать, ты не отдавай! В крайнем случае, насильно станут отбирать, ты возьми, со зла брось меня на пол, это кольцо. Тогда это кольцо рассыпется. Ты возьми одну бисеринку ногой прижми!»

Она так и сделала. Когда пришел этот колдун, стал его отбирать, она заплакала. Папаша говорит: «Отдай!» — Она взяла его и бросила. Он рассыпался, она взяла одну бисеринку и прижала ногой. Этот колдун и сделался петухом и зачал приклеивать эти бисеринки. Она оттащила ногу — эта бисеринка сделалась ястребом и давай петуха клевать. И заклевала его до смерти.

Потом этот папаша узнал, что это кольцо — человек; он его обвенчал со своей дочерью.

Этот купец помер. Стали жить. Купцовой дочери не поглянулся че-то он. Наняла там людей убить его. Они его убили, изрезали его в кусочки, склали в бочонок и запустили по морю. Этот бочонок прибило к берегу и зашвыряло всего песком.

Вот у этого старика, у отца убитого сына, бык и забегает по двору, заревел. Этот старик выпустил его. Он побежал, — старик за ним. Прибегает к этому берегу, у которого бочонок. Этот бык и давай ногами расшвыривать; вырыл этот бочонок. Старик расколотил его, вынимает эти кусочки и размывает.

Прилетела ворона и схватила один кусок. Бык прижал ее ногой. Другая ворона села на сосну и говорит: «Отпусти!» — «Нет, не отпущу! Отдай мне живой и мертвой воды!» — Она ему дала; он отпустил. Смазал мертвой водой эти кусочки — они срослись. Подали ему живой воды, он оживел.

И говорит: «Ох, мало спал, да рано встал!» — Старик ему и говорит: «Кабы не твой бык, ты бы и сейчас спал!» — «Ох! — говорит да и вспомнил. — Дак ладно! Мое не пропадет!»

Обжился, конечно, пришел к ним, нанялся в работники и убил жену свою.

КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Рассказал И. Курьянов

Жил-был мужичок. Робил он в кузнице. У него была картинка прибита на стене; на этой картинке был нарисован сатана. И вот он как придет завтракать или обедать, вся плюет этому сатане в глаза.

Этот сатана послал своего чертенка: «Иди, наймись к нему в работники!» — Он пришел к нему и говорит: «Дядюшка, возьми меня робить: я у тебя пророблю год даром, только научи!» — Он сказал: «Айда!»

Этот чертенок год проробил, два проробил, потом в воскресенье вышел за ворота и стоит. Враз идет старичок. Он скричал его: «Дедушка, охота молоденькому быть?» — «Э, да уж какое уж мне молодечество?» — «А если охота, дак айда перелажу!» — А это пришел его сатана. — «Все равно умирать-то! Айда!»

Этот чертенок скричал своего хозяина; принесли угля в кузницу, разожгли горн; заставил хозяина дуть. Положили этого старика на горн. Хозяин дует, этот работник его — этого старика — поворачивает на горну. Старик все моложе и моложе, выскочил из горну — такой ли молодец!

Этот работник спрашивает: «Старуха-то у тебя есть?» — «Есть». — «Веди! Переладим и ее!» — Он сбегал, привел. Переладили старуху. Тоже такая ли молоденька вышла!

А у этого хозяина баба была страшная. Он и говорит: «Давай мене бабу переладим!» — Этот работник говорит: «Давай!» — Этот мужик побежал за бабой. Баба ревет, не идет. Он ее силом взял в береме и приташил. Взвалили ее на горн и давай дуть. Хозяин дует, работник переворачивает. И сожгли ее всю.

Хозяин посмотрел, что баба сгорела. Чертенок ему и говорит: «Вот! — говорит, — станешь моему сатане в глаза плевать?» — Сам отправился.

Этого мужика на суд. И присудили его на весельницу. — Этот чертенок пришел к нему: «Не тужи! Я тебя выручу». — Когда повесили его на весельницу, этот чертенок три раза переел петлю и мужика отпустили.

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЧУДИЛИЩЕ НА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЕ

Рассказал П. В. Наумов

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был купец. У него была дочь. Ее сватали — купеческий сын, потом Чудилище сватал ее. За Чудилище не отдали, отказали ему. Чудилище говорит: «Если не отдадите, то я украду». — Так и порешили, что отдать за купца, и отдали.

Он построил ей особую комнату и держал там взаперте.

И у него были дети уже. Дети выйдут на улицу — и кричат там, дразнят их: «У вас мамы нетука!» — Они пришли и у няни спрашивают: «Няня, разве нет мамы?» — Она и отвечает: «Нет, у вас есть мама, только она взаперте, нельзя выпускать ее».

«Как же бы нам ее поглядеть?» — «А вот когда у вас папаша ляжет спать, вы украдите у него из-под головы ключи, и ступайте отворить эту комнату, и увидите маму».

Они так и сделали — пошли и отворили. Мать обрадовалась, начала их целовать. Повидались, ушли и не заперли. И опять ключи подсунули отцу в зголова.

Отец пошел, глядит: жены нетука. Он сразу подумал, что это уташил Чудилище жену. Пришел домой и стал спрашивать, кто ходил к жене? Дети повинились, что «Мы ходили, маму глядели». — И он хотел их расстрелять. Ну, его уговорили.

Он говорит: «Ступайте, куда хотите, найдите мать, а без матери не ходите!»

Они нашли и сели на флот и поехали по морю. Ехали, ехали, приехали: глядят — стеклянная гора. Старший брат говорит: «Вы здесь оставайтесь, а я пойду! — Ежели чего, дак я вам веревкой дерну! Вы здесь припасайтесь!»

Потом он идет, глядит: стеклянная изба. Заходит в эту избу, глядит: сидит красавица. Стал он рассказывать: «Вот у нас мама потерялась»... — Она говорит: «Ступай, там еще придет изба, сидит красавица, она тебе скажет».

Он пошел по тропочке. Подошел, глядит: большущий стеклянный дом. Заходит в этот дом. Глядит: сидит его здесь-ка мать. Он обрадовался и мать обрадовалась. Начали целоваться.

Мать говорит: «Куда я тебя спрячу? Чудилище прилетит, убьет тебя». — Она хлопнула зорькой и сделала его булабочкой. Чудилище прилетает и говорит, что «здесь-ка русским духом пахнет». — «Ты летал по Руси и нахватался русского духу!»

Потом она ему приготовила обедать. Он пообедал; она ему начала в бороде шарить и говорит: «Ох ты, миленький мой! Какой ты стал старый! Ежли бы был мой сын здесь-ка, ты бы все ему препоручил?» — «Да, препоручил бы!» говорит.

Она хлопнула зорькой, очутился здесь-ка сын. Он, верно, все ему препоручил.

Потом стал ему казать: «Эту воду пей, эту не пей! Эти плоды ешь, эти не ешь!» — Потом он ходил тутака и глядел. Потом отправил мать к братьевым, с матерью — одну красавицу. Братовья стали (двое их было) об красавице драться. Мать говорит: «Не деритесь! Там еще есть». — Он им спустил другу красавицу. Они уехали от нее (от матери).

Ему стало скучно. Которы не велел Чудилище плоды ему есть, он их съел; котору воду не велел пить, он выпил ее. Почувствовал себя, что он стал здоровый. Глядит: тут в завозне (али

в амбаре) 12 замков. Он их сорвал. Оттуда выбежал конь. Он его схватил за гриву и говорит: «Стой!» — Конь говорит: «Отпусти меня погулять в чисто поле! Я сто лет здесь заколдован сидел. Ежли я тебе только понадобится, ты скричи: где ты, конь? — Я тут же буду!»

Враз прилетает Чудилище и хотело ссечь ему голову мечом. И говорит: «Ты всю силу мою поел!» — Уж он тогда ослаб, Чудилище. Этот самый кавалер начал с ним барахтаться, выхватил у него меч и ссек ему голову.

Потом зашел в комнату, глядит: лежит зорька. Он ее ударил — выскочило два лакея. — «Что, барин, прикажете?» — «Поесть!» — Он поехал и вышел на двор. И вспомнил: «Ох, где-то мой конь?» — Конь тут же, сейчас тут и был. Конь говорит: «Что ты меня тогда не кричал, когда он тебе хотел ссечь голову мечом? Теперь садись на меня, бей меня по бедрам и айда на мою сторону!»

Они ехали по морю и нагнали братьевьев. Конь говорит: «Похитим их или нет?» — «Пущай едут с Богом!»

Приехали в село на родину. Стал на квартиру к старушке со стариком.

Через несколько времени приехали братьевья и начали на красавицах жениться. Невеста-красавица эта и говорит: «Мне платье нужно такое, какое я носила на стеклянной горе!» — Но никто не мог сшить на нее такое платье.

Этот детина самый посылает старика и говорит: «Ступай, дедушка, возьмишь шить платье!» — Старик говорит: «Что ты, батюшка? Нам ведь не сшить!» — «Айда берись-ка, знай!»

Он пошел и взялся шить платье. Пришел домой; детина этот взял, матерье все изрезал и выбросил. Старуха старика начала ругать: «Вот ты взялся там! Теперь тебе чего будет?» — Детина говорит: «Не тужи, дедушка, завтра утром готово будет!»

Детина утром рано выходит на двор и ударил зорькой. Выходит барышня. — «Что вам, барин, нужно?» — «Мне нужно платье такое, какое носила барышня на стеклянной горе!» — И сейчас же барышня подает ему платье. Детина будит старика и говорит: «Дедушка, айда носи платье! Готово!»

Старик снес. Невесте понравилось это платье; говорит: «Точно такое это платье, какое я носила на стеклянной горе». — Старика дали за это награду. Он пошел домой.

Жених говорит: «Ну, теперь венчаться!» — Невеста говорит: «Мне нужны башмачки такие, какие я носила на стеклянной горе!» — Кому ни закажут — никто не может сшить.

Детина посылает старика: «Ступай возьмишь!» — Старик пошел и взялся. Над ним засмеялись: «Что за старичонка! Какой мастер!» — Он принес товар домой, старик. Детина его изрезал и выбросил в окошко. Старуха заревела: «Старик! Че наделал? Теперь тебе будет казнь!» — Детина говорит: «Не тужи, бабушка! Завтра утром будет готово!»

Утром встал господин и ударил зорькой. Выскочил чеботарь: «Что, барин, прикажете?» — «Башмаки такие точно, какие носила барышня на стеклянной горе!» — Башмаки готовы. Старик понес; ему дали награду там.

Еще невесте нужно было таку карету, на какой она венчалась на стеклянной горе. Кому ни закажут, но никто не может сделать.

Детина послал старика: «Айда, дедушка, возьмишь! Мы сделаем». — Старик пришел: «Я сделаю». — «Ежли сделаешь, мы тебя наградим; а не сделаешь, так расстреляем!»

Старик идет с печалью домой. — «Ну, дедушка, взялся?» — «Взялся, батюшка! Страшают: «Не сделаешь, так расстреляем!» — Старуха старика начала ругать... — «Не тужите! Завтра готова будет!»

Утром встал и хлопнул зорькой. Карета готова. Будит старика и говорит: «Дедушка, айда, вези!» — Старик обрадовался; повез карету, сдал там. Дали ему награду. Невеста говорит: «Точно такая, на какой я венчалась на стеклянной горе!»

Жених говорит: «Ну, теперь венчаться!» — Она: «Увалите через море плотину и состройте через море церкву!» — Всех напугало. Детина посылает старика: «Айда, дедушка, возьмишь подрядом уваливать!»

Старик пошел туда и говорит, что «я увалю!» — Над ним засмеялись: — «Ладно, дедушка, возьми! Только чтобы в три года готово было!» — Старик говорит: «Не в три года, а в три месяца будет готова!» — «Если ты сделаешь, мы тебя начальником сделаем; а не сделаешь, то на куски изрежем!»

Старик пришел домой и рассказывает старухе. Старуха захворала. Дитина говорит: «Не тужи, бабушка! Все готово будет!»

Утром встает старуха, глядит: на улице народ в тележках. (Рабочие нагнали.) «Старик, горим!» — Дитина говорит: «Бабушка, не кричи! Это наши рабочие!» — Старик встал, опоясал синей опояской и пошел подрядчиком. Начали уваливать. В три месяца увалили.

Старика наградили и поставили в начальники. Невеста говорит: «Вот теперь поедем венчаться!»

Когда они собирались венчаться, дитина сел на коня и выехал на плотину. Сколько идет народу, он всех на этом коне убьет.

Потом доложили самому купцу. Купец едет и узнал, что его сын на коне. Сын пал с лошади и прямо к отцу; все рассказал: как оставили его на стеклянной горе братовья... Отец решил жениться ему. Невеста от него отперлась, согласилась за этого, который их выручил на стеклянной горе от Чудилища. Повенчалась с ним.

Отец того сына, который изменил брату, посадил на ворота и расстрелял. Старший брат женился на этой на красавице; стал жить-поживать, добра наживать.

МОРОКА

Рассказал Д. Е. Лезин

Солдатик служил у государя при дворце. Он свою службу вел честно-благородно все время. Когда в казарму приходил, над товарищами все шуточки шутил: нет-нет, да какую-нибудь шуточку им скажет, обморочит их или что-нибудь.

Прослуживши пять лет, увольняться стал домой. Старший офицер доносит государю: вот такой-то солдатик увольняется домой, служил он честно-благородно пять лет. Призывает солдатика государь к себе на лицо. — «Вот что, солдат, вы служили у меня пять лет, служили хорошо. Представьте мне какую-нибудь историю, потом я отпущу вас домой».

Солдат ему говорит: «Вот что, Ваше Величество Императорство! Заприте двери на три минуты и возле дверей поставьте часовых, чтобы взад-вперед не пущать никого три минуты».

В это время у государя самовар стоял на столе. Когда двери заперли, государь сидел за чаем. Самовар шумел, и из самовара пошло воспарение. От этого воспарения является дождь. Потом сделалась озеринка. На бережке небольшая лодочка стоит.

Живо солдатик садится в эту лодочку с этим самым государем. Поехали на остров. Островок тутака среди озеринки. Подъезжают на остров: тут старичок мережки выметал. Они у этого старичка купили небольшого карасика, фунта с два. Обвернулись с этого островка на берег, домой.

На берегу народу собрата толпа, идет волнение: нашли мертвое тело, а головы нетука, отрубленная; признать не могут, чей человек, и голову эту найти не могут. Тут обыск шел.

Враз к этим рыболовам подходят, к государю с солдатиком. У государя был мешочек, и в этом мешочке карась этот был положенный. — «Позвольте вас обыскать: что у вас такое в мешке лежит?» — «Это у нас карась куплен».

Сунулись в мешок: вместо карася очутилась человечья голова в мешке у него. — «Пошто вы обманываете? Говорили, что карась! Вы, наверное, голову ссекли?» — «Ничего я не знаю! Я куплял карася!»

Тут же его живо рассудили на виселицу. И когда завязали к столбу на вески, начинает креститься. «Погибай, моя головушка, безвинно!» — Головой мотнул, будто в петле-то, и сам носом-то в стакан чаю. — «Что ты, солдат? Ты сожег меня!»

В это время три минуты прошло. — «Теперь можешь отправляться домой!»

БЕССТРАШНЫЙ СОЛДАТ

Рассказал Д. Е. Лезин

Солдат говорит: «Дайте мне какой-нибудь чин!» — «Какой же чин?» — «Да хоть какой-нибудь!.. Дайте мне название: «Бесстрашный атаман». — Государь ему говорит: «Ну, будь ты бесстрашный атаман, коли так». — «Когда дали имя «бесстрашный атаман», дак дайте мне какого-нибудь слугу!» — «Какого слугу?» — А у него был любимый товарищ, Мартышка служивый, солдатик. — «Дайте мне Мартышку служивого!» — Дали ему. Он отправляется совсем домой, с Мартышкой со слугой.

Идут дорогой. Верст этак с 20 или с 30 отошли. Враз такая лужаечка является, бугорок. Мартышка и говорит: «Давай по этой лужаечке погуляем!» — Ходят и цветочки рвут всякие.

Враз едет барыня на тройке с колокольцами. Подъезжает к этому месту: «Кучер, стой, остановися! Пойди спроси: что этот народ делает? Чего собирают?» — Кучер подходит: «Вы что здесь делаете?» — «А вот мы доктора, собираем цветки на лекарство; из этих цветков мы всякие лекарства делаем».

Кучер подходит к барыне. — «Пойдем с тобой!»... «Эти цветы к каким лекарствам идут?» — Бесстрашный атаман начал высказывать барыне: «Это вот от обжоги, это вот от простуды; вот — твар, змея укусит какого человека — можно излечать».

«Давай порвем мы с тобой этих цветов!» — барыня говорит кучеру. — Бесстрашный атаман мигнул своему слуге Мартышке: «Иди ближе к коням!» — А барыня ходит вместе с кучером, собирают они. — Подошли к коням, сели на коней и живо марш. Угнали.

Ехали, ехали, доехали до кладбища; заезжают на кладбище. «Мартышка, отрывай три могилы, свежие которые!» — Мартышка отрыл три могилы, вытащил трех покойников. — «Клади, Мартышка, их в повозку!» — Мартышка их положил в повозку, и поехали опять своей путей-дорогой.

Смотрят: в лесу дом стоит двухэтажный. — «Слуга Мартышка! Вороти к этому дому!» — Подъехали, смотрят: в одной половине огонь. Стукнулись в ворота — ворота были открыты. Заехали во двор. В дверь в сенную начали стучаться, она была заперта. Изломали дверь, заходят в комнату. В этой комнате одна старуха.

Бесстрашный атаман спрашивает: «Кто здесь проживает?» — «Такие-то люди, 12 человек, разбойники». — «Где они у тебя?» — «Уехали на охоту, скоро явятся». — «У тебя, старая чертовка, где-нибудь деньги есть?» — «Нет, Ваше Благородие!» — Живо в комод; нашел денег тут сот до пяти рублей. — «Что, старый дьявол, говоришь, что денег нет? Ведь это деньги!» — Берет их, кладет в карман.

«Давай нам что-нибудь поесть!» — «Ничего нету!» — «Врешь!» Живо сам в печь. Там было мясо нажарено; вытащил все, сели с Мартышкой за стол; винишка достали бутылку. — «Ну, теперь, Мартышка, айда на полати залезем спать!» — Залезли.

Только легли, самые разбойники едут, 12 человек, с песнями, со свистом. Старуха им жалуется: «Такие-то люди заехали ко мне... Сами теперь лежат на полатах». «Сейчас мы с ними рассчитаемся! Давай нам закусить кое-чего сперва!»

Стали обедать. Бесстрашный атаман открыл занавеску, глядит с полатей. — «Здравствуйте, братцы!» — «Здравствуй! Сейчас мы поужинаем да рассчитаемся с вами!» —

«Чего, — говорит, — со мной рассчитывать? Я сам сейчас слезу, с вами поговорю!» — Слезает с полатей, садится с ними; берет ложку и начинает тоже с ними мясо есть.

Те смотрят на него. — «Что ты? — говорят, — у нас у самих мало! Ты до нас ел!..» «Постойте, у меня свое есть!»

«Мартышка-слуга! Тащи-ка мне одного-то удавленника сюда! Я поем немного. Есть шибко хочу!» — Мартышка живо побежал, тащит мертвеца из повозки. — «Извольте, бесстрашный атаман! Ешьте!» — Он припал к уху, взял его за ухо, потерябил, потерябил: — «Что ты, — говорит, — Мартышка? Ведь ты его проквасил!» — Эти разбойники все смотрят: что такое?

Бросил его середь полу. — «Поди, тащи другого!» — Мартышка побежал за другим. Тащит. Он другого тоже за ухо. — «Что ты, дурак! Ты и этого проквасил!.. Тащи последнего! Может, тот не проквашенный?» — Притащил. Припал к третьему, попробовал, попробовал. «Хм, сукин сын! И этого проквасил!»

Потом взглянул на них. — «Давай-ка мне, — говорит, — вот этого с краю-то!» — Мартышка живо схватил этого крайнего разбойника. Оставшие выскочили и живо из стола бежать. Все разбежались.

Имущество забрали, сели со слугой Мартышкой и уехали.

ВЕСЕЛЫЙ

Рассказал Е. Е. Алексеев

Жил-был Веселый. Все он гулял везде по селам. Все на него говорят, что бы где ни потерялось; а он сном этого дела не знает. Берет себе скрипочку, идет путем-дорогой. Попадается ему волк навстречу. — «Куды, брат, ты, Веселый, идешь?» — «А вот иду себе путем-дорогой», — «Возьми, брат, меня в товарищи! Где бы вот там овечка потеряется или кто украдет — все говорят, что волк задавил, а я и сном дела не знаю!»

Отправляются себе путем-дорогой и играют в скрипочку. Попадается им медведь навстречу. Вот и говорит медведь: «Куды, брат, вы пошли?» — «Да вот, где чего не потерялось, все на нас говорят!» — Медведь и говорит: «Я так же: все говорят, что медведь задавил, скотина если где потерялась; а я и сном дела не знаю!»

Идут путем-дорогой, играют в скрипочку. Подходят к озерине. И стоят вятские с возами: с толоком едут. Поднялась буря-ветер, сбросало их все эти воза в озерину.

Посылают Веселый с товарищами медведя таскать хмель в эту озерину — делать пиво. Натаскали хмелю, сделали пиво. Поставили избушку, окнами к озерине, чтобы смотреть. Сделали меру — пиво у них чтобы не убывало.

Повадилась это пиво пить (за пивом ходит к ним) Яга-баба. Стало у них это пиво убывать; поглядят по мере: пива мало; в озерине убывает много.

Первую ночь посылают пиво караулить волка. Волк отправляется, становится на свое место. Подходит Яга-баба с ведрами на коромысле. — «Ты куды идешь?» — «За пивом. Тебе какое дело?!» — Сбрасывает ведра с коромысла; давай этого волка коромыслом лупить. Волк кое-как уполз в свою избушку. Яга-баба напилась пива, поддела ведра и отправилась с пивом. Товарищи утром и говорят про волка: «Эх, как нажрался пива-то! Пьянехонек лежит!» — «Айдате-ка сходите, узнайте, как достается пиво-то!»

На другую ночь достается медведю пиво караулить идти. Время принадлежит, медведь отправляется. Стал на свое место. Приходит Яга-баба. — «Тебе что нужно?» — Сгребла, бросила ведра, взяла коромысло, начинает медведя лупить коромыслом. Медведь кое-как уполз в свою избушку. Яга-баба напилась пива, почерпнула ведра и отправилась с пивом. Поутру встают товарищи и говорят: «Эх, как нажрался пива-то! Пьянехонек лежит!» — «Айдате сходите-ка сами: как достается пиво-то!»

На третью ночь Веселому пришлось караулить. Веселый отправился со своей скрипочкой, становится к сосне. Подходит Яга-баба к Веселому. — «Что ты, Веселый, делаешь?» — «А в скрипочку играю». — Сбрасывает Яга-баба ведра, коромысло с себя, давай уезживать — плясать. «А как бы мне, Веселый, научиться бы в скрипочку играть?» — «У тебя, Яга-баба, пальцы толсты». — «А что надо им делать — сделать их потоньше?» — «А вот тут стоит пенек, в пеньке-то клин: клин-от вытащить, в дыру-то пальцы-то заколотить — они потоньше будут, можешь ты ими тогда играть».

Вытащили этот клин, затолкали туда пальцы; руки зажало у ней. Тут он ее и кончил. А сами стали пиво пить. Тогда и узнали, как отчего дело у них происходило!

ИВАН НЕСЧАСТНЫЙ

Рассказал Е. Е. Алексеев

Был-жил Иван Несчастный. Привиделось богачу, что этому самому Ивану Несчастному достанется его имущество. Он и приходит к этому бедняку: «Отдай, — говорит, — мне его в дети!» — «Да надо спросить у жены». — Жена: «А сколько дашь?» — «Двести рублей». — «Ну, ладно! Двести рублей». — Значит, отдали богатому.

Богатой приносит Ивана Несчастливого домой. — Что с ним делать? — «Работник, запрягай лошадь!» — Запрет; завернули его в одеяло, сели и поехали. Отъехали версты три от селенья, попадается им овраг. Бросили этого ребенка в овраг, сами обратились — уехали домой.

Несколько время проходя, едет купец трактом. Слышит детский голос в этом в овраге. — «Стой-ка, кучер! Ровно тут ребенок ревет?» — Кучер остановился. Прислушались. Купец и говорит: «Кучер, давай разважживай лошадь, а коней приверни!» — Развожжали лошадь, взяли вожжи; кучер взялся за один конец вожжей, а за другой купец конец держит крепко. Кучер спускается туды в ров. Вытащили Ивана Несчастливого из рову. Обважживает кучер лошадей; купец садится в повозку, отправляется трактом.

Как раз приезжает к этому самому богатому крестьянину на квартиру. Купец берет мальчика и несет в избу, а кучер выпрягает лошадей. — «Вот, — говорит, — нашли мальчика дорогой в овраге, вытащили его оттэдова; вот привезли его с собой!» — «Вот, — говорит, — горе-то! Опять натакались А надо его как-нибудь уходить!» Богатый крестьянин и говорит: «Продайте его мне!» — «Да у меня у самого нет детей». — «А сколько за него возьмешь?» — «Две тысячи рублей». — «Ну, все одно!» — Богатый крестьянин взял его.

Купец переночевал; поутру отправляется от богатого крестьянина домой.

«Че с ним делать?.. Заколотить в бочонок, отпустить по озеру!» — Плавал он по озеру. Прибило его к монашескому плоту. На берегу монашки жили, вроде монастыря. Приходит одна монашка; слышит, что ребенок в бочонке ревет, обратилась назад к игуменьшее: «Какой-то мальчик ревет в бочонке!» Послали за ним; вынимают бочонок, сшибают с него крышку; осмотрели, вытаскивают из бочонка: мальчик.

Вот его кормить, этого мальчика. Вскормили его до 18-ти лет; приучили его хорошо грамоте.

Эти монашки арендовали землю у богатого крестьянина, до пятисот десятин. — «А что это у вас за мальчик? Где взяли?» — «Да вот, — говорит, — приплыл в небольшом бочонке к плоту; мы, — говорит, — его вытащили оттэде, обучили хорошо ко грамоте его».

Пондравился богатому крестьянину этот мальчик, Иван Несчастный. — «Отдайте мне его в дети!» — «Неохота, — говорит, — нам». — «Да я, — говорит, — на вас аренд прощаю 50 тысяч, да еще, — говорит, — пять тысяч прибавляю вам; только, — говорит, — отдайте!» — Отдали его богатому крестьянину.

Увез он его домой, сделал его управляющим. (Грамоту он хорошо знает.) Сам отправляется в город: «Ну ты, Ванюшка, здесь оставайся, правь делом до моего прибытия!» А жене приказал: «Когда я уеду, вы под чан накладите дровь, натопите жарче, положьте его в чан, этого Ивана Несчастливого!»

Пишет он письмо: «Исполнили ли мое приказание?» — Послали Ванюшку на почту; он пошел, получил письмо с почты. Идет. Попадается ему старичок: «Что ты несешь, Ивануш-

ка?» — «Да письмо с почты». — «Ну-ка, я, — говорит, — посмотрю письмо-то!» — Посмотрел письмо старичок, подает назад: «Ну-ка, на, — говорит, — понеси с Богом!»

А старичок переменял в письме: «Повенчать его на дочери на богачовой».

Без него сделали свадьбу. Приезжает богач из городу — они уже повенчались. Он и говорит своей жене: «Что вы наделали?» — «Да ты, — говорит, — подписался, чтобы его женить!» — «Да я, — говорит, — писал, чтобы его бросить в чан».

С этого время богач вино пить, пить, пить. (Он не пил раньше.) Потом его живого стал червь есть. Живого его кончили, помер.

ВОСКОВЫЕ СТАТУИ

Рассказал Я. М. Логинов

Один был мастер восковых статуев работать. Приезжал к нему Владыка и удивлялся этому: «Как ты их работаешь!» — «Я могу всяких сработать». — Владыка и говорит: «Сработай мне 12 человек: священника, дьякона, пасаломщика, оставших певчих». — Дал задатку пятьсот целковых.

Мастер сработал 9 человек. На оставшие денег не хватило, на три человека.

Жена его отправляется в церковь. Когда пошла из церкви, священник догоняет: «Что ты — какая госпожа или простонародие?» «Я такого-то мастера жена». — «Нельзя ли с вами познакомиться?» — «Приходите в 12 часов ночи».

Дьякон догоняет, тож: «Какого отродия?.. Как ты живешь с ним?» — «Он распутного поведения у меня, пьяница». — «Нельзя ли с вами познакомиться?» — «Приходите после полночи».

Пасаломщик догнал в улице: «Нельзя ли к вам пожаловать в гости?» — «Приходите часа в три после полночи».

Приходит домой, заявляет мужу: «Вот я троих еще нашла статуев».

Муж уходит из дома. В полночь приходит священник под окошко, стучится. Мастера жена спрашивает: «Кто такой?» — «Священник». — «Пожалуйте в комнату». — Заходит. Выпили по рюмочке. Муж в окошко стучится. — «Кто такой это?» — «Муж мой!» — «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, вставай в середку статуем!»

Муж в комнату заходит и рассердился на жену: «Почему у тебя в комнате огонь?» — «Что-то я была больна, огня дула».

Муж уходит из дома. Является точно так же дьякон. — «Кто такой стучится?» — «Дьякон». — «Пожалуйте в комнату». — Выпили, угостились. Муж под окошко. Дьякон: «Кто там?» — «Муж пришел». — «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, ставай к статуям!»

Точно так же и пасаломщик приходит. Впускала она его в комнату. Муж под окошко; пасаломщик: «Куды же я тепере?» — «Снимай с себя платье, вставай в середку статуем!»

Муж входит с ножом. Обыскивает везде; рассердился на жену: «Почему у тебя опять огонь?» — «У меня зубы болят». Муж рассердился на это; посылает жену ко Владыке: «Иди! Пущай Владыки приезжают, принимают у меня работу!»

Жена отправилась. Заявляла тамока она послушнику его: «Доложите Владыке!» — Приезжают. Принял его мастер к себе в рабочую; сам ходит с ножом.

Владыка заходит и смотрит на этих статуев. Удивлялся этому: «Что такое наработано? Какая личность! Этот же священник служит в кафедральном соборе!» Смотрит на дьякона: «Точно дьякон: в таком-то соборе служит!.. Этот пасаломщик мой — служит в кафедральном соборе!»

Мастер поближе подходит к пасаломщику с ножом. — «Если, Ваше Преосвященство, что не угодно, то я могу сейчас зарезать и другого сделать!»

Точно с испугу, священник — в окошко, дьякон — в дверь, разбежались. Мастер: «Держите! А то — оставшие разбегутся!»

Владыка убедился. — «Боже мой, что такое?» — В последнее время уплатил Владыка все деньги. — «Я не причинен, что они убежали!»

СМЕХ И ГОРЕ

Рассказал А. П. Цыплятников

Дело было в старые времена, при Николае Первом. Железных дорог еще не было, и новобранцам приходилось трудно — на место назначения нужно было являться по способу пешего хождения.

Крестьянин Рязанской губернии Спасского уезда Козодаевской волости, деревни Окомеловки, Василий Иванович Курилов, попал на службу в Петербург. Служба солдатская, ружейные приемы и особенно словесность ему совсем не давалась. Много попадало ему в узда в рыло от взводных.

Видит Курилов, что служба тяжела и что другие молодые солдаты берут медицинское свидетельство и уходят на год домой на поправку, задумал и он также сходить на поправку домой. Приходит к доктору: «Так и так». — Тот повернул его, ударил по спине и говорит: «Здоров, детина, совсем! Иди служи!»

Наступил государский военный смотр. Курилову, как и всем солдатам, выдали перво-сортную амуницию, подучили ружейным приемам. Приехал государь император, поздоровался с войсками; пропустил мимо себя войска церемониальным маршем: «Спасибо, братцы!»

Потом поротно стал опрашивать допрос претензий: «Не имеет ли кто-нибудь из вас претензии?» — Курилов первый выискался в своей роте: «Я имею претензию, Ваше Императорское Величество!» — «Какую?» — «Отпустите меня на год домой на поправку: отец и мать у меня старые и больные».

Государь был в веселом расположении духа. — «А что ты мне привезешь оттуда?» — «А привезу я смех и горе, Ваше Императорское Величество!» — «Ну, хорошо, отпускаю; только привези мне смех и горе!» — И государь записал о том в свою памятную книжку.

Кончился смотр. С Курилова сняли новую амуницию, выдали ему рваные шароваришки и заплатную шинель, старые казенные сапоги, и дали годовичное отпускное свидетельство с правом на год на родину.

А Курилов незадолго перед тем нашел на улице пустой купеческий портмоне. Положил он в него свидетельство, десятикопеечную азбуку и три двугривенных — все, что у него было; да еще в грязный мешок наклак три фунта черных солдатских сухарей — и пошел пешечком в Рязанскую губернию, в Спасский уезд, в деревню Окомеловку.

Приходит он в город Владимир; спрашивает городского: «Где здесь хорошие номера для проезжающих?» — Городовой показывает ему. Приходит туда Курилов: «Есть свободные номера?» — «Точно так!» — «Сколько стоит?» — «Два рубли в сутки». — Курилов взял номер, заказал ужин в полтора рубля и полбутылки коньяку. — А в кармане у него всего навсего три несчастных двугривенных.

Хозяин спрашивает его: «Кто вы будете? Нам надо записать вас на меловую доску». — «Я генерал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов». — Хозяин посмотрел на его рваную солдатскую шинелишку, но ничего не сказал: только бы получить деньги.

Немного погодя в те же номера приезжает на тройке своих лошадей с кучером генерал-лейтенант из города Москвы. Берет номер и спрашивает хозяина гостиницы: «Нет ли у вас

кого-нибудь из военных? Скучно мне одному в городе». — «Есть, Ваше Превосходительство, генерал-майор из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов». — «Пришли-те его ко мне!»

Хозяин гостиницы идет в номер к Курилову, а тот лежит на койке, азбуку свою разбирает. — «Так и так, Ваше Превосходительство! Приехал генерал-лейтенант из города Москвы, просит вас к себе в номер переночевать». — «Позовите его сюда!» — Приходит генерал-лейтенант, рекомендуется: «Я такой-то генерал...» «А я, — отвечает Курилов, — такой-то генерал». — Лейтенант первым делом заказывает бутылку коньяку и отличный ужин.

Выпили и закусили. Лейтенант предлагает поиграть в карты на деньги. Курилов сперва отказывался, но потом согласился. Играют. Генерал-лейтенант наиграл на Курилова 50 рублей и просит деньги. — «Давай играть на сотню!» — Стали играть еще. Курилову повезло. Отыграл от генерал-лейтенанта свои 50 рублей и наиграл на него еще 20 тысяч.

У генерал-лейтенанта нет больше наличных денег, а отыгаться хочется. — «Ставлю за 500 рублей своих лошадей с кучером и экипажем!» — Курилов: «Надо посмотреть лошадей». — Посмотрели: все блестит, а толку никакого в лошадях Курилов не знает. Согласились. Играют. Курилову опять повезло: отыграл у генерал-лейтенанта его лошадей и экипаж.

У генерала одна надежда — на свою одежду. Снимает генерал лейтенант с себя генеральскую фуражку, эполеты, мундир, шаровары с лампасами и лакированные сапоги. — «Ставлю всю свою эту амуницию за 50 рублей». — Курилов согласился и отыграл у генерала его амуницию. Отдал ему свою рваную шинель и сапоги, надел на себя полную генеральскую амуницию — и в самом деле стал похож на генерала.

Проигравшийся генерал-лейтенант спит мертвецким сном после выпитого коньяку, а у Курилова и хмель прошел от привалившего счастья. Призвал первым делом своего нового кучера: — «Как тебя зовут?» — «Иван». — «Известно тебе, что я отыграл у твоего барина его лошадей и экипаж? Ты теперь должен меня слушать во всем так же, как своего прежнего барина!» «Слушаю, Ваше Высокопревосходительство!» — «Так вот, завтра в 5 часов утра подай мне лошадей и поедем в Рязанскую губернию!»

Курилов начал еще раз пересчитывать свои деньги. Ночь скоро прошла, и кучер подал лошадей. Проигравшийся генерал-лейтенант все еще спит. Взял Курилов десятирублевую бумажку, засунул ему за голенище: «Пускай, дескать, хоть за номер расплатится!» — Сел в коляску и уехал.

Приезжает он в город Николаевск. Въехали в город. Генерал Курилов подзывает к себе пальцем первого попавшегося городского. Тот на цыпочках бежит. — «Где здесь самонаилучшие номера?» — «А вот там на пригорке держит самонаилучшие номера граф». — «Кучер, поезжай туда!»

А граф в это время сидел со своею единственною дочерью (он был вдовец), красавицею Катей, на террасе, и пили чай. Дочь и говорит графу: «Папаша, смотри! какой-то молодой офицер едет — наверно, к нам!» — Граф взял бинокль, посмотрел: «Молодой-то молодой, да еще и генерал!» — У Курилова генеральская шинель была накинута на плечи, и красная подкладка виднелась. — «Вот бы с жених-от?» — подумала про себя графская дочь: лет было ей уже немало, а хорошие женихи все не приезжали.

Курилов въезжает прямо во двор графского дома. Выбегает швейцар. — «Есть свободные номера?» — «Точно так, Ваше Высокопревосходительство!» — «Сколько стоят?» — «С конями 10 рублей в сутки». — «Хорошо!»

Курилов остановился в графских номерах. Графская дочь идет к нему в номер и спрашивает: кто он и откуда? (чтобы записать на меловой доске). — «Я генерал-лейтенант из Сан-города-Петербурга, Василий Иванович Курилов! Еду в кратковременный отпуск к себе на родину. Папаша и мамаша у меня при смерти, а дома — пятнадцать домов и пятнадцать

магазинов: приказчики и доверенные разворуют», — «А с чем магазины?» — «С золотыми и серебряными вещами».

«А вы кто будете — замужняя или девочка?» — «Я еще барышня». — «Что же замуж нейдете?» (Курилов к тонкому обращению не привык.) — «Да женихов по мысли нет. Свагался студент да подпоручик, не захотелось идти за них». — «А я вам ндравлюсь?» Графская дочь покраснела и ничего не сказала, — «Ну, если ндравлюсь, так выходите за меня замуж: предлагаю вам свою руку на бракосочетание». — «Я должна сначала переговорить с папашей». Идет к графу и рассказывает ему: «15 домов и 15 магазинов!.. просит руки»... — «Благородное дело! — говорит граф, — если хочешь, иди замуж, воли с тебя не снимаю». — Графская дочь идет опять в номер к Курилову и подает ему, в знак своего согласия на брак, руку.

Скоро молодые перевенчались. Живет Курилов у графов молодой женой месяц, другой и третий. Скучно ему стало по деревне. — «Так и так, — говорит он своей жене, — 15 моих домов и 15 моих магазинов приказчики и доверенные, пожалуй, разворуют; надо мне ехать на родину, а тебя я боюсь брать с собою: дороги, может быть, плохи. Приеду станцию — две и пошлю тебе депешу: ехать или не ехать». — Графская дочь советуется с отцом: «Вася едет домой; мне хочет прислать депешу с первой или со второй станции: хороши ли дороги». — «Благородное дело! — говорит граф, — пусть едет!»

Приехал Василий Иванович в Рязанскую губернию, но еще не в Спасский уезд. Остановился кормить лошадей. Дело было в селе; номеров там нет и пришлось остановиться в корчме. А в корчму незадолго перед тем прибыл военный писарек из заштатных — пробирался в Петербург искать писарской вакансии. Слово за словом, разговорился Курилов с писарком; и задумали они играть в карты на деньги. Плохо пришлось Курилову; отыграл у него писарь и все деньги (20 тысяч), и лошадей с экипажем, и генеральскую одежду. Отдал ему, из сожаления, писарь свой верхний плащ, чтобы было в чем идти домой.

Прежде, чем идти, Курилов попросил хозяина корчмы написать ему письмо к жене. Тот согласился. В письме Курилов писал, что он проиграл все свои деньги, лошадей и одежду писарю; сознался, что он обманул невесту: назвался генералом. «Если, — говорит, — хотите знать, кто я, то посмотрите в спальне нашей под периной». — А там оставил Курилов свой находный купеческий портмоне и грязный солдатский мешок с сухарями — графская дочь не заметила еще того.

Отдал это письмо Курилов своему бывшему кучеру Ивану: «Отдай, — говорит, — его графской дочери, а писаря непременно завези к графу в номера переночевать!» — Кучер все так и сделал.

Пьет граф с дочерью чай на террасе. Дочь и говорит: «Смотри, папаша: Вася едет!» — Граф взял бинокль, смотрит: лошади Васины, а в коляске сидит не он.

Между тем Иван привез писаря на двор к графу, и тот остановился в номере.

Прочитала графская дочь письмо, пошла скорее в спальню; нашла портмоне, прочитала свидетельство Курилова и горько заплакала: «Что я наделала? Вышла за молодого солдата!» — Идет к отцу-графу. — «Ну, что пишет Вася?» — «Зовет меня ехать; он остановился на второй станции; а этого человека Иван довез к нам по пути... Отпускаешь ли меня, папаша, к мужу?» — «Благородное дело!» — говорит граф. Открыл кассу: «Возьми, — говорит, — сколько тебе надо на поездку денег и поезжай!» — Та взяла денег, а сама думает: «Надо как-нибудь изворотиться, выручить мужа!»

Идет в номер к писарю и предлагает ему играть в карты. Тот согласился. Счастье привезло графской дочери: отыграла она у писаря все то, что он выиграл у Курилова, взяла у него генеральскую одежду и выгнала из номера. Села в коляску и поехала с Иваном в Рязанскую губернию, в деревню Окомеловку, разыскивать своего Васю.

А Курилов пешком пришел в свою родную деревню и молотит там хлеб с отцом.

Приехала графская дочь в Окомеловку. На краю деревни стоит трактир. Широкобородый здоровый парень-трактирщик стоит в красной рубахе на крыльце трактира, ухмыля-

ется. — «Где здесь живет Василий Иванович Курилов?» — «Василия Ивановича я не знаю, а Васька Курилов есть, недавно со службы пришел. Вон его хата с краю — давно бы надо сломать на дрова, а то в ветреную погоду может кого-нибудь задавить».

Подъезжает к избушке Курилова. В избе сидит одна старуха мать Василия Ивановича. — «Здесь живет Василий Иванович?» — «Здесь». — «А где он?» — «На гумне с отцом молотит». — «Как бы его нам увидеть?» — «Давайте я вас провожу». — «Нет, — говорит графская дочь, — покажите лишь мне дорогу, а я найду сама!» — Та показала тропу.

Пошла графская дочь по тропке, приходит на гумно. Там молотят два мужика. Графская дочь с трудом узнала Васю: босые ноги грязны, штаны засучены до колен, рукава рубахи — до локтей; сам весь грязный, одежда рваная; волосы у него подросли, и отец подровнял ему их — заступами — топором на полене.

«Здравствуй, Вася!» — говорит графская дочь. — «Здравствуй, женушка!» — Отец Курилова испугался: «Приехала, — говорит, — царская дочь, а он ее зовет женой». — «Я, — говорит, — за тобой приехала: пойдём со мной!» — Пошли. Обезумевший отец-старик смотрит им в след и не надивится.

А графская дочь спрашивает: «Есть ли у вас в деревне баня и цирюльник?» — «Баня есть у попа, а за цирюльника ответит солдат Мохов». — «На вот тебе рубль — остригись у солдата да сходи вымойся в баню, а потом поедем к нам домой». — Курилов остригся и вымылся кое-как в бане, а графская дочь велела кучеру подать лошадей к бане. Одеда его опять в генеральскую одежду и привезла к себе домой.

«Ну, как съездила? Что выездили?» — встречает ее граф. — «А 15 домов и магазинов Вася продал». — «А деньги куда?» — «А деньги в банк положил». — «Благородное дело!» — отвечает граф.

Живет опять Курилов у графа месяц, живет другой. Приходит срок воротиться ему на службу в Петербург, говорит он о том жене. Та графу: «Так и так, приходит Васе срок ехать в Петербург на службу». — «Да, — говорит граф, — надо торопиться, а то может выговор от командующего войсками получить. Возьми, сколько надо денег!» — Графская дочь взяла денег и поехала в Петербург. Приехали в Петербург. Взяла графская дочь самонаилучший номер, за 25 рублей в сутки. Остановились.

Идет Курилов на толчок, купил себе старую шинель, сапоги казенные, фуражку; приходит на другой день в роту. — «Васька Курилов приехал! Васька Курилов приехал!» — кричат солдаты. — А у Васьки Курилова на руке три золотых кольца. — «Украл, видно?» — «Какое украл! Женился, братцы, на графской дочери». Смеются солдаты: «Где тебе на графской дочери жениться?»

Взводный кричит: «Васька Курилов! Принеси из цейхгауза винтовку, вычисти: она вся заржавела, а скоро будет государев смотр!» — Принес Курилов винтовку, а чистить ее ему неохота. — «Братцы! Кто вычистит за рубль мою винтовку?» — «Какой у тебя рубль! У тебя и копейки-то нет!» — смеются солдаты. — Курилов вынимает из кармана пять рублей. — «Кто вдвоем вычистит мою винтовку за пять рублей?» — Все наперерыв кричат: «Я! Я! Я!» — Взял двоих, отдал им винтовку: «Вычистите и принесите завтра в такие-то номера!» — А сам ушел домой.

На другой день несут два солдатика ему винтовку в номер; входят, а у двери висит генеральская шинель на красной подкладке: Курилов, как приехал в Петербург, тут ее оставил. Испугались солдатика, драло домой. Курилов вышел на стук; «Эй, братцы!» — А те давай Бог ноги, и винтовку его бросили на дороге.

На другой день Курилов явился в новой солдатской амуниции на государев смотр. Стали в ряды. Большого начальства еще не было, одни поручики. Приезжает графская дочь в коляске на тройке на Марсово поле; подходит к офицерам: «Можно ли мне, — спрашивает, — пройти по фронту?» — «Для чего?» — «У меня муж в строю». — «Пока большого начальства нет, можно».

Пошла графская дочь по фронту. Курилов говорит своему соседу-солдатику: «Это моя жена!» — Тот толкнул его в бок: «Что ты, дурак? Какая тебе жена? Это генеральская дочь!» — А графская дочь идет мимо Курилова и усмехнулась. Курилов на это громко засмеялся. Все солдаты удивились: «Что-нибудь да между ними есть!» — Приезжают ротные командиры. Поручики просят графскую дочь: «Сейчас приедет командующий; отойдите, пожалуйста, к своей коляске: он у нас человек строгай!» — Та отходит.

Приезжает командующий войсками Петербургского округа; подходит к офицерам, говорит им: «Замечаю я, господа, что на смотрах около вас все увиваются какие-то блядищи; впредь чтоб этого не было!» — Графская дочь услышала это, подходит к командующему и говорит ему: «Какое вы имеете право оскорблять меня?» — «А вы кто такая?» — «А вы кто такой?» — «Я командующий войсками Петербургского округа!»

Графская дочь поехала к государю во дворец. А граф был родня государю императору. Приезжает: государю уже поданы лошади. Встречает графская дочь его на лестнице, он едет на смотр, падает ему в ноги: «Прости, отец!» — «В чем ты виновата, дочь моя?» — «Я вышла замуж за рядового». — «Благородное дело, дочь моя! Я сам ходил рядовым, а теперь управляю престолом». — Оскорбил меня публично площадными словами командующий войсками».

«Послать за ним тюремную повозку: пусть привезут его сюда в тюремной повозке!» — Привезли. — «На 22 в ряды!»

«А кто твой муж?» — «Василий Иванович Курилов». — «Послать за ним моих лошадей!» — Привезли. — Это ты тот солдатик, который просился у меня на год на поправку и обещал привезти мне смех и горе?» — «Точно так, Ваше Императорское Величество!» «Ну, хорошо, хорошо! Привез ты мне радость: племянница моя вышла за рядового, — и горе: командующего войсками разжаловал в рядовые. Жалую тебя чинами и орденами. Завтра сделай смотр моим войскам, вместо меня!»

И сделал его командующим войсками Петербургского округа.

СКАЗКА О ДУНЬКЕ-ДУРКЕ И ЯСНОМ СОКОЛЕ

Записал М. И. Суряков

Жили-были старик да старуха. У них было три дочери: две дочери умные, а третья была Дунька-дурка. Мать у них умерла. Они стали жить с отцом. Когда отец поедет в город, две умные дочери заказывали обновы: одна — ленточку, другая — платочек, а Дунька-дурка заказывала купить себе Ясного Сокола. Отец нашел в городе от Ясного Сокола перышко и привез его Дуньке-дурке.

У них было у всех по избушке. Однажды Дунька-дурка вечеровала в своей избушке. К ней прилетел Ясный Сокол и подарил ей красивое платье, а сам улетел.

Однажды был праздник. Две умные сестры нарядились и пошли к обедне. Дунька-дурка тоже стала проситься в церкву. Сестры ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печке, перегребай сажу!»

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка надела свое красивое платье, которое подарил ей Ясный Сокол, и пошла к обедне. Все люди в церкви загляделись на Дуньку-дурку; сестры тоже смотрели на нее. Когда от обедни воротились все, Дунька-дурка была уж дома.

Сестры пришли и стали рассказывать Дуньке-дурке, кого видели и в каком наряде. А Дунька-дурка говорит: «Не я ли это, сестры, была?» — Сестры ей и говорят: «Видать тебе! Такой быть красивой!» — Вечером прилетел к ней Ясный Сокол и подарил ей другое платье, лучше прежнего.

На другой день опять сестры снаряжаются к обедне. Дунька-дурка опять просится с сестрами к обедне. Сестры опять ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печи, перегребай сажу!» — Дунька-дурка просит у сестер: «Дайте мне хоть гребешка, голову расчесать!» — Сестры бросили ей гребень прямо в голову.

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка надела еще красивее прежнего платье и пошла к обедне. Опять все смотрят на нее, спрашивают: «Откуда ты такая, красавица? Из какого города?» — Дунька-дурка говорит: «Я из того городу, где бьют гребнем голову».

Сестры пришли от обедни и рассказали Дуньке-дурке, кого видели и в каком наряде. А Дунька-дурка говорит: «Не я ли это, сестры, была?» — Сестры ей говорят: «Видать тебе! Такой быть красивой!» — Вечером прилетел к ней Ясный Сокол и подарил ей платье лучше и краше прежних.

На третий день опять сестры снаряжаются к обедне, и опять Дунька-дурка просится с сестрами к обедне. Сестры ей говорят: «Куда тебя такую черную! Сиди уж на печи, перегребай сажу!» — Дунька-дурка говорит: «Дайте мне хоть умыться!» — Сестры ей бросили мыло прямо в голову.

Когда сестры ушли к обедне, Дунька-дурка еще лучше прежнего нарядилась и пошла к обедне. На нее все смотрят, спрашивают: «Откуда ты такая, красавица? Из какого города?» — Дунька-дурка говорит: «Я из того городу, где бьют мылом голову».

Сестры узнали, что к Дуньке-дурке прилетает Ясный Сокол, поставили ножи на окошечке, тогда Ясный Сокол прилетел и сел на окошечко, то подкололся.

Он думал, что его Дунька-дурка подколола, и не стал с того времени летать к ней. Когда пришла Дунька-дурка от обедни и увидала на окошечке кровь, то узнала, что ее Ясного Сокола подкололи. Она пошла искать Ясного Сокола.

Шла, шла и дошла до избушки на курьих ножках. Дунька-дурка сказала: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом». — Избушка стала к лесу задом, а к Дуньке-дурке передом. Дунька-дурка зашла в избушку, а на грядке сидит Баба-Яга: одна нога у нее на полке, а другая на грядке.

Баба-Яга говорит: «Фу-фу, русского духу слышно! Кака-то красна девка пришла. Я ее съем». — Дунька-дурка говорит: «Нет, не ешь! Сперва напой, накорми, спать уложи да спроси: чья? Откуда?» — Баба-Яга напоила, накормила Дуньку-дурку и спать положила.

Дунька-дурка выпалась, стала рассказывать, куда пошла. Баба-Яга говорит: «Ясный Сокол уж высватал у Бабы-Яги внучку. Она шибко злая и тебя съест». — Дунька-дурка говорит: «Я не боюсь ее». — И опять пошла дальше.

Шла, шла, опять дошла до избушки. Опять стоит избушка на курьих ножках и повертывается. Дунька-дурка сказала: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». — Избушка стала к лесу задом, а к Дуньке-дурке передом. Дунька-дурка зашла в избушку и видит: сидит Баба-Яга, одна нога у нее на полке, а другая на грядке.

Баба-Яга говорит: «Фу-фу, русского духу слышно! Кака-то красна девка пришла. Я ее съем». — Дунька-дурка говорит: «Нет, не ешь, а сперва напой, накорми, спать уложи да спроси: чья, откуда». — Баба-Яга напоила, накормила Дуньку-дурку и спать положила.

Дунька-дурка выпалась, стала рассказывать, куда пошла. Баба-Яга говорит: «Ясный Сокол женился на внучке Бабы-Яги. Она тебя съест». — «Я не боюсь ее».

Баба-Яга говорит: «Я тебе дам золотую прешенку (прялочку), серебряно веретешечко (веретено), золотое ведерышко да золотой жбанчик. Поди к Ясному Соколу и пряди на золотой прешенке!»

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу, зашла в избу и стала прясть. Баба-Яга услышала и говорит: «Фу-фу, русского духу нанесло!» И увидала, что на золотой прешенке прядет Дунька-дурка. Баба-Яга говорит: «Продай мне золотую прешенку!» Дунька-дурка говорит: «Прешенка у меня не продажна, а заветна, чтобы с Ясным Соколом ночь ночевать». — Баба-Яга говорит: «Поди хоть две спи».

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу, будила, будила его, не могла разбудить. Баба-Яга на него возложила сон.

Дунька-дурка пошла опять к Бабе-Яге. Пришла и говорит: «Я не могла разбудить Ясного Сокола. Она на него сон возложила». — Баба-Яга говорит: «Возьми золотые ведерышка, сядь и побрякивай; Баба-Яга услышит и прибежит, станет у тебя ведерышка покупать, ты не продавай, а говори: заветные».

Дунька-дурка опять пошла к Бабе-Яге и опять стала побрякивать ведерышками. Баба-Яга прибежала и говорит: «Продай мне ведерышка-те!» — Дунька-дурка говорит: «У меня ведерышка не продажны, а заветны: с Ясным Соколом ночь ночевать». — Баба-Яга говорит: «Хоть поди две спи».

Дунька-дурка пошла к Ясному Соколу; будила, будила его, не могла разбудить его, пошла опять назад.

Говорит Дунька-дурка Бабе-Яге: «Я его будила, будила, не могла разбудить». — Баба-Яга говорит: «На тебе золотой жбанчик. Поди да переливай воду из рога в рог».

Дунька-дурка пошла да и стала из рога в рог переливать. Баба-Яга прибежала и говорит: «Продай мне этот жбанчик». — Дунька-дурка говорит: «Не продажный этот жбанчик, а заветный: с Ясным Соколом ночь ночевать!» — Баба-Яга говорит: «Пошел, хоть две спи!»

Дунька-дурка пошла; будила, будила Ясного Сокола, едва разбудила.

Дунька-дурка говорит: «Поедешь со мной?» — Ясный Сокол говорит: «Она нас поймает, дак ведь съест!» — Дунька-дурка говорит: «У меня есть меть да кремень».

Они поехали. Уж далеко уехали, как услышали, что едет Баба-Яга. Они бросили меть — и стал густой лес. Баба-Яга не могла проехать, поехала взад, домой по топоры. Вырубилa лес, и опять поехала за ними.

Они опять услышали; опять бросили кремень. Стала огненная река. Баба-Яга увидала и говорит: «Бросьте хоть мне сюда платочек!» — Они ей и говорят: «Ты нас съешь?» — Баба-Яга говорит: «Нет, не съем». — Они бросили ей платок. Баба-Яга стала на платок и утонула.

Они стали жить да поживать, да добра наживать.

СКАЗКА О КОТЕ И РЕШЕТЕ

Записал Р. П. Дудин

В неизвестной нам деревне жила старушка с сыном. Не знала старушка, почему-то своего сына прокляла. Сын ее провалился сквозь землю и нашел там конопатку с кошельком. Он начал рыть вверх и вырылся на свет Божий. Вышел из земли он, пошел к избушке. Когда он вошел в избушку, то увидал на лавке свою мать и сказал: «Здравствуй, мамонька!» — С этого времени мать его возлюбила и хотела женить.

Однажды она спрашивает своего сына: «Кого ты, сын, возьмешь за себя замуж?» — Сын в ответ на это сказал ей: «Мать, пойд и запряги кота в решето». — Мать послушала своего сына и запрягла кота в решето.

После того мать просила от сына благословение. Когда сын благословил ее, тогда она села в решето и поехала к царю.

Когда она подъезжала к царскому дворцу, то слуги не заметили старушку. Когда она проехала в подворотину во дворец, вышла из решета и пошла к царю.

Когда старуха пришла к царю и сказала: «Царь государь! Не выдашь ли свою дочь за моего сына в замужество?» — Царь сказал старухе: «Что у тебя есть?» — На то она сказала царю, что «у меня есть дом тысячный и денег несколько миллионов рублей. Причем: не даш ли мне еще четвертушку деньги считать?» — Царь дал старушке четвертушку деньги пере- сыпать да считать и велел ей ехать домой.

Тогда старуха вывела кота из дворца, села в решето и поехала домой.

Когда она приехала домой, тогда четверушку положила в решето и говорит сыну: «Нет ли у тебя серебрушка?» Сын не сказал ничего, дал ей серебрушку, которую старуха заткнула за обручок четверухи; и держала ту четверуху три месяца.

Когда старушка поехала опять к царю, то сын ее пошевелил конопатку и кошелек, которой он греб землю, и стал таким молодцом, что такого нет на белом свете. Причем столько же и старушка помолодела и сказала сыну, что «я поеду за одним — свататься у царя дочь».

Поехала во дворец на коте в решете к царю. Когда она приехала к дворцу и пошла к царю, сказала: «Царь, великий государь! Я привезла тебе обратно четверушку... Ой, ой! Да еще у меня осталась за обручком кадушки серебрушка. Царь, возьмите ее за поддержку четверушки!» — Услышал это царь, расмехнулся и говорит, что «разве у меня нет их?» — И отдал обратно старухе.

После этого старуха начала свататься у царя дочь за своего сына. Царь объявил старухе, что «я дотуда не выдам за сына ее, свою дочь, когда у них не будет проведена дорога от дворца царя до дому старухи, которая была бы в золоте».

Старуха уехала домой и рассказывает своему сыну слова царя. Он, не задумавшись, пошевелил свою конопатку и кошелек, и тотчас же появилась от дому до дворца царя дорога неписанной красоты.

Увидав дорогу, царь согласился выдать за сына старухи свою дочь, и ехала бы скорей свадьба.

На другой день после свадьбы избушка у старухи стала по-прежнему на подпорах, в которой остались жить новобрачные.

СКАЗКА О СТАРИКЕ И СТАРУХЕ

Записал В. Гуляев

Жил-был старик со старухой. Старуха у старика и прикинулась, будто захворала, и посылает старика в Задонское царство жене по лекарство. Старик пошел, и на пути ему попадается служилый; спрашивает его: «Куда Бог понес тебя?» — Старик ему отвечает: «В Задонское царство жене по лекарство». На это служилый сказал: «Не ходи, дедушка! Над тобой баба насмешки строит».

Старичок послушался и воротился. Пошли вместе; служилый и говорит: «Где ваша деревня?» — Старик ответил: «Пойдем дале, найдем и нашу деревню».

Когда они подходили ближе, стали проситься ночевать; а у нее был пир, она не пускала. Они все просились; наконец, пустили. Солдат и говорит старику: «Я тебя оберту соломой и поставлю в угол под порожек, как наволочку». — Так и сделали.

На пиру были званы попы, дьяки, псаломщики. Один поп и говорит: «Не знаешь ли, служилый, какую песенку?» — «Знаю», — говорит. — «Ну-ка, скажи!» — Он начал говорить:

Слушай-ка, солома,
Что деется дома:
На грядках-то лучина,
На спице-то безмен...
Достанется всем!

Им поглянулось. Они ему подали стакан вина, он им опять повторил; ему опять подали — он еще повторил.

Как солома-та развернулась, сбрила со спицы безмен и давай хлестать всех. И некоторых перебили.

БРАТ И СЕСТРА

Записал И. Потанов

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был купец с купчихой; у них был сын да дочь. Вот и умерли этот купец с купчихой, и умирали когда они, дак наказывали сыну своему, чтобы да он почитал сестру; поэтому она набольша осталася. Вот и стали эти брат с сестрой жить, и живут они сколя — много-мало. А торговал этот купеческий сын. И завсегда он благословлялся у своей сестры, когда надо было ему уходить на базар. Так, значит, и жили они добрыми порядками.

Вот одиножды они обедали; обедают, значит, как подобает, только этот купеческий сын сидел, сидел, за столом-то, значит, да и рассмехнулся. Вот сестра и спрашивает его: «А что ты, брат, рассмеялся? У тебя, верно, что-то на уме есть?» — И говорит он сестре своей: «Ах, любезная сестрица! У меня и подлинно есть что-то на уме, да не знаю, как про то сказать тебе». — «Говори, говори, любезный братец, что у тебя на уме!» — «Да я думаю, любезная сестрица, что не худо бы и жениться мне: добры люди говорят, что пора и пристроиться». — И говорит ему сестра: «Оно вестимо так, братец! Не жениться хорошо, а жениться лучше того...» — «Дак что же, поедем ино свататься!»

Вот и поехали они свататься... наперед, значит, невесту выбирать... Ну, а невест, известно дело, много — кишмя кишат: та хороша, другая лучше еще; и всяки есть — и баские, и богатые... Вот и навятели ему, значит, одну невесту, то есть нахвалили, и женился на ней купеческий сын.

Вот и живет он с молодой своей женой много-мало время; ну и ладно на первых-то порах. А благословенье родительско не забывает купеческий сын — всегда, значит, благословляется у сестры, когда пойдет в лавку торговать. Вот и не слюбись это жене-то его молодой, то есть, что он благословляется у сестры-то.

Вот эта молодая жена проводила одиножды мужа в лавку и села сама под окно. Вот она сидит, А сестра была в те поры дома. Вот сидит эта молодуха под окном. Вот в это время идет мимо окошек-те ее хахель; только, значит, он поравнялся с окошками-то — она и стук, стук, стук ему в окошко-то: зайди, дескать. Вот и зашел ее хахель в горницу.

Сестра увидала его да и говорит: «А ты, — говорит, — зачем сюда прикатился?» Потому что человек был незнакомый. Он и отвечает ей: «Я к твоему брату пришел». — А сестра и говорит опять: «Брат в это время завсегда бывает на базаре, и всяк знает, что его топеречь дома нетука». И не слюбись это сношке.

Вот после, когда прийти, значит, мужу-то, она взяла, да тихомолком и убила горнишну свою собачку, а сама натерла глаза луком и села к окну — и сидит, будто плачет. Вот и пришел муж из лавки и увидел слезы-то на глазах и спрашивает: «А о чем ты, любезная жена, плачешь?» — И отвечает ему она: «Да вон сестрица-то твоя уж не знает, как досадить мне, дак взяла да и убила мою собачку! А у меня только и было утехи-то, что эта собачка! Мне всегда скучно бывать без тебя, ну я и забавлялась с собачкой!» — А сама будто плачет. Вот муж и стал, значит, ласкать ее: «Не плачь, — говорит, — я тебе другу, еще лучше куплю собачку-то!».

Вот хорошо. Так и прошло это дело. Он не сказал, значит, и слова сестре, что — зачем она убила собачку его. жены. Вот наутро, как идти ему в лавку, он опять, значит, и благословился у сестры и ушел.

Вот как ушел он, молодая его жена опять, значит, и села к окошку и сидит. Вот опять идет мимо окошек ее хахель. Вот она опять и созвала его. Вот и зашел этот хахель, и сидят они. Вот сестра опять и увидала его; как увидала, значит, ну и спрашивает его опять: «Зачем, — дескать, — еще пришел?» — И отвечает ей этот хахель опять: «Я, — говорит, — к твоему брату пришел». — И говорит она ему: «Да ведь я, — говорит, — в прошлый раз сказала тебе, что брата в эту пору не бывает дома. У меня, — говорит, — не ходи без него, а то я, — говорит, — скажу брату!» — И ушел этот хахель.

Вот сноха эта взяла да и убила своего ребенка. — А у ней был ребенок. — Вот как убила она ребенка, взяла опять луку и пуще того натерла луком себе глаза и села опять и сидит — будто плачет и убивается. Вот приходит муж из лавки и видит, что жена его пуще еще плачет. Вот и спрашивает он ее: «А что опять с тобой, любезна жена, dospилось?» — «А посмотри-ка, — говорит ему она, — что dospела твоя-то сестра: ведь она и ребенка-то моего уходила!..» — И давай сама будто плакать.

Посмотрел он: и заподлинно ребенок убит. Огорчился, значит, он. Оно и вестимо: родно детище — как не жаль! И чужого жаль! — Вот и говорит он жене своей: «Что же, — говорит, — я буду делать с лиходежкой сестрой?» — И говорит ему жена: «Да запряги лошадь — будто едешь кататься, ну и возьми ее с собой; завези ее в лес и убей в лесу — да смотри, сердце привези мне!»

Вот он взял запрег лошадь и стал звать сестру с собой кататься. Согласилась эта сестра, и поехали они. Вот едут. Вот и привез он эту сестру свою в лес. Вот привез он сестру свою в лес, и высадил ее, и говорит ей: «Ну, сестра, я много терпел от тебя бед! Теперь пришло времечко, и я тебя убью!»

Вот сестра и почала его уговаривать, чтобы да он не убивал ее до смерти: «Отсеки, — говорит, — хочешь руки да ноги — я тогда никуда не уйду!» — Он и говорит: «Нельзя, сестрица, этого сделать: хоть мне-ка и жалко тебя, а боюсь я жены. Она, — говорит, — велела мне сердце твое привезти к ней!» — Как раз на ту пору бежит собака. Сестра эта и говорит ему: «Вот, братец родной, поймай эту собаку, убей ее и вынь из нее сердце и увези его к жене: ведь она не узнает, какое сердце».

Вот он поймал ту собаку, убил ее, вынул из нее сердце, взял это сердце к себе. Вот как сделал он это, потом отсек сестре руки да ноги и оставил ее так в лесу, а сам и уехал домой. Приехал он домой и отдал жене сердце.

Вот тем временем сестре-то и подсобил как-то Бог милосливый залезти на дуб.

Вот и пошел Иван-царевич на охоту, и идет он по лесу, а собаки-то его убежали, значит, поперед да к дубу-то и прибежали, и ну они лаять на купеческую-ту дочь: а она на дубе-то, значит, и была на том. Вот лают собаки. Вот Иван-царевич и прибежал тутакда да и спрашивает: «Кто тутакда? Если старушка сидит, дак будь мне бабушка, середня девица, дак будь мне тетушка, а если красна девица, дак будь моя обручница!» — И говорит ему купеческая дочь: «Нет, молодец, не возьмешь ты меня в супружницы: я без рук и без ног!» — «А увидим, красна девица!»

Вот он взял ее, снял с дуба и повез во дворец. Привез он купеческую дочь во дворец и стал говорить родителям своим: «Вот так и так, тятенька и маменька! Я, — говорит, — нашел вот какую находку и обещался взять ее за себя замуж. Благословите, — говорит, — тятенька и маменька». — Вот родители-то почали его разговаривать; но он одно, что «женюсь!»

Не что делать, дали благословенье, и женился Иван-царевич. Ну и, разумно дело, пошел пир на весь мир. Вот как женился Иван-царевич, ну и стал жить со своей молодой, безногой и безрукой женой, и стал жить то есть преотменно!

Вот и спросили Ивана-царевича в иные города. Вот и поехал он и наказал отцу и матери, чтобы да берегли его жену, как прежде его берегли. Вот и уехал Иван-царевич, а молодая жена осталась дома: по этому — она была череваста.

Вот уж время приспело родить царевне. Вот родители и созвали бабушку; а в бабушки-то да и попадись, значит, мать снохи царевниной-то. Вот и родила царевна парнечка, царевича, значит, да такого-то раскрасавчика: по локоть руки в золоте, по колены ножки в серебре, в лобу красное солнышко, а в затылке светел месяц.

Вот эта бабушка взяла да и достала щенка, да и принесла этого щенка ко свекру и свекровке; как принесла к ним, да и говорит: «Вот кого родила ваша сношка!» А ребенка унесла к себе домой.

Вот они взяли да и написали сыну, что «вот, дескать, так и так: твоя супружница родила щенка, дак что делать с этим щенком?» — Вот Иван-царевич и послал им ответ, чтобы да ничего до его не делали со щенком. А грамоту-ту эту бабушка-та возьми да и перехвати, да и напиши сама им, от его, значит, чтобы да отец и мать отпустили его супружницу в бочку со щенком — запечатали бы, значит, ее со щенком в бочке и отпустили по морю.

Вот они, значит, получили эту грамотку, взяли свою сношку, да и в бочку, и щенка тоже. В эту же пору и бабушка-та успела тихомолком сунуть в бочку и ребенка. Потом взяли, значит, запечатали эту бочку да и отпустили ее по морю. Вот и поплыла эта бочка, поплыла да и поплыла.

Ну, тамока плавала сколько — много-мало, вот и подплыла эта бочка к плотуку. А плотик этот был старичий — монастырский, значит. На этом плоту в те поры старица с коромыслом пришла за водой. Вот наша царевна и услышала, что кто-то есть неподалеку: вот и стала она слезно просить, чтобы да ее вытащили из бочки-то. Вот эта старица взяла да и разбила бочку. И вышла наша царевна из бочки и щенок за ней и ребенок, да такой-то большой ребенок-от: он не по годам, а по часам рос, как пшеничное тесто на опаре киснет.

Вот эта старица и созвала ее, и с ребенком и со щенком, в монастырь жить. Вот пришли они в монастырь и стали жить.

Вот живут они дивно время. Ребенок вырос и большой такой стал детина, хороший из себя. Вот царевна и вздумала идти на свою сторону; распростилась со всеми и пошла со своим сынком.

Вот они шли много-много. Вот и стали подходить к государству, где-ка жил Иван-царевич. Вот и услышали они, что у Ивана-царевича пир: а он только что, значит, в те поры женился и взял за себя снохину сестру — дочь, значит, бабушки-то.

Вот они пришли в этот город и стали ночевать проситься в доме Ивана-царевича, во дворе, значит. А как людно было тутака, их не пускают слуги. Вот сын царевны и говорит слугам: «Скажите, — говорит, — Ивану-царевичу, что я умею сказки сказывать: может, честна компания и послушает моих сказок». — Вот и сказали слуги, что молодец умеет сказки сказывать. И велели пустить их.

Вот как пустили, царевнин сын и стал рассказывать, как и что было: то есть как его мать погубила сноха — ну, все про все и рассказал. Тогда Иван-царевич и догадался про все и велел казнить сперва сноху, тут бабушку. А сам и стал жить с этой женой да сыном. И теперечь, знать, живут.

КОШЕЧКА- ЗОЛОТЫЕ СЕРЕЖЕЧКИ

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них были сын да дочь. Старуха и затворила квашонку. Поутру-ту послала девушку по капустные листочки в огород. А ей встречу-ту

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Девушка-та в воду;
Кошечка-та в морду —
Девушка-та в морду;
Кошечка-та в лес —
Девушка-та в лес;
Кошечка в избушку —
Девушка в избушку.

В избушке-то лежит на полотах старик, старый-престарый, да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку!

Старик-от со старухой ждали, ждали, да и не могли дожждаться. Послали опять парнечка-та. Вот он пошел по капустные листочки, а ему встречу

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Парнечок-от в воду;
Кошечка-та в морду —
Парнечок-от в морду;
Кошечка-та в лес —
Парнечок-от в лес;
Кошечка-та в избушку —
Парнечок в избушку.

Опять лежит в избушке старик на полотах да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку
Да парнечка.

Схватил да и съел парнечка-та;
Старуха-та и говорит: «Поди-ка ты, старик, сходи сам в огород-от! Где они долго?» —
Вот старик и пошел. И ему опять навстречу

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Старичок-от в воду;
Кошечка-та в морду —
Старичок-от в морду;
Кошечка-та в лес —
Старичок-от в лес;
Кошечка-та в избушку —
Старичок в избушку.

В избушке лежит старик на полатах да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку,
Да парнечка,
Да старичка!

Хам! И съел старичка-то.

Старуха-та ждала, ждала, не могла дожждаться да и пошла сама. Опять

Бежит кошечка —
Золотые сережечки.
Кошечка-та в воду —
Старуха-та в воду;
Кошечка-та в морду —
Старуха-та в морду;
Кошечка в избушку —
Старуха в избушку.

Лежит опять старик на полатах да и говорит:

Спасибо тебе, кошечка —
Золотые сережечки:
Принесла ты мне девушку
Да парнечка,
Принесла ты мне бабушку
Да старичка!

Хам! И старуху-ту съел.

У них никого не осталось дома-то, квашонка-та вся уплыла, избушка-та сгорела. Вот и сказке конец.

ДЕВУШКА-СНЕЖУРОЧКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них никого не было — ни сына, ни дочери; окошечки заколочены. Вот старик и говорит: «Старуха, поди, — говорит, — принеси снежку да положи под корчагу на печку!» — Вот, поутру встали: а у них из снегу-то девушка-снегурочка родилась.

Вот лето стало. Пришли подружки звать по ягодки девушку-снегурочку. Вот и говорят: «Дедушка, отпусти по ягодки девушку-снегурочку!» — «Пусть пойдет!» — Вот они и сходили. Девушка-снегурочка всех больше набрала: те неполны чашечки, а она полну.

Вот опять на другой день пришли звать: «Дедушка, отпусти по ягодки девушку-снегурочку!» — «Пусть пойдет!» — Вот сходили. Девушка-снегурочка полну чашечку набрала, а те неполны.

На третий день опять пришли звать девушку-снегурочку: «Дедушка, отпусти с нами по ягодки девушку-снегурочку!» — «Нече делать! Пусть дома сидит!» — «Отпусти, дедушка!» — «Ну, пусть пойдет!» — Вот и пошли. Девушка-снегурочка опять набрала полну чашечку, а те опять неполны.

Вот другие-те девушки от нее и стали отнимать ягодки-те: сами-то не набрали, дак завидно стало. Она им не отдает, — они ее и убили. Схоронили под дубик, ягодки-те отняли, а чашечку-ту изломали. Вот и пришли домой.

Старик со старухой стали спрашивать: «Куды вы дели девушку-снегурочку?» — Они и говорят: «Мы не знаем — в лесу осталась!» — Старик со старухой пошли искать девушку-снегурочку, да и не могли найти-то.

Вот у девушки-снегурочки и выросла на могиле-то дудка. Мужики шли да и сорвали дудку-ту. Стали сопиться — она и выговаривает:

«Дедюшка, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Вот это мужик-от и говорит другому: «На-ка ты посопися!» — Вот и тот стал сопиться — дудочка опять выговаривает:

«Дедюшка, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр бор схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,

Чашечку изломали —
Ягодки отнимали»

Вот мужики пришли в деревню. Попросились в избу к мужику ночевать, к отцу-то девушки-снегурочки. Мужик один и говорит: «На-ка, дедушка, посопись». — Вот он и стал сопиться, а дудочка-та выговаривает:

«Тятенька, потихоньку,
Свет-родной, помаленьку:
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили.
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Старик-от и говорит старухе: «На-ка ты, старуха, посопись — ровно тут наша-та снегурочка говорит!» — Вот и старуха стала сопиться, дудочка опять выговаривает:

«Матушка, потихоньку,
Свет-родна, помаленьку!
Две меня сестрицы убили,
Под сыр дуб схоронили,
Веничком прикадили,
Чеботом притоптали,
Чашечку изломали —
Ягодки отнимали».

Старик-от и говорит мужикам: «Где, — говорит, — дудочку-ту вы взяли?» — Мужики-те пошли да и указали. Старик со старухой стали в том месте копать, да и выкопали девушку-ту снегурочку. Она у них ожила. Стали они жить да быть, да и теперя живут.

МОРОЗКО

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них была дочь. Старуха-та умерла, старик-от и сдумал жениться; взял Ягу-бабу с дочерью же.

Вот эта Яга-то баба не залюбила старикову-ту дочь, падчерицу-то. — «Старик, увези ее в лес! Мне, — говорит, — не надо ее!» — Старику-то жаль было ее, дочь-ту, да че сделаешь? — «Садися, — говорит, — мила дочь, в сани!» — Ехали, ехали они по дороге по большой, нашли дорожку маленькую в лес. Старик и высадил дочку-ту из саней: «Поди, — говорит, — мила дочь, куды хочешь!»

Вот она и побежала. Бежала, бежала по дорожке-то, добежала до избушки. Зашла в избушку и стала жить. Вот поутру

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». — Вот Морозко и нанес ей и хлеба, и скота, и живота — всего нанес.

На другое утро опять
Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». — Вот он нанес ей шуб и постелей и всего, чего надо.

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». — Вот он нанес ей золота и серебра и всякого имения. Стала она жить теперь богато.

Вот Яга-баба и посылает старика: «Поезжай-ка, старик, привези дочь-ту: замерзла, знать-то», — Старик и поехал искать дочь.

Ехал, ехал по большой дороге, нашел дорожку-ту в лес, свернул да и поехал по ней. Вот ехал, ехал, до избушки-то и доехал. Поставил лошадку, привязал к крылечку и зашел в избушку.

Вот дочь-та обрадовалась: «Ой, батюшка родимый приехал!» — Напоила-накормила его. — «Мила дочь, я, — говорит, — приехал по тебя: складывай именье-то, поедем домой!» — «Поезжай-ка, — дочь-та говорит, — приведи лошадок: имения-то у меня много!»

Вот он съездил, привел лошадок, склали именье-то и повезли домой. Подъезжают к дому-ту, — собака у них — така сердита была — и лает:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочь везет —
Животы в коробейках
Стучат да бренчат.

Вот Яга-баба, мачеха-та, выбежала с ухватом, ну бить собаку-ту: «Лай, — говорит, — костки в лукошке стучат да бренчат!» — А собака все свое:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочь везет —
Животы в коробейках
Стучат да бренчат.

Вот старик привез дочь. Яга-баба рада, что имения много падчерица привезла, и говорит старику: «Старик, увези-ка мою-ту дочь в лес-от: не разбогатеет ли она!» — Вот он запряг лошадку и повез Ягишну. Ехал, ехал, до той дорожки доехал и высадил: «Поди, куда хочешь!»

Вот она побежала по дорожке, до избушки-то добежала и зашла в избушку. Ночевала. Поутру

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У, какое, Морозко проклятый, тепло? Заморозил!» — Вот он еще подбавил морозу-ту маленько.

На другой день
Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У! Заморозил меня, проклятый! Эка стужа!» — Морозко опять прибавил морозу.

Вот на третий день

Скачет Морозко
По ельничкам,
По березничкам,
По частым боркам,
По веретейкам:

— «Тепло ли тебе, красна девица?» — «У! Проклятый! Совсем заморозил!» — Морозко еще прибавил морозу и заморозил ее совсем.

Вот Яга-баба и посылает опять старика: «Поезжай, — говорит, — старик, вези дочь-ту с именем!» — Старик запряг лошадок и поехал. Ехал, ехал, доехал до дорожки и свернул в лес. Вот подъехал к избушке, привязал лошадок к крылечку и зашел в избушку. Зашел в избушку-ту, а Ягишна-то ровно кочень. Повалил он ее в сани и повез домой.

Вот подъезжает к дому-ту, а собака так и лает:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочь везет —
Костки в лукошке
Стучат да бренчат!

Яга-баба выбежала. Ну ухватом водить собаку-ту: «Лай: животы в корбейках стучат да бренчат». — А собака одно что:

Тяф-тяф-тяф!
Крестьянин дочерь везет —
Костки в лукошке
Стучат да бренчат!

Вот приехал старик: «На, — говорит, — дочь-ту!» — Била, била старика Яга-та баба, да ничего не сделаешь! Стали они жить с богатой-то дочерью, да и теперь живут.

ВОЛК И КРЕСТЬЯНИН

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них было семь овечушек да восьмой жеребеночек, да бык-пестряк, да кошка-судомойка, да собачка-пустолайка, парнечек да девушка. Жили они под горой. Вот и повадился волк на гору ходить — сядет на угоре-то да воет — песенки-те поет ли, что ли. Вот волк-от и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.

Старик-от слушал, слушал да и говорит: «Поди-ка, старуха, отдай овечку: хорошо шибко волк-от воет!» — Отдали одну овечку. Волк съел. На другой день опять сел на угор-от и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,
Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.

(Точно так же волк приходит и воет каждый день; каждый раз ему дают по овце. Затем старик отдает: жеребенка, быка, кошку, собачку, парнечка, девушку, старуху. Скушав последнюю, волк опять приходит и воет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец!
У крестьянина было семь овец,
Восьмой жеребеночек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолайка,

Старичок да бабушка,
Парнечек да девушка.)

Слушал, слушал старик и говорит: «Шибко хорошо волк-от воеет — пойду сам!» — Вышел на угор-от — волк и съел старика-то.

КОЗОНЬКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. У них были сын да дочь, да козлушка. Старик стал сына посылать в лес козлушку караулить. Сын-от покарнул да и пришел домой. Старик вышел на крылечко и стал спрашивать: «Козонька, сыта ли? Пояна ли?» — Коза-та и говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала!

Вот старик-от сына-та бил, бил, да и убил. Стал опять дочь посылать. Вот и дочь пошла караулить. Покарнула да и пришла домой. Старик вышел на крылечко, стал спрашивать: «Козонька, сыта ли? Пояна ли?» — Коза говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Старик дочь-ту ну бить. Бил, бил, да и убил. Послал опять старуху — караулить козоньку. Вот и старуха покарнула и пришла домой. Старик вышел на крылечко, стал спрашивать: «Козонька, сыта ли, пояна ли?» — Коза опять говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Вот он, это, бил, бил старуху-ту, да и убил. И говорит: «Дай-ка я сам пойду покарнулю». Вот сам сходил покарнул, пришел домой да и стал спрашивать: «Козонька, сыта ли, пояна ли?» — Коза и говорит:

Я не сыта, я не пояна —
Я по горочкам скакала,
Я осиночку глодала.

Вот он козу-ту бил, бил да и убил. И сам-от пошел да с горя-то на осине и задавился.

ЛИПОВАЯ НОГА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. Они репку посеяли на поле. Вот и повадился медведь репу-ту воровать. Старик-от пошел посмотреть репу-ту: много нарвано ее да набросано. Старуха-та и говорит: «Кто же это нарвал? — Люди? — Дак унесли бы! — Поди-ка ты, старик, караул репу-ту!»

Старик и пошел караулить на ночь; лег под зарод. Вот и пришел медведь и рвет репу-ту. Нарвал береме да и потащил за огород. Репа-та хрумкая была. За огород-от как перескочил, — старик-от набежал, бросил топором да и отсек лапу медведю-то. Топор бросил тут, а сам-от убежал, спрятался.

Медведь-от ушел, а старик вылез, взял медвежью-то лапу да и унес домой. Унес домой-то, ободрал ее да и варить поставил — есть хотел. А шерстку-ту отдал старухе: «На, — говорит: — старуха, определи медвежью-то шерстку — пригодится!»

Вот старухй села прясть. Медведь-от сделал липову ногу да идет; а нога-та поскрипывает: студено было. Вот медведь-от идет да и говорит:

Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
Все по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою лапу варит,
Мою шерстку прядет.

Старуха-то учула это да и говорит: «Поди-ка ты, старик, запирай двери-те: медведь-от идет». — Старик-от вышел на улицу да и говорит медведю-ту: «Медведюшка-братанушка! Ты возьми верх-от репки-то, а мне отдай исподь-от!» — «Лардо!! — медведь-от говорит: он не знает толку-то в репе, не понимает ничего. Старик стаскал домой репу-ту, а медведю оставил одну нетину.

Вот старик хлеб жать пошел. Медведь-от и пришел к нему на поле-то: «Нет, — говорит, — старик, отдай мне теперь исподь-от, а верх-от себе возьми! Не сладко!» — Вот старик и говорит: «Возьми, медведюшка! Возьми, братанушка! Да тогда неси исподь-от, как обмолотим».

Как обмолотили, медведь и сносил к себе в берлогу солому-ту, а хлеб-от старик домой привез.

РЕДЬКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них росла редька; росла да росла — до неба доросла. Старик стал лестницу ладить; ладил да ладил — три года проладил. Полез на эту лестницу-ту, срезал редечки и стал спусцаться; спущался да спущался — три года проспущался.

Пошел к старухе да и сказал: «Поди, старуха, к верху-то полезь!» — Старуха-та и пошла; полезла с мешком, нарезала редьки полон мешок; спустилась взад-то до половины да и упала — у старухи все косточки разлетелись. Старик-от пошел, собрал косточки-те да и склал на хлеб.

Позвал соседей выдергивать эту редечку. На ту пору дождик задожжал — старик-от с лестницы-то и пал.

Вот, полезли соседи. Опять дождик задожжал — и соседи все пали. И все.

РЕПКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой. Есть у них было нечего. Вот старик и сдумал: «Посеем-ка, старуха, на баню репки!» — Вот они и посеяли репки.

Вот выросла репка. — Скоро сказывается сказка, да не скоро дело делается. — Старик сходил по репку и сеяли эту репку. — «Ну, теперь, старуха, ты поди — я ходил!»

А старуха-та была худа-худа, хвора: «Не полезти, — говорит, — мне, старик!» — «Ну, садись в мешок — я тебя подыму!» — Вот старуха и села. Поднял ее старик так-да-сяк на баню-ту. Нарезала она репки да и говорит: «Ну, старик, тогда меня спущай!»

Старик посадил ее в мешок, да и начал спущать. Спущал ее да и уронил. Вот он уронил ее, спустился с бани-то, поглядел в мешок-от: а старуха-та и душеньку отдала, до смерти убилась.

Вот старик и давай выть: жаль-то же старуху-ту. Бежит зайчик да и говорит: «Ой ты, старик, не баско воешь! Найми меня!» — «Наймись, заяшка! Наймись, батюшка!» — Заяц и ну боботать над старухой-то.

Бежит лисичка: «Ой ты, заяц, не баско воешь! Найми меня, старичок: я мастерица выть-то». — «Наймись, кумушка! Наймись, голубушка!» — Вот она и завывала: «увы, увy, увy!..» — только и есть, боле ничего у ней не родится.

Бежит волк: «Старичок, найми меня выть-то! Что они навоюют?» — «Наймись, наймись, волкушка: я репкой отдам!» — Вот волк и почал выть: и-и-и! — заревел. Собаки-те в деревне учули да и залаяли. Люди-те набежали с бодагами — бить волка.

Вот волк схватил старуху на спину да и ну по дорожке — утащил в лес. Вот тебе и все кончилось, решилось.

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСИЦА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жили-были кот да петух. Кот пошел в лес дрова рубить, а петуха оставил дома: «Ты, — говорит, — петух, оставайся домовничать, да не подавай голос-то, когда придет лисица!» — Кот-от когда ушел, лисица-то и пришла и стала говорить:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головка,
Сметанные ножки,
Выгляни в окошко —
На золоте губненном
Яички катают.

Петушок и выставил головку-ту. Лиса его схватила да и понесла в лес.
Вот петушок и зарычал:

Коты, коты, коты!
Понесла меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки!
А кот ничего не слышит.

Вот кот пришел домой; хватился петушка — нету. Кот настроил гусельцы, пошел к лисице под окошко и стал натренькивать:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Еще дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У нее-то есть четыре дочери:
Еще одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

Лисица и говорит: «Поди-ка, Чучелка, послушай, кто это так хорошо напеваает?» — Она вышла за воро-та-то — кот ее ну бить. Бил, бил, под гору спихал да и заиграл опять:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Еще дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У нее-то есть четыре дочери:
Еще одна-та дочь — Чучелка,

А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Парачелка, послушай, кто это так хорошо напевает?» — Вот Парачелка вышла — кот ее бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Еще дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У нее-то есть четыре дочери:
Еще одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Подай-челнок, послушай, кто это так хорошо напевает: те ушли да и заслушались». — Подай-челнок вышла за ворота-то — кот ее ну бить; бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Еще дома ли лисафья-кума,
В своем ли теплом гнездышке?
У нее-то есть четыре дочери:
Еще - одна-та дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

«Поди-ка ты, Разбей-горшок, послушай, кто это так хорошо напевает: те ушли да и заслушались!» — Разбей-горшок вышла за ворота-то, а кот ее давай бить; бил, бил, под гору спихал, а сам опять заиграл:

Трень, трень, гусельцы,
Золотые струночки!
Еще дома ли лисафья-кума,
* В своем ли теплом гнездышке?
У нее-то есть четыре дочери:
Одна-то дочь — Чучелка,
А друга-та — Парачелка,
Третья-та — Подай-челнок,
А четвертая — Разбей-горшок.

Вот лисица и говорит: «Дай-ка я сама послушаю: кто это так хорошо напевает?» — Вышла за ворота-то, а кот и давай ее бить; бил, бил, спихал под гору; сам зашел в избу. Петушок, как увидел кота, так и закричал: «Ку-ка-ре-ку!»

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МОЛОДАЯ МОЛОДИЦА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был царь. У него был один сын — Иван-царевич. Вот Иван-царевич ездил за охотой каждый день в чисто поле, в широко раздолье, по край синя моря; он ловил гусей, лебедей и серых утиц. И попала ему в ловушку лебедка. Поймал эту лебедку Иван-царевич, принес в шатер и посадил в шосточек. Поутру встал да и уехал за охотой.

Вот лебедка-та вышла из шосточка, обернулась молодой молодницей и наготовила Ивану-царевичу всяко кушанье. Сама опять обернулась лебедкой и села в шосток.

Вот Иван-царевич приехал домой в свой-от шатер: и на столе накрыто у него. Вот он и удивляется. «Кто это, — говорит, — был у меня?» — Сел Иван-царевич и отобедал; да так все на столе закрыл скатеркой и опять уехал за охотой. Лебедка опять обернулась молодой молодницей, убрала со стола, обернулась опять лебедкой и села в шосток.

На другой день Иван-царевич опять уехал за охотой, а лебедка вышла без него из шосточка, обернулась молодой молодницей и наготовила кушанья еще того лучше. Накрыла молода молодица на стол, обернулась лебедкой и села в шосток — ждет Ивана-царевича.

Вот приехал Иван-царевич, навез гусей, лебедей и серых утиц. Поглядел Иван-царевич на стол и удивляется: «Да кто же такой наготовил? Выходи, — говорит, — кто такой есть у меня — красна девица или молода молодица?» — Никто не говорит с ним, никто и голосу не подал.

Отобедал Иван-царевич, закрыл стол скатеркой и уехал опять в чисто поле, в широко раздолье, по край синя моря, за охотой.

Вот на третий день снарядился Иван-царевич за охотой, вышел из шатра да и спрятался: «Покараулю, — говорит, — я, кто такой ко мне приходит? С которой стороны?»

Вот бела лебедка вышла из шосточка, обернулась молодой молодницей и почала готовить кушанье. Иван-царевич врасплох и отворил двери; испужалась молода молодица, побежала было, да Иван-царевич схватил ее в береме.

Вот она у него в руках-то вилась да вилась, да в золото веретешечко извилась. Он взял да веретешечко-то переломил — пятку-ту перед себя, а кончик-от за себя изладил: «Будь, — говорит, — передо мной молода молодица, а за мной цветно платье!» — Вот и стала перед ним молода молодица, а за ним цветно платье. Уж такая красавица была — зрел бы, смотрел — очей не сводил!

Иван-царевич к отцу не поехал и стал жить с молодой молодницей. Состроили они в том чистом поле, в широком раздолье, дом.

Вот и стала череваста молода молодица. А к ним ходила бабушка-задворенка. — «Иван-царевич! — говорит бабушка-задворенка Ивану-царевичу. — Теперь весна на дворе, ты ка-рауль свою молоду молодицу, не уезжай далеко-то никуда!»

Вот и родила молода молодича маленького. Сидит в бане с бабушкой-задворенкой. Поутру летит станица лебедей; вот один и кличет:

«Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это отец ее летел. А она ему в ответ:

«Ти-го-го, батюшка!
Ти-го-го, родимой мой!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —
Еще есть у меня детище,
Еще есть у меня милое!»

Вот эта станица прилетела. Летит другая, и опять кличет один лебедь молоду молодичу:

«Ти-го-го, мила дочь,
Ти-го-го, родимая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это мать ее летела. Молода молодича ей и отвечает:

«Ти-го-го, матушка,
Ти-го-го, родимая!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —
Еще есть у меня детище,
Еще есть у меня милое!»

Вот и эта станица пролетела. Летит третья; опять кличет один лебедь:

«Ти-го-го, сестрица,
Ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Это брат ее летел; она ему и отвечает:

«Ти-го-го, братилко,
Ти-го-го, милый мой!
Не подай мне-ка крылышко,
Не подай мне правильное —
Не лечу с тобой за море,
Не лечу с тобой за сине —

Еще есть у меня детище,
Еще есть у меня милое!»

И эта станица пролетела. Летит четвертая. Опять один лебедь кличет:

«Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го, милая!
Не подать ли те крылышко,
Не подать ли правильное?
Полетим с нами за море,
Полетим с нами за сине!»

Она и отвечает:

«Ти-го-го, ладушка,
Ти-го-го, милый мой!
Ты подай мне-ка крылышко,
Ты подай мне правильное —
Полечу с тобой за море,
Полечу с тобой за сине!»

Она было вспорхнула; а Иван-царевич и поймал ее.

Пролетела и эта станица. Вот и говорит молода молодица Ивану-царевичу: «Кабы ты не схватил меня, улетела бы я в свое царство, в свое государство! А теперь, — говорит, — мне не с кем лететь: пролетел и милый мой лада».

И стали они жить да быть, да добра наживать. И теперя живут.

ИВАН-ДУРАК И ЯГА-БАБА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик да старуха. У них был сын Иван-дурак. Вот Иван-дурак стал отпрашиваться от отца да от матери рыбу удить: «Где, — говорит, — рыбка клюнет, тут и стану удить!» — Старик да старуха подумали, подумали, да отпустили Ивана-дурака.

Вот он шел да шел, дошел до избушки: стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается. — «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!» — Избушка стала.

Вот Иван-дурак зашел в избушку, а в ней середе полу лежит Яга-баба: «Фу-фу-фу! Русска коска сама на двор зашла!» — Взяла да и заперла его в голбец. «Я тебя завтра велю изжарить меньшей дочери».

Вот на другой день поутру растопилась печка. Меньшая-та дочь вышла и говорит: «Выходи, Иван-дурак, из голбца-то!» — Вот Иван-дурак вышел, она и говорит: «Садись, Иван-дурак, на лопату-ту!» — Иван-дурак сел, а сам руки и ноги расшаршил. Она и говорит: «Встань, Иван-дурак, с лопаты-то, я тебя поучу! — Вот как, — говорит, — сядь!» — Сама и села на лопату-ту. Иван-дурак бросил ее в печку да заслонкой и припер. Маленько погода вынул ее и положил на голбчик. А сам опять в голбец ушел.

Яга-баба вышла и стала есть. Съела да и говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках». — А Иван-дурак сидит в голбце да и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-ка косточках!» — «Ах ты, варнак эдакой! Завтра велю средней дочери изжарить тебя!»

Опять на другой день печка истопилась. Средня-та дочь и говорит: «Выходи, Иван-дурак, из голбца-та!» — Иван-дурак вышел. — «Садись, — говорит, — Иван-дурак на лопатку-ту!» — Иван-дурак сел, руки и ноги расшаршил. — «Не так! — говорит, — дай-ка я тебя поучу!» — И села сама на лопату-ту; он ее взял да и бросил. Вот изжарил ее, вынул из печи, положил на голбчик, а сам опять в голбец ушел.

Яга-баба наелась да и говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках!» — А Иван-дурак сидит в голбце-то и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-то косточках!» — «Ах, ты, варнак эдакой! Завтра велю большой дочери изжарить тебя!»

Ну и вот, на третий день истопилась печка. Большая-та дочь вышла и говорит: «Вылезай, Иван-дурак, из голбца-та!» — Иван-дурак вылез. Она и говорит: «Садись на лопату-ту!» — Иван-дурак сел, руки и ноги расшаршил. — «Не умеешь ты садиться-то! Дай-ка я тебя поучу!» — И села сама на лопату-ту. Иван-дурак ее взял да и бросил в печку; изжарил и положил на голбчик, а сам опять спрятался в голбец.

Вот пришла Яга Ягинишна, съела дочь-ту да и сама говорит: «Покататься бы мне, поваляться бы мне на Ивановых-то косточках!» — А Иван-дурак и говорит: «Покатайся-ка ты, поваляйся-ка ты на дочериных-то косточках!» — «Ах ты, варнак эдакой! Завтра я тебя сама испеку!»

Вот на другой день печку истопила да и говорит: «Ну-ка, Иван-дурак, садись на лопату-ту!» — Он сел и опять так же — руки и ноги расшаршил. — «Ой ты, Иван-дурак, не умеешь садиться-то! Дай-ка я тебя поучу!» — Села сама Яга Ягинишна, а Иван-дурак бросил ее в печку; припер заслонку бадагом, а сам склал их-то именье на их же лошадь да и уехал домой.

ЗАЯЦ И ЛИСИЦА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был зайчик да лисичка. У зайчика-то избушка лубенна, а у лисички-то ледянна. Вот пришла весна — у лисички-то избушка и растаяла.

Вот она и пришла к зайчику проситься да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на порожек». — Зайчик и говорит: «Лезь, кумушка».

Вот она посидела, посидела на порожке-то да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на приступочек». — «Лезь, кумушка».

Лисичка посидела, посидела да опять говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на голбчик». — «Лезь, кумушка».

Вот она посидела, посидела да и говорит: «Куманек, куманек, пусти-ка меня на полатцы». — «Лезь, — говорит, — кумушка, лезь».

Вот лисичка полезла на полатцы, легла спать да и говорит: «Куманек, ты меня утром разбуди — меня бабиться станут звать». — «Ладно, кумушка».

Вот ночью лисичка и стучит хвостом. Зайчик и говорит: «Чу! кумушка, вставай: тебя бабиться зовут». — Лисичка соскочила да и побежала на вышку, масличко есть; у зайчика на вышке-то масличко было. Вот она почала масличко-то и пришла в избушку; зайчик и спрашивает у нее:

«Кого Бог дал?» — «Початышка».

На другу ночь лисичка наказывает опять зайчику: «Куманек, ты меня разбуди — меня бабиться станут звать». — «Ладно». Вот пришла ночь. Лисичка и стучит хвостом о полатцы... — «Чу! — говорит зайчик. — Вставай, кумушка: тебя бабиться зовут». — Лисичка соскочила и побежала опять на вышку, масличко есть. Вот поела и пошла в избушку. — «Кого Бог дал?» — спрашивает зайчик. — «Середышка».

На третью ночь лисичка опять наказывает зайчику: «Куманек, ты меня утром разбуди: меня бабиться станут звать». — «Ладно, кумушка».

Вот и опять ночью стучит лисичка хвостиком в полатцы. — «Чу! кумушка, вставай — тебя бабиться зовут».

Соскочила лисичка и убежала на вышку масличко есть. Вот поела и пришла в избушку. — «Кого Бог дал?» — спрашивает зайчик. — «Заскребышка».

Вот по одно утро и сдумал зайчик оладышки изжарить да и говорит лисичке: «Кумушка, поди-ка сходи — где-то было масличко на вышке, дак принеси».

Лисичка сбегала на вышку и говорит: «Нет, куманек, ничего нету на вышке-то». — «Как, кумушка, нету? Было! Дай-ка я сам схожу!» — Сходил зайчик да и говорит: «Ты, видно, кумушка, съела?» — «Нет, куманек, ты сам съел да и забыл».

Зайчик и говорит: «Дай-ка, ляжем на шосток: из кого вытопится масличко-то, тот и съел». — «Ладно, куманек».

Вот и легли на шосток. Зайчика пригрело, он и уснул. Из лисички-то и вытопилось масличко; она им вымазала зайчика да и будит: «Куманек, куманек! Смотри-ка: ты ведь масличко-то съел!»

«Что же, кумушка, станем есть-то теперь?» — «Ну, куманек, промыслим что-ненабудь!» — Вот и побежала лисичка на дорогу. Видит: обоз идет с рыбкой; вот и легла она, будто мертвая. Увидел один мужик и закричал: «Робята, лисица лежит!» — Взяли мужики эту лисицу и положили в воз с рыбой.

Едут — ничего не знают; а она тихонько проела сани-те и выпускает на дорогу рыбку за рыбкой. Вот как высыпала весь воз-то, соскочила да и убежала в избушку к зайчику. — «Куманек, куманек, пойдем рыбку собирать».

И пошла лисичка да зайчик, собрали рыбку. И стали жить да поживать, да рыбку поедать.

КОЗЕЛ И КОЗЛУШКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил козел с козлушкой.
 Козел пошел по лыка,
 Коза — по орешки;
 Козел пришел с лыком —
 Нет козы с орешками.
 — «Ладно же ты, коза!
 Сошлю на тебя волков!»
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, волки!
 Сошлю на вас людей!»
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, люди!
 Сошлю на вас медведей!»
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, медведи!
 Сошлю на вас огонь!»
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же ты, огонь!
 Сошлю на тебя воду!»
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,

Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же ты, вода!
 Сошлю на тебя быков!»
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить.
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, быки!
 Сошлю на вас дубы!»
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, дубы,
 Сошлю на вас топор!»
 Топор нейдет дубы рубить,
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,

С буйною головою.
 — «Ладно же ты, топор!
 Сошлю на тебя гору!»
 Гора нейдет топор тупить,
 Топор нейдет дубы рубить,
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же ты, гора!
 Сошлю на тебя червя!»
 Черви нейдут гору точить,
 Гора нейдет топор тупить,
 Топор нейдет дубы рубить,
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, черви!
 Сошлю на вас гусей!»
 Гуси нейдут червей щипать,
 Черви нейдут гору точить,
 Гора нейдет топор тупить,
 Топор нейдет дубы рубить,
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.

— «Ладно же вы, гуси!
 Сошлю на вас ножи!»
 Ножи нейдут гусей резать,
 Гуси нейдут червей щипать,
 Черви нейдут гору точить,
 Гора нейдет топор тупить,
 Топор нейдет дубы рубить,
 Дубы нейдут быков бить,
 Быки нейдут воду пить,
 Вода нейдет огонь лить,
 Огонь нейдет медведя палить,
 Медведь нейдет людей давить,
 Люди нейдут волков бить,
 Волки нейдут козу есть.
 Нет козы с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою.
 — «Ладно же вы, ножи!
 Сошлю на вас брусья!»
 Брусья пошли ножи точить,
 Ножи пошли гусей резать,
 Гуси пошли червей щипать,
 Черви пошли гору точить,
 Гора пошла топор тупить,
 Топор пошел дубы рубить,
 Дубы пошли быков бить,
 Быки пошли воду пить,
 Вода пошла огонь лить,
 Огонь пошел медведя палить,
 Медведь пошел людей давить,
 Люди пошли волков бить,
 Волки пошли козу есть,
 Пришла коза с орешками,
 С ручками, с ножками,
 С буйною головою,
 С белою бородкою.
 Взял козел козу за гриву,
 Повалил на спину;
 Черева — на дерева,
 Кишки — на бадажки,
 Рожки да ножки
 Бросил за окошко;
 Головушку — под кустик,
 Бородушку — на кустик,
 Кожуриночку повесил на осиночку,
 Тут козе и поминочки!..

ЩУКА ДА ЕЛЕЦ

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жил-был старик со старухой; у них под окном-то было озеро —
Тамо щука да елец —
Тут и сказке конец.

ЖУРАВЛЬ ДА СИНИЧКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

Жили-были журавль да синичка;
Поставили они стожок сенца —
Да опять с конца... и т. д.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

— Сказать ли тебе сказку про белого быка?
— Скажи.
— Ты говоришь: скажи, да я говорю: скажи.
Сказать ли тебе сказку про белого быка?
— Нет.
— Ты говоришь: нет... и т. д. до бесконечности.

СКАЗКА О НАПОЛЕОНЕ

Записал П. Слоцов

Французский государь Палеон был сильный и могучий человек, владел многими государствами и, завидуя благочестивой жизни нашего батюшки государя Александра Павловича, задумал было идти на него войной, но не смел напуститья просто, первоначально пишет ему, батюшку, грамотку такую: «Русский царь Александр Павлович! Я знаю, что Ты силен и всем богат, но у меня есть двенадцать генералов — прокормишь ли Ты их целый год из серебряной посуды, чтобы самовар, чашки, ложки, ножечки и вилки — все чтобы у Тебя было серебряное? Если прокормишь, так я с Тобой стану жить мирно и никогда с Тобой не стану воевать, а ежели не прокормишь, то я ныне же на Тебя пойду войной».

Царь Александр Павлович прочитал эту грамотку и призадумался. Назавтра созвал он к своей милости всех своих главных сенаторов и генералов и объявил им французского Палеона грамотку: «Господа мои, главные сенаторы и генералы! Вот нам чего пишет французский царь Палеон, рассудите и посоветуйте, чего мы станем с ним делать?» — Одни говорили, чтоб не принимать французских генералов к себе на корм, а другие говорили принять, наконец, все сообща решились, чтоб их принять. Государь своеручно отписал Палеону такую же грамотку, повелел ему прислать генералов на корм к его царской милости.

Между тем изладили для них особенную фатеру, заблаговременно внесли там серебряный самовар, серебряные чашки, ложки и вилки, да все, с чего они должны были есть и пить, все серебряное. Через недолгое время явились генералы прямо во дворец к нашему батюшке. Он их принял, побаял с ними немножко и велел их свести в излаженную для них фатеру. Вот они пришли, фатера им шибко поглянулась, потому что баско было в ней улажено. Тут было наряжено государем 12 мальчиков в услугу генералам.

Генералы приказали им поставить самовар. Самовар скипел; вот они начали кушать чай, пили, пили, все из самовара выпили, самовар съели и чашки съели, а все было серебряное! Вот какие на свете есть мудрые люди. Немного погодя, велели мальчикам подать ужну и ерофиевичу. Мальчики подали. Вот они испили ерофиевичу, бутылки съели и чарочки съели. Подобным образом поступили и с посудой, на которой подавали им ужну. Мальчики видят, что дело-то выходит не хихи, отправили на первый раз наложенную на них службу, враз доложили об этом Его Величеству. Государь этому подивился, а отказать им от корму не смел.

Вот они живут день, другой и третий, неделю, две и три, месяц, два и три, наконец уж у нашего батюшки мало стало серебра, не из чего уж сделалось ладить посуду генералам. Созвал он к себе сенаторов и генералов на согласие. Государь и генералы думали, думали, да и умом-то развели, а придумать ничего не могли; не знали, что делать с Палеоновыми обжорами; наконец придумали поставить на ростани в разные города столпы с таковыми надписаниями: «Не найдется ли какой-нибудь человек, который бы мог сделать над французскими генералами то, чтоб они не могли пожирать царское серебро, которого шибко мало».

Вот и поставили столпы с надписаниями. Кто бы ни ехал, кто бы ни шел, все читали надписания и нашему брату — неграмотным сказывали о таковой неслыханной диво-веже, но только пособить этому горю никто не мог. Наконец, идет мимо этих надписаний поп расстрига, а он, был расстрижен за лишнюю чарочку и хитрые дела. Вот этот поп прочитал надписание и сказал: «Об этаким пустом деле нечего бы Его Величеству и печалиться, я враз могу сделать над французскими генералами то, что они всю посуду, которую приели у Его Величества, всю возвратят». — Тут было народу много, враз к попу привязались, но он от своих слов не отпирался и говорит: «Хоть сейчас же ведите меня к Его Величеству». — Вот его забрали и повели к государю и объяснили, что он вызывается пособить великому горю Вашего Величества.

Государь сам спросил попа расстригу; поп отвечал царю то же, что и пред народом говорил, но только прибавил следующее: «Ваше Царское Величество! Вы прикажите мне шить платье какого-нибудь иностранного короля и снарядите меня в оное, скажите генералам, что я приехал из такого-то королевства и хочу стоять на той же фатере, что и французские генералы, прикажите меня обреть и умыть, дайте мне в услуги мальчика, при закуске повелите мне подавать бутылку хорошего простого вина и изрядный стакан, прикажите сделать стальную тарелку и вилку стальную, а на закуску ни хлеба, ни соли — ничего не надо, только бы было винцо».

У государя не так, как у нашего брата, — о чем скажет, то и готово. Вот наш батюшка снарядился королем; вдруг разнеслась молва по Питеру, что из такого-то королевства приехал к государю такой-то король, дошла весть и до французских генералов. Через недолгое время государь наш батюшка Александр Павлович послал к Палеоновым генералам чело-

века сказать им, что к нему приехал гость из такого-то королевства король и просит, чтоб ему повелено было фатеровать вместе с французскими генералами. Генералы согласились принять его к себе в товарищи. Приехал король к ним на фашеру. Вот они его приняли, побаяли с ним.

Наступило время закуски; генералам подали ерофиевичу и хлеба-соли на закуску, а королю бутылку с простым вином, простую стальную тарелку, необычайной величины стальную вилку, дородный стакан, а более ничего, ни хлеба, ни соли. Генералы начали выпивать и закусывать, а король налил себе стакан простака, выпил и закусывать было нечем. Генералы выпили ерофиевичу, бутылки съели и рюмки съели. Король, посматривая на них, выпил и другой стакан, опять сидит; генералы подбирают как кушанья, подносимые им, так и посуду. Король налил и третий стакан, выпил, взял свою стальную вилку, цап Палеонова генерала в голову и проглотил, как кашу с маслом; вышел из-за стола, помолился и воздал царю заочную благодарность. Таким образом одиннадцать генералов он съел при разных закусках, остался только один.

Поп просил Его Величество пожаловать к нему на фатеру. Государь приехал; поп встретил его с подобающей честью и объяснил, что он то-то сделал над генералами. Государь и сам испужался, слушая о таких страшных деяниях. Поп обращается к Его Величеству и спрашивает: «Великий государь! Что прикажете сделать над последним генералом, съест ли его или оставить для языка Палеону?» — Государь отдал на его волю; поп сказал: «Этого сереброеда Палеонова оставим».

«Ваше Величество, — говорит он государю, — прикажите сделать 12 котлов чигунных и поставить на какую-нибудь площадь, налить в них смолы и подогреть маленько, да купить 12 кулей перьев, подать 12 глухих кибиток с лошадьми и ямщиками». — Государь приказал, и через сутки все было готово. Когда было сказано, что все готово, поп взял с собой последнего генерала и поехал к государю; явившись к нашему батюшке Александру Павловичу, сказал ему: «Ваше Величество, прошу Вас покорнейше пожаловать со мною вместе на приготовленную площадь и посмотреть, что я сделаю еще над Палеоновыми сереброедами». — Государь поехал и поп с последним генералом.

Приехали на площадь, народу было видимо-невидимо, тьма тьмушая. Все смотрят, что будет делать поп. Поп рыгнул и вырыгнул генерала: «Ну, генерал, умел ты у нашего батюшки Александра Павловича есть серебряную посуду, давай же ее!» — Вот генерал и начал рыгать; все, что съел, все вырыгал. — «Все ли?» — спрашивает поп. — «Все, великий король такой-то», — отвечает генерал. — «Скачи в смолу!» — приказывает поп. Генерал скочил. — «Вылезай оттуда!» — Генерал вылез. — «Посадите его и немедленно отправьте к Палеону».

Так поступил поп со всеми 12-ю генералами. Посуду подбирать не могли, возами возили в казначейство государево. Генералы в каком виде были отправлены из Питера к Палеону, в таком и явились к нему.

Палеон выслушал от них жалобу на нашего Александра Павловича и пошел на него войной. А Бог-от ведь не попустил же ему завладеть нашим государством; он же разорился, а мы, Божьей милости да по государевой великой силе, и теперь живем спокойно. Да вот, какие хитрые были люди у покойного государя нашего Александра Павловича, дай ему, Господи, царство небесное, а Миколаю Павловичу много лет здравствовать. Ведь это, должно быть, сущая правда? Палеон-от ведь шибко наступал на нашего-то государя и в белокаменную-ту Москву уж, говорят, заходил.

ЧЕРТ ЗАИМОДАВЕЦ

Записал А. Я. Зырянов

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к черту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит: «Дай, черт, взаймы денег». — «На что тебе?» — «На беду». — «Много ли?» — «Тысячу». — «Когда отдашь?» — «Завтра». — «Изволь», — сказал черт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему: «Приходи завтра». — На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик одинова говорит ему: «Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходиться за долгом». — «Ладно», — ответил черт и ушел. Мужик написал на доске: «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел, на воротах все одна надпись. — Дай, говорит он сам с собой, не пойду завтра к мужику, и не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди». — Эк меня угубало, сказал черт, не мог вчера прийти, видно, пропали мои денежки! — И с тех пор попустился он своему долгу.

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ ВЛАДИМИР И ИЛЮШКА СЫН МАТРОСОВ

Записал А. Н. Зырянов

Начинается моя сказка сказываться от сосны, от Софьи, от курицы виноходы и поросеночка чиступчетого. Ну, слушайте: В некотором было царстве, в славном Киевском государстве жил-поживал Владимир-князь — солнце Киевское. Задумал этот князь спожениться и засватал он за далекими землями, за широкими морями, за дремучими лесами, у премудрого царя Философа прекрасную дочь Марфу. Надо ехать ему по невесту. Вот и собирает князь Владимир всех князей, и бояр, и думных сенаторов на пир и беседу.

Шатался в это время по киевским кабакам и шинкам Илюшка-пьянюшка, матросов сын. Спрашивает он у своих товарищов, что это сегодня у нашего князя Владимира за пир и радость? Нельзя ли мне сходить посмотреть, как на царских собраниях пируют? Пошел он к царскому двору и близко окони сказал, что у нас князь Владимир был прежде солнце Киевское, а теперь он у нас горе Киевское.

Подслушали люди слова Илюшкины, слова небравые, и донесли о них князю Владимиру. Потребовал князь Владимир Илюшку на очи и стал он Илюшку спрашивати: «Что ты, Илюшка-пьянюшка, матросов сын, это баиши и меня горем Киевским славишь?» Отвечал Илюшка-пьянюшка, матросов сын, князю Владимиру: «Засек ты дерево выше рук своих, не по себе невесту сосватал, много горя принесет она, если с собой не возьмешь меня по нее, то шибко будешь ты несчастный и неталантливый». — Князь Владимир не поверил Илюшкиным словам и велел посадить его в темницу темную, за караулы крепкие. Сам меж тем собрался со своими князьями, боярами и думными сенаторами и поехал по невесту в чужую даль далекую.

Дорогой наехали они на реку, через котору мост был сделан весь чугунный и большой. Когда хотели ехать они по мосту, то вдруг выбежали из-за реки три большущие быка и не стали пропускать их по мосту. Тогда-то князь Владимир узнал горе горькое и послал за Илюшкой-пьянюшкой, матросовым сыном, скорого посла. Приехал к нему Илюшка-пьянюшка и сказал: «Что, князь Владимир, вспомнил и меня при горе, при кручине? А при пире, при беседе я был не надобен».

Потом, увидавши трех быков, выдернул он из своей правой брови три реснички и бросил их на землю. Вдруг появились три льва, три зверя ярые, и бросились на быков и разорвали их на мелкие части. Тогда князь Владимир посадил Илюшку-пьянюшку рядом с собой в карету свою и поехали вместе по мосту.

Скоро стали подъезжать они под царство премудрого царя Философа, и Илюшка сказал князю Владимиру, чтобы он делал то только, что он, Илюшка, прикажет; а Илюшка-пьянюшка с князем был схож, лик в лик, волос в волос, глаз в глаз и оба ровны ростом.

По приезде в город остановились они на фатере. Марфа-царевна услышала о приезде своего жениха и послала ему гостинец, железный кольчук; весом двенадцать пудов. Илюшка-пьянюшка, взявши этот гостинец, вышел на улицу и, разорвавши кольчук надвое, бросил его царевниным конюхам.

Марфа во второй раз послала князю Владимиру своего коня дикого и непросужого. Илюшка-пьянюшка взял его и сел на него. Видели только, как он садился на него, а не видели, куда девался. Конь же стал Илюшку-пьянюшку носить на себе по чащам и по горам, так что свету Божьего не видел, и Илюшка-пьянюшка бил коня кулаком своим промежу ушей, так что пробил голову его до мозга, отчего конь упал на колени и просил Илюшку человеческим голосом, чтобы отпустил он его живого. Илюшка соглашается, с коня спускается, берет его за повод и отводит к царевниным конюхам. — «Эк как клячу дали вы мне, что не могла до двора довести», — сказал он им.

После этого сделали свадьбу, и скоро князь Владимир отправился в славный град Киев со своей молодой женой и своими князьями и боярами. Стал там он жить да поживать и царством управлять.

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Рассказал М. Мухаметов

Был один рабочий человек. Он пошел работу искать. Дело было в Петропавловске в городе. На базаре подошел к нему один татарин: «Ты что, — говорит, — рабочий человек, наниматься будешь? Сколько, — говорит, — просишь?» — «10 рублей прошу, — говорит, — в месяц». — Согласился хозяин, с собой тащил домой работника. Пришел домой хозяин, сказал кухарке: «Вот, — говорит, — новый работник, ты его корми, пои!» — говорит.

Потом хозяин опять зашел, показал ему работу: — «Вот пара лошадей, вот повозка, вот еще пара лошадей. Ты утром рано, — говорит, — запрягай, в 12 часов утра. Вот, — говорит, — еще есть кобыла жирная, ее привяжи, — говорит, — сзади». — Ну, работу показал хозяин, да сам пошел в избу, а работник пошел в другую избу, в куфню.

В 12 часов утра хозяин работника разбудил: «Запрягай, — говорит, — лошадей!» — Работник все как следует изготовил: запряг две пары лошадей, привязал сзади кобылу. Потом хозяин взял с собою четверть вина и гуся; кухарка работнику дала бутылку вина и утку. Сели, поехали.

Ехали, ехали; остановились около горы. Хозяин начал колоть кобылу. Потом отдал хозяин работнику хороший кусок, заставил махан варить. — «Поставь, — говорит, — самовар, а готово будет, так меня скричи», — Работник все изготовил, хозяина скричал: «Все готово».

Хозяин пришел, налил ему стаканчик вина, потом другой, третий. Работник пил, пил да стал пьяный. Хозяин утащил его туда, где колот кобылу, да в кобылье брюхо и зашил. Кобыла еще целая лежала, только кишки были вынуты: туда и положил работника. Потом хозяин отошел от того места и смотрит. Прилетел орел и утащил работника, вместе с кобылой, на вершину горы.

Хозяин ждет, когда работник встанет. Он положил вместе с ним ножи: «Протрезвится, — говорит, — так выйдет из кобыльего брюха». — Много время стоял, ждал; потом работник вышел, встал и кричит хозяину: «Почему я здесь?» — говорит. — Хозяин говорит: «Там, — говорит, — золотой камень есть, бросай его сюда!» — Работник зачинает прямо бросать, хозяин складывает в телегу. Потом работник спросил у хозяина: «Довольно ли, хозяин?» — «Довольно!» — говорит.

«Что, — говорит работник, — у которого места я буду слезать?» — говорит. — «Нет, — говорит, — не можешь ты слезать оттуда! Орел кобылу кончает, — говорит, — потом тебя кончит».

Ну, потом работник ищет низкого места, где бы слезать. Нашел один камень, поднял его; под камнем дыра. — «Ну, че будет, так будет! Этой дырой пойду». — Пошел в дыру и вышел, наконец, как раз на то место, где хозяин кобылу колот. Ну, потом, значит, пошел домой.

Пришел опять в Петропавловский город, там гуляет на базаре опять.

Опять тот же хозяин подошел к нему, сказал: «Ну, рабочий человек, наниматься будешь ко мне?» — «Буду, — говорит. — Сколько дашь в месяц?» — «10 рублей, — говорит. Хозяин согласился за 10 рублей. Хозяин тащил его домой. Кухарке сказал: «Пои-корми, работника, — говорит, — нанимал». — «Чай пей; потом, — говорит, — тебе работу, — говорит, — покажу». Зашел опять к работнику, показал ему: «Вот, — говорит, — пара лошадей тебе,

повозка. Запрягай утром рано, в 12 часов поедем». Потом другую повозку показал и другую пару лошадей: «Вот и это, — говорит, — запрягай!» — Потом жирную кобылу показал: «Вот, — говорит, — сзади привяжи». — Хозяин пошел в свою комнату, работник пошел в куфню спать.

В 12 часов утра хозяин работника разбудил. — «Вот, — говорит, — вставай, запрягай, поедем!» — Работник все запрягал, как сказал хозяин. Потом хозяин взял четверть вина с собой; кухарка дала работнику бутылку вина да утку. Поехали.

Ехали, ехали, остановились опять около горы. Хозяин зачинал кобылу колоть, работника заставил мясо варить. Хозяин сказал ему: как поспеет, так меня скричи; я приду обедать». — Ну, работник все сготовил, сварил, да потом хозяину скричал, что, говорит, «все готово». — Ну, потом хозяин пришел обедать, сажал вместе и работника, стаканчик вина наливал и подавал работнику. Работник выпил. Хозяин опять наливал стаканчик, опять подавал работнику. Работник этого вина не пил: «Хозяин, — говорит, — что сам не пьешь, все меня угощаешь?» — Хозяин зачинал пить, стаканчик выпил; опять малайку подавал, работнику. Малайка не пил его, выливал на землю. Потом хозяин себе наливал, выливал на землю. Работник сказал: «Что, хозяин, не пьешь? Что льешь на землю? Ведь деньги плачены у тебя?» — Хозяин другой наливал да пил.

Ну, потом хозяин стал пьяный, лежит без ума. А работник трезвый; пошел к кобыле. шило. — «Ну, — говорит работник, — как со мной хотел сделать, так с ним сделаю!» — Хозяин лежит пьяный. Работник кое-как дотащил его, затолкал кобыле в брюхо и зашил его. Вместе с ним положил ножик. Сделал все так, как с ним было. Сам ушел оттудова глядел издали. Прилетел орел и утащил хозяина на гору вместе с кобылой.

Ждет работник хозяина. Много время прошло; хозяин встал, кричит работника: «Что? — говорит, — где будем слезать?» — Работник ему сказал: «Там есть камень золотой, бросай его сюда!» — Хозяин бросает, работник кладет; два воза наклал. Хозяин кричит ему: «Довольно ли? Где будем слезать?» — «Нет, — говорит, — хозяин! Где, — говорит, — меня орел кончал, так и тебя кончит!»

Пошел работник домой. Пришел в Петропавловский город. Золотый камень-то весь продал. Потом пировал да все растерял. Сам стал босяком; босяком живет и теперь.

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Рассказал М. Мухаметов

Был богатый человек один. У него был парень, только один. Однажды отец сказал сыну: «Вот тебе тыщу рублей, деньги, иди в ярмарку, торговать будешь там». — Ну, ладно, пошел. Нашел двух ли, трех ли товарищей, стал вместе с ними на фатеру в городе. Чай пили, потом пошли на базар; долго гуляли на базаре, ничего не купили.

Темно стало. Богатого человека сын увидел огонь где-то; сказал товарищу: «Там огонь, народу, видно, много; пойдём туда, чего там делают?» — Товарищ сказал: «Там игра, играют в шашки». — «Я пойду, ты не пойдешь так». — «Деньги кончишь».

Он пошел туда один. Пришел; хотел играть. — «Можно ли играть?» — «У вас деньги есть?» — «Есть тыща рублей». — «Мы научим тебя играть, за тыщу рублей, в месяц». — Научили. Месяц прошел, деньги кончал. Поехал домой: дали ему в ресторане осла.

Пришел домой, в свою деревню. Осла оставил на дороге, не тащил домой: «А то, — говорит, — народ будет смеяться». — Пришел. Отец его ругает: «Где, — говорит, — деньги? Чего тащил?» «Ничего, — говорит, — не тащил. Деньги потерял, — говорит, — на дороге».

Отец ему говорит: «Ну, бери еще тыщу рублей. Поди туда, торгуй, не потеряй деньги!» — Он деньги взял, пошел опять. Пришел в город; ночевал вместе с товарищами. Утром вместе с товарищами пошли на базар. Там стоял большой дом. Спросил товарища: «Какой это дом? Чего там делают — народу больно много?» «Там всякая игра есть: в карты больше всего играют». — Потом тот парень спросил товарища: «Пойдем туда в карты играть». — Товарищ его ругает: «Не ходи! Деньги только кончишь!» — Товарища слова не слушал, пошел опять.

Пришел. В карты играет, играет; деньги все кончал опять, проиграл. Надо домой. Пешком идти далеко. Выпросил осла; дали ему; сел верхом и поехал. Пришел в свою деревню; осла оставил на дороге. Пришел домой. Отец говорит: «Чего тащил? — «Ничего не тащил, потерял деньги». — Отец говорит: «Теперь нечем питаться».

Отец продал дом за тыщу рублей, без дома остался. Опять отдал деньги сыну: «Айда сходи, эти деньги не потеряй! Эти деньги потеряешь, тогда голодом буду».

Пошел опять. Пришел в город; сходил на базар; увидал: на скрипке играют. Спросил: «Меня учи, скрипку мне давай, тыщу рублей бери». — Тыщу рублей брал, месяц учил его. Месяц кончал, деньги кончал. Надо домой ехать, не на чем. Опять выпросил осла.

Осла оставил на дороге; пришел в свою деревню пешком. Не знает, где живет отец. Потом нашел отца. Тот спрашивает: «Где деньги? Чего тащил?» — «Ничего не тащил, потерял деньги». — «Куда теперь пойдём? Теперь все кончал — дом кончал, деньги кончал!» — говорит.

Зачал сына в работники отдавать. Продал в работники навечно прямо.

Сын пошел с новым хозяином, с возами — много возов. На дороге есть ключ. Тут стали, выпрягли лошадей кормить, сами отдыхать, чай пить. Ключ больно глубок, воды не могут достать, веревки не хватает. — Как достать? Хозяин сказал работнику: «Ты слезай туда: тебе ведра отпущу с веревкой: воды наливай туда, потом сам выйдешь по веревке».

Спустился малайко вниз, к ключу. Там воды нету, а все золото. Наложил в ведро золота, скричал: «Поднимай!»

Полон воз наложил хозяин золота. Малайко тут оставил: веревки ему не спустил. Сам скрал золото, пошел домой.

Малайко нашел какую-то дыру и пошел по этой дыре. Видит: там сидит один старик, сам слепой, а на руках скрипка. Малайко взял скрипку и стал играть; как заиграл, старик зачал глядеть, глаз у него здоровой стал.

Спросил старик: «Малайко, откуда пришел?» — «Я жил в работниках, пришел с хозяином; хозяин оставил меня здесь». — Старик сказал ему: «Айда тебя увезу к хозяину: он далеко не ушел, наверно». — Старик утащил его к хозяину.

Хозяин испугался: «Как ты пришел? На ключе я тебя оставил».

Хозяин написал бумагу и отдал малайку. «Ты иди вперед, у меня бабам скажи, что «скоро приду; поклон — говорит — передашь». — Малайко пошел вперед; смотрит, что там написано; вскрывает, читает: «Как придет, так кончай этого малайка». — Оторвал это малайко, бросил, сам записал ровно как хозяин: «Вот это малайко, говорит, — у меня девка есть, сию минуту венчай!»

Пришел малайко в деревню, отдал его бабе бумагу; та читала да звала муллу: той же минутой венчай! — Через три ли, через четыре ли часов пришел хозяин. — «Что так сделал?» — свою хозяйку спросил. — «Сам, — говорит, — так написал, вот, — говорит, — бумага!» — «Я не писал; наверно, сам писал... Ну, нечего делать, венчал так венчал», — говорит.

Прожил тут одну неделю. Девка сказала ему: «Тут в большом доме хан живет, он играет в шашки: кто у хана выиграет, тому девку дает; проиграет — голова резать». — Малайко сказал: «Я пойду туда; я играть хорошо умею». — Девка говорит: «Не ходи, кончат». — «Все равно!» — говорит.

Он пошел туда; пришел, спросил: «Какая тут игра? Я играть пришел». — «Согласен ли так играть: проиграешь — голова резать?» — Малайко говорит: «Согласен». — Зачали играть. Малайко выиграл у хана. Хан отдал ему девку, повенчали опять. Живет малайко у хана в доме зятем; когда хан умер, малайко остался вместо него.

Зовет малайко к себе своего старого хозяина. Тот пришел. — «Вот, — говорит, — ты на меня прежде какую бумагу написал? Это хорошо разве? Тогда я работником был, а теперь ханом, могу твою голову резать. Согласен ли ты?» — «Нет, — говорит, — так не делай. Сколько золота ты мне тогда тащил, все отдам!» — «Принеси», — говорит. — Тащил хозяин золота, не знаю, сколько пудов. — «Бери золото». — «Нет, для шутки я сказал тебе. Живи, бери золото; вперед не делай так работнику. Золото не беру. Венчался я с твоей дочерью, тащи ее сюда». — Девку тащил, ему отдал. Малайко и теперь тут живет.

ПОДИ ТУДА, НЕВЕДОМО КУДА

Рассказал М. Мухаметов

Был один богатый человек. У него было два работника — один башкир, а другой мещеряк. Мещеряк был бойкий, красивый, а башкир плохой какой-то, полоумный ли, че ли. Они живут, робят.

Один раз мещеряк сидел на улице, а башкир мел ограду. К мещеряку вышла дочь хозяйина и села рядом с ним. И говорит девка мещеряку: «Возьмешь ли ты меня замуж? Любишь ли? Если любишь, так я пойду за тебя замуж». — Мещеряк отвечает: «Как не любить такую красивую девицу? Люблю», — говорит. — «Любишь, так сегодня ночью поедем вместе. Возьми у моего отца пару лошадей, запряги и потом постучи мне в окно. Тогда мы и поедем с тобой».

Сговорились. Работник-башкир, который мел в ограде, слышал их разговор.

Мещеряк на радости пошел пировать. Напился, пришел пьяный. Запрет пару лошадей, изготовил все; потом зашел в избу, надел хорошую одежду. Как он зашел в избу, тот, башкир-то, и спрятал у него вожжи. Надел мещеряк хорошую одежду, сел — поехал; раз ли, два ли лошадей ударил и поехал без вожжей.

Башкир ждет, ждет часа два, мещеряка нету. Потом пришли одни лошади, без мещеряка. Лошади увезли пьяного мещеряка, без вожжей, куда-то и там выронили.

Тогда башкир взял вожжи и поехал искать мещеряка. Нашел его в степи и стоптал совсем лошадьями.

Потом пришел башкир домой; постучал в окно, где спала хозяйская дочь, и разбудил ее. Девка открыла окно и бросала свою одежду; добро все бросала на повозку, а потом сама вышла. Сели и поехали вместе.

Ехали, ехали. Девка и спрашивает: «Что, — говорит, — ничего не говоришь?» — Остановились: посмотрела она и видит, что это не мещеряк. — «Как, — говорит, — так? Я тебе ничего не говорила!» — Тот молчит. — «Ну, — дочь сказала: — Бог, видно, так велел! Чего тут поделаешь?»

Ехали, ехали. Нет ни одной деревни. Наконец, попался им мост. За мостом деревня, а проехать туда нельзя: мост плохой.

Посылает она его квартиру искать. Прошел он через мост пешком, зашел в деревню. Квартир там нету. Живет там хан. Он спрашивает у хана: «Нет ли тут простой квартиры?» — Хан сказал: «Вот, — говорит, — пятистенный дом, он простой: хочешь, так покупай». — Башкир купил этот дом за сто рублей. Потом пошел за бабой через мост; приехал на квартиру и живет.

Живет он, значит. Хан и думает: «Что это? — говорит: баба у мужика хорошая, а сам он плохой. Надо, — говорит, — взять бабу-ту». — Поговорил с советниками. Один советник сказал ему: «Вот, — говорит, — есть аул, там есть хан, а у хана есть дочь. Пускай он тебе привезет эту дочь замуж. Она тоже красивая. Если он ее привезет, так тебе не надо брать у него бабы, а не привезет, так возьми у него бабу».

Послал хан одного советника за башкиром. Башкир пришел к хану. Хан сказал ему, что «вот там у хана дочь есть, тащи ее к нам: не тащишь, так добро не будет тебе!» — Башкир: «Ладно», — говорит.

Пришел домой. Баба его спрашивает: «Чего тебе приказал хан?» — Башкир рассказал ей. Баба сказала ему, что «тащишь; я тебе бумагу напишу. Она будет сидеть в двухэтажной избе, в окно смотреть; ты давай ей эту бумагу».

Пошел; пришел туда; показал ей эту бумагу, которую написала ему баба та смотрела, читала и говорит башкиру: «Заходи сюда». — Зашел, сел. Девка и говорит: «Вот тебе ключ; ты поди под сарай, отпирай; там повозка и пара лошадей, запрягай, а ключ сюда подавай: положим на место, а то отец узнает». — Запрягли лошадей; сели, вместе поехали.

Девка эта училась вместе, в одном училище, с дочерью того хана; и, когда учились, они дали друг другу клятву, что — если одна сперва выйдет замуж, то обеим туда идти, в одно место, хоть, говорит, хороший муж, хоть плохой.

Приехали домой. Первая баба и говорит ему: «Поди к хану, скажи ему: дочь того хана приехала сюда, да не пойдет к хану, а пойдет к тому, кто ее привез». — Хан сказал: «Не придет, так не придет! Чево поделать? Пускай не придет».

Хан опять к советникам: что поделать? — Один советник сказал ему: «Вот в таком-то месте, за такой-то рекой, есть 6 штук золотоголовых зайцев; они такие дурные, что сами кончат башкира, если увидят: пусть он принесет их сюда». Так советовал. Послал хан одного советника звать башкира. Позвали; он пришел. — «В таком-то месте есть такие-то зайцы... Не притащишь, добро не будет тебе».

Пришел домой, плачет. Баба спрашивает: «Как? — говорит: — Чего приказал хан?» — Не может говорить, плачет, плачет. Баба говорит: «Отдыхай маленько, потом скажешь». — Спал: потом встал. Баба спрашивала...

«Ну, — говорит, — запишу бумагу, потом дам тебе кошму. белую, новую, чистую — никакой приметы нет. Когда через реку переходить будешь, тогда к подошве в сарык клади эту бумагу, а то утонешь. А как придешь на место, эту кошму клади; сам зайцам не показывайся. Через час смотри».

Он перешел реку, разостлал кошму; лежал час; потом смотрел: на кошме лежат шесть зайцев. Взял их с кошмы, потом кошму взял и пошел домой. Через реку перешел, опустил их всех на дорогу: они сами идут, играют, которой вперед идет, которой сзади идет.

Пришел в деревню, принес зайцев в свою избу, оставил их там, а сам пошел к хану, сказал ему: «Зайцы у того останутся, кто их притащил, а к вам, — говорит, — не пойдут». «Ну, не придут так не придут. Айда домой!» — Башкир ушел домой.

Хан опять советуется: «Надо как-нибудь взять его бабу». — Один советник говорит: «Вот в таком-то месте есть море; на этом море есть дракон, пусть он этого дракона притащит сюда».

Послал за ним. Башкир пришел. — «Вот так и так... Не притащишь, добра не будет вам!» — Башкир пошел домой, плачет. — «Отдыхай, потом скажешь». — Спал: потом встал. — «Чего сказал хан?» — «Вот в таком-то месте есть дракон...» Опять плачет.

«Вот, — говорит, — бумагу напишу тебе, дам пешню. Эту бумагу, — говорит, — держи в руке; как дойдешь до него, пешней коли прямо; как колешь, — говорит, — садись на него верхом, бей хлыстиком».

Как сказала, так и сделал. Ударил пешней, сел верхом; как ударил хлыстиком, тот так и поехал прямо. Приехал верхом на звере в свою деревню, заехал прямо в ограду к хану. А зверь больно большой; половину деревни изломал зверь, как пришел. Кричит башкир хану: «Приказал, — говорит, — дракона тащить, — я тащил, бери!» — говорит. — Хан кричит: «Не тащи, не надо! Отпусти!» — «Сам, — говорит, — велел, а теперь: отпусти! Так нельзя маять человека! Прими присягу, — говорит, — что больше не пошлешь никуда!»

Хан не принимает присяги: «Без присяги, — говорит, — не буду посылать». — Потом принял присягу. Тогда башкир отпустил зверя, сам пошел домой.

Хан опять думает: «Одну присягу нарушу, ничего не будет». Опять советуется.

Выкопал яму глубины 40 сажень, набросали туда дров, налили керосину. Послал хан за башкиром. Тот пришел: «Чего прикажете?» — «Вот что прикажем: у меня отец живет на том

свете: иди к нему, узнай, как живет, здоров ли? Придешь, так скажи мне». — «Ладно», — говорит башкир. — Пошел домой, рассказал бабе.

Баба говорит: «Иди. Дам я тебе колотушку и железную лопатку. Будешь ими копать землю и ляжешь мимо ямы, пока они сожгут дрова и керосин... Вот тебе золотая чашка, — говорит, — придешь, так отдай ее хану; скажи: отец подарил, тебя, говори, в гости звал. Потом дала еще серебряную чашку: это, мол, мать подарила. Шибко, мол, хаот тебя, что «не придет мой сын», мол. Так скажи».

Пошел, значит. В яму толкнул его хан, зажег дрова и керосин. Сгорело там все. Через две недели хан пошел к его бабе: «Айда ко мне: твой мужик сгорел, кончал». — «Как сгорел? Ты его посылал на тот свет к отцу; он придет! Буду ждать еще». — «Ну, жди! Приду потом, возьму замуж».

Три недели прошло. Опять хан пришел: «Айда ко мне! Сколько время прошло, он не пришел! Не придет больше!»

На двадцать седьмой день опять пришел к бабе: «Айда ко мне! Все равно, — говорит, — не придет!» — «Еще три дня осталось. Месяц кончится, тогда, — говорит, — пойду замуж».

Месяц прошел. Башкир пришел, пошел прямо к хану. — «Вот, — говорит, — эту чашку тебе отец подарил. Эту чашку тебе мать подарила. Ругают тебя шибко, зачем ты сам не пришел!»

Хан говорит: «Я пойду, узнаю: здоров ли, как живет. Ты видел, я не видел!.. Копай, — говорит ему, — яму». — Башкир нанимал яму копать 40 сажен глубоко; сто сажен дров готовил, сколько пудов керосину готовил. Сказал хану: «Айда иди!» — Хан пошел к отцу. Тот бросил за ним дров и керосину, зажег. Хан сгорел.

Башкир остался, живет. Ханом сделался сам.

ТРИ БРАТА

Рассказал М. Мухаметов

Давно был один старик со старухой. У них было три сына. Старуха умерла. И старик уже начал шибко хворать. Созвал старик своих сыновей в одно место и сказывает им последнее слово: «Когда я умру, тогда вы возьмите мою саблю и отправьтесь в тот город, где живет хан. Если придется вам на дороге ночевать в поле, то двое пусть отдыхают, а один стоит на карауле, не спит».

Старик умер. На третий день после его смерти сыновья собрались и пошли в город. Вечером остановились в поле, чаю напились; большак стал на караул, а двое малых легли спать. В полночь время появился какой-то большой змей, летает вверху около них и хочет их всех троих проглотить. Который на карауле стоял брат, махнул саблей, промахнулся, а хвост отхватил да в карман положил. А им ничего не сказал.

Рассветало. Их разбудил. Чаю напились да и отправились опять в путь.

На другой день опять остановились ночевать. Двое легли спать, а середний брат на карауле стоял. Вдруг появился недалеко от них огонь и к ним приближается. — «Что такое? Пойду погляжу!» — Пришел туда: на огне сидит шайтан, у него семь голов. Шайтан говорит ему: «Зачем ты сюда пришел? Я было в вашу деревню отправился. Как вы родились, с тех пор я хорошего сна не видал!» Видно, боялся. «Всех вас проглочу!»

Выскочил, схватил его за горло. Средний брат вырвался, махнул саблей — семь голов отлетело. Он эти головы под камень, в одно место собрал; от каждой головы по одному уху отрезал, себе в карман положил. Охота показать, кому случится.

Пришел домой, разбудил их. Опять чаю напились, отправились дальше.

Близко к городу подходят. Советуются: «Ночуем здесь, чем в городе платить за фатеру». — Остановились опять в поле. Малый брат на караул стал.

Стоит. Те спят. И слышит разговор, будто идет целая артель. Вышел на дорогу, ждет. Те пришли. Их сорок человек. — «Что тут стоишь?.. Хана нам охота кончать. Ты чем мастер? Пойдем с нами вместе». — «Я очень мастер вверх залезать: хоть как будь высоко, залезу». — «Ну, этого нам и надо!» — Пошел с ними.

Пришли они в город. К хану в дом лезть трудно. У малого брата была веревка с крючком. Он крючок кверху забросил и полез по веревке. Слез туда, вверх, и говорит им: «Кто вперед слезать будет?» — Стал по одному таскать на веревке; как вытащит, голову отсекает и бросает на сарай. Всех сорок зарубил и положил на сарай в кучу. Потом у каждого по одному уху отрезал и в карман себе положил.

Потом слез с крыши, пошел к хану в дом. Караульщика нету, ни одного солдата не видно; только стоит одна, привязана, маленькая горничная собака. Эта собака начала лаять, и ее малой брат кончал.

Потом залез к хану в дом. В первой комнате спят три дочери хана; он у каждой снял по колечку и взял по платку — себе положил в карман. — Потом пришел в канцелярию и написал записку. «Вот ты как не ладно делаешь, хан: не ставишь ни одного часового солдата около своего дома, надеешься на какую-ту собачку. Если бы сегодняшнюю ночь меня не было здесь, так тебе было бы последнее житие; если не веришь мне, то погляди утром на крышу сарая — уводишь!» Сам отправился к братьям.

Пришли на другой день все три брата в город, стали в самый крайний дом на фатеру. Хан утром пришел к своему столу, увидал записку, прочитал и думает: «Что такое случилось у меня?» — Тут же пришли три его дочери: «Вот, отец, у нас сегодня ночью по колечку не стало и по платку не стало — потерялись». — «Я, — говорит, — тоже удивляюсь: вот кто-то записку тут оставил... Неужели это правда?»

Вызвал хан своих советников и солдат следствовать сарай: правда ли это? — Поглядели на сарай: народу полно, головы и тела в одной куче, у каждого по уху отрезано.

Стал еще больше народу собирать — всех, кто есть в городе. — «Кто это дело сделал, пусть тот не отпирается: я ему отдам свое государство и дочь свою отдам!» — Собрался весь народ. Стали спрашивать: «Кто это дело сделал?» — Никто не нашелся тут.

«Не остался ли кто-нибудь в городе еще?» — Кто ходил собирать народ, сказал: «Остались три брата; от них это дело не должно быть!» — «Кто его знает? Надо их тоже звать! Я велел вам всех собирать, никого не оставлять!»

Отправились к ним опять; сказали: «Вас зовет хан». — Два старших брата испугались: «Что, — говорит, — нас шибко крепко звал?» — А тот молчит, малой-то. Ну, они пришли, все трое. Их тут, в народе, хан не оставил, пустил в свою комнату, думает: от них это дело было.

Эти три братовья сели за столом и стали рассказывать между собою о том, что с ними было в дороге. А хан заставил караулить, что они станут говорить.

Этот большак рассказывает: «Вот что случилось первую ночь, когда я стоял на карауле. Появился большущий змей, хотел нас всех троих глотать. Я в него махнул саблей, мимо, только хвост отхватил. Вот хвост». — Вытащил из кармана и положил хвост на стол.

Потом середний говорит: «Я тоже убил змея; от каждой головы по уху взял, а самые головы положил под камень». — Тоже положил уши на стол.

А хан слушает, что они говорят.

Потом малой брат говорит: «Ну, у меня что случилось! Этому случаю никогда не быть! Я стою на дороге. Идет артель народу. Как подошли ко мне ближе, я остановил их и спрашиваю: «Куда вы отправились?» — Они отвечали: «Вот куда, хана кончать». — Ну, я с ними отправился... Я вперед их слез наверх, потом по одному их туда вытащил, у каждого голову отсек и положил. Пришел к ханскому дому; стоит одна собачка тут, а никакого часового нету. Сами спят. Счастлив хан, что я пришел; а то бы его сегодня кончали. Вот», — говорит. Вытащил из кармана сорок ушей и положил на стол.

И удивлялись братья друг на дружку. Хан всех их слушал. Пришел к ним. — «Вот какие молодцы ребята пришли! Какие дела делали: сроду так не придется никому делать!»

Как хан сказал свое слово, так и охота ему делать — свое государство отдать малому брату. А этот малой брат отпирается: «У меня есть большак. Вот, — говорит, — если желаешь, пусть большак будет на моем месте». — Хан отдал большую дочь большаку и свое государство ему отдал; среднему брату среднюю дочь отдал, малую — малому. Всех трех дочерей отдал. И живут теперь.

УБЫР

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один старик со старухой. У них была сноха; у этой снохи было три брата. Старуха у старика была убыр (ведьма). Сноха печет лепешки — гостинцы, в гости хочет ехать к братьям; каждый день печет, а свекровка у нее все кончается, ест. Сноха запряжет лошадь в гости ехать, глядит: гостинцев у нее нет, съедено. Замучилась сноха.

Один раз она затопила печь, приготовила все, только не пекла, а сначала лошадь запрягла, потом пекла. Испекла и поехала в гости. А у снохи было три парня.

Сколько-то там верст проехала, сноха, убыр ее догоняет, гонится за ней. Убыр поет:

Сношенька, подожди!
Ноги у меня пристали!

Убыр все ближе и ближе; руками уже хватает. Сноха бросила ей лепешку, убыр отстала было — ела, и опять идет. Опять поет:

Сношенька, подожди:
Ноги пристали!

Опять догоняет убыр. Опять сноха бросает ей лепешку. И так все лепешки бросала; лепешек больше у ней не стало. Бросила хлыстик; и хлыстик проглотила убыр; все идет, поет:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто у меня пристало!

Сноха сняла с телеги одно колесо и бросила, едет на трех колесах. Убыр проглотила колесо. Тогда сноха бросила убыру своих сыновей — одного за другим, потом колеса телеги, потом и самую телегу; сама села на вершну и поехала. Все проглотила убыр. Телегу долго глотала, и сноха уехала далеко.

Глядит назад: опять видно стало убывра, опять гонится за нею и догоняет уже, сама поет:

Сношенька, подожди:
Золотое копыто пристало.

Бойтся сноха; сняла хомут с лошади, бросила. Немного отстала убыр, глотала и опять идет. Опять близко, только хватить. Сноха клала вдоль дороги вожжи. Долго глотала их убыр, далеко отстала и опять нагоняет. Платок с своей головы бросила сноха; потом всю свою одежду прибрехала, в одной рубашке осталась.

Опять догоняет ее убыр. Нечего уже бросать. Убырхватила за хвост лошади и оторвала хвост. Плохо бежит лошадь. Догоняет убыр, оторвала у лошади ногу. Лошадь на трех ногах бежит. Опять ногу оторвала убыр. Тогда сноха слезла с лошади, побежала пешком. Всю лошадь кончала убыр, далеко осталась. А деревня-та уже недалеко.

Наступила уже ночь. Добежала сноха до деревни. Там у ней три брата, у них три дома.
Сноха поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша.
Убыр свекровка догоняет меня!

Старший брат отвечает ей: «Моя сестрица ночью не ходит». Не отворил дверей старший брат, а убыр уже близко. Перед домом среднего брата поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестрица Биби-Гайша,
Убыр свекровка догоняет меня!

И тот отвечает: «Моя сестра ночью не ходит». — Не отворил дверей; а убыр настагает.
Перед окном третьего брата поет:

Братец, отвори дверь:
Это я, твоя сестра Биби-Гайша,
Убыр свекровка догоняет меня!

«Иди в овечью карду», — ответил ей малой брат. Он думает, что это не его сестра.
Зашла она в овечий пригон, спряталася. Убыр за ней пришла в пригон, ходит — нюхает.
Поймала сноху и съела; остались одни кишки только. Кишки эти убыр повесила малому брату на столб, как вожжи, а сама ушла домой.

Утром встали братья. Средний брат идет к малому брату; смотрит: на столбе кишки висят. — «Вот, — говорит, — кого надо, того и Бог принес!» — А он игрок был, на скрипке играл. Взял кишки и утащил домой, сделал из них струны на скрипку.

Начал играть. Словно языком, его скрипка песню поет:

Не играй, не играй, братец:
Спина у меня болит.
Не играй, не играй, братец:
Я сестрица Биби-Гайша.

Играет, играет, а скрипка все одно свое поет. Удивился он. Принес скрипку к малому брату, позвал старшего брата. Начал играть — все братья заплакали: «Наверное, это наша сестра».

«Давай, — говорит, — в гости позовем свекровку и свекра!» Как те пришли, эти три брата поймали убыра и убили ее. А старик остался в гостях.

СТАРИК И ДЕУ

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один старик. Бедный был шибко; ничего у него нету. Возьмет в руки палку и гуляет; да и гулять шибко круто не может. Ищет гнезда — хоть сороки, хоть короны, яички собирает из гнезд; этим и живет.

Один раз он шел из поля, ходил яички собирать. На встречу ему попадает Деу. Деу говорит: «Я тебя съем!» — Старик: «Нет еще, не съест тебе меня. Посмотрим, кто кого сильнее! Вот, — говорит, — возьми этот камень и дави его: если у тебя пойдет из камня желтая вода, так ты съешь меня, а если у меня пойдет, так я тебя съем!» — Деу согласился.

Старик взял в руку вместо камня яичко; давил, у него желтая вода побежала. Деу взял камень, жмет его изо всей силы, весь камень изломал, только пыль из него летит, а воды нет.

Потом старик говорит: «Я тебя съем!» А старик сам тощий такой. Деу испугался: «Я, — говорит, — тебе золота дам, пожалуйста, не ешь». — Старик все бородой трясет: «Я тебя, — говорит, — съем!.. Ну, да ладно!» — говорит.

Потом Деу повел его к себе за золотом. Пошли. Шли долго, не один день. Пришли в избу; там одна мать Деу дома. Деу сказал матери: «Гость пришел; самовар поставь!» — Рассказал ей, как дело вышло. Наелись, напились.

Ночь стала. — «Спать, — говорит, — надо». — Деу: «Айда ложись, — говорит, — в избу». — Постлали ему постель. Старик говорит: «Нет, — говорит, — я в избе не привык спать: там блох, наверно, много. На потолок пойду», — говорит. — А сам думает, кабы чего-нибудь не сделали с ним. — Залез на потолок, лег.

Ночью старик потихоньку слез с потолка. У них в избе огонь горит. Смотрит в окно: Деу топор точит, — «Я, — говорит, — раз секу, другой раз сечь нечего будет!» — Матери говорит. — Мать говорит: «Не шевели! Не знаешь, какой человек, может быть, святой? Гляди, кабы худо не было тебе!» — «Нет, — говорит, — я не боюсь!» — Старик взял худой пенек, с человека ростом; положил его на потолок, под крышу, завернул его в зипун: будто человек спит. Сам слез с потолка и опять в окошко глядит.

Деу залез на потолок с топором в руках. Раз он сек его, другой раз сек, только пыль летит от него. Не стал разговаривать, так слезал. Вошел в избу, потом матери говорит: «Вот какой старой он: только пыль летит от него!» — Потом легли они спать.

Как уснули, этот старик залез опять на потолок, взял зипун и надел на себя. Потом слез, пришел под окошко да и кричит: «Вставайте, — говорит. — Что вы долго спите? Отворяйте дверь!» — Так с характером, знаешь, кричит. Они испугались, торопились — отворяли дверь, огонь развели, самовар ставят.

Чай пьет старик. — «Вы, — говорит, — сказали блох нет! А я еще на потолок залез, и там блохи кусали меня! Кабы, — говорит, — в избу, так больше бы кусали меня!» — Царапается сам.

Чаю напились. Деу махан варил — человека колот. Этот старик сидит за обедом; Деу кладет ему голову, главной мосол; старик рвет рукой, тащит в рот себе, а сам прячет в дыру. Много ли, мало ли сидел: «Будет, — говорит, — наелся!»

«Ну, теперь, — говорит, — надо рассчитывать!» — Прямо весело говорит, что-что боится. Деу говорит: «Возьми, сколько поднимешь, сам тащи золота!» — А старик говорит:

«Вот какой ты дурак! Я много дураков видел, этакого не видал!.. «Сколь подымаешь еще!» — Да я с матерью тебя тащу, с домом, — говорит, — всего тебя утащу! Тебя работником держать стану, мать стряпкой будет!.. Айда сам тащи, сколь подымаешь!»

Деу шибко испугался. Кладет сам на себя золото, много кладет — согнулся даже. — «Айда еще клади!» — говорит старик. — Деу через силу себе клал, не может уже поднимать. Пошли они; старик сзади его идет. Пойдет, пойдет Деу, да и упадет; потом говорит: «Оставим хоть немного: шибко тяжело нести!» — «Айда, — говорит старик, — тащи, не оставляй!»

Пришли к старику. — «Стой, — говорит, — в воротах! Я бабу пошлю самовар ставить». — Старик своей бабе сказал: «Я, — говорит, — тебя заставляю: мясо клади варить! — Так ты спрашивай у меня: какое мясо?..»

Вышел старик и говорит Деу: «Айда заходи!» — Золото принес Деу в избу. Старуха самовар поставила, сели пить чай. Старик потом говорит бабе: «Айда мясо клади варить!» — Баба спрашивает: «Какое мясо, — говорит, — класть?» — У старшего Деу голова клади варить, а у среднего грудь клади, а у младшего нога. Не хватит — вот сидит» — руку протянул и хотел схватить Деу за горло. — Испугался Деу, угол у избы подымал и убежал.

Обрадовались они, старики. Старик пошел избу чинить.

Деу бегом бежит с испугу. Навстречу ему попала лиса: «Куда ты эдак круто идешь?» — «Старик меня хотел поймать, убить». — Лиса говорит: «Эх ты, дурак, дурак! Я его соплями бью, он упадет; потом я молоко у него хлебаю, сметану хлебаю — и убегу! А ты, такой здоровый, боишься! Пойдем, я тебя поведу. Держи хвост мне!»

Взял Деу у лисы хвост, держит его. А старик починял избу. Оглянулся старик и видит Деу. — «А, — говорит, — лиса, ты тащишь мне долг, заплатишь мне хочешь! Айда тащи скорее!» — Деу испугался, осердился на лису, завертел, завертел хвост и ударил лису о землю, а сам убежал с маху. — Старик взял лису и ободрал.

ВОДЯНАЯ ДЕВИЦА

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Был старик со старухой. У них было три парня. Жили богато. Два парня женились, а третий парень остался холостым. Старик умер, а он все холостой. Братья стали обижать холостого брата; ему хочется жениться, а они его не женят.

Один раз холостой брат пошел на озеро. Гуляет по берегу, увидел кого-то вдали и пошел на него. Подошел ближе, видит: сидит девка до груди в воде. — «Ты кто?» — спрашивает парень. — Она сказала: «Я водяная девка». — «Ты пойдешь за меня замуж?» — «А у тебя кто есть?» «Брат есть» — Молодец сказал. — «У тебя брат богатый, а я бедная. Как я пойду за тебя? Мне стыдно идти». — А девка сама баская. Говорили так сколько время, сговорились.

Молодец сходил домой, притащил ей одежду женскую. Та оделась и пошла с ним домой.

Пришли. Живут. Свекровка хвалит девку: «Какая она бойкая! У нас 10 коров — она сейчас подоит, а раньше сноха у нас была — ух плохо работала... За какую работу ни возьмется, все хорошо!»

Пошла эта молодая сноха однажды доить коров. А у нее была одежда из лягушечьей кожи. Пошла она доить, повесила эту одежду на гвоздь. Мужик взял эту одежду и бросил на огонь. Сгорела одежда, только маленько осталось, пришла эта девка. — «Эх, ты, чего ты наделал!» — осердилась она. Как встряхнулась и полетела. Мужик заревел.

Плохо стало жить мужику. Думал, думал он и надумал: надо идти искать жену. Наготовил себе много провианту и пошел. Идет, идет все в одну сторону, на юг. Шибко много дней прошел, много рек прошел и уральные места. Все идет дальше. Вся одежда у него износилась; нашел он однажды старую кошму от коша, сшил из нее себе одежду — шубу и шляпу; опять пошел.

Идет и видит: далеко-далеко дом, как наперсток, и дым, как леска. Пошел туда. А провиант у него уже весь вышел. Подошел к дому, отворил дверь, затворил ее за собой и здоровается: «Бабушка, здравствуй!» — Та спросила: «Откуда ты?» — «У меня баба убежала... Я голоден шибко; дай мне чего-нибудь поесть, кусочек какой». — «Молодец, у меня у самой мало, я сама голодом». — Собрала ему черствые куски, дала простокваши: он поел и опять пошел своей дорогой.

Идет; опять увидел далеко-далеко дом — как наперсток, дым — как леска. Пришел туда, зашел; отворил дверь, там бабушка сидит. — «Накорми меня, пожалуйста; я бабу свою потерял, ищу». «А, я, — говорит, — знаю ее; она дочь моей старшей сестры. Придешь ты к ней во двор, так не пройти: все заперто на запор. Вот я тебе дам ключ, ты брось его на крышу ограды».

Он взял ключ. Пришел туда; нашел дом. Как бросил ключ на крышу ограды, так дверь отворилась. Вышла бабушка и говорит: «Айда в избу... Зачем пришел?» «Вот у меня баба убежала». «О, это моя дочь!» — «Как, — говорит, — теперь ее достать?» — «Вот ты мой зять, зачем ты ее сердил? Она сейчас придет сюда, тебя убьет!»

Бабушка его встряхнула, и он сделался маленький, как иголка. Она заткнула его в мох. Он все видит, что-то иголка. Видит: пришло 9 гусей, встряхнулись, стали девками и нюхают. И говорят: «Кто здесь есть?» — Сами сердятся. — «Я его сейчас убью!» — Эта бабушка

говорит: «Нет, не надо убивать! Помириться, лучше будет!» — И подружкам сказала эта бабушка: «Уговаривайте ее». — Те уговаривают. Она согласилась.

Бабушка говорит: «Принимай присягу, а то обманешь!» — Та присягу приняла: «Не убью». — Тогда бабушка иголку вытащила, встряхнула и стал человек — плохой шибко: своробливый, грязный.

«Я не буду спать с ним», — Постлала себе другую постелю, и легли на разных постелях. А тот страшно царапается, зудит голова шибко, хворый стал.

Как он уснул, эта девка пришла, положила его на хлебную лопату, сонного, и бросила его прямо в огонь, а печь уже затоплена. И сгорел он там, кончался; осталась одна зола. Она эту золу смела, на чистой платок склала, потом встряхнула — и опять человек стал. Положила его опять на постель. А он чистый стал, много получше, и волоса у него выросли.

На другой день утром встали; бабушка и спрашивает его: «Ты сегодня что видел во сне?» — «Ох, как меня седни беспокоили! В огонь бросали, мяли, на тряпицу клали, привязывали, потом опять трясли». — Все он помнит, только во сне. Стали жить вместе.

«Поедем, — говорит, — домой». — «Я еще не пойду, а ты иди домой. Ежли у тебя на дороге не хватит хлеба, то возьми вот этот мешок, тряхни — и будут деньги; только ты ничего не покупай, кроме хлеба».

Пошел он. Идет, идет. И видит: далеко-далеко дом, как наперсток, и дым, как леска. Заходит. Там сидят старик со старухой. Кричит: «Хозяин дома?» — «Дома». — Вышел старик: «Ты кто?» — Он сказал. — «Продай все строение». — «Продам. Три короба золотых денег полны клади, я продам». — Встряхнул мешок — полон короб денег. Так и другой, и третий. Три короба наполнил. Старик со старухой запрягли лошадь, ушли. «Нам, — говорит, — будет». — Стал хозяином, и жить стал тут; живет, домой нейдет.

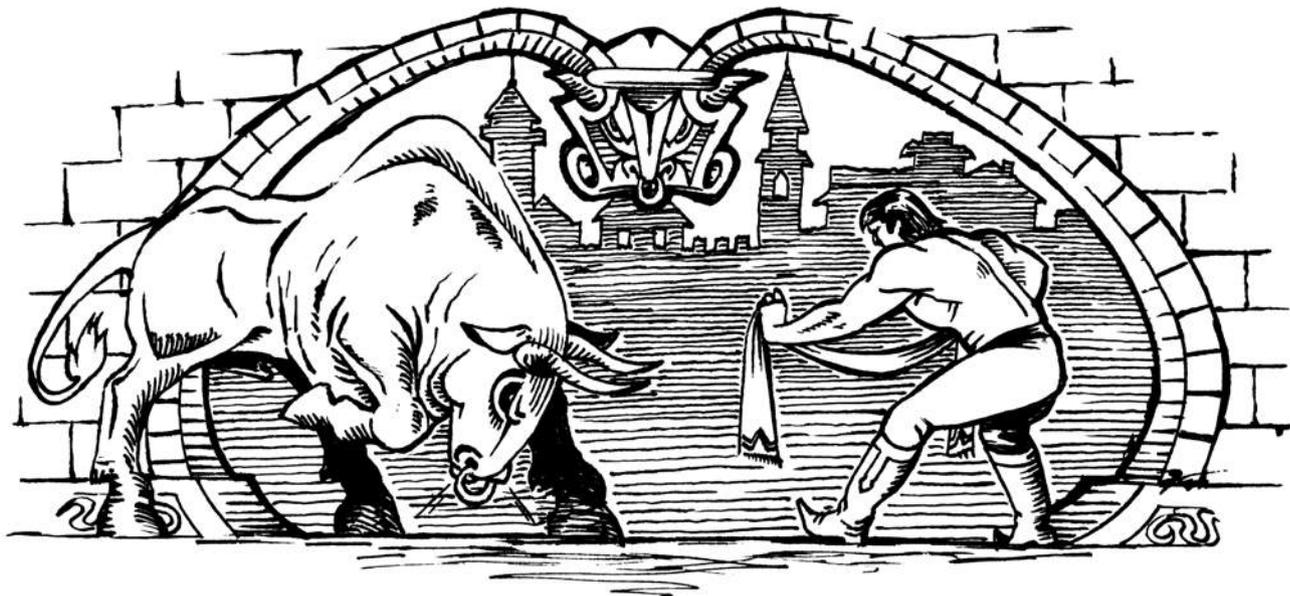
Его баба узнала об этом. Пришла и говорит: «Что ты делаешь?» — Все строение сожгла в пять минут. Остался один мужик. — «Зачем ты меня не послушал? На первый раз прощаю, а другой раз не прощу!»

Поехали вместе домой. Пришли на то место: «Где наша деревня? Ровно земля наша, а деревня где?» — Кричали, кричали — никого нет. Зашли в землянку, видят: сидит старик со старухой, походят на его брата и на его мать. — «Здравствуй, братец!» — Тот ничего не понимает, не слышит и не видит, и мать тоже. Шибко стары стали они. Сказал бабе: «Вот мой дядя и мать сидят, ничего не слышат».

Все именье сбросала в огонь, в чувал; потом брата и мать туда же бросила. Как мужика своего прежде, так и их; золу от них взяла в тряпку, встряхнула — и стал опять здоровый, как 17-летний молодец.

Жить стали хорошо, богато.

БЫЖЫРМАРГАН

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Был старик со старухой. У них был один парень, по имени Быжырмарган. Бедные они были. Сын просит отца сделать ему стрелку. Тот сделал. Сын пошел и застрелил сороку. Принес домой; половину сороки сварили, половину на другой раз оставили. Наелись.

Сын опять пошел охотничать; попала ему утка. И так он мастер стал стрелять, первый охотник стал.

Один раз пошел он охотничать. Видит: на дороге огонь горит. Заходит Быжырмарган в огонь, а там лежит змея. Взял Быжырмарган стрелку и выбросил змею из огня.

Змея сказала ему: «Спасибо тебе за это. Пойдем к нам в гости». — Все рассказала ему, куда и как идти. «Как придешь в избу, говори отцу: саля маликам! (здравствуй!) Угощать он тебя будет. А когда пойдешь домой, то он даст тебе сундук — любой, какой душа желает: красный, зблeный, черный... Если черный сундук возьмешь, то там все змеи будут, если зeлeный — ящерицы, если красный — огонь. Ты бери белый сундук».

Пришли в ихний дом. Быжырмарган сказал: «Саля маликам» (здравствуй). — «Если бы не этот селям, то я разорвал бы тебя на две части и проглотил бы!» — Стал его угощать. — «Спасибо тебе: сына тащил». — Сколь время гостил, домой пора. — «Прощайте», — говорит. — Отец змея и говорит ему: «Постой, я тебе подарок дам — любой сундук бери; который пожелаешь, отдам!» — Быжырмарган выбрал белый сундук. — «На свою землю пока не выйдешь, не отворяй сундук!» — «Ладно». — Попрощался и пошел домой.

Принес Быжырмарган сундук на свою землю и отворил. Как сундук отворил, тут дом построился, и баба ему, и всякое хозяйство — самовар и все. Дом шибко хороший: у царя нет такого. Богатый стал; отца и мать к себе жить тащил.

Царь осердился на него: зачем лучше царского дом построил? Послал солдата к Быжырмаргану: «Пускай готовится на войну со мной». — Солдат сказал. Быжырмарган на дверь взглянул — заплакал, в красный угол взглянул — рассмеялся. Баба говорит ему: «Сходи к моему отцу, попроси у него военных стрелок; он тебе даст», — говорит. — «Ладно». — Пошел. 10 дней только сроку дал ему царь.

Пришел к тестю и попросил у него стрелок. — «Ладно», — говорит. — Три тысячи стрелок дал ему. — «Там, — говорит, — дочь знает, что делать с ними». — Принес стрелки домой, отдал бабе. Баба понесла их на озеро мыть; белые стали, положила их на скамейку под окошко в ряд.

Время вышло. Собрались царские солдаты. Баба велела Быжырмаргану залезть на крышу и там сидеть. Стрелки эти стали шевелиться: им стреляться охота. Потом стали солдаты стрелять прямо в избу мужику. Тогда и стрелки стали сами стрелять: стреляют, попадают и все проходят через человека дальше; не остаются в теле, а стреляют потом другого и третьего. В 15 минут весь царский полк кончали, потом остановились.

Царь тоже не стал воевать. Он сказал: «Станем теперь бороться: у меня есть семигодовалый бык, ты с ним будешь бороться!» — Быжырмарган взглянул на дверь — заплакал, взглянул в красный угол — засмеялся. Баба ему говорит: «Что ревешь? Ничего не бойся. Неси отцу стрелки и проси у него опояску».

Пошел Быжырмарган к тестю; отнес ему стрелки, гостил у него. — «Мне, — говорит, — надо опояску». — Тесть дал ему шелковую опояску. Взял и принес ее домой. Баба учит его: «Когда придешь на майдан, дадут тебе мяса — ешь, и не дадут — рви и ешь! Кто тебя толкнет, кто не толкнет, все равно падай. Когда будет тебя бык бодать, бросай ему на рога эту опояску».

Быжырмарган пришел на майдан, прямо рвет мясо и ест; кто-нибудь его толкнет, али маленько пошевелит, он падает. Народ смеется над ним: «Хорош, — говорят, — борец».

Время настало бороться. Царские слуги привели на опояске семигодовалого быка; бык шибко злой, бодается, идет к Быжырмаргану круто, прямо бодать. Как бык подошел, Быжырмарган бросил ему опояску прямо на рога и давай его вертеть. Легко стал поднимать быка. Вертел, вертел его и бросил на 17 сажень; до смерти кончал быка.

Весь народ удивился. Майдан кончился.

Ден 10 прошло. Опять царь посылает к Быжырмаргану: «Давай пускать бегунцов: если моя лошадь прежде придет, твою голову отсекем; твоя лошадь прежде придет, мою голову отсекем».

Быжырмарган на дверь посмотрел, заплакал; в красный угол взглянул — рассмеялся. Спрашивает у бабы: «Что будем делать теперь?» — «Айда, шелковую опояску неси отцу, а он даст тебе тулпара».

Сходил и попросил у тестя: «Бегунцов хотим пускать, лошадь мне надо бы». — «Вот, — говорит, — у меня малой тулпар, бери! Зажмури глаза, бей его раз и потом гляди». — Зажмурил глаза, ударил тулпара; смотрит: дома, в свою избу пришел.

Майдан начался. Пустили бегунцов; идут они. У Быжырмаргана далеко вперед идет тулпар, царского бегунца не видать за ним. Семь шелковых веревок протянуто было на конце бега; шесть веревок порвал тулпар, только на последней остановился. Царский бегунец пришел много после.

Быжырмарган сделался царем.

АЛЕУКА

Рассказал Б. Дин-Мухаметов

Давно жил один богатый старик со старухой. У них был один только сын, по имени Алеука. Отец и мать посылают парня каждый день глядеть конный табун: «Гляди табун, гони его на елань Илкуар: если эта елань будет полна, то вся скотина цела; не полна елань — скотины не хватает». — Каждый день ходил парень, гонял табун на елань; елань все полна.

Однажды он лег там спать и уснул. Мимо его проходила девица Жин пэри и надела ему на руку колечко. Когда парень пробудился и встал, он оказался без языка — не может ничего говорить.

Пришел домой, в избу, хочет говорить и не может. Отец с матерью спрашивают: «Чего тебе сделалось?» — Он ничего не отвечает: выговорил только одно слово: «Старика с белой бородой тащите!» — Никто не понимает, какого старика. Отец с матерью ревут: один только сын у них.

Думал, думал отец, сел на вершну и поехал искать белобородого старика. Долго ехал, наконец видит: сидит старик с белой курчавой бородой. — «Тебя мне и надо! Иди ко мне: у меня сын не может говорить». — Старик говорит: «Айда собирай больше народу и коли скотину — кормить гостей! Когда все у тебя будет готово, я приду».

Воротился отец Алеуки домой, позвал в гости всех своих однодеревенцев, заколол сколько там быков, овец. — Пришел и старик с белой бородой. А Алеука все не может говорить.

Нагостились. Хозяин говорит белобородому старику: «Вот у меня парень не может, тебя просил привести». — Старик подошел к Алеуке, взял его за правую руку, гладит. И говорит старик: «Айда скорее, выбирай из табуна шесть пар чубарых коней — догонять надо». — Отец Алеуки говорит: «Не только что шесть, шестьдесят пар чубарых коней можно отобрать у меня в табуне!» — Пошел в табун, смотрит: ни одной чубарой лошади нету; искал, искал, не мог найти. Воротился домой и говорит Алеуке: «Парень, ни одной чубарой лошади я не могу найти!» — Парень сказал: «На Гусиную гору ушла у нас одна кобыла; наверно, все туда ушли». — Пошел старик опять, смотрит: все чубарые кони собрались в одно место, а лошадей другой масти тут совсем нет. Давай ловить их; шесть пар поймал, привел домой.

Старик с белой курчавой бородой говорит: «Давай скорее садись на вершну, надо ехать в погоню!» — Сам белобородый старик поймал рыжую лошадь, сел на нее и поехал впереди. Смаху гонит вперед. Пристала лошадь у Алеуки, и отцова лошадь пристала; пересели они на других коней. И эти кони пристали, пересели на новых, потом пересели на последнюю пару, и она уже не может идти. А у белобородого старика рыжко все идет хорошо вперед.

Слез белобородый старик со своего коня и говорит Алеуке: «Садись на моего рыжка; назад не оглядывайся; хлыстиком бей коня так, что — по одному боку бьешь, а по другому чтобы кровь пошла. Доедешь до реки, остановись ночевать; утром встанешь, придет девица с чайником за водой — ты ей это колечко отдай».

Доехал Алеука до реки, остановился ночевать, коня привязал. Выспался, утром встал, глядит: одна девица идет с чайником за водой. Алеука подходит к ней и говорит: «Апай, у тебя сестра есть?» — «Есть». — Алеука показал ей свое колечко; та и говорит: «Это моей сестры колечко, где ты его взял? Моя сестра замуж выходит, свадьбу играет».

Алеука отдал ей колечко, сказал: «Когда будешь поливать сестре на руки воду, то спусти ей на руки вместе с водой это колечко». — Та взяла и ушла. Алеука остался; то скливо стало ему.

Девушка пришла домой; стала подавать воду — руки умывать. Пришла сестра, она спустила ей с водой колечко: как полила воды, так колечко само и наделось на руку. Сестра удивилась. — «Откуда это взялось у меня колечко?» — «Это тебе молодец послал». — «Покажи мне его».

Свела девушка свою сестру на реку, показала ей Алеуку. Они познакомились и полюбили друг друга; сели на рыжка и угнали домой; сбежали.

Отец с зятем узнали об этом; кинулись в погоню. Зять звали Кубыкты-кара (Черный гребень на водяной волне). Гонят они быстро; догоняют Алеуку.

Невеста спрашивает Алеуку: «Чего ты умеешь делать? Покажи мне». — Тот вместо ответа поет:

На острове растет тридцать осокорей:
Все они упадут, если я выстрелю!

Взял стрелу и выстрелил из лука; все тридцать осокорей упали: 29 срезала стрела, в тридцатом завязла. — И опять поехали вперед.

Сзади них идет погоня; едут тесть с зятем и думают: «Почему это осокори упали? Если бы их ветром уронило, то почему они все ровны? Если топором срублены, то почему нет щеп? Если пилой спилены — почему нет опилков?» Думают, дивятся; увидели в тридцатом осокоре стрелку, догадались: стрелой, видно, срезал!

Едут. Невеста опять спрашивает Алеуку: «Что ты умеешь делать? Покажи мне». — Алеука опять запел:

На краю стоят сорок сосен:
Все сорок упадут, если я выстрелю!

Выстрелил из лука, и все сорок сосен упали: в последней завязла стрелка. — Те увидели и опять думают: отчего сосны упали? — Думали, думали, увидели в последней сосне стрелку и догадались.

Гнал, гнал Алеука. Тесть его воротился домой, остался один зять Кубыкты-кара. Наконец, у Алеуки рыжко пристал. Слезли они с коня, пошли пешком. Много ли, мало ли шли, Кубыкты-кара их догнал и говорит Алеуке: «Застрелю я тебя до смерти!.. Оставь девку, так я не буду стрелять!» — Алеука говорит: «Давай, стреляй!» — Невеста стала на середине между ними и говорит: «Кто кого застрелит, за того я и пойду!»

Кубыкты-кара стрелил, не попал. Потом Алеука стрелял, попал Кубыкты-каре в стрелы: 10 стрелок было у Кубыкты-кары, осталось только две. Кубыкты-кара стрелял и тоже попал Алеуке в стрелы: три стрелы кончал, осталось у Алеуки 9 стрелок. Потом Алеука стрелял, попал в Кубыкты-кару и, и тот умер.

Алеука с невестой поехал к тестю, воротился назад. Тесть их угощает; живут они тут долго; уже ребенок родился у молодой жены. Взяли они с собой девушку-няньку и поехали домой.

Подъезжают к дому; остановились у реки. Алеука и говорит: «Баба, я тебя оставляю здесь с нянькой, а сам схожу домой: близко уже дом-то». — Ушел. А жена у Алеуки была быстро баска: в одной щеке месяц, в другой солнце.

Алеука пришел домой. Поздоровался с отцом и матерью; говорит им: «Я женился; жена у меня быстро баска. Надо постлать ковры в ограде. У меня жена: раз плюнет — серебро, другой раз плюнет — золото. Вот какая у меня баба!» — Так сказал и ушел назад к бабе.

А баба его начала без него купаться. Сняла с себя всю одежду и как чебак гуляет в воде. А у нее была очень хорошая одежда из золота и серебра. Нянька взяла эту одежду и надела на себя. Та вышла из воды; нянька ей одежи не дает: «Моя», — говорит. — Просила, просила, не дает. Стыдно ей стало нагишом. Была у ней другая одежда: как ее надела, так и улетела, ровно гусь. — А эта нянька взяла ребенка, держит его, как будто своего, и песню поет.

Приехал Алеука и спрашивает ее: «А где апай, ? — «Она купалась и утонула; я искала, искала, не могла найти». — Заревел Алеука; сам пошел искать, не нашел. — «Унесло, видно, — говорит, — водой». — Пошли с нянькой и с ребенком домой; ребенок у нее реветь. Приехали в деревню; Алеуке стыдно: шибко хвалил он свою бабу, а смотрит народ: баба у него не шибко баская, середняя, значит.

А у Алеуки все сердце болит: «Где моя баба?» И ночью он не спит.

Приехали путешественники и спрашивают: «Пустишь нас на фатеру?» — Алеука пустил. Сели обедать. Один путник и говорит: «Сегодня я шибко удивился — охотничал на болоте ночью: кричит там гусь жалобно-жалобно, ревет; видно, потерял пару. Я хотел застрелить, рука не поднимается: он ровно понимает, кланяется, жалобно кричит». — Алеука говорит: «Ох, — говорит, — это, наверно, моя баба гуляет. Где вы видели, в каком месте?» — «Вот такое-то место».

«Дайте мне совет, как ее поймать?» — «Вот как: всю свою деревню собери, весь молодежьник сначала спроси, а потом всех стариков: что они тебе скажут, как посоветуют».

Прошел этот день. Утром встали, Алеука давай собирать народ. Заколел быков, баранов. Молодежьник посадил в одно место, стариков в другое. Наелись, сидят. Алеука и спрашивает: «Вот, — говорит, — у меня баба улетела, как ее поймать? В лесу ее видел народ». — Молодежьник отвечает: «Давай поймаем ее: который палку возьмет, который на вершну сядет — окружим и возьмем».

Потом спросил у стариков: «Вы какой совет дадите?» — «Надо умно поймать. В том месте, где она гуляет, надо выкопать яму, чтобы туда человек ушел; постлать там хорошую постелю и положить ребенка. Садись сам туда, чтобы не видно было. Она к ребенку придет, ребенка возьмет и станет сосить. Когда станет сосить, тогда ее можно будет поймать».

Так и сделал Алеука. Баба пришла ближе к ребенку, хотела сесть, да опять улетела — боится. Кружалась, кружалась, садилась на деревья; спускалась все ниже. Наконец, сняла одежду и стала бабой; взяла ребенка и стала сосить. Ребенок сосал, сосал и уснул; потом и мать уснула. Алеука ее тихонько держал. Когда она разбудилась, узнала его. Надел на нее одежду и увел домой.

ЗОЛОТАЯ БАБКА

Рассказал С. Якунов

Давно-давно жил один старик со старухой. У них был один только сын, по имени Золотая Бабка.

У этого мальчика была золотая бабка — биток; он играл с ребятами в бабки и всегда выигрывал.

Однажды отец его пошел на озеро поить скотину; пригнал табун на воду, а скотина не пьет: хвостами и ногами болтает и бородами трясет, а не пьет. В воде кто-то хватал скотину за бороду и начинал тянуть за губу. Это была старуха убыр (ведьма).

Старик сказал ей: «Пусти мою скотину, не держи!» — «Отдай мне то, что у тебя одно только!» — «Стадо баранов отдам, отпусти!» — говорил старик. — «Нет, что одно только у тебя, то отдай!» — Старик: «Ну, отдам!» — говорит. — Тогда отпустила скотинку.

Старик решил тогда перекочевать с семьей на другое место. Взял на прежнем месте зарыл в золу золотую бабку сына и уехал.

Перекочевали они в другую землю. Сын и спрашивает отца: «Отец, где моя золотая бабка?» — Отец ответил: «Спроси у матери». — Спросил матери. Та сказала: «Она осталась в той земле, где мы прежде жили; в золу захоронили ее».

Сын спрашивает отца: «На какую лошадь садиться мне чтобы ехать за золотой бабкой?» — Отец ответил: «Тряси арканом, тряси уздой!» — Сын тряс арканом, тряс уздой — один худой жеребенок взглянул на него. — «Отец, отец, на какую лошадь мне садиться?» — «Ай, е...» Говорил ведь я тебе: тряси арканом, тряси уздой!» — Стал опять трясти арканом, потом уздой — давешний плохой жеребенок опять взглянул на него. Тогда он оседлал этого жеребенка, сел на него — и стала хорошая лошадь. Сел и поехал.

Поехал, видит: какая-то старуха сидит и играет с его золотой бабкой. — «Бабушка, дай мне золотую бабку!» — «Нет, дитятко, у меня спина болит; слезай, бери сам!» — В это время лошадь у мальчика повернулась на коленках, взяла у убыра золотую бабку и убежала.

Тогда старуха убыр плюнула — стал пест, харкнула — стала ступа; села на пест верхом и погоняет ступой, гонит следом за Золотой Бабкой. Золотая Бабка сидел на малой буланой лошади, а убыр — на большой буланой. Едут. Лошадь у убыра пристала и запела:

Буланый братец, подожди!
Ноги у меня пристали!

Та отвечает:

Буланый братец, не буду ждать.
Пусть пристают твои ноги!

Убыр слушала, слушала да и говорит: «Что это такое?!» — Взяла да и съела свою лошадь. Потом и молодой буланко остановился и сказал Золотой Бабке: «Теперь я не могу больше идти. Ты садись вот на это дерево!» — Сказал и нырнул в воду.

Старуха убыр пришла, плюнула — сделало точило, харкнула — сделался топор. Рубит то дерево, на котором сидит Золотая Бабка, и поет. Половину срубила. Пришла лисица и говорит: «Эй, бабушка, брось рубить! Давай я дорублю». — Убыр: «Нет, нет! Я сама дорублю!» — Лисица опять: «Эй, бабушка, брось! Давай я дорублю!» — Отдала, сама легла спать. Убыр старуха спит, а лисица топор и брусок бросила в воду, насрала на рубленное место, и дерево вновь стало цельным.

Старуха убыр встала: «Что это видят мои глаза?!» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — стал топор; начала рубить. Половину срубила, прибежала другая лисица: «Эй, бабушка! Брось, я дорублю!» — Убыр: «Нет! Сейчас была одна лисица, обманула меня и убежала». — «Нет, я не обману! Та какая была, бабушка? Красная? Я не обману!» — Тогда

старуха отдала топор, сама легла спать. Лиса топор и точило бросила в воду, насрала на рубленное место, и дерево стало целым.

Старуха встала: «Что это видят мои глаза?» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — сделался топор; начала рубить. Половину срубила; прибежала еще лисица: «Бабушка, давай я буду рубить!» — «Нет, два раза обманули меня и убежали», — сказала старуха. — «Какие же они были, бабушка?» — Убыр: «Одна красная, а другая черная». — «А я, видишь, другой масти. Та была вся черная и сверху черная, и снизу черная — зло она думает; а я вся светленькая, не думаю зла». — «Ну, нет, так руби!» — сказала старуха и легла спать. — Лисица топор и точило бросила в воду, на рубленное место насрала, и оно стало целым.

Убыр встала: «Что это видят мои глаза?» — Потом плюнула — стало точило, харкнула — стал топор, и начала рубить.

На вершину этого дерева к мальчику прилетела ворона и говорит: «Аккулак и Саккулак твои собаки поклон тебе прислали». — Парень в ответ: «Ты скажи моим собакам, чтобы они пришли ко мне». — Ворона на то: «Нет, пусть тебя убьет убыр: мне достанется тогда хоть одна ложка крови».

Потом прилетел к мальчику воробей: «Аккулак и Саккулак поклон тебе прислали». — «Скажи им: пусть они придут ко мне». — Воробей: «Если увижу, скажу». — А старуха убыр налила Аккулаку и Саккулаку в уши свинцу. Воробей этот свинец выклевал.

Пыль поднялась по дороге. Старуха убыр увидела ее и спрашивает Золотую Бабку: «Парень, парень, что это за пыль на дороге?» — «Это, бабушка, тебе радость, а мне горе!» — А на самом деле это собаки бегут во всю прыть. Старуха опять спрашивает: «Парень, парень, что это за пыль на дороге?» — «Тебе радость, а мне горе».

Аккулак и Саккулак прибежали. Старуха убыр бросила топор в воду и сама в воду нырнула.

Аккулак и Саккулак сказали мальчику: «Если мы убьем убыра, черная кровь пойдет; если убыр убьет нас, бурая кровь пойдет». — Сказали и нырнули в воду. Через несколько времени бурая кровь пошла; мальчик заплакал. Потом через некоторое время черная кровь пошла; мальчик засмеялся.

Потом Аккулак и Саккулак вышли из воды; убыра убили. Бурая кровь пошла сначала потому, что убыр оторвала собаке ухо.

Вслед за собаками вышла из воды и лошадь, на которой ехал мальчик вперед. Золотая Бабка сел на нее и поехал. Приехал домой и сделал майдан на девять дней; лошадь свою пустил бегунцом. Стал жить еще богаче.

ОБМАНЩИК

Рассказал С. Якунов

Давно жил один старик со старухой. Они были очень бедны. У них было три дочери, все маленькие — самой старшей 15 лет.

Однажды эти дочери жали хлеб на поле. А была уроза. Они жали и устали, есть захотели. Старшая говорит отцу: «Отец, я есть хочу; дай мне хлеба». — Отец ударил свою дочь и говорит ей: «Ешь, хорошо!» — Девушка ответила: «Нет ли еще хлеба?». Тогда мать закричала на нее: «Если хочешь есть хлеб, так выходи замуж!» — Дочь говорит: «Хорошо, пойду».

Потом они пришли домой: поставили самовар, напились чаю. Старшая дочь и говорит: «Я теперь не пойду замуж: я сыта». — Средняя дочь сказала: «Я тоже не пойду: пусть сначала выдают старшую».

Потом старик со старухой разговаривают между собою: «Надо отдать старшую дочь замуж». — «Давай отдадим». — Скоро нашелся и сват; дал старику немного денег. Старик с радостью взял деньги. Отдал старшую дочь. А зять был обманщик.

Пожил немного зять; молодая жена у него захворала, а потом скоро и умерла. Обманщик мертвую посадил в телегу, запряг лошадь, сел рядом с покойницей и поехал в гости к тестю. Приехал, зашел в избу к тестю, а жену оставил в телеге, поздоровался с тестем и тещей, с свояченицами и говорит маленькой свояченице: «Поди, зови сюда мою жену». — Девочка пошла и зовет сестру: «Апай, иди домой». — Сестра нейдет и ничего не отвечает. Девочка воротилась и говорит: «Сердится, видно, апай: нейдет и ничего не отвечает».

Тогда обманщик посылает старшую свояченицу: «Иди, позови сюда мою жену; она больна немножко, не спит ли? Разбуди ее». — Девушка пошла: сначала тихонько говорит: «Сестрица, иди домой!» — Не слышит. Тогда она сильно вскричала и схватила ее за руку, потянула. Покойница упала: телега соскрипела, старик и зять вышли. — «Умерла», — говорит.

Потом они взяли ее похоронили на кладбище. Старик и говорит: «Я тебе вторую дочь отдам за прежний калым». — Обманщик говорит: «Я не возьму; у меня первая жена была красивая, а эта некрасивая; мои соседи будут надо мной смеяться, что я сменял белую жену на черную».

Старик говорит: «Эй, зять! Не будем мы с тобой ссориться! Ты знаешь: у меня нет углей; привези мне завтра коробок углей; я тебе отдам обеих дочерей сразу». — Зять согласился.

Приехал зять домой; а соседи его, девять обманщиков, подожгли без него все дрова, сколько он нарубил для себя. Мужик думает: «Хорошо, что подожгли; мне как раз нужны угли, а не дрова». — Нагрел коробок углей и повез к тестю.

Привозит на другой день двух жен — молодых девиц. Соседи, девять обманщиков, спрашивают его: «Где взял девиц?» — «А у меня первая жена захворала да умерла: я ее мертвую возил по деревням, кричал: «Сменяйте мертвую бабу на живую девку. И выменял вот одну на двух».

Девять обманщиков сказали: «Ловко он сделал!» — У них у всех были живы матери. Они своих матерей убили топорами и поехали по деревням и кричат: «Меняйте мертвую бабу на живую!» — Мужики смеются над ними: «Вот дураки!» — Взяли прогнали их из своей деревни.

МЕЩЕРЯКСКАЯ СКАЗКА

Рассказал А. Шахатов

Был один старик; у него три сына. Старик собрался умирать и разделил свои деньги сыновьям: большому дал двести рублей и среднему дал двести рублей, а малому сыну денег совсем не дал: «Вот такой-то, — говорит старик, — научит тебя уму-разуму». — Старик помер; его сыновья похоронили.

У одного богатого мужика была очень красивая дочь-невеста; кто даст сто рублей, тому она показывала свое лицо. Старший брат два раза сходил посмотреть на нее и двести рублей, свои деньги, кончал. Средний брат два раза сходил посмотреть и тоже двести рублей издержал. Теперь три брата сравнялись: ни у одного нет денег.

Младший брат пошел к тому старику, на которого указал ему отец, уму-разуму учиться. Старик сказал ему: «Айда, около озера ходит козел, веди его сюда!» — Младший брат пошел, поймал козла за рога; тот упирается ногами, нейдет. Бился, бился, пошел домой без козла. Старик сказал ему: «Иди, у козла борода есть, тащи за бороду его». — Пошел, за бороду козла схватил — козел бежит.

Привел козла. Сели они двое на козла верхом: один вперед глядит, другой назад; поехали по улице, мимо окон той красивой девки.

Увидала их красивая девка, захохотала. Вместе с девкой дома была еще сноха, а отец у ней уехал в город глаза лечить. — «Сноха, — говорит девка, — смотри-ка, какой смешной на козле едет!» — А у старика в руках было ведро вместо барабана.

Те говорят: «Мы заколем этого козла, ужинать будем». — Остановились под окнами, слезали; козла закололи. Ведро, в которое старик барабанил, повесили и стали в нем варить махан. Сумерки стали. Они съели мясо, надо спать ложиться, а укутаться нечем; одежды с собой никакой нет. Козлиной овчиной укутались и тянут ее друг у друга. А дело осенью, замерзло.

Старик говорит: «Стукай в стену пуще». — Тот в стену стучает. Девка снохе говорит: «Шибко они в стену стучают, спроси: зачем?»

Сноха спросила: «Зачем стучаете?» — «Мы замерзаем, — говорит, — умираем от стужи. Если умрем, вам придется отвечать; пустите нас куда-нибудь в сени!» — Девка снохе сказала: «Умирать будут, нам придется отвечать; надо пустить их в сени». — Сноха пустила; те пришли, в сени легли.

Старик учит парня: «Ты в дверь стукай пуще». А хозяйина и хозяйки дома нет, только две — девка да сноха. Девка говорит снохе: «Сестрица, спроси, зачем стучают». — Та спросила: «Мы замерзаем здесь. Пустите нас в избу». — Сноха: «Просятся в избу. Умирать будут, нам придется отвечать». — Позвали их в избу, положили их под самый порог.

Они и там стучат. Сноха спрашивает: «Зачем не спите?» — «Мы прямо умираем, замерзаем, у нас нечем укутаться». — Сноха передает девке. Девка сказала: «Ты со стариком спи, а я с молодым буду, тогда они не будут замерзать под одеялом». — Легли, старик со снохой, парень с девкой.

Старик уснул, а парень не спит, дрожит. — «Зачем дрожишь? — говорит. — «Весь согрелся, одно место не согрелось»...

Утром встали. Самовар им поставили. — «Айда добрым порядком домой: мы вас не видали, вы нас не видали». — Старик говорит парню: «Не ходи домой!» — «По-што, — говорит, — я пойду домой, когда женился здесь?» — «Идите домой!» — «Зачем я пойду? Вместе ночевал, так жена значит!» Старик говорит: «Спроси деньги у ней: отдаст деньги, которые

у братьев взяла, тогда айда». — Девка: «Вот тебе сто рублей деньги! иди скорее: у меня отец придет». — «Давай побольше денег». — Девка двести рублей сулила, триста сулила. — «Не пойду!» — Четыреста посулила, парень говорит: «Давай!» — Получил: двести рублей старику отдал, двести себе взял. Ушли домой.

У девкина отца глаза болели, он ездил в город лечиться. Этот парень ему навстречу пошел, ихней дорогой. Слепой идет домой, глаз не вылечил. Парень попал ему навстречу, здоровался. Старик остановился. — «Ты откуда, молодец?» — «Я маламало лечить умею: у кого глаз болит, у кого рука болит, у кого ноги болят». — «У меня глаз один болит, не можешь ли вылечить?» — «Могу, — говорит. — Как не могу! Только жалованья меньше ста рублей не возьму».

Выпрягли лошадей тут же на степи, зачали глаз лечить. Лечил, лечил, ничего не вылечил. — «У тебя, видно, глаз давно болит, если бы не давно, я вылечил бы». — Наговорил на траву. — «Тащи траву домой, положи в шапку. Заходи в избу, шапку брось, скажи: «Хоть скажи, хоть не скажи, знаю дело!»

Отец так и сделал. Сноха ему ответила: «Я не хотела их звать, да девка говорит, что умрут — нам отвечать придется. Они спали с нами попросту, ничего не делали». — Старик: «Спасибо парню: меня обдул и вас обделал!»

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ТРИ СОЛДАТА

Рассказал Стерхов

Было это дело в Петербурге. Однажды шли по Петербургской по мостовой улице три солдатика. А Петр Великий любитель был в штатской одежде похаживать. И шел за этими солдатами, позади их. А они были как раз подвыпивши. И занимаются там разговором разным, там между собою.

Как раз неизвестный купчик едет в коляске. Один из солдат и говорит: «Ой, — говорит, — кака прекрасная коляска! Так бы и прокатился на такой коляске!» — А второй и говорит: «Что это на такой коляске? Вот я бы на государственной коляске, вот бы прокатился!» — Третий: «Это, — говорит, — что! Нет, вот я бы с вельможами посидел бы в кругу». — «Что, это ничтожное дело! Вот я бы Екатерину его взял бы замуж...».

Этот Петр Великий все это выслушал. Он в это время подходит к ним: «Позвольте вас, солдатика, пригласить в ресторан, угостить! Я, — говорит, — вообще солдат уважаю». — «Конечно, кто как понимает: которые уважают нашего брата, а которые и пренебрегают». — Он одно настаивает, что «я солдат уважаю. Пойдемте в ресторан». — Согласились и зашли.

Он потребовал дюжину пива. Выпили, вторую. Хорошо. И начал спрашивать: «Вы в каком взводе служите?» — Первого спросил, сказал; второго расспросил и третьего. — «Хорошо, — говорит, — я к вам побываю на праздники, в свободное время, погуляю с вами в казармском буфете: я до страсти люблю солдат». — Когда вышли из ресторана, уже сделались они очень пьяные, эти солдаты. — «Извозчик, отвези этих солдат в казармы». — Рассчитался с извозчиком и отправил.

Они приехали, расхвастались: «Вот какой нам человек попал, запоил нас в ресторане! Вот приедет он к нам в праздник, посмотрите: денег-то у него сколько, страсть!» — Легли спать.

Заутро от государя императора приходит денщик, докладывает дежурному по роте, что «такие-то солдаты, таких-то рот здесь?» — Дежурный взял записку, прочитал. — «Эти лица здесь». — «Пушай немедленно сейчас они собираются к государю императору налицо». — Живо они почистили амуницию свою, собрались и пошли.

Когда пришли, он выходит. — «Здравствуйте, братцы!» — «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» — «А что? Вы были или нет вчера в городе?» — «Да, были». — И тогда они подумали: «Неужели мы ему — вчера шли пьяные — да честь не отдали?» — «Виноваты, Ваше Императорское Величество! Потому что мы были очень пьяные». — «Ничего, ничего! Но только — шли когда, так какую речь вели между собою?» — «И право, мы не можем запомнить, выпивши были». — «Нет, когда вы еще были в веселом виде, тогда что говорили? Быть может, про меня?»

Один сознался: «Виноват, Ваше Императорское Величество, я вот что говорил: вот бы в вашей коляске прокатиться». — «Хорошо!.. Идите, — лакеям скричал: — прокатите его!» — Он сел и проехал улицу. — «Ну, как? Хорошо ли в коляске кататься?» — «Очень даже приятно». — «Изволь целковый, ступай опохмеляйся!»

Второй: «Я вот что говорил: с важными вельможами посидеть в середине». — «Хорошо!» — Скричал вельмож. — «Сиди!» — Сел, сидит; немного посидел и стал. Государь и спрашивает: «Ну, как? Хорошо?» — «Так точно, Ваше Императорское Величество!» — «Изволь целковый!»

Речь дошла до третьего. Тот туда-сюда. — «Ничего, ничего! Говорите!» — «Я вот что говорил, Ваше Императорское Величество...» — Велел налить ему государь три бокала водки-сивухи — золотой, серебряной и медной. Тот выпил. — «Ну что! Водка какая — разная или одинаковая?» — «Одинаковая, — говорит, — сивуха!» — «Так, — говорит, — и жена одинаковая: что моя, то и крестьянская!»

ПРИСКАЗКА

Напечатано в Пермских губернских ведомостях

У них был, да мед пил. Дали мне синь колпак, да почали из избы-то толкать. Дали щуку — я дверей-то не ущупал. Дали шлык — я в подворотню-то швырк. Мне дали леденну лошадку, да репно седельшко, да симену уздечку, да синий кафтан, да красны коты. Я еду — синичка и кричит: «Синь да хорош!» — А мне почудилось: «Скинъ да положь!» Я и положил под кокору, и сам не знаю, под котору. Синичка опять кричит: «Красны коты!» — А мне почудилось: «Драны коты!» — Я взял да и бросил. Я замерз без кафтана-то; вот увидел огонь; приехал — у меня лошадка-та и растаяла; а седельшко-то свиньи съели.

Дмитрий Константинович Зеленин

КОЕ-ЧТО О СКАЗОЧНИКАХ И СКАЗКАХ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

I.

Обилие сказочников и сказок, несмотря на культурность населения. Причины того. Природа края. Роль «Урала» в местных сказках. Башкиры и другие инородцы. Прошлое края. Пестрота в составе населения. Заносные сказки и условия их распространения. Солдатское влияние в местных сказках. Тюрьма. Бурлаки.

Пермская губерния и, в частности, более изученный мною Екатеринбургский уезд этой губернии сравнительно очень богаты сказками и сказочниками. В Екатеринбургском уезде записано теперь около ста русских сказок, во всей же Пермской губернии — около двухсот русских сказок, не считая сказок башкирских, пермяцких и иных. Таким количеством записанных сказок могут похвалиться только весьма немногие великорусские губернии.

Сельское население Пермской губернии, особенно же население той местности, где я записывал сказки, не сохранило старинного уклада своей жизни в той степени, как это мы находим в Архангельской или Олонецкой губерниях. Напротив, по степени образования население Екатеринбургского уезда нисколько не уступает великорусским губерниям центрального промышленного округа — Владимирской, Ярославской и Московской, где народные сказки если и сохраняются еще теперь, так разве в самом ничтожном количестве. Очевидно, в Пермской губернии имеются какие-то особенные причины, которые способствовали лучшему бытованию здесь сказочной традиции.

Таковыми причинами нужно признать — во-первых, характер местной природы и, во-вторых, состав местного населения.

Екатеринбургский уезд прорезан Уральским горным хребтом с его отрогами. Селения, где я записывал сказки, расположены неподалеку от этих гор. Покося местных жителей лежат главным образом в горных долинах; заготовка дров и строевого леса производится местными жителями главным образом в лесах, покрывающих горные отроги Урала; там же происходят большею частью и рудничные работы — копка и вывозка руды.

Занятая Уральским хребтом, его разветвлениями и отрогами, гористая и лесная местность в громадной своей части необитаема, как непригодная для земледельческой культуры. Она известна у местных жителей под именем «Урала», и слово это понимается здесь не в смысле определенного горного хребта, а в смысле дикого, необитаемого и малодоступного места.

Дремучие, необозримые леса в этом «Урале», часто еще и сегодня не тронутые топором дровосека, глубокие долины, каменные вершины и скалы, богатство животного царства, особенно же змей, ящериц и насекомых, жизнь коих народу совершенно неизвестна; наконец, обилие больших и малых озер с их камышистыми берегами и каменными необитаемыми островками — все это не могло не производить на обитающего тут человека впечатление чего-то таинственного, волшебного; все это должно было направлять воображение местного жителя в таинственный мир неведомого и чудесного, усиленно питать веру в близость этого чудесного и таинственного.

У жителей, обитающих в густонаселенной местности, среди сплошных возделанных нив, не может быть ни этой веры в близость таинственного, ни этого направления фантазии в сторону волшебного и сказочного. Так, когда на реке появляется пароходство, у прибрежного населения само собою исчезает вера в водяных и русалок: их, мол, распугали пароходные свистки; в местах, где каждый аршин жидкого леса вымерен и исхожен ногами человека, не может быть живой веры в леших.

Наоборот, близость необитаемого и дикого пространства, тянущегося вдоль и поперек на сотни верст, питает и крепит в соседнем населении веру во все таинственное и волшебное. А такая вера — прямой залог глубокого интереса к сказке, так как сказка для местного жителя служит, в сущности, ответом воображения на пытливый вопрос о том, чем же и как живет этот дикий и угрюмо-безлюдный Урал?

Недаром же местом действия большей части печатаемых ниже волшебных сказок является именно «Урал». «В Урале, в темных лесах» родился Иван — крестьянский сын, герой сказки о «Незнайке»; в «Урале» же он встретил огромный дом Чудовища-людоеда, которым был принят в дети и у которого нашел вещего богатырского коня, виновника всех дальнейших его подвигов; «по Уралу, диким местом, не путем, не дорогой» отправляется Иван-царевич в поиски за Еленой Прекрасной и на пути встречается дома своих зятек — Медведя Медведевича, Ворона Вороневича и Воробья; «по дикому же месту поехал» Иван-царевич и после, когда пришло время разыскивать ему похитившего Елену Прекрасную и Кашея Бесмертного; «в Урале» же служит он и у Яги-Ягишны, обитающей в избушке на козьих ножках, на бараньих рожках; «в Урале» в дубе скрывается невеста-волшебница Ивана-царевича и выходит оттуда змеей; «по Уралу» пошел Федор Бурмакин и встретил здесь побоище льва с шестиглавым окаянным Идолищем; «по Уралу» в легенде ведет бедного богомольного рыбака чудесный кум-ангел, и тут они накопили целый мешок лечебных трав; и после тот же ангел ведет вновь своего кума «не путей, не дорогой — диким местом, Уралом», так что путник «на себе все прирвал (очевидно, древесными колючками) и с тела кровь на нем льет ручьями», а приходят они этой дорогой в пещеры, где горят жизненные свечи людей; «по Уралу» едет и Боба-королевич, причем в первый раз встречается монаха-отшельника, который крадет у него коня, а другой раз лев напал тут на жену Бобы и умертвил Полкана; «не путей, не дорогой, чащами, трущобами, Уралом» едет Василий-царевич и встречается тут громадные табуны Ворона Вороневича, а потом и самого Ворона, женившегося на сестре Василия и потом убившего своих свояков. «Уральными местами» идет и герой башкирской сказки, разыскивая свою жену, улетевшую от него «водяную девицу».

Было бы ошибкою видеть во всех этих случаях одну пустую сказочную формулу, утратившую уже свое определенное содержание; в других сказках того же сказочника действие происходит в подобной же обстановке, но не в «Урале», а у моря, и тут нет никогда никакого смешения — никогда не случается, например, так, чтобы море оказалось около Урала. Да и самая формула с упоминанием «Урала» могла возникнуть только в данной области, а не где-либо в ином месте.

Упоминание в сказках башкир, или «татар», как чаще называют своих соседей — башкир русские жители Екатеринбургского уезда, — новое отражение данной местности в сказках. Но башкиры и татары встречаются только в сказках бытовых, что так естественно и понятно. Не исключена, правда, возможность, что в волшебных сказках башкиры понимаются под образами «Сам с ноготь-борода с локоть» или «Ворон Вороневич»: обилие у этих чудовищ скота несколько сближает тех и других; но это только мое предположение, точно так же, как и мысль о представлении в образах Бабы-Яги и царевны-лягушки соседних финно-угров — остяков и вогулов. Один и тот же сказочный образ в разные эпохи народной жизни понимался, конечно, различно; мы не касаемся здесь вопроса о первоначальном возникновении и понимании образов Бабы-Яги и других подобных; но что современные пермские сказочники из народа склонны отождествлять Бабу-Ягу

Пермский край. Чердынский район

и царевну-лягушку с соседними остяками или вогулами, а Самого с ноготь-борода с локоть с соседними же башкирами, — то некоторые намеки на такое понимание я получил от самих же сказочников.

Если настоящее Урала таинственно и волшебное, то прошлое его еще таинственнее и чудеснее. Русское население появилось здесь не так давно, сначала в небольшом числе, и пустынный, дикий характер безлюдного Урала был выражен тогда много сильнее. Среди первых русских обитателей Урала здесь жили богатейшие заводовладельцы, жили в своих роскошных замках, окруженные всеми удобствами, изобретениями и редкостями тогдашней культуры.

Вдали от столицы, среди бесправного крестьянства (крепостного и горнозаводского по-сессионного), среди подкупных мелких властей, жизнь этих прежних «королей Урала» была очень своеобразною и диковинною. В «уральских» и других рассказах местного уроженца, известного писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, мы находим предания о действительных событиях, которые нам кажутся теперь сказочными. Народная же молва, конечно, преувеличивала и приукрашивала роскошь местных богачей, так что действительность тут сливалась со сказкой. Отражение преданий об этой роскоши можно видеть и в наших сказках; например, в шестой комнате у старика «наловлено всякого сословия разных птиц, поют разными голосами», т.е. нечто вроде зверинца; «в первой комнате море сразу образовалось и корабли. Во второй комнате сад: утки, лебеди, фонтаны, яблони. В третьей комнате сражаются, война идет, стрельба из пушек. В четвертой — хрустальный дворец, музыка. В пятой — горы, и не видать, где у них вершина» и т.д.

Сельское население Екатеринбургского уезда отличается весьма пестрым разнообразием своего состава. Пермский Урал заселен русскими в позднее, сравнительно, время, и в заселении его участвовали выходцы из самых различных краев. Тульские и иные кузнецы были вызваны сюда на железные заводы; крепостные разных губерний переведены сюда помещиками на новые земли и также для работы на заводах; они же и бежали сюда от тягот крепостного права; староверы притекали сюда, избегая религиозных преследований;

Крестьянки с ягодами. Фото Прокудин-Горский. 1910 год

преступники — от суда и наказаний; многие застряли здесь на пути в богатую Сибирь; отхожие промышленники шли сюда на работу и иногда оседали здесь. Южновеликоруссы здесь перемешались с северновеликоруссами, отчего и произошла сильная пестрота местных говоров: акальщики настойчиво перемешаны с окальщиками. В Верхнем Кыштымском заводе, где я записывал сказки, одна улица слывет «Симбирка», вторая — «Межигородка»: обитатели первой населились из Симбирской губернии, второй — из Нижегородской; жители третьей улицы того же завода, «Медведевки», принадлежали некогда помещику Медведеву. Крестьяне села Метлина (местожительство моего сказочника Савруллина) переселены сюда помещиком из Саратовской губернии. Предки моего сказочника Шешнева, как и всех коренных жителей Нижне-Сергинского завода, жили некогда, вероятно, в Тульской губернии, откуда и принесли свой акающий говор.

Все эти переселенцы весьма легко могли занести сюда и сказки из самых разных местностей России. А непрекращающийся доселе прилив на Урал рабочего и ремесленного люда способствует пополнению и обновлению местного сказочного запаса.

Население Кыштымско-Каслинского округа живет, кроме того, в довольно тесном общении с соседними башкирами, среди которых знание русского языка распространено теперь очень широко: башкиры работают вместе с русскими в рудниках, на заводах, в артелях рыбаков, служат работниками, кучерами, пастухами и т.п.; русские сеют хлеб на башкирских землях и охотно принимают к себе на постой башкир, приезжающих в заводы на базары и ярмарки. В старину же были, конечно, как с той, так и с другой стороны пленники. А среди созерцательных и ленивых башкир сказки и теперь пользуются большею любовью и распространением, нежели даже у русского населения Пермского края.

Если отмеченные мною выше следы местного влияния в записанных мною сказках резко бросаются в глаза, то и следы чуждых, заносных влияний в них не менее сильны. Мой главный сказочник, Ломтев, сообщил мне, что многие из его сказок выслушаны им «от дальних расseyских», хотя сам Ломтев из пределов Пермской губернии никуда не выходил ни на шаг. В первой же, излюбленной сказке Ломтева мы встречаем дважды совершенно чуждое

Пермский край. Ныроб. Фото Прокудин-Горский. 1910 год

Пермскому краю выражение под ташки, которое и сам сказочник тут же считает нужным пояснить: «под пазухи, по-нашему». Выражение это заимствовано от уроженца или Воронежской, или какой-либо другой губернии юга России. Герой той же самой сказки Ломтева топил печь соломою чего на Урале никогда не бывает; и отсюда явствует, что данная сказка заимствована от жителя какой-то дальней губернии.

В бытовых сказках других сказочников встречаем черемис, которые в данной местности не живут, корчму, продажу дубника, который в Екатеринбургском уезде не растет, и т.п. Все это случаи, так сказать, механического заимствования, совсем не то, что упоминание в местных сказках львов, морей и других чуждых данной местности предметов, прочно сросшихся со сказочною традицией.

Об обстановке, при которой местными сказочниками выслушиваются и усваиваются заносные сказки, согласно свидетельствуют сами сказочники. В рудниках, на рыбных ловлях неводом и в лесосеках работают многолюдные артели рабочих как местных, так и пришлых; зимою им приходится спать в общих зимницах-избушках. Работа зимою кончается рано, с наступлением темноты; долгие зимние вечера и коротаются рабочими за сказками: в большой артели почти всегда найдутся люди, знающие несколько сказок, а прочие слушают и запоминают.

Ремесленники, в частности, пимокаты (катанщики валяной обуви) и портные, ходят зимою же по домам своих заказчиков, где и ночуют. Сказки рассказывают они или за работой, или же, чаще, опять-таки в долгие зимние вечера, на сон грядущий. Слушатели — ученики ремесленника, хозяева с домочадцами, а часто и соседи. Ремесленника, который хорошо рассказывает сказки, многие заказчики предпочитают: веселее; вот почему многие пимокаты и портные намеренно стараются запомнить возможно больше сказок, хотя чаще это достигается ими в детстве, когда мальчик ходит с ремесленником в качестве ученика. К этой же категории сказочников нужно причислить и пастухов, которые иногда также ночуют поочередно у всех домохозяев селения; но лето, с его короткими ночами, гораздо меньше благоприятствует сказкам, чем зима.

Портные и пимокаты на Урале большею частью пришлые (главным образом из Вятской и Костромской губерний): они, таким образом, не только переносят местные сказки из одного округа в другой, но также и заносят на Урал чужие сказки.

В старину сказки рассказывались также и в собраниях гостей, на пирушках, в частности — на свадьбах. Теперь этот обычай на Урале уже вывелся, но старые авторы его еще знают. Священник Тихон Успенский из Шадринского уезда в 1859 году писал про свою местность: «Немало удовольствия доставляет собравшейся семье крестьян старик сказочник». О том, что сказки рассказывались также и на свадебных пирушках, явствует из напечатанной ниже сказки, записанной в Екатеринбургском уезде в 1863 году: странников не пустили было ночевать во дворце у царя, где праздновалась свадьба и было очень много народу; тогда странник заявляет: «Скажите хозяину, что я умею сказки сказывать: может, честная компания и послушает моих сказок»; тогда странников пустили, и один из них, действительно, стал рассказывать сказки.

Наконец, распространению и переносу, а также отчасти и переделке сказок много способствуют солдатчина и тюрьмы, что имеет уже не только местное, уральское, но и общерусское значение. В солдатских казармах и в тюрьмах собираются уроженцы и жители разных краев России и, как видно, часто рассказывают друг другу сказки: многие из наших сказок не только выслушаны от солдат, но даже и созданы или, по крайней мере, переделаны солдатами. Хотя я и старался избегать сказочников — солдат, так как в их устах сказка легко может быть совсем не местною, но солдат обыкновенно почти всюду называют, на расспросы заезжего человека о сказочниках, в первую голову, — и я их, разумеется, не мог обойти. Савруллин, Лезин и Цыплятников — эти трое из моих сказочников — солдаты. Савруллин выслушал часть своих сказок от старухи Панихи в с. Метлине, но большая часть его сказок вынесена им с военной службы, из Туркестана. У Лезина обе сказки, «Морока» и «Бесстрашный солдат», имеют своими героями солдат. Записанная мною сказка Цыплятникова «Смех и горе» не оставляет никакого сомнения в том, что она даже и создана в солдатских казармах.

Еще характернее, что ряд сказок, рассказанных мне сказочниками не-солдатами, носит все-таки специфически солдатский характер: очевидно, эти сказки выслушаны были от солдат. У Ломтева две таких сказки: «Иван — солдатский сын» и «Солдат и Смерть». Не касаясь этой последней легенды, с которой солдатство героя срослось, так сказать, органически, замечу лишь, что первая сказка носит весьма яркие признаки своего происхождения из солдатской казармы: там и здесь герой-солдат сильно идеализирован, и так много чисто военных подробностей, что мой прекрасный сказочник Ломтев даже в них запутался. У сказочника Киселева, также не служившего в солдатах, одна сказка, «Морока» — известная солдатская: герой ее — матрос.

«Матросова сына», Илюшку-пьянюшку, мы видим героем записанной Зыряновым в 1850-х годах сказки о князе Киевском Владимире, сказки, сильно проникнутой былинным духом. Довольно важную роль солдат играет и в сказке «Сказка о старике и старухе».

В качестве же второстепенных действующих лиц солдаты в моих сказках сравнительно очень редки, и роль их весьма скромная.

Таким образом, солдатское влияние в печатаемых мною ниже сказках нужно назвать сравнительно скромным, что лишний раз подтверждает богатство сказочной традиции в Пермском крае: в Вятской губернии, бедной сказками, солдатское влияние много сильнее.

Что же касается тюрьмы, то одна из печатаемых ниже сказок, по-видимому, ведет свое начало именно оттуда. Разумею сказку новейшего пошиба, героем коей является беглый образованный каторжник «купеческий сын Володька», достигший потом королевского престола. Эта именно идеализация героя-каторжника и заставляет меня предполагать тюремное происхождение данной сказки. — Ломтев как-то мне проговорился, что ему довелось сидеть в тюрьме и там слушать сказки; я счел неудобным спрашивать его подробнее об этом щекотливом предмете, но догадываюсь, что эта была именно данная сказка.

Пермь. Крестьяне. Мотовилиха. Начало XX века. Фото из архива музея Мотовилихинского завода

Совсем отсутствует в моих Пермских сказках герой бурлак с которым мы не раз встречаемся, например, в сказках Вятской губернии. Да и в Пермских сказках бурлаки, — в свое время сделавшие, по моему мнению, весьма многое для распространения, а частью и для переработки многих сказок, — встречаются, только не в Екатеринбургском уезде, в котором бурлачества совсем нет и не было. В сказке «Загадки», записанной Д. М. Петуховым в Пермском уезде, главным действующим лицом является именно бурлак (Афанасьев, Сказки, примеч. к № 185). В стихотворной сказке Волегова, из Соликамского уезда, на тему «муж да жена» роль «служивого» ниже печатаемой у меня сказки из того же уезда играет бурлак (Архив Географ. Общ. XXIX, 68).

Все эти мои суждения, делающие на основании сословного положения героя сказки некоторые выводы о происхождении сказки (точнее говоря: о переделке сказки в тот именно вид ее, в коем сказка записана мною), основаны на том общем правиле, что сословное положение героя легко меняется по произволу сказочников.

II.

Сказочницы. Ломтев, как тип сказочника, и его отношение к сказке. Сказки Ломтева старые и новые; герои их; вопрос об авторстве одной сказки. Тип сказочника Савруллина. Тип Глухова: попуффи из сказок. Тип Шешнева: окаменение сказки.

Русские сказки в Екатеринбургском уезде я записывал от пятнадцати лиц. Это были все мужчины. Случилось так не потому, чтобы в Пермской губернии не было женщин-сказочниц. Напротив, мне известно о двух выдающихся местных сказочницах: о «Панихе» из Метлина и о второй из Серебрянского завода, имя которой я забыл. Но обе эти сказочницы

Хохловка. Изба усадьбы Васильевых. д. Большая Гадья. Чердынского района. Конец XIX века

скончались задолго до моей поездки в Пермскую губернию за сказками; а с другими местными сказочницами, при всем моем к тому старании, мне не удалось познакомиться. Приезжему человеку нелегко записывать сказки и от мужчин: немало нужно времени и требуются особые благоприятные условия, чтобы рассеять всякие сомнения и вызвать полное доверие рассказчика. Женщины же относятся, конечно, еще с большим недоверием к приезжему человеку; да и женщины-сказочницы реже получают известность в околотке, без чего постороннему человеку трудно узнать об их познаниях в данном деле. — Сказать и то, что сказочниц в Екатеринбургском уезде несравненно менее, нежели сказочников; маленьким детям теперь здесь сказки о животных не рассказываются, а читаются по книжке — читают отцы, матери, а еще чаще братья и сестры.

Из пятнадцати человек, от коих я записывал сказки, мне сравнительно лучше знакомы трое — Ломтев, Савруллин и Глухов. Ближе познакомиться с прочими мне не довелось, так как всякого рода лишние расспросы могли только вызвать с их стороны недоверие. При всем том для меня с достаточною определенностью выяснились четыре главных типа среди современных пермских сказочников. На этих типах, особенно же на отношении их к сказкам, я и позволю себе остановиться здесь поподробнее.

Тип, представителем коего является мой главный сказочник, А.Д. Ломтев, теперь, по-видимому, уже очень редок. Ломтев относится к сказкам весьма серьезно. Мелкие рассказы и бытовые анекдоты в жанре Савруллина он никогда не назовет сказками, а пренебрежительно — «побасенками». Не любит он также сказок, в коих «много брызгу» (неприличного), и «Микулу-шута» рассказывал мне лишь под веселую руку, да и то с извинениями: эта-де сказка — «только мужикам ржать». Легенду о чудесном куме-ангеле и о враче он также не причисляет к собственно сказкам и назвал ее мне «побывальщиной», т.е. былью. Настоящими сказками Ломтев считает только те, в которых подробно рассказывается о чудесных подвигах богатырей. Знанием таких именно сказок Ломтев гордится. Если в сказке нет настоящих богатырей, то должны быть, по крайней мере, цари, короли, генералы и вообще высокие лица: иначе сказка будет «мужицкою».

Хохловка. Изба усадьбы Кудымова. д. Яшино Юсьвенского района. Середина XIX века. Интерьер

Обладая даром изобразительности, Ломтев рисует содержание сказки с большими подробностями бытового характера, привнося в эти подробности, по-видимому, немало отсебятины. Именам действующих лиц большого значения не придает; «Иван» и «Марфа» являются в его сказках как бы нарицательными именами; любит также знакомые ему купеческие фамилии: Рязанцев, Бурмакин и другие. Но изменить основу, остов сказки Ломтев считает своего рода преступлением и всегда весьма точно придерживается того самого хода событий, с каким он когда-то усвоил данную сказку. В каждой своей сказке Ломтев видит стройное целое и дорожит этой цельностью сказки, т.е. свято хранит традицию, меняя и дополняя лишь мелкие бытовые детали.

Не путая и не комкая в одну кучу разных сказочных сюжетов, не впадая ни в скоморошество (балагурство), ни в противоположную крайность скучного прозаика, — Ломтев является, по моему мнению, представителем того, к сожалению отживающего теперь свой век, типа сказочников, благодаря коим до сих пор сохраняются в народе традиционные сказки в более или менее чистом виде.

Из семнадцати напечатанных мною ниже сказок Ломтева две — легенды («Побывальщина» и «Солдат и смерть»), в четырех сказках преобладают бытовые черты над волшебными, а в тринадцати прочих сказках преобладают волшебные черты над бытовыми. Эти последние могут быть подразделены на два разряда: в одних сказках герой от природы наделен богатырской силою, при помощи коей он и совершает свои подвиги, в других сказках герой — обыкновенный слабый смертный, и свои подвиги он совершает с помощью разных волшебных предметов, с помощью сверхъестественных лиц или даже — хитростью.

Из волшебных предметов в сказках Ломтева чаще всего встречается кольцо: при перебрасывании его с руки на руку являются слуги; затем следуют ягоды, от съедения коих делаешься то рогатым, то стариком, то красавцем; живая вода, ковер-самолет. Роль скатерти-самобранки играют бутылки — одногорлая, двугорлая и трехгорлая. От наложения перчатки разорвало чудовища, золотую кистью герой оборачивает людей в жеребцов и кобыл, из кремня и плашки выходят слуги.

Бои богатырей между собою, а также с Идолищами и другими Чудовищами, равно как превращения героев в разных животных и птиц — весьма часты в сказках Ломтева. Мотив «благодарного животного» не принадлежит к числу любимых; лев и вещий конь помогают герою за оказанную им услугу, зять Воробей — по родству, конь Петра-королевича, равно как и козел, лошадь и корова Ивана купеческого сына — вследствие простого дарения.

Герои сказок Ломтева принадлежат главнейше к трем сословиям: царскому, купеческому и крестьянскому; царевичей, королевичей и купеческих сыновей он упоминает достаточно часто. Напротив, герои-солдаты редки, и те лишь в бытовых сказках и в легенде. Героев из среды духовенства совсем нет, и только весьма второстепенную роль играет священник в легенде «Солдат и Смерть», причем получает нотацию за любостяжание, да еще в бытовой сказке «Микула-шут» поп оказывается одураченным вследствие своей любви к шуткам. Сказок о ворах нет совсем.

Четыре бытовых сказки Ломтева носят все признаки новейшего происхождения, причем варианты их мне нигде не встретились. Из этих сказок создание или, по крайней мере, переделку одной «Иван солдатский сын» нужно приписать солдатской фантазии, а другую «Володька купеческий сын» — фантазии какого-нибудь интеллигентного каторжника. Основной сюжет этих новых сказок сходен с обычным содержанием старинных сказок Ломтева: скромный герой, при его видимом ничтожестве, достигает, в результате различных приключений, королевского престола или чего-нибудь в этом роде.

Ломтев же отрицает свое участие не только в создании новых сказок или отдельных сказочных эпизодов, но даже и в простой переделке их. По словам Ломтева, все решительно сказки выслушаны им от других лиц. Часто он мне говорил также, что та или иная его сказка «из книжки», и в этом уверении я не мог не видеть желания Ломтева похвалить данную сказку. Ломтев уверял меня, что теперь нет ни одной хорошей сказки, которой бы не было в книжках.

В этих отзывах Ломтева сказалось прежде всего преклонение безграмотного человека перед книгой и перед грамотностью. Ломтев рассказывал мне про себя, что иной раз он возьмет в руки книгу своей дочери или внука и начнет сказывать свою сказку, как бы читая ее по книге: другие думают, что слушают чтение грамотея, а у Ломтева и книга взята вверх ногами. Такие случаи весьма тешили нашего старца, которому, видимо, очень хотелось быть грамотным. Кроме того, полуграмотный сват Ломтева, также сказочник, Медведев, держится того же мнения: все теперешние сказки «из книжки». А это мнение бывалого и грамотно-го человека не могло не импонировать безграмотному домоседу Ломтеву.

Другой тип сказочников, представителем коего может быть Савруллин, являет собою полную противоположность Ломтеву. Это собственно не сказочник, а балагур, шутник, весельчак. Взгляд его на сказки очень несерьезный, если не сказать более — легкомысленный. Любимый жанр Савруллина — короткие бытовые рассказы-анекдоты, особенно о ворах, плутах и обманщиках. Изложение он считает важнее содержания. Но в изложении он обнаруживает крайнее пристрастие к рифме, к дешевому остроумию, чем окончательно портит свои сказки. Тон и стиль раешника, рифма, частые отклонения в сторону, нередко заключающие в себе сатирическое сравнение действующих лиц сказки со слушателями и их соседями, и т.п. — вот частые черты балагурства Савруллина. Вполне серьезной, торжественной, как у Ломтева, сказки Савруллин совсем не понимает: он ищет в сказке только веселья, шутки, юмора.

Отношение Савруллина к сказочному преданию весьма резко проявилось в переделке им сказки о царевне-лягушке («Лягушка и Ипат»). Вместо обычного царевича героем сказки оказался полудурачок Ипат, который поехал сватать невесту в лодке по болоту, так как отец не дал ему лошади. Конкурс хозяйственных работ трех снох заменен местным свадебным обычаем печенья новобрачную пирогов на второй день свадьбы. Конец смехотворный: лягушка-невеста вывалилась из худого кузова саней. В погоне за рифмой, в начале сказки

приплетены ни к селу ни к городу «триста лопат», «пристав» и многое другое в этом роде.

Чисто волшебную сказку Савруллин попытался превратить в чисто бытовую: вклеил в сказку описание местных свадебных обрядов и много других бытовых подробностей; героя превратил в идиота — конечно, в погоне за видимой правдоподобностью. В результате — сказка совершенно искажена и сделалась почти неузнаваемой.

Сказки Савруллина вообще плохи. Но сказочники вроде Савруллина для нашего времени типичнее, нежели Ломтевы. И между прочим для того, чтобы читатель не получил ложное слишком выгодное впечатление о современном состоянии сказки в народе, я ниже печатаю целую половину всего того, что записал от Савруллина.

В бытовых сказках Савруллин оказывается несколько более на своем месте. Некоторые из его бытовых рассказов — недурные этнографические картинки («Медведко или постоянный медведь»). Будучи сочинителем, Савруллин однако же предпочитает готовые сказки своим измышлениям.

Герои напечатанных мною сказок Савруллина довольно однообразны: четыре сказки («Стрехулет», «Дядя с племянником», «Медведко или постоянный медведь» и «Калужина и ямщики») посвящены похождениям воров, а герой сказки «Николай Чудотворец поруккой» — обманщик. Одна сказка «Золотой кирпич» — легенда и одна «Лягушка и Ипат» — переделка волшебной сказки. — Можно думать, что две последние сказки выслушаны Савруллиным от старухи «Панихи» из Метлина, а прочие — принесены им с военной службы.

Представителем третьего типа известных мне сказочников является М. О. Глухов. Цель его сказок — тоже занимательность, как и у балагуров вроде Савруллина. Но эта занимательность достигается им не балагурством, не рифмами и раешничеством, а иначе: рассказчик подбирает разные, более занимательные сюжеты и анекдоты из многих бытовых сказок и нанизывает их в одну длинную цепь, так что получается как бы бесконечная хроника о похождениях героя, коего рассказчик иногда отождествляет с самим собою.

Образец такого попури из разных сказок можно видеть в сказке Глухова «Вор Ванька», которая представляет собою механическое, в порядке последовательности во времени, сцепление четырех разных сюжетов: 1) ловкий вор, 2) знахарь, 3) мудрые ответы или беспечальный монастырь и 4) небылица.

Есть и еще один тип сказочников, представителем коего является Шешнев. Это — сказочники без воображения и без дара слова, с одною памятью; «своих слов» у них нет. Они хранят выслушанную сказку, как нечто окаменелое, мертвое, ничего к ней не прибавляя. Было бы хорошо, если бы они также ничего и не убавляли. Но память часто изменяет сказочнику. Сказка — это не то, что песня, где забытый стих вам сейчас же напомнят другие песенники или слушатели. Знатоки сказок редки, да и каждый из них знает лишь свои сказки. Сказочник вроде Шешнева, забыв одно место в сказке, теряет всю сказку, так как он не может заменить забытое чем-либо своим, что легко сделал бы на его месте Ломтев или даже Савруллин.

Шешнев, в полную противоположность описанным нами выше сказочникам, не вносит в сказку решительно ничего своего: он старается с буквальной точностью передать выслушанное им, и только; когда память изменяет ему, тогда он или делает пропуски или же комкает целые эпизоды, заменяя поэтическую традицию голым прозаическим остовом сказки. Т.е. отношение к сказке тут почти такое же, каково отношение народа к заговорам: текст заговора, как известно, считается неприкосновенным, в нем нельзя ничего ни убавить, ни прибавить. Но заговоры не понятны народу, и если живы в народе хотя и в сильно искаженном виде, так только благодаря тому, что они являются гораздо чаще письменными произведениями, а не устными.

Сказочных списков подобных спискам заговоров в народе, можно сказать, совсем не существует. Вот почему в устах сказочников вроде Шешнева сказка представляется мне на краю могилы, умирающею.

III.

Вера в сказки. — Сказки о животных. Легенды. Былина. Записи Вологодинных, Потанова. Башкирские сказки.

На вопрос о том, верят ли мои сказочники в действительность описываемых ими в сказках событий, я должен отвечать скорее утвердительно, чем отрицательно. По крайней мере, Ломтев изредка прерывал свой рассказ вполне искренним восклицанием: «Не знаю только, правда это или нет!» И слушая это восклицание, я мог с большою достоверностью догадываться, что во всех прочих случаях сомнению в душе Ломтева места не было.

Доказательством веры моих сказочников в описываемые ими сказочные приключения может служить и то, что в их сказках рядом с собственно сказочными лицами действуют также и почитаемые православною церковью святые, в существовании коих, конечно, ни у одного из моих сказочников никакого сомнения нет. В сказках Ломтева мы видим Миколу Милостивого, который дает герою ковер-самолет, скрипку-самогуд и волшебную ягоду. Но раз волшебные предметы даны святыми угодниками, то можно ли сомневаться в существовании и действительности этих предметов?

Еще в сказках мы встречаемся с случаями чудесного прозрения слепых после умывания глаз росой, причем этот способ лечения был открыт герою во сновидении. Известен также случай чудесного исцеления благочестивой безрукой матери с ребенком в сказке о «девице с отрубленными руками» (в перепечатанной нами из Пермских Губернских Ведомостей соответствующей сказке данный эпизод пропущен, хотя и необходимо предполагается из всего контекста сказки). Таким образом, и в этих случаях волшебная сказка опять-таки приближается к легенде, сливается с легендой до невозможности отличить, где кончается сказка и начинается легенда; указанные чудеса, описанные в сказке, ничем, в сущности, не отличаются от тех христианских чудес, которые описаны в прологах и житиях святых. При вере в последние естественна и вера в первые, так как разобраться критически в том, где имеется освященное Церковью предание и где сказочная традиция, народ не в состоянии.

Влияние житийной литературы на печатаемые ниже сказки вне всякого сомнения, а это влияние — залог того, что сказка считается не пустым вымыслом, не бесцельной «складкой», а повествованием о действительных событиях, заслуживающим полного доверия. Серьезная не шуточная сказка, не говоря уже о легендах, представляется другой раз душеспасительным, «божественным» рассказом, чем-то вроде «жития святых». Недаром же один сказочник рассказал мне среди других своих сказок подлинное житие св. великомученика Евстафия.

Наконец, о вере сказочников в действительность сказочных событий свидетельствует и самое стремление сказочников переделывать сказки в таком направлении, чтобы они получили более правдоподобный вид. Если видеть в сказках один вымысел, то надобности в таких переделках нет.

Замечу еще, что если человек верит в существование сатаны и чертей, то для него нет больших препятствий верить и в существование различных «идолищ», не говоря уже о бесах, а тем более — верить в действительность волшебного кольца, или же в находку провалившимся сквозь землю проклятым сыном волшебной конопатки.

Сказок о животных я не записал в Пермской губернии ни одной. На вопросы о них мне всюду отвечали, что такие сказки читают по книжке, а не рассказывают. Но в перепечатанном мною сборничке сказок, записанных братьями Вологдиными в Соликамском уезде в 1863-м году, таких сказок не менее десяти; в одной части из них действующими лицами являются одни животные, а в другой — животные рядом с людьми. К последним можно отнести также и мою сказку «Веселый».

Не упоминаю здесь о сказках, в коих встречаются благодарные животные.

Легенд во всем моем сборнике напечатано пять («Побывальщинка», «Солдат и смерть», «Золотой кирпич», «Кузнец и черт» и «Иван Несчастный»).

Сказка-былина у меня, в сущности, только одна: «Илья Муромец», где встречаем также и «Егора Златогора» (Святогора). Кроме того, записанная Зыряновым сказка «Князь Киевский Владимир и Илюшка — сын Матросов» и своими действующими лицами, и особенно изложением напоминает былинку. — Историческое событие затронуто в сказке «О Наполеоне».

Перепечатанные мною записи Вологдиных 1863 г. представляют тот интерес, что в них находим много детских сказок (отрывки животного эпоса и другие), которые в наше время так, в сущности, редки, при всей их общеизвестности: их теперь все знают из книг, а не по устной традиции. Во времена же Вологдиных грамотность была распространена еще много менее, и записанные тогда варианты не восходят к книге. Из этих записей две сказки («Кощека-золотые сережечки» и «Редька») производят впечатление чего-то незаконченного, неполного, как бы отрывков; можно думать, что это начала сказок, обработанные сказочником в самостоятельные рассказы для маленьких детей.

Запись Потапова того же 1863 г. («Брат и сестра») не совсем удачна: — важный пропуск об исцелении безрукой матери.

Ученические записи Дудина «Сказка о коте и решете» и Гуляева «Сказка о старике и старухе» несколько схематичны.

Среди напечатанных ниже башкирских сказок встречаются простые варианты сказок русских. Это обстоятельство и послужило для меня ближайшим поводом к тому, чтобы напечатать эти сказки в приложении к настоящему сборнику. Я однако же отнюдь не подбирал башкирских сказок, а только поставил на первом месте сказочника, сказки коего несколько ближе к русским. Вообще же я напечатал полностью весь записанный мной запас сказок из башкирских сказочников из одной и той же деревни. Все эти три моих сказочника — не выдающиеся, а заурядные, каких легко встретить в каждой башкирской деревне, так как у башкир (по крайней мере у зауральских башкир, среди коих я жил не одно лето) знание сказок и интерес к ним распространены более, нежели у их русских соседей. Лучшие сказочники — обычно пожилые люди, и относятся к приезжим русским настолько недоверчиво, что сказок рассказывать не соглашаются ни за какие деньги.

По вопросу об отношении башкирских сказок к русским для меня не все ясно. Разумеется, башкиры позаимствовали много русских сказок, но у них есть и сказки, не имеющие ничего общего с русскими, а общие с киргизами и другими народами Средней Азии (ср. «Купеческий сын», «Алеука» и «Золотая бабка»). Сходство башкирской сказки о чудесной скрипке («Убыр») с соответствующею русскою сказкою о чудесной дудке («Девушка-снежурочка») настолько отдаленное, что, будучи вариантами, это, в сущности, совершенно различные и самостоятельные сказки.

Записанная мною от башкира сказка «Золотая гора» имеется, в близком варианте, в сборнике русских сказок Афанасьева. При всем том я сомневаюсь, русская ли это сказка. В собрании В. И. Даля, которым воспользовался Афанасьев, были, вероятно, также и сказки башкирско-киргизские, записанные Далем в Оренбургском крае от русских или даже от инородцев.

Д. К. Зеленин

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВА, ВСТРЕТИВШИЕСЯ В СКАЗКАХ

- Абрóдочку — *оброт, недоуздок.*
 Агрóмадный, агроматный — *громадный.*
 Азья́м — *верхняя мужская суконная одежда, род халата.*
 Айда́ — *иди, ступай. Айда-ка. Айда-те.*
 Аккуратная комната — *приличная, прилично обставленная.*
 Алé — *или.*
 Али́ — *или.*
 Апáй — *сестра, тётка (обращение к девице, башкирское слово).*
 Аржанóй — *ржаной.*
 Армя́к — *верхняя одежда; азиям.*
- Баба — *жена.*
 Ба́биться — *повивать, принимать новорожденного.*
 Баби́ца — *распутная женщина?*
 Бадажок, бадажочек — *палка пешехода, трость.*
 Ба́ет — *говорит.*
 Баи́ши — *говоришь.*
 Ба́ло — *особое приспособление для сгибания санных полозьев колес, гибало.*
 Ба́ршина — *место, где борются.*
 Ба́синький — *красивый.*
 Баско́й — *красивый. Не баско — не хорошо.*
 Бат — *большая лодка однодеревка.*
 Батько — *священник.*
 Бачько — *священник.*
 Баюнок — *эпитет кота.*
 Бегли — *бежали.*
 Безостаточно — *без остатка.*
 Бегунцов пускать — *устраивать скачки верховых лошадей.*
 Бедно — *обидно.*
 Бе́лька — *кликча собаки.*
 Береме́ — *охапка, ноша.*
 Берести́на — *кусок березовой коры.*
 Бе́стия — *бранное слово.*
 Биржо́вщики — *легковые извозчики.*
 Бисерт — *десерт.*
 Бла́знит — *чудится, мерещится, видится.*
 Бластится — *мерещится, чудится, видится.*
 Блудить — *плутать, сбиваться с прямой дороги.*
- Богатыри́ца — *женщина-богатырь.*
 Божни́ца — *полочка для икон в переднем углу избы.*
 Больно — *очень, весьма.*
 Большак — *старший в семье.*
 Большину дам — *главенство в доме, сделаю старшим, большаком.*
 Братанушка — *двоюродный брат; ласковое обращение к чужому.*
 Братоваться — *бороться.*
 Бра́урное платье — *траурное.*
 Буби — *бубны.*
 Бузовать кого — *сильно и много бить, драть.*
 Бурак — *берестяное ведёрко с деревянной крышкой.*
 Бу́хнулся — *упал с шумом.*
- Варна́к — *бранное слово. (Собственно: клейменный преступник).*
 Варовинный — *свитый из пеньки, из конопли.*
 Ва́ря — *вареное кушанье, горячее.*
 Вдарить — *ударить.*
 Вдруго́рядь — *другой раз.*
 Ве́реск — *треск.*
 Верéтейка — *холмик, горка.*
 Весоухая собака — *ротозейка, простофиля.*
 Вести́мо — *понятно.*
 Ве́чера — *вечером.*
 Вечеровала — *ужинала.*
 Вечер — *предсвадебная вечеринка.*
 Веща — *вещий?*
 В живности — *в живых, живого.*
 Взад пятки — *пятиться, отказывается от своего обещанья.*
 Взáмуж — *замуж, в замужество.*
 В западях — *взаперти.*
 Взбулгáчут — *обеспокоятся, зашевелиятся.*
 Винно́вый — *пиковый.*
 Виноход — *иноходец.*
 В крещену веру везти — *окрестить.*
 Вла́зина или вла́зины (мн.) — *пирушка по случаю новоселья, переход в новый дом.*
 Ско́лько мне влезет — *сколько угодно, сколь хочу, в полную свою волю.*
 Вникаться — *вчиняться, оспаривать, вчинять иск.*

Водить кого — бить.
 Во корень не пошел — совсем, совершенно не пошел, остановился.
 Во́рог — враг.
 Воспарение — пары.
 Вошь в голову покажу! — угроза отомстить.
 Враз — как раз, кстати.
 Всере́д — среди, в середине.
 В строк — срок, на определенное время.
 В хохолки рястреляли — на мелкие части.
 Вы́валились кони — пропали.
 Вы́гаркать — вызвать криком, вскричать.
 Выкопать глаза — ослепить.
 Вы́пелил язык — высунул.
 Вышка — чердак, место между потолком и крышей здания.
 Вьюноша — юноша.
 Га́ркать — звать кого криком, кричать.
 Гаркнул — крикнул, криком позвать кого.
 Гармази́ново сукно — кармазинное, красное.
 Ги́нуть — гибнуть, умирать.
 Глухая повозка — наглухо закрытая, так что сидящего в ней никому не видно. По народным рассказам, «в глухой повозке» отправляли прежде, неизвестно куда, тяжких политических преступников.
 Гляде́ча — смотреть. На реку по ниточке глядечи — удить рыбу.
 Глянуться — нравиться.
 Гнать — быстро ехать.
 Годови́чное — годовое, годичное, на год.
 Годовой работник — нанятый на год.
 Го́лбец — место под полом избы; подполье, подвал.
 Го́лбчик — полатцы около печи, под которыми устроен вход в голбец.
 Голицо́к — веник без листьев, употребляемый для метения пола.
 Голови́нка — голова.
 Голубиха — голубка, самка голубя.
 Голуны́ — галуны, нашивки военного чина.
 Голя́шка — голень и др.
 Гоните — поезжайте как можно быстрее.
 Гонит — быстро едет.
 Горесть — горечь (о горьком табачном дыме).
 Горноста́лька — горноста́й?
 Гости́нец — подарок.
 Грамотка — письмо.
 Грезить — дурачиться, дурить, озорничать.

Гру́дит деньги — загребает, собирает, копит.
 Грядка — у телеги: каждая из двух продольных жердей, образующих боковые края кузова.
 Грядка — в избе: брус под потолком, от печи до противоположной стены.
 Гулева́нка — любовница.
 Гулева́н — любовник.
 Гу́льбище — гулянье.
 Дворец — двор, особенно же двор при царском доме.
 Дворный генерал — придворный чин.
 Дво́рня — придворные.
 Дереви́нка — кусок дерева, палочка.
 Держать озеро — арендовать, откупить.
 Де́р, де́ру дать кому — отодрать кого, избить.
 Де́у (или Деу́) — по объяснению башкирско-сказочника: летающий человек с двумя крыльями; вроде лешаго или бисурьы, или же вроде русского Кащея.
 Дивня́жно — далеко.
 Дивове́жа — чудо, диво.
 Диется — делается.
 Дичяти́на — дичь.
 Доклад твой — ты будешь докладывать мне о всех приходящих.
 Докуль — докуда.
 Долгу́шка — тафтанас, экипаж с плетеным из прутьев кузовом.
 Домашность — домашняя обстановка.
 До рову — до рва.
 Доробный стакан — большой.
 Доспелось — случилось, приключилось.
 Доступа́л что — доставал, отыскивал, находил.
 Дохтур — доктор, врач.
 Дочитался — дочитал, продолжал читать.
 Дра́ло — убежали.
 Дружки — свадебные чины, распорядители на свадьбе; шафера.
 Дубасить — бить, хлестать.
 Дубовник — дубник, дубовый лес.
 Думшие — советники царские.
 Ела́нь — поляна.
 Ерофиевич — горькое вино, настоянное травами; настойка.
 Етта (Еттака) — здесь.

Жа́лится — жалуется.
 Жалеть кого — любить.
 Жа́мкнул — с жал, сдавил, стиснул.
 Жеребчишко — жеребенок-самец.
 Жига́ло — раскаленная железная палка для прожигания дыр в дереве.
 Жизнь — жизнь.
 Жи́ло — обитаемое место, где живут люди.

Заблудящий — заблудившийся, заплутаившийся.
 Зябура́нило — поднялась буря.
 Забе́дно — обидно, завидно.
 Зависно́й — завистливый.
 Заво́зня — большое крытое помещение для экипажей.
 Завтрик — завтрак.
 Зягляну́ться — понравиться.
 За́годя — заблаговременно, заранее.
 Зягужа́лся — замешкался, замедлил.
 Задо́ренка — живущая в задней улице деревни.
 Задожжа́л дожжик — пошел непрерывный и продолжительный дождь.
 Задок — сиденье в кузове экипажа (противопологается козлам).
 За́драл лошадь — ободрал кожу.
 За́ймка — дача, хутор; стоящий далеко от селения дом.
 За́ймуетца — занимается.
 Законвертить — запечатать в конверт.
 Закон — законная жена.
 За́личинка — род карниза у ворот; резной наличник.
 За́львина — речной залив.
 За́мшил — законопатил мхом.
 За́йкала — закричала: ой! ой!
 Западе́нка — маленькая западня.
 За подёржку — за подержание, в уплату за пользование.
 Запричи́нить — обвинить.
 Запроста́ла посуду — заняла, наполнила чем.
 За проходы — за ходьбу, «на чай».
 За́рится на что — с завистью смотреть.
 За́род — стог сена.
 За́решить кого — убить.
 Засовался в карман — стал искать рукою в кармане.
 Застона́й — застони, начни стонать.
 Засчи́та — зачёт? Льгота?
 Зау́тра — завтра утром. Зау́тро (?) — то же.
 Зау́тро — на другой день утром.

Збулга́чься — забеспокоились, возмутились, закопошились.
 Звоняйте — звоните.
 Згвал — гвалт, скандал.
 Здо́ровый — сильный.
 Здрить — зреть, смотреть. Здрел — зрел, смотрел.
 Зело́ — зло.
 Зелье — лекарство. Зельё — яд.
 Зипун — верхняя одежда. Зипунчик (уменьш.)
 Загни зипун — шуточно: сшуги, «отмочи» какую-нибудь штучку.
 Златни́ца — какая-то особенная золотая монета.
 Зна́мо — конечно.
 Знял — поднял. Знялся — поднялся.
 Зорька — коротенькая трубочка.
 Зыск — сыск, суд.
 Зьяет — сияет, блестит.

Игорнуть — сыграть.
 Избывать кого — желать смерти кого; высказывать пожелание, чтобы такой-то умер.
 Изматерить — выругать по-матерному, неприличною бранью.
 Изъезжаться над кем — издеваться, обижать кого.
 Искусил — вкусил, куснул, попробовал есть.
 Испаси́сь — приготовься.
 Испо́дь — низ, нижняя часть.
 Испужаться — испугаться.
 Исхитить кого — погубить.
 Ихий (ихова, иху) — ихний, принадлежащий им.

Кабан — стог сена.
 Каблук кроет — скрывает следы, укрывает кого (выражение пословичное).
 Кадрель — кадрили.
 Казёнка — отдельное помещение хозяина на судне.
 Как есть — непременно.
 Как требно быть — как нужно, как следует.
 Калбушка — обрубок.
 Калужина — большая лужа.
 Калякать — говорить, разговаривать, болтать.
 Карабута — эпитет вороны.
 Карда́ (башкирское слово) — загородка для скота; пригон.
 Каталажка — арестантская, темница.

Кикимора — злое и страшное существо, которое, поселившись в известном доме, совершенно выживает оттуда хозяев: оно кричит разными страшными голосами, с сильным стуком бросает невидимые вещи, бьет утварь и т.п.

Клокчет ворон — каркает

Клячик — небольшая палочка, которую закручивается и закрепляется веревка, связывающая воз дров, сена и т.п.

Кожура — кожа, шкура.

Кожуриночка — кожа, шкурка.

Козлуха, козлушка — коза самка.

Колесница — колея, выбоина от колес на дороге.

Кóлок — роца.

Кольшка — пегля; комок.

Кольчук — кольчуга?

Комóрка — сторож в волостном правлении.

Конёк — самый верх крыши здания.

Конопатка — небольшая лопатка, которую «конопатят», т.е. пробивают, затыкают паклей или мхом стены.

Кончать, кончить кого — убивать, убить.

Кончать — съесть.

Кончали — кончились.

Коробейка — ящик из луба, коробка.

Косачи игровые — токующие тетерева.

Костёр дров — большая поленница длинных дров.

Коты — род кожаной обуви.

Кóчень — кочерыжка, твердый стебель капустного вилка.

Кошма — войлок.

Крапивный — внебрачный.

Красный товар — мануфактура, суровской товар.

Крести — трефовая масть в картах.

Кривули — кривые палки с загибами.

Кривулястый — извилистый, с частыми изгибами.

Кропíлка — кропило, кисть для окропления.

Круто — скоро.

Крясла — кресла.

Кудёля — приготовленное к пряже (очесанное) волокно льна.

Куплял — покупал.

Курну́лся — окупнулся.

Курну́л его — окупнул.

Куфня — кухня.

Лагери — лагеря, стан.

Лада (м.) — муж.

Ладушка — супруг, муж. Ладушка — жена.

Лакейка — служанка, горничная.

Латка — особая посуда для жаренья.

Лачи — лакай, пей.

Левóрверт — револьвер.

Лётал — летал.

Лиза, лизия — удар по лицу, оплеуха, пощечина.

Лисафья — лиса.

Литовка — коса для косьбы сена.

Литовошник — продавец кос; косник.

Лóпоть — одежда.

Лунь — лунный свет? луна?

Лучок — лук для стрельбы.

Мáзнул по щеке — ударил, дал оплеуху.

Майдáн — башкирское общественное гулянье, на котором бывают скачки, состязание в бегах и в борьбе, и угощение вареным мясом.

Малáйко — мальчик (башкирское слово).

Маламáло — кое-как, немного, плоховато.

Малахáй — шапка с наушниками.

Мальчик — младенец (любого пола).

Маракую́ — немножко понимаю, умею.

Матка — жена священника, попадья.

Матка — матица, главная перекладина под потолком или под полом.

Мать — обращение мужа к жене, у которой уже есть дети.

Матюк — неприличная, «матерная» брань.

Махáн, махáнина — башкирское название мяса. В разговорах с башкирами это слово употребляют и русские.

Медведшик — вожак ученого медведя.

Мерёжки — сети.

Мертвяк — мертвец, покойник, труп.

Мершую бумагу — похоронную, свидетельство о смерти кого.

Метлесить — мелькает, мешается в глазах.

Метлячок — метелек, бабочка.

Мíлосливый — милостивый.

Мильш, милиш — возлюбленный, любовник.

Мир дорóгой — приветствие идущему при встрече, обычное в Пермской губ.

Мишенька — медведь.

Мленье — мнение, мысли, ум.

Могутный — могучий, сильный.

Молодушка — молодница, недавно вышедшая замуж женщина.

Молодяжник — *молодежь*.
 Морговать — *брезговать*.
 Морда — *верша; рыболовная снасть, сплетенная из прутьев*.
 Морился — *молился*.
 Мосол — *кусок мяса с костью*.
 Мотался — *не держал своего слова, не исполнял обещаний, обманывал*.
 Мужик — *муж*.
 Муравьище — *муравьиная кочка*.
 Мыздáчить — *бить, колотить*.
 Мырнуть — *нырнуть*.
 Мяхки — *караваи*.

Набойки — *доски, набиваемые на борта лодок*.
 Набедила — *набедокурила, провинилась*.
 На вершну — *верхом на лошадь*.
 На вески — *на виселицу*.
 На вести — *часовым, вестовым*.
 На волю — *на улицу, под открытое небо*.
 Нагáрканы — *названы, позваны*.
 Нагнали — *во множестве и быстро прибыли, приехали*.
 Наджидать — *поджидать, ждать*.
 Надписация — *надпись*.
 На жертву — *в пищу, для еды*.
 Наказат солнышко — *близко к закату, садится, скоро закатится*.
 На золоте — *вызолочено, фаззолочено*.
 На испытущу — *для испытанья*.
 Найдёныш — *найденный ребенок, подкидыш*.
 Наклад — *убыток*.
 Напарья — *особое сверло для сверленья больших отверстий*.
 Напахнулсá — *набежал, кинулся на кого*.
 Напахнул добрый ум — *пришла в голову добрая мысль*.
 Наперво — *прежде, сначала*.
 Нарушítь кого — *убить*.
 Наслáты — *настланы*.
 На сокроту — *на послушание? Под арест?*
 Натáкаться на кого, на что — *наткнуться, встретиться*.
 Натопить трав — *напарить*.
 Натóркала — *туго наполнила, набила*.
 Находит на кого — *походить*.
 Находный — *найденный, находка*.
 На укидку бросить — *подняв сначала на воздух; броском, кидая*.

Начередítь — *изготовить как следует, очистить птицу от кишок*.
 Начитаюсь — *считаюсь, слышу кем*.
 Небаскáя — *некрасивая*.
 Недобром заревели — *изо всей силы, во все горло, благим матом*.
 Не в кою пору — *скоро*.
 Не есть — *не только что*.
 Немогу́ — *болею, больна*.
 Немская — *немецкая*.
 Не подобается — *не подобает, не прилично*.
 Непросужий — *глупый, дурной*.
 Несчастные — *арестанты*.
 Нётина — *зелень, листья репы*.
 Нётука — *нет*.
 Нехристь — *не христианские страны*.
 Нечестно — *с дурными намерениями*.
 Ночным бытóm — *ночью*.

Обважживать — *надевать вожжи*.
 Обвоз — *обоз*.
 Обворотись кем — *обернись, превратись в кого*.
 Обворотиться — *воротиться*.
 Обветился — *поощелался, дал обет*.
 Обвет — *обет, обещанье*.
 Обгудать кого — *обмануть*.
 Обдул — *надул, обманул*.
 Обделал — *обманул*.
 Обихаживать — *очищать, приводить в порядок*.
 Обиходить — *очистить, привести в порядок*.
 Обиход делает — *чистит, очищает*.
 Не обиход — *нечистота, беспорядок*.
 Обледевóнить — *обесчестить, обругать женщину неприличным словом*.
 Обносилсá — *износил всю свою одежду*.
 Обношу милостину — *подаю нищим*.
 Обознал — *опознал, узнал*.
 Оботкять кого — *обмануть*.
 Обрачу — *ворочу, пришлою обратно*.
 Натáкиться на кого, на что — *наткнуться, встретиться*.
 Обряд — *наряд, одежда*.
 Обызьянила меня — *ввела меня в убыток (изъян)*.
 Оввернулась кем — *обернулась, превратилась в кого*.
 Овворотись кем — *обернись, превратись в кого*.

- Огладь — погладь.
 Огложал меня — съел мою пищу.
 Оголожали — сильно проголодались.
 Ограда — двор.
 Оградка — двор.
 Одадь — вдали, в стороне.
 Одинова — однажды.
 Однако — одинаково.
 Оживела — ожила.
 Озадки — отговоры, отступление от данного слова.
 Озерина — озеро. Озеринка — озерко, небольшое озеро.
 Окладную бороду — накладную, искусственную.
 Оконь — окна.
 Опара — кислое тесто, квашня.
 Описка — опись имущества (за долги).
 Осот — сорная трава в хлебе.
 Оставший — оставшиеся, остаток.
 Остожье — изгородь вокруг сеного стога.
 Отгáркиваться — откликаться на зов, отзываться.
 Отдáрки — подарки в ответ на подарки же.
 Отец — обращение жены к мужу, имеющему детей.
 Отказать кому что — завещать, отдать в наследство.
 Откуль — откуда.
 На отмахку бей — отмахиваясь, прочь от себя.
 Оттоль — оттуда.
 Отчекут — отсекут.
 Охаживать кого — бить.
 Очаг — подтопок, род печи для варки пищи в котле или на тагане.
 Пади́на — дохлая скотина, пададь.
 Пал — быстро сел, чтобы ехать.
 Паска — Пасха.
 Перво — сначала, прежде.
 Перевёртышек — оборот, круг.
 На пересечку — пересекая дорогу.
 Пестерюшка — кузовок.
 Пестрядь — пестрая ткань.
 Печатная сажень — обыкновенная мерная (в отличие от маховой сажени, неполной).
 Печурка — углубление в наружной стене печи.
 Пешки — шашки, пешельница — доска для игры в шашки.
 Пешня — лом, которым ломают лед на реке.
 Плант — план.
 Пласнул кого — сильно ударил, выстрелил.
 Плашка — огниво; стальная пластинка для высеканья огня кремнем.
 Плюнуть кого — ударить.
 Побаял — поговорил.
 Побратоваться — побороться, выйти на поединок.
 Погáркал — позвал криком, покричал.
 Поглянётся — понравится.
 Погода — дождь, буря, несчастье.
 Подаваться — подвигаться вперед, продолжать свой ход.
 Подался — продвинулся вперед.
 Подгаркал — подозвал криком.
 Подгоношить — приготовить.
 Под довизóром — под дозором, с караульными.
 Подклеть — брачное ложе молодых.
 По изотчеству величал — по отчеству.
 Подогнал — быстро подъехал.
 Пододраться — придраться, найти неправильность.
 Подóлит — одолеет, осилит, поборет.
 Подпал к кому — подольстился, уговорил кого.
 Под ташки — «под пазухи», под мышки.
 Подтибрила — украла.
 Подтюремок, подтюремный замок — тюрьма, темница.
 Позорил — разорил.
 Покроме — кроме.
 Покуль — покуда, пока. Покульча — покуда.
 Пóлоз — удав.
 Полоухий — фотозей, бестолковый.
 Польснуть — сильно ударить. Польщит кого — бьет, колотит.
 Помокчи — помочь.
 Понюжать — понужать, бить.
 Попелочки — пепел.
 Поперёшна — несговорчивая, спорливая, любящая возражать и противоречить.
 Попустился долгу — отказался от получения долга.
 Порат — парадное крыльцо.
 Порóбили — поработали.
 Поровнаку — поровну.
 Портняга — портной.
 Порешу — уничтожу.
 Посокроче — построже.
 Посописа — поиграй в дудку.

Постоялка — *содержательница постоянного двора.*

Посулиться — *пообещаться.*

Пóтоп — *топот.*

Потыкаться — *спотыкаться.*

Похитка — *грабеж, разбой; убыток, потеря.*

Пóчал — *начал. Почала — начала.*

Почулося — *послышалось.*

Пощё — *почему.*

Правильное крыло — *показывающее путь, дорогу куда.*

Прежён — *жарен.*

Пригаркивают — *подзывают к себе криком.*

Пригнал — *быстро приехать. Пригонит — быстро приедет.*

Пригоношил — *приготовить.*

Пригón — *загородка для скота.*

Пригоняет — *быстро приезжает.*

Придорожнички — *хлебы, печенье на дорогу.*

Прильстился — *подольстился, пристал.*

Принаследно — *надлежит, нужно, требуется.*

Припас (охотничий) — *дробь и порох.*

Природство — *родня, родственники.*

Прислáто — *прислано.*

Пристать — *сильно устать, утомиться.*

Пробузовáть кого — *сильно отколотить, отодрать.*

Пробурлить — *просверлить.*

Провáлище — *пропасть, глубокая яма.*

Проклáдная жизнь — *спокойная жизнь.*

Пропитал — *пропитание.*

Проробить — *проработать.*

Просмешник — *насмешник.*

Простяк — *простое вино.*

Против чего — *по сравнению с чем, не хуже чего.*

Преют — *наряются, жарятся.*

Пых — *нагрянет, быстро явится; нагрянули, явился.*

Пятистенный дом — *разделенный на две больших половины капитальной стеною.*

Разбойство — *разбой.*

Разважживай — *снимай вожжи.*

Разводить гряды — *водить под уздцы лошадей при распашке огородных гряд; показывать, где провести борозды.*

Разгулка — *прогулка.*

Размухлынился — *всклокочил волосы на голове, растрепал волосы.*

Раскатать дом — *разнести по бревна.*

Раскуберить — *раскупорить.*

Раставралась — *обессилела, истомилась, растянулась.*

Расщурь глаз — *раскрой, смотри во весь глаз.*

Релец — *виселица.*

Ремонты — *товары? Заказы? Торговые поручения?*

Решить что — *потратить, промотать.*

Решетка — *корзинка.*

Рóбить — *работать.*

Ровно кочень — *закоченела, замерзла.*

Россо́ха — *деревянная часть пахотной сохи с раздваивающимися концами.*

Ростани — *место, где расходятся или перекрещиваются две или несколько дорог.*

Рукотер, рукотёрка — *полотенце или тряпка для утиранья рук.*

Рык — *овраг*

Рыхнулась — *рехнулась, обезумела.*

Сабан — *род плуга.*

Салотопщик — *рабочий на салотопном заводе.*

Самопахарь — *плуг, пахущий землю без помощи особого двигателя.*

Сарык — *башкирская обувь, чарки.*

Сбрела — *схватила.*

Свалка — *склад; место, где сваливают товары с возов.*

Сверстаться — *с равняться с кем.*

Свильнула — *свернула в сторону.*

Свиск — *свист.*

Свиснуть кого — *ударить.*

Своробливый — *чесоточный.*

Светное платье — *цветное.*

Связь — *длинное бревно.*

Сгоношить самовар — *поставить, приготовить чай.*

Сгорюхнулся — *загоревал, опечалился.*

Сенот — *Сенат.*

Серебрушка — *серебряная монета.*

Середа — *место около печи в избе.*

Сизпотíха — *понемногу, постепенно, не сразу.*

Сила — *войско.*

Силом — *силой, насильно.*

Сиянной — *волосяной, из конского волоса.*

Сима — *бечевка.*

Синочка — *синица (птица).*

Складень, складешок — *карманный нож, складывающийся подобно перочинному ножу.*

- Скласть хлеб — *скласть, сложить в скирды.*
 Склооть — *беспокойство, хлопоты, суматоха.*
 Сколя — *сколь, сколько.*
 С конца (сказки) — *с начала.*
 С копылков долой — *с ног долой, упал.*
 Скрывать — *вскрывать, открывать.*
 Скуртюжил — *окрутил, туго стянул, связал.*
 Служилый — *солдат.*
 Слых — *слух, весть.*
 Следно — *следует, должно.*
 С маху — *очень быстро, без промедления.*
 Смаху — *без отдыха, без передышки.*
 Снасть — *сбруя.*
 Сном не знаю — *и во сне не видал ничего подобного, совсем не знаю.*
 Собрался кем — *оделся, нарядился.*
 Собрата — *собрана.*
 Сообщить вместе — *сочетать браком.*
 Сопиться — *играть на дудке.*
 Сороковушка — *бутылка водки, 1/40 ведра.*
 Сосить ребенка — *кормить грудью.*
 Сотельна — *сторублевая бумажка.*
 Сохатый — *лось.*
 Сохлый — *высохший, сухой.*
 Ссадить кого — *убить пулей.*
 Станица лебедей — *вереница.*
 Станушка — *нижняя женская рубаха.*
 Станция — *расстояние между двумя остановками в пути.*
 Стан — *временное жилье в поле.*
 Статуй (м.) — *статуя.*
 Стегать — *бить.*
 Стравим — *скормим.*
 Страсть — *страх.*
 Страшная буря — *страшная, очень сильная.*
 Стреваетца — *встречается.*
 Стрехулёт — *строкулист, приказный, писец.*
 Струменилась — *сосредоточила внимание на чем?*
 Струмено — *стреля.*
 Стрелец — *охотник.*
 Стряпка — *повариха, кухарка, прислуга.*
 Стуло — *стул.*
 Стяг — *кол, шест. Стяжок (уменьш.).*
 Судяживам — *сдерживаем, останавливаем.*
 Сужалел кого — *пожалеть.*
 Сусек — *закром в амбаре.*
 Сучинить драку — *затянуть, начать.*
 Сушина — *сухоподстойное дерево.*
 Счунуться — *связаться, начать.*
- Сшибчи — *шибить.*
 С однава — *сразу, разом.*
 Сырая — *женщина после родов.*
 Сырняк — *сырые дрова.*
 Сытый — *жирный, толстый.*
 Сясь — *сесть. Сял — сел.*
- Талинник — *кусты ивы.*
 Тамока — *там.*
 Тачил тебе — *советовал.*
 Трёхверховый — *в три вершка толщиной.*
 Ташил — *в разговорах с башкирами: принёс, привёз, привёл.*
 Тварь — *змея.*
 Тёнькнул — *ударил.*
 Тесла — *плотничье орудие вроде топора, но с острием, поставленным не вдоль, а поперек рукоятки.*
 Тесак — *тесак, короткая сабля.*
 То — *тогда.*
 Толстоголяхия — *с толстыми голенями.*
 Теперека, топеречь — *теперь.*
 Топучее болото — *топкое.*
 Тóрнул — *ударил обо что.*
 Тошнее того — *еще хуже, дряхлее.*
 Трахнулся — *повалился, завалился.*
 Требушина — *желудок, брюховина.*
 Трёхсосённый — *из трех сосен.*
 Трещоба — *трусоба.*
 Трутовары — *тротуары.*
 Туес — *бурак, берестяное ведро с крышкой.*
 Тулово — *туловище.*
 Гулпар — *у башкир: мифический конь необыкновенной, чудесной быстроты.*
 Тутака — *тут.*
- Убыр — *у башкир: упырь, жадный, ведьма, колдунья.*
 Уважаетца — *угощается.*
 Уважать кого — *угощать.*
 Уверять на что — *доверять, верить чему.*
 Угибало — *уго раздило.*
 Угнали — *ускакали, быстро уехали.*
 Угор — *косогор, склон горы.*
 Ужасился — *ужаснулся, испугался.*
 Ужастился — *ужаснулся.*
 Ужна — *ужин.*
 Улещался — *льстиво обходился, льстил.*
 Умоленный — *обычный эпитет монахов и монахинь: богомольный, благочестивый?*

Умственные затевья — умные.
 Урал — дикое, необитаемое место.
 Уральные места — дикие, необитаемые.
 Успокоил — убил.
 Утрафить — потрафить, угодить.
 Ухайкать кого — сильно избить, измучить.
 Ухватище — рукоятка ухвата.
 Уходить кого — убить.
 Ухорез — бойкий и храбрый молодец; головорез.
 Ученик — учитель.
 Учула — услышала.

Фалетор — форейтор.
 Фартамарка — железная круглая печь.
 Фатера — квартира. Фатерой ко мне — на квартиру ко мне.
 Фатеровать — стоять на квартире.
 Фитилёк горит — плошка с жиром, каганец?
 Фрейлина — красивая девица.
 Фырнуть — бросить, кинуть.
 Фырскать кого — брызгать на кого.
 Фырскнуть — брызнуть.

Харчок — мокрота при кашле.
 Хахель — любовник.
 Хитить — губить.
 Хитник — похититель, разбойник.
 Не хихи — не шутка, не смехом.
 Хлеботня — жидкое кушанье, суп.
 Хлыстик — бич, кнут.
 Ходок — тарантас, легкий экипаж с плетеным кузовом.
 Хозяин — муж.
 Хозяйка — жена.
 Хохлуша — простофиля, фотозей.
 Хряпужить — обращаться с кем дерзко, нагло.
 Хрёсна — крестная мать.
 Хрёсный — крестный отец.
 Хрушка — крупная.

Цыма! — окрик на собаку: прочь!
 Цоловальник — целовальник, сиделец, продавец вина.

Чебак — плотва, сорога (рыба).
 Чеботарь — сапожник.
 Черёва — желудок, брюховина.
 Черевáста — беременна.
 Четверушка — мера хлеба, равная четвертик.
 Четверуха — то же.

Четь — четвертая часть.
 Чигунный — чугунный.
 Чирля — род яичницы, кушанье.
 Чисто — совсем почти.
 Чиступчетый — шуточный эпитет поросенка.
 Чувал — род камина, какие прежде были в башкирских избах.
 Чушь — слышь (-говорит).

Шайтан — нечистый дух, дьявол.
 Шаркнуть, шабаркнуть — сильно ударить.
 Шатровый верх крыши — без конька, круглый, на четырёх скатах.
 Шебарчить — производить шорох, шум.
 Ширина — коровья кожа, в каких прежде перевозили тюки чая.
 Ширинка — полотенце.
 Ширинка — шеренга, линия.
 Шосток — плита перед кухонною печью.
 Шосток, шосточек — загороженное решеткой место под печкой или под лавкой, где держат зимнюю домашнюю птицу.

Этта — здесь.

Яга — шуба из козлиной или собачьей кожи мехом вверх.
 Янтари, яндари золотые — бусы.
 Яр — крутой берег, обрыв.
 Ярышка — служитель при полиции.
 Ятный день — ясный.

Содержание

От сказочной комиссии	1
К юбилейной книге «Великорусские сказки Пермской губернии».....	2
Ванюшка	4
Марфа царица и Иван крестьянский сын	9
Царь-девица	15
Иван купеческий сын	19
Иван-царевич и Елена Прекрасная	26
Мишка Котома конюх и Катун-девица	32
Петра-королевич	37
Иван солдатский сын	43
Федор Бурмакин и Вавилонское царство	50
Побывальщина	54
Илья Муромец	58
Володька купеческий сын	62
Боба-королевич	66
Микула-Шут	70
Чудо лесное	73
Солдат и смерть	77
Иван-дурак	80
Ларокопий-царевич	83
Лягушка и Ипат	86
Золотой кирпич	89
Стрехулет	92
Дядя с племянником	94
Солдат учит чертей	96
Николай Чудотворец порукой	99
Медведко или постоялый медведь	100
Калужина и ямщики	102
Загадки	104
Вася да Ваня	106
Кожа медвежья-лицо человежье и Сам с ноготок-борода с локоток	108
Про Елену Красоту Золотую Косу	110
Кот и Собалек	112
Вор Ванька	113
Морока	118
Ловкий вор	120
Чудесное подземелье	122
Колдун и его ученик	124
Кузнец и черт	127
Купеческий сын и чудилище на стеклянной горе	128
Морока	131
Бесстрашный солдат	132
Веселый	134
Иван Несчастный	135
Восковые статуи	137
Смех и горе	138

Сказка о Дуньке-дурке и Ясном Соколе	143
Сказка о коте и решете	146
Сказка о старике и старухе	147
Брат и сестра	148
Кошечка-золотые сережечки	151
Девушка-снегурочка	153
Морозко	155
Волк и крестьянин	159
Козонька	161
Липовая нога	162
Редька	163
Репка	164
Кот, петух и лисица	166
Иван-царевич и молодая молодичка	168
Иван-дурак и Баба-яга	171
Заяц и лисица	172
Козел и козлушка	174
Щука да елец	176
Журавль да синичка	176
Сказка про белого быка	176
Сказка о Наполеоне	177
Черт заимодавец	180
Князь киевский Владимир и Илюшка сын матросов	182
Золотая гора	184
Купеческий сын	186
Поди туда, неведомо куда	188
Три брата	191
Убыр	194
Старик и Деу	196
Водяная девица	198
Быжырмарган	200
Алеука	202
Золотая бабка	204
Обманщик	208
Мещерякская сказка	209
Петр великий и три солдата	211
Присказка	213
Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии	215
Словарь	228

Литературно-художественное издание

Великорусские сказки Пермской губернии

Составитель Д.К.Зеленин

Редактор Борис Эренбург

Исполнительный редактор Ирина Тарасова

Художественный редактор Екатерина Васильева

Дизайн и верстка Евгения Тесленко

Иллюстрации Вадим Файзулин

Предисловие Николаев Ю.К.

Издательство «Сенатор»

Адрес издательства:

614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21

Тел.: (342) 212-32-17, 212-70-69

senator@permplanet.ru

senator.perm.ru

© Вадим Файзулин, художник, 2014

© Борис Эренбург, издатель, 2014

© Издательство «Сенатор», составление, оформление, 2014

